

ISSN 1857-1999

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

*Moldavian Journal
of International Law
and International Relations*

*Молдавский журнал
международного права
и международных отношений*

*Nr. 3
2012*

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

Publicație periodică științifico-teoretică
și informațional-practică fondată de
Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:
Institutul de Istorie, Stat și Drept
al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova,
Asociația pentru Politică Externă
și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Înregistrată de către Camera Înregistrării de Stat
de pe lângă Ministerul Justiției al Republicii Moldova
Certificatul nr. MD 000039
din „04,, august 2009

Apare din 2006 de 4 ori pe an
Nr. 3 (25), 2012
ISSN 1857-1999

REDACTOR-ȘEF:
BURIAN Alexandru
doctor habilitat în drept, profesor universitar

SECRETAR ȘTIINȚIFIC:
CHIRTOACĂ Natalia
doctor în drept, conferențiar universitar

CONSILIUL REDACȚIONAL:
ANGEL Jose Luis IRIARTE, doctor în drept, prof. universitar (Spania);
ARHILIUC Victoria, doctor habilitat în drept, profesor cercetător (Italia);
ABASHIDZE Aslan, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Rusia);
BALAN Oleg, doctor habilitat în drept, profesor universitar (Moldova);
BENIUC Valentin, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
BOSHITSKY Iuryi, doctor în drept, profesor universitar (Ucraina);
FUEREA Augustin, doctor în drept, profesor universitar (România);
HEINRICH Hans-Georg, doctor în drept, prof. universitar (Austria);
KAPUSTIN Anatolii, doctor habilitat în drept, prof. universitar (Rusia);
MAZILU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
NAZARIA Sergiu, doctor habilitat în științe politice (Moldova);
POPESCU Dumitru, doctor în drept, profesor universitar (România);
ROȘCA Alla, doctor habilitat în științe politice, prof. universitar (SUA);
SEDLIȚCHI Iurie, doctor în drept, profesor universitar (Moldova);
TIMCENCO Leonid, doctor habilitat în drept, prof. universitar (Ucraina)

REDACȚIA:
CHINDÎBALIUC Oleana (redactor)

ADRESA NOASTRĂ:
Republica Moldova, mun. Chișinău,
str. Gh. Iablocikin, 2/1, bir. 305, MD 2069.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;
<http://www.rmdiri.md>

Indexul poștal: PM 32028

Formulările și prezentarea materialelor nu reprezintă întotdeauna
poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția.

Responsabilitatea asupra conținutului articolelor
revine în exclusivitate autorilor.

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional
și Relații Internaționale”, 2012.

Toate drepturile rezervate

SUMAR

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

- **ABAȘIDZE Aslan, SOLNTEV Alexandr.** Codificarea dreptului internațional: sfârșitul unei epoci înfloritoare? (Кодификация международного права: конец прекрасной эпохи?).....5
- **SÂRCU Diana.** Rolul actului jurisdicțional internațional.....17

DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT

- **CHIRTOACĂ Leonid.** Aspecte privind limitarea dreptului de proprietate privată prin intermediul instituției exproprierii.....30
- **SOSNA Boris, BOSÎI Dmîtrii.** Implementarea normelor internaționale privind reglementarea protecției și asigurării sociale (Имплементация международных норм, регулирующих социальную защиту и социальное обеспечение).....39

RELATII INTERNAȚIONALE

- **BURIAN Cristina.** Evoluția politicii europene de imigrare (La evolución de la política europea en materia de inmigración).....53

TRIBUNA DOCTORANDULUI

- **CAZAC Octavian.** Spre un concept atotcuprinzător al rezoluțiunii și rezilierii contractului (Towards a comprehensive concept of termination of contracts).....75
- **PÎRLOG Vitalie.** Reglementările internaționale privind libertatea de exprimare.....93
- **ROȘCA Valentin.** Tipuri și forme ale agresiunii în dreptul internațional.....100

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

- **CARA-RUSNAC Aliona.** Migrarea cetățenilor Republicii Moldova pe teritoriul Uniunii Europene versus Federația Rusă (Migration of the Moldovans within European Union borders Vs Russian Federation).....111
- **CHIMERICIUC Nicolae.** Definiția diplomației economice în teoria relațiilor internaționale.....119
- **EDGAROVA Ivanna.** Dezvoltarea politicii comune a Uniunii Europene privind pescuitul (Развитие правового обеспечения общей рыбохозяйственной политики Европейского союза).....124
- **TARASOVA Ludmila.** Definiția juridică a conceptului de „validitate” (О правовой дефиниции понятия «правомерность»).....130

TRIBUNA DISCUȚIONALĂ

- **CIOBANU Ion.** Probleme și soluții privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului totalitar comunist și a simbolicii (secerea și ciocanul).....137
- **STÎKALIN Alexandr.** Conflictul dintre România și Ungaria privind Transilvania, în contextul creșterii tensiunii în relațiile sovieto-germane în ajunul declanșării situației din Balcani (1940 – iunie 1941) / Конфликт между Румынией и Венгрией вокруг Трансильвании в контексте растущих советско-германских противоречий в преддверие Балкан (1940 – июнь 1941 г.).....143

RUBRICA REVISTEI

- Consiliul redacțional al revistei „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....174
- Date despre autori.....178
- Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”.....182

**MOLDAVIAN JOURNAL
OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

Scientific-theoretical and information-practical
periodical publication founded by
Association of International Law from the Republic of Moldova

Co-founders:

Institute of History, State and Law
of the Academy of Sciences of Moldova,
The University of European Studies of Moldova,
The Moldavian State Institute of International Relations,
The Association of Foreign Policy
and International Cooperation from the Republic of Moldova

Registered with State Chamber of Registration
of Ministry of Justice of the Republic of Moldova
Certificate Nr. MD 000039
"4", August 2009

Published quarterly
No. 3 (25), 2012
ISSN 1857-1999

EDITOR –IN – CHIEF:
BURIAN Alexander

Doctor Habilitat of Law, Full Professor

SCIENTIFIC SECRETARY:
CHIRTOACA Natalia

Doctor of Law, Associate Professor

EDITORIAL BOARD:

ANGEL Jose Luis IRIARTE, Doctor of Law, Professor (Spain);
ARHILIUC Victoria, Doctor Habilitat of Law, Professor (Italy);
ABASHIDZE Aslan, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
BALAN Oleg, Doctor Habilitat of Law, Professor (Moldova);
BENIUC Valentin, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
BOSHITSKYI Iurii, Doctor of Law, Professor (Ukraine);
FUEREA Augustin, Doctor of Law, Professor (Romania);
HEINRICH Hans-Georg, Doctor of Law, Professor (Austria);
KAPUSTN Anatoly, Doctor Habilitat of Law, Professor (Russia);
MAZILU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
NAZARIA Sergei, Doctor Habilitat of Political Science (Moldova);
POPESCU Dumitru, Doctor of Law, Professor (Romania);
ROSCA Alla, Doctor Habilitat of Political Science, Professor (USA);
SEDLITSCHI Yuri, Doctor of Law, Professor (Moldova);
TIMCHENKO Leonid, Doctor Habilitat of Law, Professor (Ukraine)

EDITORSHIP:

KINDIBALYK Olyana (editor)

OUR ADDRESS:

MD-2069, The Republic of Moldova, Chisinau, of. 305,
2/1 Ghenadie Iablocikin str.
Tel. (37322) 23.44.17; Fax: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandruburian@yahoo.com; alexandruburian@mail.ru;
<http://www.rmdiri.md>

Edition index PIN: PM 32028

The views of Editors do not necessarily coincide
with the opinions of the authors.

The responsibility for the authenticity and accuracy of the facts in the
published articles rests with the authors.

© Moldavian Journal of International Law
and International Relations, 2012.
All rights reserved.

CONTENTS

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- **ABASHIDZE Aslan, SOLNTSEV Alexandr.** The codification of International Law: End of Beautiful Era?.....5
- **SARCU Diana.** The role of International Judicial Act.....17

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

- **CHIRTOACA Leonid.** Some aspects about restriction of private ownership through the institution of expropriation.....30
- **SOSNA Boris, BOSII Dmitrii.** Implementation of international norms, regulating social protection and social ensuring.....39

INTERNATIONAL RELATIONS

- **BURIAN Cristina.** The evolution of European Immigration Policy.....53

THE TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

- **CAZAC Octavian.** Towards a comprehensive concept of termination of contracts.....75
- **PIRLOG Vitalie.** International legal regulation of freedom of expression.....93
- **ROSCA Valentin.** Types and forms of aggression in International Law.....100

THE SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

- **CARA-RUSNAC Aliona.** Migration of the Moldovans within European Union borders Vs Russian Federation.....111
- **CHIMERCHIUC Nicolae.** Definition of economic diplomacy in the theory of international relations.....119
- **EDGAROVA Ivanna.** The development of the Common Fisheries Policy of the European Union.....124
- **TARASOVA Liudmila.** On the legal definition of the concept of „validity”.....130

THE TRIBUNE OF DISCUSSION

- **CIOBANU Ion.** The problems and the solutions of historical, political and juridical appreciation of communist totalitarian regime and symbolic (sickle and hammer).....137
- **STIKALIN Alexander.** The conflict between Romania and Hungary over Transylvania in the context of growing Soviet-German tensions on the eve of the Balkans (1940 – June 1941).....143

OUR JOURNAL

- Editorial board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....174
- About authors.....178
- Requirements to papers for publication in the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”.....182

**МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научно-теоретический и информационно-практический
периодический журнал, основанный
Ассоциацией международного права Республики Молдова

Соучредители:

Институт истории, государства и права
Академии наук Молдовы,
Европейский университет Молдовы,
Молдавский государственный институт
международных отношений,
Ассоциация внешней политики
и международного сотрудничества Республики Молдовы

Зарегистрирован Государственной Регистрационной Палатой при
Министерстве юстиции Республики Молдова
Сертификат № MD 000039
от «4» августа 2009 года

Выходит с 2006 года. Издаётся 4 раза в год

№ 3 (25), 2012 год.

ISSN 1857-1999

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

БУРИАН Александр
доктор юридических наук, профессор

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КИРТОАКЭ Наталия
кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АНХЕЛ Хосе Луис **ИРИАРТИ**, доктор права, профессор (Испания);
АРХИЛЮК Виктория, доктор юрид. наук, профессор (Италия);
АБАШИДЗЕ Аслан, доктор юрид. наук, профессор (Россия);
БАЛАН Олег, доктор юридических наук, профессор (Молдова);
БЕНЮК Валентин, доктор политических наук (Молдова);
БОШИЦКИЙ Юрий, доктор права, профессор (Украина);
КАПУСТИН Анатолий, доктор юрид. наук, профессор (Россия);
МАЗИЛУ Думитру, доктор права, профессор (Румыния);
НАЗАРЯ Сергей, доктор политических наук (Молдова);
ПОПЕСКУ Думитра, доктор права, профессор (Румыния);
РОШКА Алла, доктор политических наук, профессор (США);
СЕДЛЕЦКИЙ Юрий, кандидат юрид. наук, профессор (Молдова);
ТИМЧЕНКО Леонид, доктор юрид. наук, профессор (Украина);
ФУЕРЕА Августин, доктор права, профессор (Румыния);
ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг, доктор права, профессор (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

КИНДЫБАЛЮК Оляна (редактор)

НАШ АДРЕС:

ул. Г. Яблочкин, 2/1, оф. 305, мун. Кишинёв,
Республика Молдова, MD 2069
Тел. (37322) 23.44.17; Факс: (37322) 43.03.05
e-mail: alexandrurburian@yahoo.com; alexandrurburian@mail.ru;
<http://www.rmdiri.md>

Почтовый индекс: RM 32028

Мнения редакции не обязательно совпадают
с мнениями авторов публикаций.

Ответственность за точность проводимой информации
и изложение фактов лежит на авторах.

© «Молдавский журнал международного права
и международных отношений», 2012.

Все права зарегистрированы.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- **АБАШИДЗЕ Аслан, СОЛНЦЕВ Александр.** Кодификация международного права: конец прекрасной эпохи?.....5
- **СЫРКУ Диана.** Роль международного судебного акта.....17

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- **КИРТОАКЭ Леонид.** О некоторых аспектах ограничения права частной собственности посредством института экспроприации...30
- **СОСНА Борис, БОСЫЙ Дмитрий.** Имплементация международных норм, регулирующих социальную защиту и социальное обеспечение.....39

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- **БУРИАН Кристина.** Эволюция европейской иммиграционной политики.....53

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- **КАЗАК Октавиан.** К вопросу о всеобъемлющей концепции расторжения договора.....75
- **ПЫРЛОГ Виталие.** Международно-правовое регулирование свободы выражения мнения.....93
- **РОШКА Валентин.** Виды и формы агрессии в международном праве.....100

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- **КАРА-РУСНАК Алёна.** Миграция молдаван на территорию Европейского союза по сравнению с Российской Федерацией...111
- **КИМЕРЧУК Николай.** Определение экономической дипломатии в теории международных отношений.....119
- **ЕДГАРОВА Ивана.** Развитие правового обеспечения общей рыбохозяйственной политики Европейского союза.....124
- **ТАРАСОВА Людмила.** О правовой дефиниции понятия «правомерность».....130

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- **ЧОБАНУ Ион.** Проблемы и решения исторической, политической и юридической оценки тоталитарного коммунистического режима и символики (серп и молот).....137
- **СТЫКАЛИН Александр.** Конфликт между Румынией и Венгрией вокруг Трансильвании в контексте растущих советско-германских противоречий в преддверие Балкан (1940 – июнь 1941 г.).....143

О НАШЕМ ЖУРНАЛЕ

- Редакционный совет „Молдавского журнала международного права и международных отношений”.....174
- Наши авторы.....178
- Требования к оформлению статей для публикации в «Молдавском журнале международного права и международных отношений».....182

DREPT INTERNAȚIONAL PUBLIC

**КОДИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА:
КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ?**

*И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут -
тут конец перспективы.*

И. Бродский

Аслан АБАШИДЗЕ*

Александр СОЛНЦЕВ**

РЕЗЮМЕ:

**THE CODIFICATION OF INTERNATIONAL LAW:
END OF BEAUTIFUL ERA?**

The codification of international law is a hallmark of strengthening of international law as a system in the twentieth century. The role of the conventional rules in the system of its sources is increasing as the codification of various sectors and areas of international law.

The codification in the doctrine of international law is a form of systematization of norms of international law, principally, of customary law, carried out by their comprehensive treatment, including the exclusion of obsolete, rules that are no longer apply in practice, elimination of internal contradictions and obvious gaps. Creation of a system of interconnected better combined and progressive international legal act (usually a draft of international treaty) is the result of codification.

Specific norms of concrete branch of international law or norms of its different branches and spheres, regulating close, interdependent relationship in accordance with the level of justice for the given period are combined on high quality of the regulatory framework as a result of codification. Moreover, the rules themselves are more precisely formulated. The achievement of a higher degree of order, clarity and better quality of rules of due behavior in itself shoes a positive impact on the effectiveness of international law in general.

An awareness of the need for reform the process of codification of international law in order to adapt it to the realities of the XXI century is maturing in the scientific community as a whole. The authors of this article hope that the above considerations will encourage the constructive discussion among academics and practitioners on how to return to the era of the heyday of the Commission in the field of the codification and progressive development of international law.

Key words: *codification, International Law, doctrine, norms of international law, UN International Law Commission, legal science, contracting rules.*

* **ABASHIDZE Aslan** - Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Moscow, Federația Rusă); **ABASHIDZE Aslan** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law PFUR, The Peoples' Friendship University of Russia, Vice-Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (The Russian Federation, Moscow); **АБАШИДЗЕ Аслан** – Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права РУДН, Вице-Председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Российская Федерация, Москва).

** **SOLNTEV Alexandr** - Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Ruse de Prietenie a Popoarelor (Moscow, Federația Rusă); **SOLNTEV Alexandr** – Candidate of legal science, associate professor, Deputy Head of the Department of International Law, PFUR, The Peoples' Friendship University of Russia (The Russian Federation, Moscow); **СОЛНЦЕВ Александр** – Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права РУДН (Российская Федерация, Москва).

REZUMAT:
CODIFICAREA DREPTULUI INTERNAȚIONAL:
SFÎRȘITUL UNEI EPOCI ÎNFLORITOARE?

Procesul de codificare a dreptului internațional este o trăsătură distinctivă a procesului de consolidare a dreptului internațional ca sistem de drept în secolul XX. În procesul de codificare a diverselor ramuri și instituții ale dreptului internațional crește rolul normelor convenționale în sistemul de surse și izvoare ale dreptului.

În doctrina dreptului internațional, codificarea este forma de organizare a normelor juridice internaționale, de regulă - cutumiare, realizată prin prelucrarea lor fundamentală, inclusiv excluderea din circuit a celor învechite, neaplicate în practică, eliminarea contradicțiilor interne, evidentelor lacune, ce duce la crearea unei noi surse de drept internațional, mai calitativă și progresivă (adesea sub formă de proiect de tratat internațional).

Ca un rezultat al codificării, normele de drept din diverse ramuri, sectoare și zone specifice ale dreptului internațional, se combină la un înalt nivel calitativ de reglementare a relațiilor interdependente în conformitate cu nivelul de conștientizare juridică a societății pentru această perioadă, și astfel de norme, de obicei, sunt formulate mai precis. Realizarea unei asemenea ordine, bazată pe o claritate și o calitate mai bună a normelor de conduită corectă are un impact pozitiv asupra eficacității dreptului internațional.

La general, în comunitatea științifică se conștientizează necesitatea efectuării unei reforme a Comisiei de Drept Internațional în scopul adaptării acesteia la realitățile secolului al XXI-lea. Autorii acestui articol sunt în speranța că considerațiile de mai sus vor încuraja dezbatere constructivă între savanți și practicieni privitor la revenirea la epoca înfloritoare a activităților Comisiei de Drept Internațional în domeniul codificării și dezvoltării progresive a dreptului internațional.

Cuvinte-cheie: *codificare, drept internațional, doctrină, norme de drept internațional, Comisia de Drept Internațional a ONU, știință juridică, norme convenționale*

Ключевые слова: *кодификация, международное право, доктрина, нормы международного права, Комиссия международного права ООН, правовая наука, договорные нормы.*

Процесс кодификации международного права – отличительная черта укрепления международного права как системы в XX веке. По мере кодификации различных отраслей и сфер международного права возрастает роль договорных норм в системе его источников.

В доктрине международного права под кодификацией понимается форма систематизации международно-правовых норм, преимущественно обычно-правовых, осуществляемая путем их всесторонней переработки, в том числе исключения устаревших, на практике не применяемых норм, устранения внутренних противоречий, очевидных пробелов, и имеющая своим результатом создание системно взаимосвязанного сводного более качественного и прогрессивного международно-правового акта (чаще всего проекта международного договора).

В результате кодификации объединяются на качественно высокой регулятивной основе

нормы конкретной отрасли международного права либо нормы разных его отраслей и сфер, регулирующих близкие, взаимосвязанные отношения в соответствии с уровнем правосознания на данный период, а сами такие нормы более точно формулируются¹. Достижение такой большей упорядоченности, ясности и лучшего качества правил должного поведения само по себе оказывает позитивное влияние на эффективность международного права в целом.

Центральное место в кодификационном процессе занимает Комиссия международного права ООН² (далее – «КМП» или «Комиссия»), которая была создана 65 лет назад на основании Резолюции ГА ООН 174 (II) от 21.11.1947 г. В функции КМП входят

¹ Мовчан А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М.: Юридическая литература, 1972, с. 43 - 63.

² Кожевников Ф. И., Кривчикова Э. С. Комиссия международного права ООН – функция и деятельность. М.: «Международные отношения», 1977, с. 6 - 14.

кодификация и прогрессивное развитие международного права. Согласно *Положению о Комиссии международного права 1947 г.* «кодификация» – это «более точное формулирование и систематизация права в тех областях, где имеются нормы, установленные обширной практикой государств, прецедентами и доктриной», а «прогрессивное развитие» – «разработка проектов конвенций по вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств»³. Их этих определений видно, что «кодификация» и «прогрессивное развитие» близки по своему юридическому содержанию. Более того, кодификация международного права неизбежно сопровождается прогрессивным развитием.

Первый многолетний план работы КМП был разработан известным английским юристом-международником проф. Хершем Лаутерпахтом. Профессор М. Коскенниemi в связи с этим писал⁴: в апреле 1948 г. Х. Лаутерпахт прибыл в Нью-Йорк на три месяца в качестве советника по кодификации международного права при Секретариате ООН. Он разработал проект документа, который стал программой работы КМП на многие годы⁵. В проекте документа, подготовленном проф. Х.Лаутерпахтом, были указаны 25 тем для кодификации, которые предполагалось проработать в течение 20 лет⁶. Проанализировав этот проект, КМП отобрала 14 тем для первоначальной работы⁷. На

высокий профессионализм проф. Лаутерпахта указывает его прозорливость в составлении списка тем для кодификации, которые даже через 65 лет не исчерпаны - для дальнейшей кодификации остались следующие темы: признание государств и правительств; юрисдикция в отношении преступлений, совершенных вне государственной территории; правовое положение иностранцев и право убежища. К сказанному следует добавить, что кодификация указанных тем остается чрезвычайно востребованной наукой и практикой международного права.⁸

Помимо тем, предложенных в 1948 г. проф. Х. Лаутерпахтом, в процессе работы КМП появились другие темы для кодификации, такие как право несудоходных видов использования международных водотоков или фрагментация международного права⁹ и др. Всего на сегодняшний день КМП было рассмотрено (включая темы находящиеся сегодня в процессе рассмотрения) чуть более 50 тем.

Следует отдельно отметить вклад советских/российских ученых в кодификационную деятельность Комиссии¹⁰. Вместе с тем приходится констатировать, что в российской правовой науке давно не предпринималось комплексных исследований деятельности КМП (последняя такая работа

иммунитеты; ответственность государств и арбитражное разбирательство.

⁸ См.: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Балканы – ахиллесова пята евроатлантической безопасности (Международный Суд ООН и одностороннее провозглашение независимости Косово). В: Обозреватель- Observer. 2010, № 10 (249), с. 66 – 75. [On-line]: http://www.rau.su/observer/N10_2010/066_075.pdf. (Дата посещения: 07.09.2012); Абашидзе А.Х. Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово. В: Обозреватель. 2007, № 8 (211). [On-line]: (www.rau.su/observer/N8_2007/079_086.pdf). (Дата посещения: 07.09.2012).

⁹ Подробнее см.: электронную версию «Аналитического путеводителя по деятельности Комиссии международного права»: [On-line]: untreaty.un.org/ilc/guide/gfra.htm. (Дата посещения: 07.09.2012).

¹⁰ В. М. Корецкий (1949-1951), Ф. И. Кожевников (1952-1953), С. Б. Крылов (1954-1956), Г.И. Тункин (1957-1966), Н. А. Ушаков (1967-1986), Ю. Г. Барсегов (1987-1991), В.С. Верещетин (1992-1994), И. И. Лукашук (1995-2001), В. И. Кузнецов (2002), Р.А. Колодкин (2003 г.-2011) и К.Г. Геворгян (с 2012 г.).

³ Положение о Комиссии международного права. [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/35/IMG/NR0/04035.pdf?OpenElement>.

⁴ Koskenniemi M. Lauterpacht: The Victorian Tradition in International Law. In: 8 EJIL 215 (1997), p. 252.

⁵ Survey of International Law in Relation to the Work of the International Law Commission. Док. ООН A/CN.4/1.

⁶ Survey of International Law in Relation to the Work of the International Law Commission, par. 22 (p. 17).

⁷ К этим темам относятся: признание государств и правительств; правопреемство государств и правительств; юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности; юрисдикция в отношении преступлений, совершенных вне государственной территории; режим открытого моря; режим территориальных вод; гражданство, включая безгражданство; правовое положение иностранцев; право убежища; право договоров; дипломатические сношения и иммунитеты; консульские сношения и

состоялась 35 лет назад)¹¹: в отечественной международно-правой литературе освящаются лишь итоги отдельных сессий КМП¹², либо отдельные темы КМП.¹³

За весь период деятельности Комиссии 52 специальных докладчика участвовали в разработке тем. Из них двое были избраны от нашего государства – проф. Н.А. Ушаков («Клаузула о наиболее благоприятствуемой

нации»¹⁴) и проф. Р.А. Колодкин («Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции»¹⁵).

В целом, Комиссия внесла и продолжает вносить заметный вклад в развитие международного морского права¹⁶, международного уголовного права¹⁷, права международных договоров¹⁸, дипломатического и консульского права¹⁹,

¹¹ См.: Кожевников Ф.И., Кривчикова Э.С. Комиссия международного права ООН: функции и деятельность. М.: «Международные отношения», 1977. 102 с.

¹² См.: Володин С., Иванов Ф. Пятая сессия Комиссии международного права ООН. В: Советское государство и право. М.: Наука. 1953, № 7, с. 88 - 100; Попов Е.П., Ушаков Н.А. В Комиссии международного права ООН. В: Советское государство и право. М.: Наука. 1971, № 11, с. 116 - 120; Верешетин В.С. О работе комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 1994, № 1, с. 21 - 34; Лукашук И.И. 51-я сессия Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2000, № 3, с. 244 - 256 и др.

¹³ См.: Хлестова И.О. Проблема юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе комиссии международного права. В: Советский ежегодник международного права, 1988. М.: Наука, 1989, с. 183- 193; Баскин Ю.Я., Корбут Л.В. Вопросы несудоходного использования международных водотоков в работе Комиссии международного права. В: Советский ежегодник международного права. 1989 - 90 - 91. С.-Пб.: Россия – Нева. 1992, с. 192 - 195; Верешетин В.С. Международный уголовный суд: новые перспективы? (К рассмотрению вопроса в Комиссии международного права ООН). В: Московский журнал международного права. 1993, № 2, с. 3 - 15; Лапихина Е.С. Определение оговорки в свете действующих конвенций и работы Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2003, № 2, с. 245 - 260; Замятин В. И снова к вопросам кодификации норм права международной ответственности в свете последних заседаний Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2003, № 2, с. 281 - 293; Савельева Л.В. Итоги работы Комиссии международного права над первой частью проекта статей «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом». В: Московский журнал международного права. 2005, № 2, с. 234 - 245; Якушев Ю.В. Анализ деятельности Комиссии международного права ООН по выработке акта об ответственности международных организаций. В: Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 17 апреля 2006 г. М.: Изд-во РУДН, 2006, с. 72 - 82.

¹⁴ См.: Ушаков Н.А. Режим наибольшего благоприятствования в межгосударственных отношениях. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. Напомним, что проф. Н.А. Ушаков сменил венгерского ученого Эндре Уштора и подготовил последний доклад по этой теме в 1978 г. (см. Док. ООН: A/CN.4/309 and Add.1 and 2).

¹⁵ См.: Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции В: Юрист-международник. 2005, № 3, с. 2 - 10. Проф. Р.А. Колодкин покинул КМП, представив три доклада.

¹⁶ Приняты: Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г.; Конвенция об открытом море 1958 г.; Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря 1958 г.; Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. и Факультативный протокол, касающийся обязательного разрешения споров 1958 г.

¹⁷ Приняты: Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала 1950 г., Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.; Проект Статута Международного уголовного суда 1994 г. В разработке: обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование, иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции

¹⁸ Приняты: Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.; Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.; Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств 2006 г., Доклад Исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» 2006 г., Руководство по практике «оговорки к международным договорам» 2008 г. и проект статей о последствиях вооруженных конфликтов для международных договоров 2011 г. В разработке находится тема «договоры сквозь призму времени».

¹⁹ Приняты: Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Факультативный протокол о приобретении гражданства к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., Факультативный протокол об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961

институт правопреемства государств²⁰, институт ответственности²¹.

В последнее время КМП обращает особое внимание на проблемы международного экологического права²². Учитывая, что на сегодняшний день отсутствует единый международно-правовой акт, регулирующий отношения в сфере защиты окружающей среды, а потребность в нем давно назрела, то одной из будущих тем КМП вполне может стать тема «международная защита

окружающей среды»²³. В связи с этим отметим, что КМП в 1996 г. включила в свою долгосрочную программу тему «Право окружающей среды: права и обязанности государств по защите окружающей человека среды» и «Принцип предосторожности»²⁴.

Через полвека после принятия КМП плана кодификации проф. Х. Лаутерпахта, началась новая работа по отбору тем для дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права. В связи с этим была создана Рабочая группа по долгосрочной программе работы КМП, которая с 1997 г. ведет активную деятельность и выработала критерии для отбора будущих тем: «а) тема должна отражать потребности государств в отношении прогрессивного развития и кодификации международного права; б) тема должна быть достаточно созревшей с точки зрения практики государств для прогрессивного развития и кодификации; с) тема должна быть конкретной и реализуемой в целях прогрессивного развития [и] ... Комиссии не следует ограничиваться традиционными темами, нужно также рассмотреть те темы, которые отражают новые изменения в области международного права и насущные интересы международного сообщества»²⁵. В частности Рабочей группой были предложены следующие темы для кодификации: недискриминация в международном праве, право мирного разрешения международных споров, юрисдикционный иммунитет международных организаций, мягкое право, защита личных данных при трансграничном перемещении информации, экстерриториальная юрисдикция, право на коллективную безопасность, юридические аспекты коррупции и связанной с ней практики, право окружающей среды, положение индивидуума в международном праве, международно-правовые последствия нарушений прав человека; юрисдикционные аспекты

г., Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Факультативный протокол о приобретении гражданства к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., Факультативный протокол об обязательном разрешении споров к Венской конвенции о консульских сношениях; Конвенция о специальных миссиях 1969 г., Факультативный протокол об обязательном разрешении споров к Конвенции о специальных миссиях 1969 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г., Проект статей «Статус дипломатического курьера и дипломатической почты, не сопровождаемой дипломатическим курьером» 1989 г.

²⁰ Приняты: Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г., Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1978 г., Проект статей «Гражданство в связи с правопреемством государств» 1999 г. (Проект на рассмотрении в Шестом комитете ГА ООН).

²¹ Приняты: Проект статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г., Проекты статей «О предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности» 2001 г., Проекты «Принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности» 2006 г., Проект статей «Ответственность международных организаций» 2011 г. Подробнее о дальнейшей юридической судьбе документов КМП в сфере позитивной ответственности см: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., О.Д. Миловидов. Важный шаг в кодификации института ответственности. В: Юрист-международник. 2008, №1, с. 70 - 72.

²² Подробнее см.: Солнцев А.М. К юбилею Комиссии международного права ООН. Вклад в кодификацию и прогрессивное развитие норм международного экологического права. В: Российский ежегодник международного права 2008. СПб., 2009, с. 137 - 152; Solntsev A.M. Activity of the International Law Commission on the codification and progressive development of International Ecological Law. In: Sudebnik. Vol.11. Issues 3 & 4. Sept / Dec. 2006, p. 605 - 615.

²³ Подробнее см.: Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ. В: Московский журнал международного права. 2010, №2, с. 110 - 130.

²⁴ См. Док. ООН: A/51/10.

²⁵ Ежегодник Комиссии международного права за 1997 год, том II (часть вторая), с. 80, пункт 238.

транснациональной организованной преступности, а также право собственности на затонувшие суда и их охрана за пределами национальной морской юрисдикции.

Все перечисленные темы являются чрезвычайно актуальными, как с теоретической, так и с практической точек зрения. Более того, многие из этих тем имеют прямую связь с другими темами повестки дня КМП. Так, кодификация темы «право мирного разрешения международных споров» представляется важным и логичным продолжением темы «фрагментации международного права», поскольку в представленном КМП документе 2006 г. рассмотрены лишь вопросы т.н. материальной фрагментации, а вопросы т.н. институциональной фрагментации (иерархии между мирными средствами разрешения споров или между международными судебными учреждениями)²⁶ были опущены²⁷.

Общеизвестно, что материалы КМП служат важной основой при рассмотрении межгосударственных споров в Международном Суде ООН. В частности Международный Суд ООН ссылался на проекты статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г. в следующих делах: «О военной деятельности на территории Конго»²⁸, «О целлюлозно-бумажных заводах на реке Уругвай»²⁹ и «О геноциде»³⁰. В решении по

делу «О гидроузле Габчиково-Надьямарош»³¹ Международный Суд ООН ссылался на принятую и до сих пор не вступившую в силу Конвенцию ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 21.05.1997 г., разработанную в КМП. Проект статей «О дипломатической защите» 2006 г. применялся Международным Судом ООН в деле «Амаду Садио Диалло»³². В решении по делу «О территориальном и морском споре между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море»³³ Международный Суд ООН использовал подготовительные материалы КМП по Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г.

В целом отношения КМП и Международного Суда ООН можно назвать симбиозом. С одной стороны, Международный Суд ООН опирается на международные договоры и другие документы, подготовленные КМП, в качестве неоспоримых свидетельств обычного международного права. С другой стороны, КМП придает большое значение юридической практике Международного Суда ООН. Например, в рамках своей работы над такими вопросами, как оговорки к международным договорам и ответственность международных организаций, КМП во многих случаях формулировала нормы с прямыми ссылками на решения Международного Суда ООН или на основе аргументов по аналогии с его

²⁶ См. например: Смбалян А.С. Увеличение числа органов международного правосудия и их влияния на систему международного права. В: Московский журнал международного права. 2008, №3 (71), с. 140 - 150.

²⁷ В частности КМП отметила следующее: в связи с фрагментацией «возникают как институциональные, так и материально-правовые проблемы. Первые касаются компетенции различных институтов, применяющих международно-правовые нормы, и иерархических связей между ними. Комиссия решила оставить этот вопрос в стороне. Пусть вопросами институциональной компетенции будут заниматься сами эти институты». См. Док. ООН A/CN.4/L.682 от 13.04.2006 г. П.13.

²⁸ Дело «О военной деятельности на территории Конго» (Конго против Руанды), 2006. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=19&case=126&code=crw&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

²⁹ Временные меры по делу «О целлюлозно-бумажных заводах на реке Уругвай», 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=14&case=120&code=nh&p3=5>. (Дата посещения: 07.09.2012).

<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=88&case=135&code=au&p3=7>. (Дата посещения: 07.09.2012).

³⁰ Дело «О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=f4&case=91&code=bhv&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

³¹ Дело «О гидроузле Габчиково-Надьямарош», 1997. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=8d&case=92&code=hs&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

³² Дело «Амаду Садио Диалло» (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=7a&case=103&code=gc&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

³³ Территориальный и морской спор между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море (Никарагуа против Гондураса), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=14&case=120&code=nh&p3=5>. (Дата посещения: 07.09.2012).

постановлениями. Тесные взаимоотношения между Международным Судом ООН и КМП способствуют укреплению принципа верховенства права не только на основе последовательного и прямого применения международно-правовых норм, но и посредством демонстрации того, что различные международные органы применяют одинаковый подход к определению норм международного права.

Региональные международные суды и национальные суды также обращаются к проектам статей, разработанных КМП, в качестве свидетельств норм международного права. Речь идет, прежде всего, о проекте статей КМП «ответственность международных организаций». Такие ссылки повышают статус соответствующих проектов статей и подчеркивают практический характер результатов деятельности КМП.

Одной из характерных черт деятельности КМП является логическая последовательность изучения темы: изучив и кодифицировав важнейшие международно-правовые аспекты деятельности суверенных государств, как субъектов международного права (межгосударственные договоры, ответственность государств, юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности), КМП переходит к обсуждению этих же тем применимо к международным организациям (договоры между государствами и международными организациями или между международными организациями, юрисдикционный иммунитет международных организаций, ответственность международных организаций).

Еще одной положительной характеристикой КМП является ее способность к самокритике, что вселяет надежду на дееспособность КМП: спустя 30 лет было решено вернуться к доработке темы «Клаузула о наиболее благоприятствуемой нации». Нет сомнений в том, что КМП может вернуться и к другим недоработанным темам, например «признание государств и правительств» или «универсальная уголовная юрисдикция».

Не смотря на вышеперечисленные позитивные стороны деятельности КМП, сегодня возникает вопрос – достаточно ли 65-

летней деятельности КМП, чтобы оценить ее эффективность? С одной стороны – да, с другой стороны – нет. Нет – поскольку сложно в рамках одной статьи объективно оценить вклад КМП в развитие международного права, а также степень эффективности ее работы по выбору и кодификации тем. Данная задача осложняется на фоне нелюбимых упреков в адрес КМП. Например, проф. И.И. Лукашук считал, что КМП стала жертвой своего раннего успеха³⁴: начав с создания глобальных конвенций, кодифицирующих основные отрасли международного права, она перешла к анализу сложных, маргинальных тем, итогом рассмотрения которых могут являться лишь доктринальные материалы, документы «мягкого» права. Другие ученые также указывают на то, что двукратное увеличение числа членов КМП³⁵ и снижение общего профессионального уровня по сравнению с прошлым негативно сказались на работе КМП.

Именно в этом контексте должна быть оценена и деятельность КМП по созданию «мягкого» права, которое представляет собой переходное звено между обычным правом и международными договорами. Документы «мягкого» права во многих случаях способствуют кодификации, однако работа над ним не должна использоваться как способ для уклонения КМП от выработки документов обязательного характера. Принятие деклараций или руководящих принципов, которые впоследствии не конкретизируются в форме обязательных для государств международных договоров, представляет собой негативную тенденцию в деятельности КМП, замедляющую темп кодификации и прогрессивного развития международного права. Так, в 2006 г. КМП завершила сложнейшую работу над двумя важными темами: «фрагментация международного права» и «односторонние акты». Результат:

³⁴ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005 (гл. 3, § 5).

³⁵ Имеется в виду тот факт, что в разное время в состав Комиссии входили 15 членов, 21 член (1956 г.), 25 членов (1961 г.) и 34 членов (1981 г.).

Генеральная Ассамблея ООН приняла их к сведению.³⁶

Еще одним аспектом, на который стоит обратить внимание в деятельности КМП, является тот факт, что судьба многих документов (столь долго вырабатываемых в рамках КМП) остается весьма туманной: государства не готовы на основании проектов статей принимать полноценные международные договоры. Прежде всего, это касается краеугольного камня международного права - института международной ответственности - четыре проекта статей были приняты в качестве приложений к резолюциям ГА ООН³⁷, при этом Генеральная Ассамблея ООН указала, что необходимо время подумать об окончательной форме этих документов, т.е. заранее предопределив осторожное отношение к этим документам со сторон государств-членов ООН.

Такое состояние итогов деятельности КМП отражает дискуссию, имевшую место еще на заре функционирования КМП, когда обсуждался вопрос относительно фактического итога процесса кодификации международного права. Советские юристы, в частности В. Н. Дурдневский, В. М. Корецкий, С. Б. Крылов, последовательно отстаивали

мнение, что «проекты кодификации, подготовленные Комиссией, должны приобретать форму конвенций, поскольку кодификация международного права должна осуществляться через конвенции, обладающие обязательной юридической силой для государств»³⁸. Западные ученые напротив считали, что Комиссия может ограничиться подготовкой докладов, содержащих лишь материалы (компиляция практики государств, судебные решения национальных и международных судов), свидетельствующие о существовании обычного права.

Возникает вопрос практического характера: насколько целесообразно и оправданно, чтобы в условиях наличия большинства кодифицированных отраслей международного права КМП ежегодно в составе 34 членов собиралась в Женеве и в течение 12 недель работала над кодификацией и прогрессивным развитием тем, а в результате принимались лишь «проекты статей». Данный вопрос принимает еще более обоснованный характер, если учесть тот факт, что КМП предпочитает работать над такими темами, которые либо вообще не предполагают возможности разработки международных договоров, либо государства не готовы принимать международные договоры на основе этих «проектов статей», либо принимаются такие международные договоры, которые не могут вступить в силу³⁹. Подтверждением этому являются темы, обозначенные в повестке дня КМП ООН в 2012 г.: высылка иностранцев; обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*); защита людей в случае бедствий; иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции; договоры сквозь призму времени; клаузула о наиболее благоприятствуемой нации.

Не все благополучно и применительно механизмов разработки тем в КМП. Сомнения в эффективности КМП вызывает

³⁶ Резолюция ГА ООН A/RES/61/34 от 18.12.2006 г. См.: п. 4: «принимает к сведению Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств... и с удовлетворением отмечает их распространение»; п. 5: «принимает также к сведению 42 вывода Исследовательской группы Комиссии по теме «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права» ...и аналитическое исследование, на котором они основаны».

³⁷ См.: Резолюция ГА ООН 56/83 от 12.12.2001 г., в приложении к которой содержится текст Проекта статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» 2001 г.; Резолюция ГА ООН 62/68 от 06.12.2007 г. куда в качестве приложения вошли Проекты статей «О предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности» 2001 г.; Резолюция ГА ООН 61/36 от 04.12.2006 г., куда в качестве приложения вошли Проекты «Принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности» 2006 г. и Резолюция 66/100 от 09.12.2011 г. с приложением проекта статей «Ответственность международных организаций».

³⁸ См.: Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. В: Курс международного права. Том 1. М.: Наука, 1989, с. 231.

³⁹ Например, Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков была принята 15 лет назад (в 1997 г.) и до сих пор не вступила в силу.

использование института индивидуальных докладчиков вместо рабочих групп. Дело в том, состав КМП достаточно часто обновляется по различным причинам и, следовательно, вновь избранному докладчику нужно время войти в существо вопроса, плюс у каждого эксперта свой индивидуальный подход к решению концептуальных вопросов темы. Всё это затягивает процесс разработки тем в КМП.

Логически возникает другой вопрос: какова эффективность КМП в XXI веке? Любой ответ на этот вопрос должен учитывать и подход доктрины международного права, согласно которой кодификация призвана не только сводить в одно целое действующее право, но и улучшать его, кодификация должна придать праву большую определенность и сделать более удобным его практическое применение. К сожалению этого нельзя сказать в отношении результатов работы КМП. Снижению эффективности результатов КМП в кодификации и прогрессивном развитии международного права способствовали и другие тенденции.

В последнее время инициативы и конкретные предложения по кодификации международного права поступают и реализуются на саммитах, всемирных конференциях (в т.ч. в области прав человека, охраны окружающей среды); нередко предложения поступают и от самих государств, например, Россия предложила проект Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, на основе которого Специальным комитетом Генеральной Ассамблеи была разработана соответствующая конвенция.

В этом контексте не следует игнорировать и усилия, предпринимаемые в рамках Всемирной Ассоциации международного права, где работа проходит в рамках исследовательских групп⁴⁰ или комитетов⁴¹, в

состав которых входят юристы-международники, эксперты в определенных узких областях международного права. Во многих отношениях наработки данной Ассоциации служат полезным материалом для КМП.

В сложившейся ситуации не лишним будет прислушаться к мнению проф. И. И. Лукашук (член КМП с 1995 г. по 2001 г.), который завершил свой двухтомный *Курс международного права* разделом под названием «международно-правовое прогнозирование», где отмечалось, что «международному праву приходится решать все более масштабные проблемы в условиях растущего динамизма международной жизни. Это удлиняет радиус действия международных норм и возводит прогнозирование и планирование на уровень одной из главных задач». Наверное, логическим является предложение о том, что планирование тем для кодификации в рамках КМП должно подкрепляться прогнозированием эффективности итогов работы КМП. При решении, например, вопроса о назначении докладчика необходимо исходить из научно-обоснованного прогнозирования в отношении итогов его деятельности.

К сожалению, потребность развития современного международного права не подтверждается эффективностью деятельности КМП. Более того, есть основания утверждать, что в перспективе работа КМП будет все более и более затрудняться, если она по-прежнему будет в своей деятельности ориентироваться на исследования лишь существующих обычно-

⁴⁰ Business and Human Rights, Principles on the engagement of domestic courts with international law, Responsibility of International Organizations, Role of Soft Law Instruments in International Investment Law, Socially Responsible Investment, Sovereign Insolvency, Teaching of International Law (Interest Group), The conduct of hostilities under international humanitarian law - challenges of 21st century warfare, The use of private law principles for the development of international law.

⁴¹ Baselines under the International Law of the Sea, Cultural Heritage Law, Feminism and International Law, Intellectual Property and Private International Law, International Civil Litigation & the interests of the public, International Commercial Arbitration, International Family Law, International Human Rights Law Committee, International Law on Sustainable Development, International Monetary Law, International Protection of Consumers, International Securities Regulation, International Trade Law, Islamic Law & International Law, Non-State Actors, Nuclear weapons, non proliferation & contemporary international law, Recognition/Non-recognition in International Law, Reparation for Victims of Armed Conflict, Rights of Indigenous Peoples, Space Law, The Legal Principles relating to Climate Change, Use of Force.

правовых норм. Дело в том, что в результате научно-технического прогресса и других факторов современного развития постепенно изменяется традиционный путь, ведущий к кодификации норм обычного права. Космическое право представляет собой пример формирования обычного из договорного права. Основным договор этой отрасли – Договор о космосе 1967 г. – послужил основой для формирования обычно-правовых норм, например, норма о запрещении национального присвоения космического пространства. Более того наличие обязательного элемента нормы обычного права - всеобщей практики - в условиях все более взаимосвязанного мира требует признания этой нормы (или молчаливого согласия - *acquiescence*) в таком качестве всеми государствами мирового сообщества не зависимо от того, когда соответствующие государства начнут космическую деятельность.

Обозначенные выше проблемы в кодификационной деятельности КМП предполагают обращение к широко используемому в последнее время способу, а именно - созданию Межправительственной группы экспертов высокого уровня по усилению эффективности деятельности КМП в сфере кодификации и прогрессивного развития международного права. Межправительственная группа экспертов, прежде всего, должна ответить на принципиальный вопрос: есть ли у международного сообщества прежняя потребность в постоянно действующем экспертном международном органе ООН по прогрессивному развитию и кодификации международного права каким является КМП? При ответе на этот вопрос следует учесть ряд обстоятельств.

Во-первых, сегодня нет монополии КМП по кодификации и прогрессивному развитию международного права. КМП создавалась в исторических условиях, когда отсутствовали другие международные организации, занимающиеся кодификацией международного права, когда международное право было достаточно гомогенно. Сегодня существует большое количество специализированных международных

межправительственных организаций и органов, в рамках которых идет процесс кодификации международного права, а также процесс создания «мягкого» права. Например, международное морское право продолжает кодифицироваться в рамках ИМО, международное космическое право - в рамках Комитета по мирному использованию космического пространства. ЮНЕСКО занимается кодификацией международного права в сфере культурного сотрудничества, а Совет ООН по правам человека (до 2006 г. – Комиссия по правам человека) разрабатывает проекты международных договоров в области поощрения и защиты прав человека т. д. Плюс ко всему, надо отметить, что международное право стало сегодня гетерогенной системой, подверженной угрозам т.н. «фрагментации», что обуславливает необходимость ведения отраслевой кодификации международного права международными органами и организациями, в состав которых входят узкоспециализированные эксперты.

Во-вторых, за XX век создана большая база международных договоров, и сегодня скорее стоит вопрос об усилении имплементации на национальном уровне положений этих договоров, выявлении норм международных обычаев и создании «мягкого» права, нежели о создании все новых и новых международных договоров. Например, в области международного гуманитарного права действует большое количество конвенций, которые, во-первых, имплементированы в государствах поразному, что не позволяет говорить о единообразной практике применения; а, во-вторых, к этим конвенциям до сих пор не присоединился целый ряд государств. В сложившихся условиях было принято решение и проделана большая работа по выявлению международных обычаев в области международного гуманитарного права, которые обязательны для всех субъектов международного права независимо от ратификаций.⁴² В этом контексте следует

⁴² Обычное международное гуманитарное право. Под ред. Жан-Мари Хенкерте, Лиузы Досвальд Бек. Кэмбридж, 2006. (Customary International Humanitarian Law. Ed. by Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck. Cambridge University Press, 2005).

отметить, что в области международного права прав человека действуют 10 договорных органов, которые осуществляют мониторинг за исполнением государствами-участниками положений соответствующих международных договоров по правам человека, периодически заслушивая доклады государств и давая им рекомендации, которые направлены в т.ч. на единообразие имплементации положений соответствующих международных договоров по правам человека.

Еще одним аргументом в пользу конца эры кодификации международного права служит факт небывалого роста «мягкого» права в различных отраслях международного права.

Таким образом, в случае положительного ответа на вопрос о целесообразности сохранения нынешней практики КМП, объективно встает следующая проблема – корректировка повестки дня КМП. Предлагаемой нами Межправительственной группе экспертов необходимо будет проделать работу, которую выполнил в свое время проф. Лаутерпахт – создать перечень тем для кодификации и прогрессивного международного права. При ином исходе у многих юристов-международников усиливаются сомнения в необходимости сохранения прежнего подхода в деятельности КМП. Все более привлекательной видится идея о созыве КМП по мере необходимости ad hoc.

В целом в научных кругах созревает осознание необходимости проведения реформы деятельности КМП с целью адаптировать ее к реалиям XXI века. Авторы данной статьи надеются, что вышеуказанные соображения послужат стимулом начала конструктивной дискуссии среди ученых и практиков о путях возвращения к эре расцвета деятельности КМП в сфере кодификации и прогрессивного развития международного права.

Библиография:

1. Абашидзе А.Х. Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово. В: *Обозреватель*. 2007, № 8 (211). [On-line]: www.rau.su/observer/N8_2007/079_086.pdf. (Дата посещения: 07.09.2012).

2. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Балканы – ахиллесова пята евроатлантической безопасности (Международный Суд ООН и одностороннее провозглашение независимости Косово). В: *Обозреватель- Observer*. 2010, № 10 (249), с. 66 – 75. [On-line]: http://www.rau.su/observer/N10_2010/066_075.pdf. (Дата посещения: 07.09.2012).

3. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., О.Д. Миловидов. Важный шаг в кодификации института ответственности. В: *Юрист-международник*. 2008, №1, с. 70 - 72.

4. Баскин Ю.Я., Корбут Л.В. Вопросы несудоходного использования международных водотоков в работе Комиссии международного права. В: *Советский ежегодник международного права, 1989 - 1990 - 91*. С.-Пб.: Россия - Нева, 1992, с. 192 - 195.

5. Верещетин В.С. Международный уголовный суд: новые перспективы? (К рассмотрению вопроса в Комиссии международного права ООН). В: *Московский журнал международного права*. 1993, № 2, с. 3 - 15.

6. Верещетин В.С. О работе комиссии международного права ООН. В: *Московский журнал международного права*. 1994, № 1, с. 21 - 34.

7. Володин С., Иванов Ф. Пятая сессия Комиссии международного права ООН. В: *Советское государство и право*. М.: Наука. 1953, № 7, с. 88 - 100.

8. Временные меры по делу «О целлюлозно-бумажных заводах на реке Уругвай», 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=88&case=135&code=au&p3=7>. (Дата посещения: 07.09.2012).

9. Дело «Амаду Садио Диалло» (Гвинейская Республика против Демократической Республики Конго), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=7a&case=103&code=gc&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

10. Дело «О военной деятельности на территории Конго» (Конго против Руанды), 2006. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=19&case=126&code=crw&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

11. Дело «О гидроузле Габчиково-Надьмарош», 1997. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=8d&case=92&code=hs&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).

12. Дело «О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=f4&case=91&code=bhy&p3=4>. (Дата посещения: 07.09.2012).
13. Замятин В. И снова к вопросам кодификации норм права международной ответственности в свете последних заседаний Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2003, № 2, с. 281 - 293.
14. Кожевников Ф. И., Кривчикова Э. С. Комиссия международного права ООН – функция и деятельность. М.: «Международные отношения», 1977. 102 с.
15. Колодкин Р.А. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции. В: Юрист-международник. 2005, № 3, с. 2 - 10.
16. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ. В: Московский журнал международного права. 2010, №2, с. 110 - 130.
17. Лапихина Е.С. Определение оговорки в свете действующих конвенций и работы Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2003, № 2, с. 245 - 260.
18. Лукашук И.И. 51-я сессия Комиссии международного права ООН. В: Московский журнал международного права. 2000, № 3, с. 244 - 256.
19. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
20. Мовчан А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М.: Юридическая литература, 1972. 214 с.
21. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. Курс международного права. Том 1. М.: Наука, 1989.
22. Обычное международное гуманитарное право. Под ред. Жан-Мари Хенкертс, Лиузы Досвальд Бек. Кэмбридж, 2006. (Customary International Humanitarian Law. Ed. by Jean-Marie Henckaerts, Louise Doswald-Beck. Cambridge University Press, 2005). 621 p.
23. Положение о Комиссии международного права [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/040/35/IMG/NR004035.pdf?OpenElement>. (Дата посещения: 07.09.2012).
24. Попов Е.П., Ушаков Н.А. В Комиссии международного права ООН. В: Советское государство и право. М.: Наука. 1971, № 11, с. 116 - 120.
25. Савельева Л.В. Итоги работы Комиссии международного права над первой частью проекта статей «Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом». В: Московский журнал международного права. 2005, № 2, с. 234 - 245.
26. Смбалян А.С. Увеличение числа органов международного правосудия и их влияния на систему международного права. В: Московский журнал международного права. 2008, №3 (71), с. 140 - 150.
27. Солнцев А.М. К юбилею Комиссии международного права ООН. Вклад в кодификацию и прогрессивное развитие норм международного экологического права. В: Российский ежегодник международного права 2008. СПб., 2009, с. 137 - 152.
28. Территориальный и морской спор между Никарагуа и Гондурасом в Карибском море (Никарагуа против Гондураса), 2007. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=14&case=120&code=nh&p3=5>. (Дата посещения: 07.09.2012).
29. Ушаков Н.А. Режим наибольшего благоприятствования в межгосударственных отношениях. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. 128 с.
30. Хлестова И.О. Проблема юрисдикционного иммунитета иностранного государства в работе комиссии международного права. В: Советский ежегодник международного права, 1988. М.: Наука, 1989, с. 183 - 193.
31. Якушев Ю.В. Анализ деятельности Комиссии международного права ООН по выработке акта об ответственности международных организаций. В: Актуальные проблемы современного международного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва, 17 апреля 2006 г. М.: Изд-во РУДН, 2006, с. 72 – 82.
32. Solntsev A.M. Activity of the International Law Commission on the codification and progressive development of International Ecological Law. In: Sudebnik. Sept / Dec. 2006, Vol.11, Issues 3 & 4, p. 605 - 615.

ROLUL ACTULUI JURISDIȚIONAL INTERNAȚIONAL

Diana SÂRCU*

ABSTRACT: THE ROLE OF INTERNATIONAL JUDICIAL ACT

Due to their variety, international judicial acts have an important role in the international law sources system leading to the realization of the fundamental functions of law. Through its functions, the international judicial act has an outstanding effect on the maintenance of international peace and security, prevention and punishment of international crimes and protection of human rights and fundamental freedoms.

Nowadays the peaceful means of international disputes settlement both in practice of international relations and in theory of international law are really various in order to achieve the proposed tasks. The settlement of international disputes by peaceful means represents a basic principle of international relations which offers needed criteria and opportunities to states of the world to achieve a rapid and reasonable solution according to international law with good faith and effective cooperation.

What about the role to prevent and punish international crimes, the acts including adopted sentences emitted by the International Criminal Court (ICC), which is the first and unique permanent specialized criminal tribunal, are directed to punish the already committed the most serious international criminal offences, as well as to prevent the commitment of future ones. In a clear manner international ad-hoc tribunals had a substantial influence upon the promotion and factual realization of that role, but only the ICC is engaged to build a new international society conscious of the irreversible consequences of international crimes committing.

The role of protection of fundamental rights and freedoms inherent to a human being is also specific to judicial acts, an international tribunal being competent to decide upon a case concerning a violation of any guaranteed right, the adopted decision this way having the authority res judicata. Case law of international courts being not uniform as a concept and contents reflects the real degree of human rights respect in the whole international society and represents an important acquis leading to uniformity of fundamental concepts from diverse legal systems.

Key words: international judicial act, international dispute, jurisdiction, judgment, International Court of Justice, International Criminal Court, European Court of Human Rights.

РЕЗЮМЕ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДЕБНОГО АКТА

Благодаря своему разнообразию, международные судебные акты занимают особое место в системе источников международного публичного права и способствуют реализации основных правовых функций. Исходя из собственных функций, международный судебный акт влияет на поддержание международного мира и безопасности, предупреждение и наказание международных преступлений и защиту прав и основных свобод человека.

В наше время, в соответствии с практикой международных отношений и теорией международного права, существует множество эффективных способов мирного решения международных споров. Мирное решение международных конфликтов является основным принципом международных отношений, предоставляющим государствам необходимые критерии и возможности

* **SÂRCU Diana** - Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea de Drept, Postdoctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); **SÂRCU Diana** - Candidate of legal sciences, Associate professor, Moldova State University, Law Faculty; Post-doctoral student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **СЫРКУ Диана** - Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский Государственный Университет, факультет права, слушатель пост-докторантуры, Институт Истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

для добросовестного достижения быстрых и приемлемых решений в соответствии с международным правом и принципом сотрудничества.

Роль судебного акта о предупреждении и наказании международных преступлений, в основном применима к решениям (включая приговор), вынесенным единственной постоянной уголовной мировой судебной инстанцией – Международным Уголовным Судом. Решения Суда направлены как на наказание виновных лиц в совершении самых тяжких международных преступлений, так и на предупреждение совершения подобных деяний в будущем. Международные трибуналы *ad-hoc* способствуют действительной реализации и продвижению роли предупреждения и наказания преступлений, но именно деятельность Международного Уголовного Суда ведет к построению нового мирового сообщества, полностью осознающего необратимые последствия совершения международных преступлений.

Акту, вынесенному международными судебными инстанциями, также свойственна роль защиты основных прав человека и свобод. Международный суд вправе провозгласить решение по делу о нарушениях гарантированных прав и свобод, которое обладает обязательным характером *res judicata*. Международная судебная практика, хотя и не представляет собой однородную концепцию, отражает действительный уровень уважения прав и свобод во всем сообществе государств и являет важный свод правовых инструментов, которые унифицируют основные понятия различных правовых систем.

Ключевые слова: международный судебный акт, международный спор, юрисдикция, решение, Международный Суд ООН, Международный Уголовный Суд, Европейский Суд по правам человека.

Cuvinte-cheie: act jurisdicțional internațional, diferend internațional, jurisdicție, hotărâre, Curtea Internațională de Justiție, Curtea Internațională Penală, Curtea Europeană a Drepturilor Omului.

În dependență de varietatea și conținutul lor, actele jurisdicționale ocupă un loc important în sistemul surselor dreptului internațional public, contribuind, iar uneori, chiar prin intermediul lor, sunt realizate unele funcții importante ale dreptului. Prin funcțiile pe care le îndeplinește actul jurisdicțional internațional, specifice de altfel naturii particulare a jurisdicției instituite, acesta implicit contribuie la realizarea celor mai importante obiective ale dreptului internațional public, jucând un rol determinant la:

1. menținerea păcii și securității internaționale
2. prevenirea și reprimarea infracțiunilor internaționale,
3. protecția drepturilor și libertăților fundamentale ale omului.

Menținerea păcii și securității internaționale.

Soluționarea pe cale pașnică a conflictelor internaționale este o cerință fundamentală a menținerii păcii și securității internaționale, a menținerii unor raporturi normale, de conviețuire și cooperare între state. În decursul vremurilor, diferendele internaționale s-au rezolvat – pentru restabilirea drepturilor pretinse sau în mod real încălcate – pe câmpul de luptă, recurgându-se la forța armelor, ignorând justiția. Totuși, elementele progresiste au împărtășit întotdeauna părerea pe

care au încercat s-o traducă în fapte, că în cazul unui diferend interstatal este bine să se epuizeze, înainte de a se recurge la forța armată, toate celelalte mijloace apte de a aduce o soluție pașnică, mai ales fără victime omenești.

Astăzi mijloacele de rezolvare a conflictelor, atât în practica relațiilor internaționale, cât și în teoria dreptului internațional, sunt suficient de variate pentru atingerea scopului propus, fiecare din ele oglindind specificul epocilor istorice cărora le sunt proprii.

Dreptul internațional reprezintă una dintre garanțiile majore ale păcii și colaborării internaționale constructive în lumina principiului coexistenței pașnice dintre națiuni. Unicul cadru juridic de menținere a acestei coexistențe este asigurat de principiul fundamental al dreptului internațional și al relațiilor internaționale – principiul soluționării prin mijloace pașnice a diferendelor internaționale, din care decurge obligația tuturor subiecților de drept internațional de a soluționa toate conflictele apărute între ei, indiferent de caracterul și motivele acestora, exclusiv prin mijloace pașnice. La necesitățile normative ale acestui principiu se referă și obligația de a se abține de la aplicarea și amenințarea cu forță. Fiecare stat este obligat de a se abține de la amenințarea cu forță și de la

aplicarea ei „ca mijloc de soluționare a diferendelor internaționale, inclusiv în ceea ce privește conflictele teritoriale și problemele ce vizează hotarele statelor”¹.

Calificarea unei probleme ca conflict sau situație de conflict este de competența Consiliului de Securitate al ONU. În practica sa nu s-au elaborat criterii generale de calificare, Consiliul conducându-se de fiecare dată de circumstanțele fiecărui caz în particular. În același timp, o importanță deosebită o are diferențierea situațiilor (divergențelor), care încă nu au luat forma unui conflict, și situațiilor – care în rezultatul acțiunilor unilaterale ale statelor, îndreptate spre schimbarea cu forța a poziției existente în favoarea sa – se transformă în conflicte internaționale. Astfel de conflicte pot primi calificare de **amenințătoare a păcii** sau **de act de agresiune**.

Experiența istoriei, îndeosebi a evenimentelor din ultimul secol, evoluțiile actuale ale situațiilor internaționale, demonstrează că recurgerea la mijloacele pașnice reprezintă singura modalitate posibilă și logică de reglementare a oricărui diferend, a oricărui litigiu. Reglementarea pașnică reprezintă o componentă fundamentală a securității, a edificării unor relații internaționale bazate pe excluderea forței, pe înțelegere și încredere reciprocă. Recurgerea la mijloace pașnice constituie un principiu de bază al relațiilor internaționale, deoarece oferă criteriile și cadrul necesar pentru ca statele – cu bună-credință și într-un spirit de cooperare – să ajungă la o soluție rapidă și echitabilă pe baza dreptului internațional.

Soluționarea prin mijloace pașnice a litigiilor dintre state constituie o garanție a păcii, deoarece:

a. numai în cazul în care un diferend este rezolvat prin asemenea mijloace se ajunge la o revenire stabilă a relațiilor puse în pericol ca urmare a litigiului apărut;

b. în cursul unei reglementări pașnice se realizează apropierea părților aflate în diferend, ca urmare a unei mai bune înțelegeri a cauzelor care au generat conflictul, determinând deteriorarea raporturilor dintre cele două state;

c. recurgerea la mijloace pașnice reprezintă o condiție majoră a redobândirii încrederii între

cele două părți, zdruncinată de apariția stării de încordare și a litigiului pe care l-a declanșat².

Cercetările efectuate au arătat că reglementările impuse prin mijloace violente au o soartă relativ scurtă³, partea care a fost forțată să le accepte nu uită și nu poate să uite nedreptatea care i-a fost cauzată și pe care a fost nevoită să o suporte. Doctrina și practica atrag atenția asupra faptului că mai multe elemente esențiale⁴ se regăsesc în configurarea stabilității soluției întemeiate pe mijloace pașnice:

1. opțiunea pentru mijloacele pașnice constituie dovada că ambele părți și-au exprimat atașamentul față de aceste mijloace, calificând ca inadecvate mijloacele bazate pe forță, pe presiuni și constrângere;

2. soluționarea prin mijloace pașnice împiedică evoluțiile negative ale litigiului, fiind de natură să prevină deteriorarea sa spre o stare conflictuală gravă;

3. încheierea procesului pe parcursul căruia diferendul a fost soluționat definitiv duce la restabilirea cursului inițial al relațiilor dintre cele două părți, fiind create premisele obiective ale unei conviețuiri normale.

În sens terminologic, diferendul prezintă o neînțelegere, o ciocnire de interese, un dezacord sau antagonism. În jurisprudența internațională, diferendul, ca și noțiune a fost definit de Curtea Permanentă de Justiție Internațională ca un dezacord asupra unei probleme de drept sau de fapt, o opoziție de teze juridice sau de interese între două persoane⁵. Așadar, în sens larg, noțiunea de **diferend** cuprinde contestațiile, litigiile, divergențele sau conflictele dintre cel puțin două subiecte de drept internațional. Diferendele internaționale pot să aibă o natură juridică sau politică. Dacă facem trimitere la art. 36 din Statutul CIJ⁶, diferendele juridice sunt cele

² Mazilu D. Drept Internațional Public. București: Lumina Lex, 2001, p. 201.

³ Parrish T. The Encyclopedia of World War II. London: Secker and Warburg, 1978, p. 109.

⁴ Donelan M.D., Grieve M.J. International disputes: Case Histories 1945-1970. London: Europa Publications, 1973, p. 203.

⁵ Cauza CPJI Concesiunile Maurommatis în Palestina (Grecia contra Marii Britanii), hotărârea din 30 august 1924, p. 11. [On-line]: http://www.icj-cij.org/pcij/serie_A/A_02/06_Mavrommatis_en_Palestine_Aret.pdf. (Vizitat la: 28.04.2012).

⁶ Statutul Curții Internaționale de Justiție din 26 iunie 1945. [On-line]: <http://www.icj-cij.org>

¹ Колосов Ю.М., Кривчикова Э. С. Международное право. Москва: Международные отношения, 2003, с. 55 - 56.

în care se opun pretenții de drept între state și care au ca obiect interpretarea unui tratat, o problemă de drept internațional, existența unui fapt care, dacă ar fi stabilit, ar constitui încălcarea unei obligații internaționale precum și stabilirea naturii sau întinderii reparației datorată pentru încălcarea unei obligații internaționale. De fapt doctrina dreptului internațional s-a preocupat de chestiunea distincției celor două concepte, potrivit căreia deosebirea dintre un diferend de ordin juridic și un diferend considerat de natură politică este fondată în principal pe pretențiile părților în litigiu. Când aceste pretenții sunt de ordin juridic și bazate pe considerente legale, diferendul va fi juridic și respectiv va fi rezolvat potrivit normelor dreptului internațional⁷.

Afară de aceasta, Carta ONU. menționează **conflictele** și **situații conflictuale**, dar nu stabilește criteriile pentru diferențierea clară a acestor două noțiuni. Aceasta acordă importanță diferențierii conflictelor și situațiilor, prelungirea cărora ar putea amenința pacea și securitatea în lume sau care au creat deja o asemenea amenințare, și acelor conflicte și situații care nu amenință în nici un fel securitatea internațională⁸. Această diferențiere are un fundament politic, căci Carta ONU. obligă statele de a rezolva în primul rând conflictele și situațiile, prelungirea cărora amenință pacea și securitatea internațională. Și totodată, deosebirea poartă și un caracter juridic: membrul permanent al Consiliului de Securitate ONU., care este parte în conflict, este obligat de a se abține de la vot în timpul discuției pe marginea conflictului și de asemenea în timpul clarificării situației⁹. Această dispoziție din Cartă a produs o practică incertă și deconcentrată, fiind extrem de rar invocată în fața Consiliului de Securitate, generând un singur precedent incontestabil – abținerea Argentinei în cauza Eichmann în 1960, fiind, totuși vorba de un membru nepermanent al CS al ONU¹⁰.

cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=2&p3=0. (Vizitat la: 01.05.2012).

⁷ Cot J.-P. et.al. La Charte des Nations Unies. Commentaire article par article. Paris: Economica, 2 vol., 2005, p. 1103.

⁸ Колосов Ю.М., Кривчикова Э. С. *Op.cit.*, p. 56.

⁹ A se vedea art. 27 al Cartei Națiunilor Unite din 26 iunie 1945. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=1&p3=0>. (Vizitat la: 30.04.2012).

¹⁰ Cot J.-P. et.al. *Op.cit.*, p. 944 – 945.

Dar atunci când se confruntă cu un diferend, Carta ONU prescrie Consiliului de Securitate, făcând recomandările corespunzătoare, să țină cont de faptul că diferendele de ordin juridic trebuie să fie supuse de părți Curții Internaționale de Justiție¹¹. Prin aceasta, Carta operează un partaj de competență între Consiliul de Securitate a ONU și CIJ în materia reglementării diferendelor, fondat pe distincția dintre diferendul de ordin politic și cel juridic. Pentru prima dată Consiliul de Securitate a făcut uz de această recomandare în afacerea *Corfu*, când prin Rezoluția nr. 22 din 9 aprilie 1947¹² a recomandat celor două state (Albania și Marea Britanie) să „supună imediat acest diferend Curții Internaționale de Justiție în conformitate cu dispozițiile Statutului Curții”. Deși Albania a acceptat plenar recomandarea Consiliului de Securitate, totuși art.36 din Carta ONU nu instituie un caz nou de jurisdicție obligatorie și doctrina unanim a acceptat acest punct de vedere¹³. Aceasta explică reticenta Consiliului de Securitate de a recomanda calea jurisdicțională părților în diferend, deoarece trebuie să se asigure că destinatarii ei sunt dispuși să recunoască competența Curții: o recomandare fără reacție va afecta în mod incontestabil credibilitatea Consiliului.

Aceste raționamente ne conduc la reflecții asupra rolului pe care îl joacă jurisdicțiile internaționale la menținerea păcii și securității internaționale. Potrivit poziției exprimate de oficialii ONU¹⁴ anume prin examinarea diferendelor pe calea jurisdicțională cu emiterea unor decizii obligatorii pentru părți, CIJ își poate aduce contribuția la menținerea păcii și securității internaționale, iar o mai mare încredere în Curte ar constitui o contribuție importantă la activitatea de *peacemaking* a ONU.

Doctrina este mai reticentă în poziții promițătoare. După cum remarcă Shinkarețkaya G., în misiunea de menținere a păcii și securității internaționale așteptările prea mari de la jurisdicțiile internaționale sunt o exagerare a

¹¹ Art. 36 din Carta ONU *precitată*.

¹² Rezoluția Consiliului de Securitate al ONU nr. 22 din 9 aprilie 1947. [On-line]: [http://www.un.org/french/documents/view_doc.asp?symbol=S/RES/22\(1947\)&Lang=E&style=B](http://www.un.org/french/documents/view_doc.asp?symbol=S/RES/22(1947)&Lang=E&style=B). (Vizitat la: 01.05.2012).

¹³ Cot J.-P. et.al. *Op.cit.*, p. 1105.

¹⁴ Aurescu B. Sistemul jurisdicțiilor internaționale. București: All Beck, 2005, p. 12.

posibilităților lor, deoarece rolul autentic al lor constă în asigurarea domniei dreptului. Potrivit aceluiași doctrinar, primatul dreptului în relațiile internaționale constă în stabilirea unei ordine unice de drept în lume, care ar oferi fiecărui stat suveran libertatea de acțiune în limitele normelor și principiilor unanim acceptate: jurisdicțiile internaționale trebuie să contribuie la stabilirea unui climat de cooperare și bună vecinătate, în timp ce ele însele pot activa cel mai efectiv doar în cadrul unui astfel de climat¹⁵.

În pofida scepticismului doctrinar, totuși CIJ a soluționat o serie de diferende amenințătoare la pacea și securitatea internaționale. Curios este faptul că în exercitarea rolului de contribuie la menținere a păcii, CIJ emite hotărâri pe fond, hotărâri cu privire la măsurile asigurătorii, dar și avize consultative, care exced contenciosul jurisdicțional.

Până în prezent Curtea Internațională de Justiție a fost sesizată cu 17 cauze de implicare și/sau utilizare a forței în relații bilaterale sau internaționale, dintre care 10 cauze au fost inițiate de Serbia și Muntenegru (Iugoslavia la acea data) contra statelor aliate, membre ale NATO, acuzându-le de bombardarea teritoriului său. Serbia a depus cererea introductivă contra SUA și încă 9 state (Franța, Spania, Italia, Marea Britanie, Olanda, Germania, Canada, Belgia, Portugalia) la 29 aprilie 1999. La aceeași dată, reclamantul a solicitat aplicarea măsurilor conservatorii, rugând Curtea de a ordona SUA de a înceta imediat recurgerea la utilizarea forței și abținerea de la orice act ce constituie recurgere sau amenințare cu forța contra Republicii Federale Iugoslave. Prin ordonanța din 2 iunie 1999¹⁶, Curtea a refuzat aplicarea acestor măsuri, deoarece a indicat că ea în mod evident nu are competență pentru a examina cauza, desesizându-se. Prin votul 12 contra 3 judecători CIJ a ordonat radierea cauzei de pe rolul său. Aceiași ordonanță clonă a fost pronunțată și în privința Spaniei¹⁷. Celelalte 8 cauze au fost radiate de pe rol prin hotărâri clone

¹⁵ Шинкарецькая Г.Г. Международная судебная процедура. Москва: Наука, 1992, с. 64 - 68.

¹⁶ Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Iugoslavia contra SUA), ordonanța din 2 iunie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/114/8035.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

¹⁷ Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Serbia și Muntenegru contra Spaniei), ordonanța din 2 iunie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/112/7991.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

din 15 decembrie 2004¹⁸ asupra excepțiilor preliminare, prin care CIJ a declarat că nu este competentă să examineze cauza.

O altă cauză în care CIJ a fost solicitată să tranșeze conflictul armat dintre două state a fost speța *Acțiuni armate frontaliere și transfrontaliere* (Nicaragua c. Honduras), diferendul cărora se referea la activitățile pe care bandele armate de pe teritoriul Hondurasului le desfășurau la frontiera cu Nicaragua și pe teritoriul nicaraguan. Prin hotărârea asupra competenței și admisibilității din 20 decembrie 1988¹⁹, Curtea a declarat în unanimitate că este competentă să examineze cauza și că cererea reclamantului este admisibilă. Totuși cauza a fost radiată de pe rolul Curții prin ordonanța din 27 mai 1992²⁰ urmare a acordului extrajudiciar încheiat între părți „vizând favorizarea relațiilor lor de bună vecinătate” și a renunțării reclamantului la pretențiile sale.

Exemplele precitate într-adevăr nu combat critica doctrinară care este convinsă că reglementarea diferendelor pe cale judiciară poate fi mijloc de asigurare a păcii doar în două condiții: 1) dacă pericolul rezultă din diferendul propriu-zis, dar nu din alte conflicte; 2) dacă pacea încă nu este afectată, în special până când încă nu a fost aplicată forța armată²¹.

Printre puținele cazuri în care CIJ totuși a ordonat măsuri conservatorii, menite să asigure înghețarea conflictului, a fost în speța *Experimentele nucleare* (Australia c. Franței). Prin ordonanța din 22 iunie 1973²² Curtea a indicat Guvernului australian și celui francez să evite orice act care ar risca să agraveze sau să

¹⁸ Spre exemplu Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Serbia și Muntenegru contra Germaniei), hotărârea asupra excepțiilor preliminare din 15 decembrie 2004. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/108/8481.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

¹⁹ Cauza CIJ Acțiuni armate frontaliere și transfrontaliere (Nicaragua contra Honduras), hotărârea asupra competenței și admisibilității din 20 decembrie 1988. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/74/6590.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

²⁰ Cauza CIJ Acțiuni armate frontaliere și transfrontaliere (Nicaragua contra Honduras), ordonanța din 27 mai 1992. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/74/6588.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

²¹ Шинкарецькая Г.Г. *Op.cit.*, p. 67.

²² Cauza CIJ Experimentele nucleare (Australia contra Franței), ordonanța din 22 iunie 1973. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/58/6048.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).

extindă diferendul sau să aducă atingere dreptului altei părți să obțină executarea oricărei hotărâri pe care Curtea ar putea-o pronunța în cauză. În mod particular CIJ a ordonat Franței să se abțină de a proceda la experimente nucleare de natură să provoace depuneri radioactive pe teritoriul australian.

Prevenirea și reprimarea infracțiunilor internaționale.

Este recunoscut rolul marcant pe care l-au jucat în dreptul internațional penal Tribunalele Militare de la Nüremberg și Tokyo, care, pe de o parte, prin hotărârile lor au contribuit decisiv la conturarea unor importante instituții ale răspunderii internaționale penale a persoanelor în calitate de agenți ai statului, absorbite ulterior de dreptul internațional pozitiv, iar, pe de altă parte, au demonstrat necesitatea pregnantă a unei jurisdicții internaționale penale permanente. Anume actele lor au constituit soluția perfectă pentru pedepsirea criminalilor indiferent de cetățenia acestora și locul comiterii crimei cu caracter internațional, soluție care a pus bazele instituirii unui sistem instituționalizat de prevenire și reprimare a celor mai grave crime internaționale – crimele de război. Totuși, aceste tribunale internaționale *ad-hoc*, create în vederea pedepsirii criminalilor internaționali, posedă mai întâi de toate caracterul *punitiv* și apoi cel *preventiv* al răspunderii internaționale penale. Constituite *aici și acum*, în dependență de situațiile grave care amenință pacea și securitatea internaționale petrecute în diferite țări sau chiar părți ale lumii și nu pentru a judeca pe orice criminal ce comite crime internaționale. Soluția a fost dictată de necesitatea instituirii jurisdicției internaționale penale permanente, care ar avea acel caracter extranațional și a teritorial. Această instituție este o “piedică” în săvârșirea de infracțiuni, deoarece posibilitatea eschivării de la răspundere penală este diminuată la minim.

Sentințele Curții Internaționale Penale, ca instanță permanentă specializată de jurisdicție complementară jurisdicțiilor naționale, sunt concepute să joace un rol distinct în prevenirea și reprimarea celor mai grave infracțiuni internaționale (crime internaționale). Acest fapt își găsește fundamentare în actul său de constituire, Statutul de la Roma în Preambul specificând că indivizii (inclusiv copiii și femeile) au avut de suferit în urma atrocităților inimaginabile din sec.

XX care au adus atingere păcii, securității și bunăstării întregii omeniri; pedepsirea autorilor crimelor contribuind la prevenirea acestor acte; fiecărui stat revenindu-i obligația să exercite jurisdicția penală proprie asupra tuturor persoanelor responsabile de comiterea crimelor internaționale.

Statutul de la Roma prezintă o listă exhaustivă de acte culpabile de o gravitate sporită care constituie crime internaționale și sunt pasibile de pedeapsă în conformitate cu actul respectiv, precum: genocidul, crime împotriva umanității, crime de război, agresiunea²³.

De exemplu, primul act de jurisdicție al CIP, adoptat la 14 martie 2012 în speța *Procurorul c. Thomas Lubanga Dyilo*²⁴, vizează tragerea la răspundere penală a liderului grupului de rebeliune *Uniunea Patrioților Congolezi* din Republica Democrată Congo pentru acțiunile întreprinse în perioada septembrie 2002 – august 2003 în timpul conflictului armat din regiunea Ituri între diversele (cel puțin trei) grupări etnice. Sentința CIP privește o singură crimă internațională, de care a fost învinuit și găsit vinovat inculpatul, făcând parte din categoria crimelor de război – recrutarea sau înrolarea copiilor sub vârsta de 15 ani în forțele sau grupările armate sau utilizarea acestora la participarea activă în ostilități²⁵.

Curtea de multiple ori a indicat expres în sentință (paragraf 896 spre exemplu) că a examinat acțiunile inculpatului doar în latura recrutării sau înrolării copiilor sub 15 ani, nepronunțându-se asupra altor infracțiuni precum tortura sau violul și sclavia sexuală, chiar dacă subiecții au pretins a fi victime în acest sens și materialul probatoriu existent fundamenta pretensele încălcări, deoarece procurorul nu a inclus în învinuire aceste capete de acuzare. Curtea în lumina art. 74 al Statutului fiind în imposibilitate de a se pronunța asupra faptelor și circumstanțelor care nu figurează în învinuirile prezentate de biroul procurorului.

²³ Art. 5¹ din Statutul Curții Internaționale Penale din 17 iulie 1998. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/Menus/ICC/Legal+Texts+and+Tools/Official+Journal/Rome+Statute.htm>. (Vizitat la: 05.05.2012).

²⁴ Situația în Republica Democrată Congo în cauza CIP Procurorul c. Thomas Lubanga Dyilo, hotărârea din 14 martie 2012. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc1379838.pdf>. (Vizitat la: 30.03.2012).

²⁵ Art. 8 al. 2 lit. e) p. vii din Statutul CIP *precitat*.

În această optică, **prima** crimă internațională, asupra căreia CIP a adoptat sentința (de condamnare) este recrutarea sau înrolarea copiilor sub vârsta de 15 ani în forțele sau grupările armate sau utilizarea acestora la participarea activă în ostilități.

Curtea a subliniat în repetate rânduri că copii fac parte din categoria socială cea mai vulnerabilă care are de suferit de pe urma conflictelor armate (paragraf 605 spre exemplu), recrutarea sau înrolarea acestora sub vârsta minimă de 15 ani în forțele și/sau grupările armate având repercusiuni absolut negative de durată și neprognosticabile pentru viitor vizavi de starea psiho-emoțională a indivizilor adulți.

Pedepsirea conformă corelativă a infracțiunilor internaționale ale căror victime sunt copii încadrându-se pe deplin în ansamblul înaltelor scopuri majore și standardelor clare ale asigurării și promovării păcii și securității întregii omeniri. Scopuri și standarde declarate a fi susținute de statele lumii la cea mai largă scară.

În lumina sentinței pronunțate, CIP a delimitat tipurile de conduită care constituie latura obiectivă a crimei internaționale analizate. Astfel, recrutarea în forțele sau grupările armate ale copiilor sub 15 ani constituie includerea forțată a subiecților în grupările armate; înrolarea presupune includerea în grupările armate care benevol intenționează să facă parte din forțe armate. Recrutării fiindu-i specific caracterul coercitiv și înrolării – propriu caracterul voluntar (paragrafe 607, 608 din Sentință).

Curtea a stabilit că în lumina infracțiunii analizate, nu există diferență între noțiunile de recrutare și înrolare (paragraf 618), copiii fiind subiecți vulnerabili și ușor influențabili, astfel caracterul benevol fiind absolut aparent și adulții sunt responsabili de trecerea cu buna-știință pe listele personalului armat a copiilor sub vârsta de 15 ani. Adică consimțământul copiilor de a fi înrolați în rândurile forțelor sau grupărilor armate nu prezintă un consimțământ legal în lumina principiilor și normelor recunoscute ale dreptului internațional în general, precum și a dreptului internațional umanitar și dreptului internațional al drepturilor omului în special. Utilizarea copiilor la participarea activă în ostilități presupune încadrarea acestora la participare directă în luptă, precum și la participare activă în activități adiacente luptelor, precum investigarea, spionajul,

diversiunile, utilizarea copiilor în calitate de atracții militare, curieri, agenți ai punctelor de control (paragraf 622 din Sentință).

Astfel, copii mai mici de 18 ani (de cele mai dese ori în vârstă de 12 ani, dar au fost descoperite cazuri de participare a copiilor de 8 – 11 ani) au fost antrenați în unități militare specializate de talie mică (aproximativ 45 de membri) însărcinați cu asigurarea securității subiecților din comandamentul militar suprem (paragrafe 870 – 872 din Sentință). Copiii din unitățile Kadogo exercitau funcțiile de gardieni personali ai generalilor militari, fiind însărcinați să însoțească membrii comandamentului la toate evenimentele, precum și să supravegheze securitatea acestora în cadrul exercitării atribuțiilor oficiale și în afara exercitării. Remarcăm situațiile că unitățile militare includeau de asemenea adolescente de 13 și 14 ani, care în afara „obligațiilor militare de serviciu” erau impuse să întrețină relații sexuale cu membrii comandamentului (paragraf 874).

Deși sentința CIP (în cele 624 de pagini ale sale) nu statuează expres și clar asupra prevenirii și reprimării crimelor internaționale în totalitatea acestora, precum și cu referire la unele crime distincte, de o manieră naturală funcția de prevenire și reprimare a infracțiunilor internaționale își găsește reflecție în abordarea subiectului crimei și conduitei pasibile de pedeapsă din partea instanței internaționale penale.

Înseși existența și activitatea CIP demonstrează faptul că prevenirea și reprimarea crimelor internaționale, îndeosebi de o gravitate sporită precum crimele de război, victima cărora este un subiect special – copilul, prezintă una din funcțiile fundamentale ale jurisdicției internaționale penale.

Funcția de prevenire și reprimare a crimelor internaționale capătă o semnificație distinctă privind CIP, dat fiind faptul că Curtea este unica instanță de jurisdicție penală permanentă în lume la momentul actual. Tribunalele și curțile internaționale penale ad-hoc incontestabil au contribuit de o manieră substanțială la promovarea și realizarea funcției de reprimare și prevenție a infracționalității celei mai grave la scară mondială, însă în mod sigur anume CIP îi revine rolul protagonist în edificarea faptică a unei societăți internaționale conștiente de consecințele ireversibile ale săvârșirii crimelor internaționale.

Sentința CIP, prin pronunțarea și realizarea ulterioară a prevederilor de condamnare (nestabilite cu exactitate la moment), în mod sigur fundamentează juridic și praxiologic funcția reprimării și prevenirii crimelor internaționale, demonstrând un rol activ al CIP de arbitru internațional, și nu unul latent, precum unii doctrinari și juriști de carieră i-au atribuit până recent acestei instanțe jurisdicționale dată fiind inexistența unei jurisprudențe degajate.

Un rol particular de prevenire și reprimare a crimelor internaționale este atribuit actelor jurisdicționale pronunțate de instanțe jurisdicționale internaționale penale ad-hoc.

Astfel, Rezoluția 827 (1993) a Consiliului de Securitate al ONU din 25 mai 1993²⁶ (unul din actele de constituire a TIPIu) stipulează în mod expres că instituirea unui tribunal internațional ad-hoc pentru judecarea infracțiunilor săvârșite pe teritoriul fostei Iugoslavii urmărește scopul de stopare a comiterii de asemenea infracțiuni și judecarea persoanelor vinovate de comiterea lor.

Statutul TIPIu în art. 1 prevede că Tribunalul are competență să judece persoanele responsabile pentru încălcările grave ale dreptului internațional umanitar săvârșite pe teritoriul fostei Iugoslavii din anul 1991.²⁷

În această optică, actele care urmează a fi pronunțate de tribunalul internațional în îndeplinirea înaltelor sale atribuții magistrale conferite, în prim plan scot în evidență reprimarea atrocităților comise de persoane culpabile, de o manieră secundară vizând prevenția generală (adresată unui subiect abstract nedeterminabil) și prevenția specială (adresată unui subiect determinabil din zona de conflict în fostele state iugoslave).

Spre exemplu, în ultima hotărâre din 6 septembrie 2011²⁸ pronunțată de TIPIu pe

marginea capetelor de acuzare înaintate lui Momčilo Perišić (general sârb, Șef al Statului Major al Armatei iugoslave), s-a constatat vinovăția acestuia de comiterea infracțiunilor în timpul asediului Sarajevo, de favorizare a crimelor în Zagreb, de instigare și asistare la crimele grave comise în Srebrenica (cu excepția crimei de exterminare în masă a populației bosniace musulmane). Momčilo Perišić a fost găsit vinovat de Înalțul tribunal de comiterea crimelor împotriva umanității (omor; tratament inuman; persecutarea pe motive politice, rasiale sau religioase) și crimelor de încălcare a regulilor și practicilor de purtare a războiului (omor; atacuri ale populației civile) și sancționat cu 27 ani de închisoare.

Astfel, în mod incontestabil, sentința respectivă contribuie la prevenirea și reprimarea crimelor internaționale, îndeosebi celor de o gravitate sporită, precum crimele împotriva umanității, racordate la atrocitățile inimaginabile comise în plin sân european în cel din urmă deceniu al sec. XX. Or, sentințele emise de instanțele internaționale de jurisdicție specializată penală capătă o semnificație absolut specială, dat fiind climatul internațional contemporan, în special privind încălcările actuale masive ale drepturilor și libertăților fundamentale ale omului în statele Orientului Apropiat și Mijlociu.

Protecția drepturilor și libertăților fundamentale ale omului.

Deși nu foarte răspândite în contenciosul interstatal, actele jurisdicționale oferă o protecție efectivă drepturilor omului și dau sens deplin dreptului la acțiune individuală care stă la baza dreptului internațional al drepturilor omului. Protecția jurisdicțională internațională a drepturilor omului implică posibilitatea unui organ jurisdicțional internațional de a statua asupra unei spețe (referitoare la o încălcare a drepturilor omului) printr-o hotărâre care beneficiază de autoritatea lucrului judecat.

Deosebit de importante, diverse și eficiente pentru protecția efectivă a drepturilor omului, aceste acte contribuie în mod determinant la definirea și interpretarea paletelor de drepturi și libertăți consacrate în izvoarele juridice. Evident o hotărâre a unei jurisdicții internaționale nu are

²⁶ Rezoluția Consiliului de Securitate al ONU nr. 827 din 25 mai 1993. [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/28/IMG/N9330628.pdf?OpenElement>. (Vizitat la: 09.05.2012).

²⁷ Statutul Tribunalului Internațional Penal pentru fosta Iugoslavie, ultimele amendamente din septembrie 2009. [On-line]: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_s_ept09_fr.pdf. (Vizitat la: 05.05.2012).

²⁸ Cauza TIPIu Procurorul c. Momčilo Perišić, hotărâre din 6 septembrie 2011. [On-line]: http://www.icty.org/x/cases/perisic/tjug/en/110906_judgement.pdf. (Vizitat la: 09.09.2012).

forță obligatorie²⁹ decât pentru părțile în cauză și numai pentru cauza pe care o soluționează³⁰. Reieșind din diversitatea jurisdicțiilor internaționale distingem două categorii de acte jurisdicționale pertinente protecției drepturilor și libertăților fundamentale ale omului: prima reprezentată de practica judiciară a jurisdicțiilor specializate, precum este Curtea Europeană a Drepturilor Omului de la Strasbourg, Curtea Internațională Penală de la Haga; a doua – reprezentată de practica judiciară a jurisdicțiilor internaționale de o competență generală – Curtea Internațională de Justiție de la Haga.

În esență, hotărârile instanțelor internaționale sunt acte jurisdicționale obligatorii prin care instanțele se pronunță asupra încălcărilor drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, formulând standarde clare și de cele mai dese ori precise privind limitele exercitării unui sau alt drept consacrat convențional, astfel aplicând și interpretând textul convențional.

Jurisprudența degajată de curțile internaționale, deși neuniformă ca concept și conținut, reflectă nivelul respectării efective a drepturilor și libertăților fundamentale ale omului, oferind o imagine complexă în afara oricăror frontiere.

Dacă ne referim la specificul practicii judiciare degajate de curțile menționate în materia dreptului internațional al drepturilor omului, atunci cea mai bogată și voluminoasă jurisprudență este proprie instanței de la Strasbourg. Mai bine de șaiszeci de ani Înalții magistrați ale Curții Europene a Drepturilor Omului creează repere fundamentale de respectare a drepturilor omului în spațiul pan-european, statuând asupra cererilor individuale și interstatale, formulând reguli autonome de interpretare a noțiunilor convenționale.

Hotărârile Înaltei Curți Europene, suplimentar rolului de bază de asigurare a garantării drepturilor și libertăților consacrate convențional cu privire la indivizi concreți, exercită rolul de interpretare și detaliere a noțiunilor fundamentale ca limite și concepte. În plus, cadrul jurisprudențial formează un sistem de drept instituțional particular, care generează scheme unice de asigurare a respectării drepturilor omului în spațiul Europei, obligatorii pentru toate statele-

părți la Convenția EDO. Astfel asigurând o uniformizare a sistemelor naționale de drept cel puțin în optica garantării drepturilor omului și a libertăților fundamentale.

Spre exemplu, în speța *Guja c. Moldovei*³¹, de referință pentru jurisprudența Curții pe marginea libertății de exprimare (consacrate de art. 10 al Convenției EDO), instanța internațională a statuat asupra termenului de *whistle – blowing* (dezvăluire de informații) și categoriilor de informații care sunt acoperite de dezvăluire protejată (secrete, confidentiale, de serviciu/interne), astfel exercitând funcția interpretativă a noțiunii de drept la libertatea de exprimare garantat în sens convențional.

Dacă e să ne referim la jurisprudența CIP după cum am menționat, actualmente îi este proprie o sentință unică din 14 martie 2012³², care statuează asupra încălcării drepturilor copiilor prin recrutarea și înrolarea acestora în forțe și grupări armate (categoria crimelor de război), calificând-o drept crimă internațională.

În raport cu jurisdicțiile specializate în materia drepturilor omului, competența Curții Internaționale de Justiție este una generală. *Ratione materiae*, Curtea este competentă să examineze toate diferendele de ordin juridic care au ca obiect interpretarea unui tratat sau orice problemă de drept internațional³³. Prin urmare, orice chestiune legată de protecția internațională a drepturilor omului este o chestiune de drept internațional și, în consecință, intră în sfera de competență a Curții. În plus, o serie de convenții internaționale referitoare la drepturile omului conțin dispoziții potrivit cărora orice diferend între părțile contractante cu privire la interpretarea textului convențional poate fi supus spre soluționare Curții Internaționale de Justiție. Cităm în acest sens Convenția pentru prevenirea și reprimarea crimei de genocid din 9 decembrie 1948 (art. IX); Convenția referitoare la statutul refugiaților din 28 iulie 1951 (art. 38); Convenția asupra reducerii cazurilor de apatridie din 30

³¹ Cauza CEDO *Guja contra Moldovei*, hotărâre din 12 februarie 2008. [On-line]: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/portal.asp?sessionId=76267052&skin=hudoc-fr&action=request>. (Vizitat la: 30.03.2012).

³² Situația în Republica Democrată Congo în cauza CIP Procurorul c. Thomas Lubanga Dyilo hotărârea din 14 martie 2012, *precitată*.

³³ Art. 36 din Statutul CIJ *precitat*.

²⁹ Pettiti L.E., Decaux E., Imbert P.H. *La Convention Européenne des Droits de l'Homme. Commentaire article par article*, Paris: Economica, 1999, p.52-53.

³⁰ A se vedea art. 59 din Carta ONU *precitată*.

august 1961 (art. 14); Convenția asupra consimțământului la căsătorie, vârsta minimă pentru căsătorie și înregistrarea căsătoriilor din 7 noiembrie 1962 (art.8); Convenția internațională asupra eliminării tuturor formelor de discriminare rasială din 21 decembrie 1965 (art. 22) etc.

În practica sa, Curtea a examinat totuși un număr redus de cauze, ele referindu-se în special la dreptul de azil (Cauza *Dreptul de azil* (Columbia c. Peru), hotărârea din 20 noiembrie 1950)³⁴, la drepturile persoanelor care nu sunt cetățeni ai țărilor de reședință (Cauza *Ahmadou Sadio Diallo*), una din cele mai recente hotărâri fiind *Avena și alți cetățeni mexicani* din 31 martie 2004 în speța Mexic contra Statelor Unite ale Americii³⁵.

În cauza *Ahmadou Sadio Diallo* (Republica Guinea c. Republica Democrată Congo), hotărârea din 30 noiembrie 2010³⁶, CIJ a examinat încălcarea drepturilor subiectului prin arestarea, deținerea și expulzarea lui din teritoriul congolez, el fiind asociatul a două întreprinderi din Congo, precum și gestionar al acestora.

CIJ a decis că în virtutea circumstanțelor de reținere și expulzare, subiectului i-au fost încălcate drepturile garantate de art. 9 (dreptul la libertate și securitate) și 13 (interdicția expulzării arbitrare) ale Pactului internațional cu privire la drepturile civile și politice, precum și cele garantate de art. 6 (dreptul la libertate și siguranță, interdicția arestării arbitrare) și 12 ale Cartei Africane a Drepturilor Omului (interdicția expulzării decât în baza unei decizii legitime). De asemenea, Curtea a statuat asupra încălcării din partea Congo a art. 36 (al. 1 b.) din Convenția de la Viena cu privire la relațiile consulare din 1963 (comunicarea neîntârziată autorităților consulare despre reținerea sau arestarea cetățeanului statului de origine).

Merită atenție faptul, că pe marginea speței respective CIJ ulterior a adoptat o hotărâre de

prestație din 19 iunie 2012³⁷, prin care a stabilit cuantumul reparațiilor datorate de statul congolez în favoarea Guineei, ca rezultat al cauzării prejudiciului material și moral victimei resortisantului guinean, mărimea prejudiciului fiind estimată per total la 95 mii dolari SUA. Reieșind din considerentul că hotărârile de prestație sunt extrem de rare pentru jurisprudența Curții onuziene și considerate de juriștii internaționaliști până recent a fi căzute în desuetudine (doar două hotărâri la număr pentru întreaga perioadă de activitate a curții, prima fiind și hotărârea inițială pe marginea căreia CIJ s-a pronunțat), nu putem să nu subliniem caracterul absolut particular al jurisprudenței în materia contenciosului interstatal general, modificările în dezvoltarea căreia sunt alteori absolut inexpectante.

În această optică, funcția de protecție a drepturilor și libertăților fundamentale recunoscute ființei umane cu privire la practica CIJ își găsește exteriorizare și prin intermediul plății de satisfacții echitabile proporționale prejudiciului suportat de persoana fizică.

În cauza recentă *Aplicarea Convenției internaționale asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială* (Georgia c. Rusiei), hotărârea din 1 aprilie 2011³⁸, CIJ s-a pronunțat asupra plângerii depuse de Georgia în baza art. 22 al Convenției asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială, care prevede că „Orice diferend între două sau mai multe state-părți privind interpretarea sau aplicarea prezentei Convenții, care nu a fi fost reglementat, pe cale de negocieri sau cu ajutorul procedurilor prevăzute în mod expres, va fi adus, la cererea oricărei părți, în diferend, în fața Curții Internaționale de Justiție pentru a se pronunța asupra lui, dacă părțile în diferend nu au convenit asupra altui mod de soluționare”³⁹.

³⁴ Cauza CIJ *Dreptul de azil* (Columbia contra Peru), hotărârea din 20 noiembrie 1950. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/7/1848.pdf>. (Vizitat la: 31.03.2012).

³⁵ Cauza CIJ *Avena și alți cetățeni mexicani* (Mexic contra SUA), hotărârea din 31 martie 2004. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/128/8187.pdf>. (Vizitat la: 13.04.2012).

³⁶ Cauza CIJ *Ahmadou Sadio Diallo* (Guinea contra Congo), hotărârea din 30 noiembrie 2010. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/16245.pdf>. (Vizitat la: 03.02.2012).

³⁷ Cauza CIJ *Ahmadou Sadio Diallo* (Guinea contra Congo), hotărârea din 19 iunie 2012. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/17045.pdf>. (Vizitat la: 09.09.2012).

³⁸ Cauza CIJ *Aplicarea Convenției internaționale asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială* (Georgia contra Rusiei), hotărârea din 1 aprilie 2011. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/140/16399.pdf>. (Vizitat la: 13.04.2012).

³⁹ Convenția internațională asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială din 21 decembrie 1965. [On-

În fapt, Georgia a pretins încălcarea prevederilor convenționale de către Federația Rusă prin acțiunile acesteia îndreptate împotriva populației georgiene în Abkhazia și Osetia de Sud în august 2008 („purificări etnice”).

CIJ a statuat că nu are competență jurisdicțională să soluționeze diferendul conferit (acceptând a doua obiecție preliminară ridicată de Rusia), dată fiind inexistența negocierilor prealabile de soluționare a diferendului în conformitate cu procedurile expres stabilite convențional. Astfel, Georgia a sesizat CIJ cu o cerere înainte de declanșarea negocierilor interstatale preliminare expres reglementate de Convenție.

În speța *Avena și alți cetățeni mexicani* (Mexic contra SUA), hotărârea din 31 martie 2004⁴⁰, CIJ s-a pronunțat asupra legalității arestării, deținerii, judecării și condamnării la moarte a 52 de cetățeni mexicani de către autoritățile de resort americane fără notificarea fără întârziere a oficiului consular mexican și fără a aduce la cunoștință subiecților dreptului acestora la libertatea de comunicare și întrunire cu funcționarii consulari. Cadrul legal a constituit Convenția de la Viena cu privire la relațiile consulare din 24 aprilie 1963, art. 36 al. 1 lit. a, b, c și al. 2.

CIJ a statuat asupra încălcării drepturilor garantate de art. 36 al Convenției, stabilind responsabilitatea SUA pentru încălcările comise și instituind *inter alia* obligațiunea statului pârât de revizuire a condamnărilor pronunțate pentru a contrabalansa încălcările drepturilor omului (drepturi garantate convențional subiecților) în ordinea satisfacerii exigențelor și standardelor internaționale în materie.

CIJ și-a recunoscut competența în cauza *LaGrand*⁴¹, în care un cetățean german urma să fie executat în SUA, după ce fusese condamnat la pedeapsa cu moartea, fără a fi informat cu privire la drepturile sale potrivit articolul 36 al. 1 din Convenția de la Viena privind relațiile consulare. În speță, Curtea onuziană prin ordonanță a indicat reclamatului luarea unor măsuri conservatorii și a

somat SUA să nu execute persoana în cauză atât timp cât nu va fi pronunțată o hotărâre definitivă asupra fondului, considerând că o asemenea executare ar aduce un prejudiciu ireparabil drepturilor Germaniei⁴².

Este de menționat că jurisprudența în materia drepturilor și libertăților omului, formează un *acquis* important, care oferă o interpretare juridică calificată a drepturilor și libertăților înscrise în izvoarele convenționale și care în mare măsură contribuie la uniformizarea diverselor noțiuni definite de sistemele juridice naționale.

Această internaționalizare a definițiilor va avea efecte majore asupra dezvoltării dreptului internațional al drepturilor omului, deoarece fiecare va integra dreptul intern al statelor, busculând astfel barierele tradiționale dintre dreptul internațional și dreptul intern⁴³. Uniformizarea și internaționalizarea drepturilor și libertăților fundamentale va da naștere unei veritabile „ordini publice internaționale” în care statele ar deveni debitori față de creditori, care în același timp sunt alte state și indivizi în cadrul unei societăți internaționale conjugate⁴⁴.

Este cert faptul că diversele funcții ale actului jurisdicțional nu se configurează ca concepte de sine stătătoare și absolut separate în cadrul realității juridice internaționale; funcțiile actului sunt interdependente, reciproc influențabile și, de principiu, inseparabile, având scopuri și obiective comune. Astfel, funcțiile actului internațional nu sunt susceptibile unei clasificări tipologice, fiind exercitate de jurisdicția internațională în procesul examinării unui contencios concret, fie în ansamblu fie separat, contribuind în esență la realizarea obiectivelor majore ale dreptului internațional public: menținerea păcii și securității internaționale, prevenirea și reprimarea infracțiunilor internaționale și protecția drepturilor și libertăților fundamentale ale omului.

line]: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6b3940.html>. (Vizitat la: 09.09.2012).

⁴⁰ Cauza CIJ *Avena și alți cetățeni mexicani* (Mexic contra SUA), hotărârea din 31 martie 2004, *precitată*.

⁴¹ Cauza CIJ *LaGrand* (Germania contra SUA), hotărârea din 27 iunie 2001. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/104/7735.pdf>. (Vizitat la: 10.04.2012).

⁴² Cauza CIJ *LaGrand* (Germania contra SUA), ordonanța din 3 martie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/104/7725.pdf>. (Vizitat la: 10.04.2012).

⁴³ Mertens P. Origine et fondement du droit de recours interne en cas de violation d'une norme de droit international. In: *Les recours des individus devant les instances internationales en cas de violation du droit europeen*. Bruxelles: Lancier, 1978, p. 43.

⁴⁴ Soyer J.-C., de Salvia M. *Le recours individuel supranational, mode d'emploi*. Paris: L.G.D.J., 1992, p. 17.

Bibliografie:

1. Aurescu B. Sistemul jurisdicțiilor internaționale. București: All Beck, 2005. 392p.
2. Carta Națiunilor Unite din 26 iunie 1945. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=1&p3=0>. (Vizitat la: 30.04.2012).
3. Cauza CEDO Guja contra Moldovei, hotărâre din 12 februarie 2008. [On-line]: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/portal.asp?sessionId=76267052&skin=hudoc-fr&action=request>. (Vizitat la: 30.03.2012).
4. Cauza CIJ Acțiuni armate frontaliere și transfrontaliere (Nicaragua contra Honduras), hotărârea asupra competenței și admisibilității din 20 decembrie 1988. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/74/6590.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
5. Cauza CIJ Acțiuni armate frontaliere și transfrontaliere (Nicaragua contra Honduras), ordonanța din 27 mai 1992. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/74/6588.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
6. Cauza CIJ Ahmadou Sadio Diallo (Guinea contra Congo), hotărârea din 30 noiembrie 2010. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/16245.pdf>. (Vizitat la: 03.02.2012).
7. Cauza CIJ Ahmadou Sadio Diallo (Guinea contra Congo), hotărârea din 19 iunie 2012. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/103/17045.pdf>. (Vizitat la: 09.09.2012).
8. Cauza CIJ Aplicarea Convenției internaționale asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială (Georgia contra Rusiei), hotărârea din 1 aprilie 2011. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/140/16399.pdf>. (Vizitat la: 13.04.2012).
9. Cauza CIJ Avena și alți cetățeni mexicani (Mexic contra SUA), hotărârea din 31 martie 2004. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/128/8187.pdf>. (Vizitat la: 13.04.2012).
10. Cauza CIJ Dreptul de azil (Columbia contra Peru), hotărârea din 20 noiembrie 1950. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/7/1848.pdf>. (Vizitat la: 31.03.2012).
11. Cauza CIJ Experimentele nucleare (Australia contra Franței), ordonanța din 22 iunie 1973. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/58/6048.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
12. Cauza CIJ LaGrand (Germania contra SUA), hotărârea din 27 iunie 2001. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/104/7735.pdf>. (Vizitat la: 10.04.2012).
13. Cauza CIJ LaGrand (Germania contra SUA), ordonanța din 3 martie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/104/7725.pdf>. (Vizitat la: 10.04.2012).
14. Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Iugoslavia contra SUA), ordonanța din 2 iunie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/114/8035.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
15. Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Serbia și Muntenegru contra Germaniei), hotărârea asupra excepțiilor preliminare din 15 decembrie 2004. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/108/8481.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
16. Cauza CIJ Legalitatea utilizării forței (Serbia și Muntenegru contra Spaniei), ordonanța din 2 iunie 1999. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/docket/files/112/7991.pdf>. (Vizitat la: 02.05.2012).
17. Cauza CPII Concesiunile Maurommatis în Palestina (Grecia contra Marii Britanii), hotărârea din 30 august 1924, pag. 11. [On-line]: http://www.icj-cij.org/pcij/serie/A/A_02/06_Mavrommatis_en_Palestine_Arret.pdf. (Vizitat la: 28.04.2012).
18. Cauza TIPIu Procurorul c. Momčilo Perišić, hotărâre din 6 septembrie 2011. [On-line]: http://www.icty.org/x/cases/perisic/tjug/en/110906_judgement.pdf (Vizitat la: 09.09.2012).
19. Convenția internațională asupra eliminării oricărei forme de discriminare rasială din 21 decembrie 1965. [On-line]: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6b3940.html>. (Vizitat la: 09.09.2012).
20. Mazilu D. Drept Internațional Public. București: Lumina Lex, 2001. 608 p.
21. Rezoluția Consiliului de Securitate al ONU nr. 22 din 9 aprilie 1947. [On-line]: [http://www.un.org/french/documents/view_doc.asp?symbol=S/RES/22\(1947\)&Lang=E&style=B](http://www.un.org/french/documents/view_doc.asp?symbol=S/RES/22(1947)&Lang=E&style=B). (Vizitat la: 01.05.2012).
22. Rezoluția Consiliului de Securitate al ONU nr. 827 din 25 mai 1993. [On-line]: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/28/IMG/N9330628.pdf?OpenElement>. (Vizitat la: 09.05.2012).
23. Situația în Republica Democrată Congo în cauza CIP Procurorul c. Thomas Lubanga Dyilo, hotărârea din 14 martie 2012. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc1379838.pdf>. (Vizitat la: 30.03.2012).
24. Statutul Curții Internaționale de Justiție din 26 iunie 1945. [On-line]: <http://www.icj-cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=2&p3=0>. (Vizitat la: 01.05.2012).
25. Statutul Curții Internaționale Penale din 17 iulie 1998. [On-line]: <http://www.icc->

http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_sept09_fr.pdf. (Vizitat la: 05.05.2012).

26. Statutul Tribunalului Internațional Penal pentru fosta Iugoslavie, ultimele amendamente din septembrie 2009. [On-line]:

http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_sept09_fr.pdf. (Vizitat la: 05.05.2012).

27. Cot J.-P. et al. La Charte des Nations Unies. Commentaire article par article. Paris: Economica, 2 vol., 2005. 2363 p.

28. Donelan M.D., Grieve M.J. International disputes: Case Histories 1945-1970. London: Europa Publications, 1973. 286 p.

29. Mertens P. Origine et fondement du droit de recours interne en cas de violation d'une norme de droit international. In: Les recours des individus devant les instances internationales en cas de violation du droit europeen. Bruxelles: Lancier, 1978. p. 23 – 57.

30. Parrish T. The Encyclopedia of World War II. London: Secker and Warburg, 1978. 767 p.

31. Pettiti L.E., Decaux E., Imbert P.H. La Convention Européenne des Droits de l'Homme. Commentaire article par article, Paris: Economica, 1999. 1091 p.

32. Soyer J.-C., de Salvia M. Le recours individuel supranational, mode d'emploi. Paris: L.G.D.J., 1992. 287 p.

33. Колосов Ю.М., Кривчикова Э. С. Международное право. Москва: Международные отношения, 2003. 714 с.

34. Шинкарецкая Г.Г. Международная судебная процедура. Москва: Наука, 1992. 223 с.

Copyright© SÂRCU Diana, 2012.

DREPT INTERNAȚIONAL PRIVAT

**ASPECTE PRIVIND LIMITAREA DREPTULUI DE
PROPRIETATE PRIVATĂ PRIN INTERMEDIUL
INSTITUȚIEI EXPROPRIERII**

*Leonid CHIRTOACĂ**

ABSTRACT:

**SOME ASPECTS ABOUT RESTRICTION OF PRIVATE OWNERSHIP THROUGH THE
INSTITUTION OF EXPROPRIATION**

In a democratic society based on the supremacy of law the restriction of rights of the person must be imposed only by general interests of society.

The idea of preference of the public interest for individuals' interests lies in the base of the institute of expropriation. Meanwhile, the concept of „public interest” is highly contradictory in nature and therefore can be interpreted in very different ways. It should be recognized that the idea of the public interest lies in the basis of any rule of law, both public and private. But at the same time, the idea of the public interest may, both to be opposed to the idea of private interest, and to be coincided with the last.

Restriction or deprivation of property by expropriation, in fact, leads to the forfeiture of the attributes of ownership, on the basis of governmental act. An act of expropriation for public benefit includes the following legal consequences: 1) it transfers ownership of the expropriated property in public ownership 2) natural subrogation under the guise of private 3) it suspends the separation of the right of private property 4) it terminates the validity of personal rights 5) it puts an expropriator into possession.

The procedure for the expropriation of public benefit in our legislation is based on the law on expropriation for public benefit nr. 488-XIV of 08.07.1999. In our opinion it is disproportionately favorable to stakeholders who participate in the activities of the expropriation.

We believe that in order to improve that law it is essential to take into account that the deprivation of property by expropriation for public benefit purposes is permitted only on the base of three conditions: the legality of the taken measures, the rationale for action to public benefit and proportionality of the measures with the goal pursued. Let's notice that the given law only superficially considers aspects which we have stipulated above or in general makes them invisible. We believe that the legislative body should review the law and bring it into line with the needs of the time and the existing case law. So it undercuts the premise of serious violations of the right of private property, which may lead to the imposition of the Council of Europe in Strasbourg verdict to the Republic of Moldova.

Key words: *expropriation, private ownership, governmental act, expropriation of public benefit, deprivation of property.*

РЕЗЮМЕ:

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИНСТИТУТА ЭКСПРОПРИАЦИИ**

В демократическом обществе, основанном на верховенстве права, ограничение прав человека должно представлять собой процесс правомерного сокращения, соответствующего общим интересам общества.

В основании института экспроприации лежит идея предпочтения общественного интереса интересам частных лиц. Между тем понятие «общественный интерес» крайне противоречиво по

* *CHIRTOACĂ Leonid* – Doctor în drept, conferențiar universitar, cercetător științific, Institut de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); *CHIRTOACA Leonid* – Doctor of law, assistant professor, scientific fellow, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); *КИРТОАКЭ Леонид* – Кандидат юридических наук, научный сотрудник, Институт истории, государства и права, Академия наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

своей природе и поему может трактоваться совершенно по-разному. Следует признать, что в основании всякой нормы права, как публичного, так и частного права, лежит идея общественного интереса. Но в то же время идея общественного интереса может, как противопоставляться идее частного интереса, так и совпадать с ней.

Ограничение или лишение человека собственности путем экспроприации, по существу, приводит к потере атрибутов собственности, на основе акта государственной власти. Акт экспроприации для общественно-полезных целей предусматривает следующие правовые последствия: 1) перевод права собственности на отчужденное имущество в государственную собственность, 2) природная суброгация под видом частной 3) приостанавливает разделение права частной собственности 4) прекращает действие личных прав 5) ставит во владение экспроприатора.

Процедура экспроприации для общественно-полезных целей в нашем законодательстве осуществляется на основе Закона об экспроприации для общественно-полезных целей nr. 488-XIV от 08.07.1999, который, по нашему мнению, в непропорциональной степени учитывает интересы участников мероприятий по экспроприации.

Для совершенствования данного закона считаем, необходимым учесть факт того, что лишение собственности путем экспроприации для общественно-полезных целей разрешается только при соблюдении трех условий: законность принятых мер, обоснование мер для общественно-полезных целей и соразмерность мер с преследуемой целью. Отметим, что аспекты, оговоренные выше данным законом, лишь поверхностно рассматриваются данным законом или вообще отсутствуют. Считаем, что для искоренения предпосылок серьезного нарушения права частной собственности, которые могут повлечь за собой вынесение со стороны Европейского суда по правам человека приговоров против Республики Молдова, органу законодательной власти следует пересмотреть закон и привести его в соответствие с потребностями времени и существующей судебной практикой.

Ключевые слова: экспроприация, частная собственность, акт государственной власти, экспроприация для общественно-полезных целей, лишение собственности.

Cuvinte-cheie: expropriere, proprietatea privată, act al puterii de stat, expropriere pentru cauză de utilitate publică, privare de proprietate.

Importanța dreptului de proprietate pentru individ și societate a determinat protecția acestuia în reglementările interne și internaționale. Declarația Universală a Drepturilor Omului, Convenția europeană pentru apărarea drepturilor omului și libertăților fundamentale, Protocolul 1 adițional etc., Constituția Republicii Moldova, Codul civil, Legea cu privire la proprietate¹ nr. 459-XII din 22.01.91, sunt principalele acte juridice care protejează acest drept absolut, exclusiv și perpetuu. Într-un stat democratic, cu o economie de piață funcțională, unde drepturile și libertățile fundamentale ale omului sunt o prioritate, proprietatea privată trebuie să reprezinte forma dominantă a proprietății.

Potrivit Constituției Republicii Moldova² și actelor care reglementează acest drept rezultă regula plenitudinii dreptului de proprietate privată,

excepția fiind dreptul de proprietate publică. Astfel, potrivit prevederilor constituționale cetățenii sunt egali în fața legii și autorităților publice fără privilegii și fără nici un fel de discriminări iar dreptul la proprietate privată, precum și creanțele asupra statului sunt garantate³. Nimeni nu poate fi expropriat decât pentru o cauză de utilitate publică, stabilită potrivit legii, cu dreptă și prealabilă despăgubire⁴. Cu alte cuvinte, statul Republica Moldova are obligația de ocrotire a proprietății, indiferent de proprietarul ei, întrucât ocrotirea proprietății este una din valorile majore ale statului de drept.

Reglementările constituționale în materia dreptului de proprietate publică și privată au condus la adoptarea Legii cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-

¹ Legea Republicii Moldova cu privire la proprietate nr.459-XII din 22.01.91. În: Monitor nr. 3-4-5-6 din 30.06.1991.

² Art. 9, 46, 127, 128 Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial nr. 1 din 18.08.1994.

³ Art. 9 alin. 1, Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial nr. 1 din 18.08.1994.

⁴ Art. 46, Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial nr. 1 din 18.08.1994.

teritoriale nr.523-XIV din 16.07.1999⁵, act normativ prin care bunurile din patrimoniul statului sau al unităților administrativ teritoriale se împart în bunuri aparținând domeniului public sau privat. De asemenea și regimul juridic al proprietății private a fost reglementat prin mai multe acte normative ulterioare Constituției din 1994, unde s-au transpus principiile constituționale ale ocrotirii proprietății private.

Într-o societate democratică, bazată pe drept, limitarea drepturilor persoanei trebuie să reprezinte restrângeri normale, impuse doar de interesele generale ale societății.

Privitor la limitarea dreptului de proprietate, este de menționat că Constituția Republicii Moldova și legislația în vigoare prevăd câteva limitări ale acestuia, care pot fi grupate în două categorii: limitări *in rem* (referitoare la bunuri) și limitări *in personam* (referitoare la persoane).

Dintre limitările dreptului de proprietate *in rem* putem menționa: bunurile care constituie obiect exclusiv al proprietății publice, exproprierea, naționalizarea, rechiziția, lucrările de interes general, averea dobândită ilicit și supusă confiscării în condițiile legii, etc., iar printre limitările *in personam* se menționează: impunerea proprietarului privat a obligației de a respecta normele prevăzute de lege referitoare la protecția mediului înconjurător, asigurarea bunei vecinătăți și altele.

Evoluția și dezvoltarea conceptului de expropriere în doctrina juridică s-a ancorat în dispozițiile legale care reglementează instituția exproprierii precum și principiile protecției proprietății.

În literatura de specialitate referitor la exproprierea pentru cauză de utilitate publică nu există păreri unice. Astfel, potrivit unor autori exproprierea este considerată o limitare a caracterului inviolabil al proprietății, o restrângere legală a dreptului de proprietate precum și un mod de dobândire a dreptului de proprietate publică.⁶

⁵ Legea Republicii Moldova cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale nr. 523-XIV din 16.07.99. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 124-125 din 11.11.1999.

⁶ Liviu Pop. Exproprierea pentru cauză de utilitate publică. În: revista Fiat Justiția. 1996, nr. 1, p. 52; Eugen Chelaru. Circulația juridică a terenurilor. București: Editura All Beck, 2000, p. 332 - 333; Constantin Hamangiu, Ion Rosetti-Bălănescu, Alexandru Băicoianu. Tratat de drept

Într-o altă opinie, exproprierea este considerată distinctă de îngrădirile dreptului de proprietate, pentru că duce, alături de confiscare, la încetarea dreptului de proprietate⁷.

Pentru a defini exproprierea, vom apela la cadrul normativ de reglementare. Importanța și caracterul excepțional al instituției exproprierii se regăsește în reglementările de principiu, cuprinse în art.46 din Constituția Republicii Moldova, care dispune că: „*Nimeni nu poate fi expropriat decât pentru cauză de utilitate publică, stabilită potrivit legii, cu dreaptă și prealabilă despăgubire*”.

Ideea că exproprierea este o limitare a dreptului de proprietate specifică raporturilor de drept civil se regăsește și în alin. 2 art. 316 Cod civil⁸, conform căruia *Nimeni nu poate fi silit a ceda proprietatea sa, afară numai pentru cauză de utilitate publică și primind o dreaptă și prealabilă despăgubire. Exproprierea se efectuează în condițiile legii.*

În vederea punerii în aplicare a prevederilor constituționale privitor la expropriere a fost adoptată Legea exproprierii pentru cauză de utilitate publică nr.488 din 08.07.1999⁹. Această lege stabilește sfera bunurilor ce formează obiectul exproprierii, precum și cadrul în care se aplică această procedură specială, începând de la actul de declarare a utilității publice și până la soluționarea cererii de către instanța de judecată competentă.

Potrivit legii, prin expropriere¹⁰ se înțelege transferul de bunuri și de drepturi patrimoniale din proprietatea privată în proprietate publică, transferul către stat sau către o unitate administrative-teritorială a drepturilor patrimoniale în scopul efectuării de lucrări pentru cauză de utilitate public de interes național sau de interes local, în condițiile prevăzute de lege, după o dreaptă și prealabilă despăgubire.

civil român. Vol. II. București: Editura Națională S. Ciornei, 1929, p. 60.

⁷ Ion P. Filipescu: Drept civil. Dreptul de proprietate și alte drepturi reale. București: Editura Actami, 1997, p. 184.

⁸ Codul civil al Republicii Moldova Monitorul Oficial al R.Moldova nr. 82-86 din 22.06.2002.

⁹ Legea nr.488 din 08.07.1999, exproprierii pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 042 din 20.04.2000.

¹⁰ Art. 1 din Legea nr. 488 din 08.07.1999 exproprierii pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial nr. 042 din 20.04.2000.

Astfel, putem defini exproprierea pentru cauză de utilitate publică drept, *măsura legală de trecere în proprietatea statului sau unităților administrativ-teritoriale a unor bunuri, drepturi patrimoniale și personale nepatrimoniale precum și valori cultural-artistice deținute în proprietate privată de persoane fizice sau juridice în schimbul unei compensații financiare sau de altă natură.*

Exproprierea mai reprezintă un mod de dobândire a proprietății publice prevăzut de lege, totodată reprezintă și o excepție de la caracterele absolut și inviolabil al dreptului de proprietate privată.

Dat fiind că în procedura de expropriere sunt implicate în mod preponderent autoritățile administrative ale statului, la prima vedere conferă instituției exproprierii natura juridică specifică dreptului public, însă atâta timp cât cei interesați pot conveni asupra modalității de transmitere a dreptului de proprietate precum și asupra modalităților de despăgubire, vom aprecia exproprierea și ca o convenție a părților, transferată din domeniul dreptului administrativ în domeniul dreptului civil. Tot aici trebuie să menționăm că, convenția părților nu operează pe deplin deoarece exproprierea este doar premisa sau punctual de plecare, iar acordul părților dat cu îndeplinirea cerințelor de fond și de formă specifice actelor juridice civile au menirea să simplifice procedurile supuse unor acte de autoritate administrativă sau judecătorească.

În ultimul timp practica judecătorească¹¹ a instituit noțiunea de „expropriere de fapt”, care de asemenea nu scutește statul de obligația în cazul în care un bun proprietate privată este afectat unei utilități publice. Hotărârea CEDO sus indicată a statuat că a avut loc o expropriere de fapt, deoarece reclamantul deși a rămas proprietar de iure a bunului său, acesta a pierdut toate atributele dreptului de proprietate în favoarea statului. Privarea de atributele proprietății în acest caz a avut loc în lipsa unui act juridic. În opinia instanței europene, efectele exproprierii de fapt sunt identice cu cele ale unei exproprieri formale.

Așa dar, trebuie să menționăm că privarea de proprietate prin intermediul exproprierii, implică în esență pierderea de către proprietar a atributelor dreptului de proprietate în mod definitiv, în urma

¹¹ Hotărârea CEDO în cauza *Burghlea împotriva României*. În: Monitorul Oficial al României, Partea I nr. 736 din 29.10.2009.

unui act al puterii de stat. Rezultă că, chiar și dacă formal persoana rămâne proprietar al bunului, oricum aceasta nu dispune liber de elementele dreptului de proprietate pe care deși le are nu le poate exercita. De exemplu în cauza *Burghlea împotriva României* reclamanta nu putea să-și utilizeze terenul întrucât acesta a fost inundat. Exproprierea de fapt poate lua naștere chiar și în rezultatul instituirii unei servituți de trecere pe terenul unei persoane, care, dintr-o simplă trecere a vecinului fondului dominant se transformă într-un drum public, dacă acesta v-a deschide în imobilul său un magazin sau alt local public.

Privitor la obiectul exproprierii este de menționat că spre deosebire de alte state, unde potrivit legii pot fi expropriate pentru cauză de utilitate publică numai bunurile imobile,¹² care constituie proprietatea persoanelor fizice și juridice, precum și cele aflate în proprietate privată a unităților administrativ-teritoriale (comune, orașe, municipii și județe), în legislației Republicii Moldova obiectul exproprierii pentru utilitate publică sunt atât bunurile imobile, la care se raportează terenurile, subsolul, bazinele de apă, pădurile, clădirile, construcțiile și alte obiecte legate de pământ, a căror permutare este imposibilă sau le aduce prejudicii iremediabile, astfel încât nu mai pot fi folosite la destinație, cât și dreptul de folosință asupra bunurilor imobile pe un termen de până la 5 ani, dacă părțile nu convin asupra unui alt termen, drepturile personale și persoanele nepatrimoniale, legate nemijlocit de invențiile care pot contribui considerabil la asigurarea intereselor de apărare și de securitate a țării, valorile cultural-artistice și istorice de o importanță excepțională pentru sentimentele naționale ale poporului, precum și cele care atestă statalitatea țării, dreptul de proprietate asupra reprezentanților florei și faunei pentru care spațiul natural al Republicii Moldova este propriu dezvoltării și reproducerii și care se află pe cale de dispariție în lume, în cazul existenței pericolului real de dispariție și de neproducere a speciei¹³.

Rezultă că obiectul exproprierii potrivit legislației în vigoare poate fi atât bunuri imobile,

¹² Legea României nr. 33 din 27.05.1994 privind exproprierea pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial al României nr. 139 din 2 iunie 1994.

¹³ Art. 2 din Legea nr.488 din 08.07.1999 exproprierii pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial nr. 042 din 20.04.2000.

mobile, drepturi patrimoniale și personale nepatrimoniale, precum și alte valori culturale artistice și istorice. Bunurile proprietate publică nu pot face obiectul măsurii de expropriere, deoarece ar fi o procedură de auto-expropriere, un non-sens juridic.

Deși Legea nr. 488 din 08.07.1999 stabilește în detaliu procedura de expropriere, în rezultatul căreia se obține transferul bunului imobil din proprietatea privată în proprietatea publică, evidențiază etapele exproprierii care sunt: 1) utilitatea publică și declararea ei; 2) măsuri premergătoare exproprierii concepută ca o fază pur administrativă; 3) expropriere și stabilirea despăgubirilor, totuși, considerăm că în privința obiectului exproprierii, reieșind din șirul mare de bunuri imobile, mobile și drepturi patrimoniale permise spre expropriere această lege este disproporționată în raport cu interesele proprietarului privat. Legea în cauză nu oferă garanții reale protecției dreptului de proprietate privată, ori în orice moment sub pretenziile ocrotirii a intereselor publice sau utilității publice o persoană incomodă puterii de guvernământ poate fi lipsită de bunurile sale prin intermediul unei exproprieri formale.

Privitor la noțiunea de utilitate publică, legea nu o definește, probabil dat fiind amploarea acestei noțiuni prin natura ei, întrucât nici doctrinarii teoriilor serviciului public au păreri divizate la acest subiect. Legiuitorul referindu-se la utilitatea publică, enumeră în art. 5 al legii doar lucrările considerate de utilitate publică. Trebuie să accentuăm că utilitatea publică, este o condiție esențială a exproprierii. Potrivit art. 6 din Legea nr. 488 din 08.07.1999, este prevăzut că expropriere poate fi hotărâtă decât după ce utilitatea publică a fost declarată. Utilitatea publică se declară pentru lucrările de interes național de către parlament, pentru lucrările de interes local al unității administrative-teritoriale – de către consiliul ei, pentru lucrările de interes comun al mai multor raioane și/sau municipii de către consiliile lor, iar în caz de divergențe de către Guvern, iar pentru lucrările de interes comun al mai multor orașe și /sau sate din teritoriul unui raion – de către consiliile acestor orașe și /sau sate, iar în caz de divergențe – de către consiliul raional. Inițiativa declarării utilității publice revine autorităților publice și se realizează nemijlocit prin înaintarea propunerilor organelor de resort.

Lucrările care pot să ducă la expropriere, fiind de utilitate publică sunt enumerate în art. 5 din lege și se referă la lucrări de interes național sau local. Ori de câte ori se urmărește a se efectua o lucrare de interes public determinată, legiuitorul folosește exprimarea că utilitatea publică trebuie declarată pentru fiecare caz în parte. În sensul legii se consideră lucrări de utilitate publică prospecțiunile și explorările geologice; extracția și prelucrarea substanțelor minerale utile; instalațiile pentru producerea de energie electrică; căile de comunicație și clădirile aferente lor; trasarea, alinierea și lărgirea străzilor; sistemele de telecomunicații, de termoficare și de canalizare, de alimentare cu energie electrică, cu apă și gaze; instalațiile pentru protecția mediului; îndiguirile și regularizările de râuri; lacurile de acumulare pentru surse de apă și atenuarea viiturilor; stațiile hidrometeorologice și seismic; sistemele de avertizare și de prevenire a fenomenelor naturale periculoase și de avertizare a populației; combaterea eroziunii de adâncime; sistemele de irigare și desecare; terenurile necesare construcției de locuințe din fondul de stat, edificiilor de învățământ, sănătate, cultură, sport, de protecție și asistență socială și altor obiective sociale care fac parte din proprietatea publică precum și construcției de sedii pentru administrarea publică, pentru autoritățile judecătorești, ambasade, consulate, reprezentanțele țărilor și organismelor internaționale; terenurile pentru organizarea grădinilor publice și cimitirelor, pentru acumularea și înmormântarea deșeurilor; reconstrucția centrelor urbane, zonelor locative și industriale, a ansamblurilor arhitectonice existente, conform planurilor urbanistice ale localității aprobate, în condițiile legii de consiliul local; salvarea, protejarea și punerea în valoare a monumentelor, ansamblurilor și siturilor istorice, precum și a parcurilor naționale; rezervațiilor naturale și a monumentelor naturii; prevenirea dezastrelor naturale, cutremure, inundații, alunecări și prăbușiri de terenuri, alte fenomene naturale periculoase; apărarea țării, ordinea publică și securitatea națională; salvarea și protejarea valorilor culturale-artistice și istorice de o importanță excepțională pentru sentimentele naționale al poporului, precum și a celor care atestă staturitatea țării; și salvarea, protejarea, asigurarea reproducerii speciilor de plante, de

animale, tuturor reprezentanților naturii vii aflate pe cale de dispariție.

Lucrările de utilitate publică sunt de interes național dacă răspund obiectivelor și intereselor întregii societăți sau ale majorității ei, iar de interes local care răspund obiectivelor și interesului unei localități, ale unui grup de localități din cadrul unei unități administrativ-teritoriale.

Declarația de utilitate publică este condiționată de cercetarea prealabilă a oportunității exproprierii. Cercetarea prealabilă pentru lucrările de interes național se face de către comisii formate de Guvern. De regulă, membrii acestor comisii sunt formate din reprezentanții administrației publice centrale coordonatoare a domeniului de activitate precum și din președintele raionului și primarul localității unde urmează să se desfășoare lucrarea de utilitate publică. Actul de declarare a utilității publice de interes național sau local, care este un act administrativ, este supus publicității prin afișare la sediul consiliului local în a cărui rază este situat imobilul și se publică în Monitorul Oficial. Nu se dau publicității actele prin care se declară utilitatea publică pentru lucrări privind apărarea țării și securitatea națională, în cazul în care ele prezintă secret de stat.

Este necesar să menționăm că ținând seama de organul emitent, actul de declarare a utilității publice, este un act administrativ ce face parte din categoria celor de autoritate, emis în mod unilateral, iar ca act administrativ (hotărâre, decizie, dispoziție, ordin etc.), acesta poate fi atacat în instanța competentă de contencios administrativ¹⁴.

Măsurile care preced exproprierea potrivit legii sunt concepute ca o fază administrativă. După declararea utilității publice, expropriatorul va înainta o propunere de expropriere în termen de 10 zile de la publicarea actului de declarare a utilității publice. Proprietarul obiectului exproprierii este informat în scris despre propunerea de expropriere de către organul care face această propunere. Proprietarul este în drept să-și dea consimțământul pentru o compensare imediată și echitabilă. În cazul exproprierii locuinței sau terenului, proprietarului i se va propune a altă locuință sau un alt teren, iar dacă costul acestor bunuri este mai mic decât a celor

expropriate, expropriatorul va plăti diferența de preț. După primirea notificării proprietarul și titularii de alte drepturi reale asupra obiectului exproprierii sunt obligați să ia măsurile de conservare a acestui obiect.

În termen de 45 zile de la primirea notificării, expropriatul poate face o întâmpinare împotriva propunerii de expropriere. Organul care a făcut propunerea de expropriere v-a înregistra întâmpinarea, iar în termen de 30 zile o comisie constituită prin hotărârea guvernului pentru lucrările de interes național și prin decizia consuliului local pentru lucrările de interes local prin vot secret vor adopta o decizie motivată. Decizia, în termen de 5 zile de la adoptare se comunică părților. În cazul în care părțile nu ajung la un acord, exproprierea pentru utilitate publică nu va putea fi făcută decât prin hotărâre judecătorească cu dreptă și prealabilă despăgubire. Instanța de judecată în termen de 10 zile de la primirea cererii v-a comunica expropriatului despre examinarea cazului, iar acesta este obligat să informeze expropriatorul și instanța de judecată despre titularii de alte drepturi reale asupra obiectului exproprierii. În caz contrar, expropriatul va rămâne răspunzător cu indemnizație față de titulari. Terții interesați în procesul exproprierii trebuie să-și declare creanțele deoarece în caz contrar nu se va ține cont de ele la stabilirea cuantumului despăgubirii. În caz de divergențe asupra cuantumului despăgubirii, instanța de judecată va institui o comisie de experți la care pot participa câte un reprezentant al expropriatorului și al expropriatului. Comisia de experți și instanța de judecată vor ține cont de prețul la care se vând imobilele și drepturile de același fel în teritoriul respectiv, precum și de prejudiciile aduse proprietarului sau titularilor de alte drepturi reale, luând în considerație și dovezile prezentate de aceștia.

De asemenea în lipsa unui acord asupra prețului și valorii despăgubirilor, instanța de judecată v-a hotărî depunerea de mijloace bănești pe contul bancar al expropriatului, stabilind și termenul de plată care nu v-a depăși 30 zile de la data rămânerii definitive a hotărârii judecătorești. Instanța v-a administra probele necesare în vederea verificării și stabilirii dacă sunt întrunite toate condițiile cerute de lege pentru expropriere, fără a putea repune în discuție acele probleme de

¹⁴ Legea nr.793 din 10.02.2000 contenciosului administrativ. În: Monitorul Oficial nr. 57-58 din 18.05.2000.

fond specifice fazelor anterioare ale procedurii de expropriere care odată parcurse și epuizate sunt considerate legale și intrate în puterea lucrului judecat. În procesul examinării cauzei în fond sunt posibile înțelegeri între expropriat și expropriator, de care instanța v-a lua act și v-a aproba o tranzacție de împăcare a părților.

În cazul în care lucrările pentru care s-a făcut exproprierea nu s-au realizat, iar expropriatorul dorește înstrăinarea imobilului sau, după caz cedarea drepturilor asupra imobilului, expropriatul, fostul titular de drepturi, are dreptul de preemțiune de a-l cumpăra la un preț negociabil ce nu poate fi mai mare decât despăgubirea actualizată. În acest scop expropriatorul se va adresa în scris fostului proprietar, oferindu-i pentru răspuns un termen de 30 zile. De asemenea expropriatul are dreptul prioritar la închirierea bunului expropriat dacă acesta este oferit spre închiriere înainte de utilizare. Expropriatul este în drept să solicite retrocedarea bunurilor sau drepturilor de care a fost expropriat, dacă acestea nu au fost utilizate în termen de un an la destinația pentru care au fost expropriate, respectiv lucrările nu au fost începute. Cererea de retrocedare v-a fi adresată instanței de judecată, care este în drept să dispună retrocedarea sau să refuze.

Expropriatul deține dreptul de retenție asupra obiectului exproprierii până la data primirii despăgubirii ce i se cuvine.

Convenția părților anterioară exproprierii. Numită în literatura juridică *subsidiaritatea exproprierii*,¹⁵ reprezintă posibilitatea oferită de lege părților, ca cei interesați să convină asupra cuantumului și naturii despăgubirii, pentru a elimina procedura greoaie a exproprierii. Practic transferul dreptului de proprietate se realizează prin unul din modurile de dobândire a dreptului de proprietate, iar dintre cele mai cunoscute este contractul. Între expropriator în calitate de cumpărător și titularul dreptului de proprietate sau al unui alt drept real, în calitate de vânzător se încheie un contract de vânzare-cumpărare, în formă scrisă. De asemenea tot prin convenția părților poate să aibă loc și un schimb de terenuri sau de imobile constituite. Dacă obiect al vânzării-cumpărării, schimbului etc., îl formează bunuri

imobile, dreptul de proprietate se dobândește la data înscrierii în registrul bunurilor imobile, cu excepțiile prevăzute de lege.¹⁶

Actul exproprierii pentru utilitate publică produce următoarele efecte juridice:

1) *transferă dreptul de proprietate asupra bunului expropriat în proprietate publică*. Bunul expropriat intră în patrimoniul expropriatorului liber de orice sarcini, în temeiul hotărârii judecătorești definitive și irevocabile. Potrivit legii aceste efecte juridice se produc după ce obligațiile stabilite în sarcina expropriatorului prin hotărâre judecătorească au fost îndeplinite, adică după plata despăgubirilor¹⁷. Efectul translativ al proprietății, în cazul în care părțile au încheiat un contract de vânzare-cumpărare sau de schimb de proprietate, operează în condițiile și după formele de publicitate prevăzute de lege. Declarația de utilitate publică și hotărârea judecătorească vor fi înscrise în registrul bunurilor imobile pentru a fi cunoscută de terți, dar nu sunt de natură a indisponibiliza imobilul. Proprietarul poate să-l înstrăineze, sau în caz de deces poate fi dobândit prin moștenire (la data decesului găsiindu-se în patrimoniul decedatului), în intervalul cuprins între rămânerea definitivă a hotărârii și plata despăgubirii. În această situație despăgubirea pentru bunul expropriat se va plăti noului proprietar, acesta suportând efectele hotărârii de expropriere.

2) *subrogația naturală cu titlu particular*. Deși legea nu prevede expres, potrivit alin. 2 art. 14 din Legea exproprierii pentru cauză de utilitate publică nr. 488 din 08.07.1999, terții interesați în procesul exproprierii trebuie să-și declare creanțele. Sub acest aspect ipoteca sau gajul se va strămuta de drept asupra despăgubirilor care au fost stabilite. Această situație, în opinia noastră este un caz de subrogație reală cu titlu particular. Totodată, dacă despăgubirea a fost stabilită, creditorul ipotecar sau gajist nu mai poate proceda la executarea silită a imobilului respectiv, chiar dacă până la momentul plății efective, debitorul continuă să fie proprietar.

¹⁵ Eugen Chelaru. Efectele juridice ale exproprierii pentru cauză de utilitate publică. București. În: Revista „Dreptul”. 1998, nr. 4, p. 15 – 17.

¹⁶ Alin. 2 art. 321 Cod civil al Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 82-86 din 22.06.2002.

¹⁷ Alin. 1 art. 16 din Legea nr.488 din 08.07.1999 exproprierii pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial nr. 042 din 20.04.2000.

3) *stinge dezmembrămintele dreptului de proprietate.* Dezmembrămintele dreptului de proprietate – uzul, uzufructul, abitația și superfcia – se sting prin efectul exproprierii, la fel și dreptul real de folosință precum și dreptul de concesiune asupra imobilului expropriat. Imobilul intră în proprietate publică liber de orice sarcină iar dezmembrămintele se sting pentru că nu sunt incompatibile cu dreptul de proprietate publică.

De asemenea și servituțile stabilite de asemenea se sting, dar numai în măsura în care devin incompatibile cu situația naturală și juridică a bunului urmărit prin expropriere. În privința servituților trebuie să avem în vedere două situații importante. Titularul oricărui drept și beneficiarul servituții beneficiază de despăgubiri. Dacă este vorba de servituți prin fapta omului acestea se sting. Servituțiile naturale și cele legale fiind obligații izvorâte din raporturi de vecinătate sau datorită locului în care sunt situate bunurile, acestea nu se vor stinge. Raporturile obligaționale dintre vechiul și noul proprietar se vor supune în continuare dreptului comun. Servituțiile asupra bunurilor din domeniul public sunt valabile numai în măsura în care sunt compatibile cu uzul sau interesul public căruia îi sunt destinate bunurile afectate.

4) *stinge drepturile personale.* Dintre drepturile personale care se sting putem menționa dreptul la locațiune, arendă și concesiune.

5) *pune în posesie expropriatorul.* Este un alt efect al exproprierii și decurge din calitatea de proprietar pe care o dobândește asupra bunului, posesia fiind un atribut al proprietății. Punerea în posesie se face în baza documentului executoriu eliberat de instanța de judecată după ce s-a emis hotărârea prin care se constată îndeplinirea obligațiilor privind despăgubirea. Aici trebuie de menționat existența unei excepții care, conform art. 21 din lege este operabilă în caz de extremă urgență, asediu sau război, impusă de rațiuni ce interesează apărarea țării, ordinea publică și siguranța națională, precum și în caz de calamități naturale. În aceste cazuri instanța, stabilind că utilitatea publică este declarată, poate dispune prin hotărâre punerea de îndată în posesie a expropriatorului ținând cont de faptul că acesta poate intra în posesiunea obiectului exproprierii nemijlocit după ce a plătit despăgubirea.

În concluzie ținând cont de prevederile legislației în vigoare și de practica judecătorească

în domeniu putem menționăm următoarele. Procedura exproprierii pentru cauză de utilitate publică în legislația noastră este reglementată în baza Legii exproprierii pentru cauză de utilitate publică nr. 488 din 08.07.1999. În linii mari această lege la ziua de azi întrunește criteriile de bază privind procedura exproprierii fapt ce se confirmă prin lipsa litigiilor în domeniu și inexistența unei practici judecătorești consolidate. Totuși acești indicatori nu trebuie să însemne că dacă nu există litigii judiciare suficiente pentru a se crea o practică în domeniu, legea funcționează perfect. Dimpotrivă, credem că în situația economică în care se află Republica Moldova când nu are suficiente proiecte economice, sociale sau de altă natură ce solicită a fi implementare prin intermediul instituției exproprierii nu avem destule situații de conflict create de legislația în vigoare pentru a putea fi analizate. Fără aceste proiecte, fără drumuri, sisteme de comunicații instalații de producere a energiei etc., va fi greu să ne dezvoltăm în viitor, vor veni timpurile când aceste proiecte vor deveni prioritare, iar statul trebuie să fie pregătit și urmează să-și aducă în conformitate legislația în mod continuu, dar nu atunci când nu v-a putea face față situației.

Privarea de proprietate prin intermediul exproprierii pentru cauză de utilitate publică este admisibilă atunci când sunt întrunite și respectate trei condiții esențiale **legalitatea măsurii, justificarea măsurii de o cauză de utilitate publică și proporționalitatea măsurii cu scopul vizat.**

Instituția exproprierii trebuie să fie reglementată și prevăzută de lege pentru a putea fi justificată. Nu se permite ca autoritățile publice să ocupe un imobil al unei persoane sau să preia un alt bun pentru a realiza construcții de interes public fără ca anterior să existe o decizie formală de expropriere. Statul este obligat să instituie asemenea proceduri încât să nu lase expropriatul să-și facă dreptate în judecată pentru obținerea despăgubirilor.

Statul poate să priveze persoana de proprietate însă această privare trebuie să fie justificată de o cauză de utilitate publică. Se prezumă că autoritățile publice cunosc direct și cel mai bine nevoile societății pentru a determina ce lucrare este de utilitate publică și nici un judecător, expert sau altă persoană nu sunt plasate mai bine și nu pot avea o cunoaștere mai bună a situației. Totuși

funcționarii statului nu trebuie să abuzeze de această prezumție pentru a-și soluționa interesele personale sau de grup, sau pentru a se răzbuna pe concurenții - proprietari. Statul trebuie să conștientizeze că existența unei utilități publice, care grevează un bun proprietate privată a persoanei dă naștere unei obligații pozitive statului de a expropria bunul prin oferirea unei compensații financiare proprietarului bunului. Statul nu are dreptul să-și atingă obiectivele de politică socială sau de altă natură pe spatele unei persoane private, întrucât costurile de politică socială trebuie suportate de întreaga societate nu doar de o persoană sau de un grup de persoane.

Proportionalitatea trebuie să păstreze un just echilibru între interesele generale ale societății și cele private. Statul are obligația de a nu pune în sarcina unei persoane sau grup de persoane obligații sau sarcini excesive. Proportionalitatea în materia exproprierii pentru cauză de utilitate publică trebuie să se afle într-o legătură indisolubilă cu obligativitatea stabilirii unor despăgubiri pentru bunul pierdut, calculată în raport de pierderea suferită de fostul proprietar. Dacă suma acordată drept indemnizație este departe de a fi rezonabilă față de bunul expropriat, ne vom afla în prezența unei violări a dreptului de proprietate. Altfel spus, de exemplu statul poate fi sancționat chiar și atunci când pentru exproprierea unui teren agricol nu a ținut cont de prejudiciul produs prin lipsirea persoanei de veniturile pe care le obținea de pe suprafața agricolă expropriată deși i-a achitat valoarea intrinsecă a terenului. De asemenea trebuie de avut în vedere și situații opuse când în cazul unei exproprieri parțiale este posibil ca în urma lucrărilor de utilitate publică valoarea celeilalte părți a bunului să crească substanțial. În asemenea cazuri, logic, expropriatorul are dreptul să ofere o indemnizație mai mică decât valoarea intrinsecă a bunului expropriat, însă statul nu are dreptul să utilizeze această prezumție. În cazul producerii unor dezechilibre grave între valoarea bunului și indemnizația acordată statul riscă să fie condamnat pentru încălcarea dreptului de proprietate. Nu mai puțin important privitor la principiul proporționalității este ca indemnizația să fie acordată într-un termen rezonabil de la momentul pierderii proprietății, ori întârzierea excesivă a plății indemnizației agravează

pierderile suferite datorită devalorizării monetare, creșterii prețurilor la bunurile similare etc. Considerăm că dacă într-un proiect *de lege ferenda* se v-a ține cont de concluziile și condițiile enunțate, valoarea acestei legi se v-a îmbunătăți considerabil v-a exclude abuzurile din partea expropriatorului și elimina încălcările drepturilor persoanei expropriate.

Bibliografie:

1. Codul civil al Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 82-86 din 22.06.2002.
2. Codul funciar al Republicii Moldova nr. 107 din 04.09.2001.
3. Constantin Hamangiu, Ion Rosetti-Bălănescu, Alexandru Băicoianu. Tratat de drept civil român. Vol. II. București: Editura Națională S. Ciornei, 1929, 1248 p.
4. Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial nr. 1 din 18.08.1994.
5. Eugen Chelaru. Circulația juridică a terenurilor. București: Editura All Beck, 2000. 428 p.
6. Eugen Chelaru. Efectele juridice ale exproprierii pentru cauză de utilitate publică. București. În: Revista „Dreptul”. 1998, nr. 4, p. 15 – 17.
7. Hotărârea CEDO în cauza Burghlea împotriva României. În: Monitorul Oficial al României, Partea I nr. 736 din 29.10.2009.
8. Legea contenciosului administrativ nr.793 din 10.02.2000. În: Monitorul Oficial nr. 57-58 din 18.05.2000.
9. Legea Republicii Moldova cu privire la proprietate nr.459-XII din 22.01.91. În: Monitor nr. 3-4-5-6 din 30.06.1991.
10. Legea exproprierii pentru cauză de utilitate publică nr.488 din 08.07.1999. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 042 din 20.04.2000.
11. Legea Republicii Moldova cu privire la proprietatea publică a unităților administrativ-teritoriale nr. 523-XIV din 16.07.99. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 124-125 din 11.11.1999.
12. Legea României nr.33 din 27.05.1994 privind exproprierea pentru cauză de utilitate publică. În: Monitorul Oficial al României nr. 139 din 2 iunie 1994.
13. Liviu Pop. Exproprierea pentru cauză de utilitate publică. În: revista Fiat Justiția. 1996, nr. 1, p. 28 - 33.

Copyright© CHIRTOACĂ Leonid, 2012.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СОЦИАЛЬНУЮ ЗАЩИТУ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Борис СОСНА*
Дмитрий БОСЫЙ**

ABSTRACT:

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL NORMS, REGULATING SOCIAL PROTECTION AND SOCIAL ENSURING

According to the Constitution of the Republic of Moldova, the universally recognized principles and norms of international law and international treaties of Moldova are an integral part of its legal system. This fully applies to the labor law and social relations closely related to it. This means that the relationship between the employer and employee, established on the territory of the Republic of Moldova, is governed both by national and international legal frameworks.

The rules of international labor law can be defined as regulation of labor relations, according to the settlements of international organizations and treaties that Moldova had ratified.

The most important act among these is the Universal Declaration of Human Rights adopted by the United Nations General Assembly in 1948. Alongside with other rights, the Declaration establishes the right to work, the free choice of employment, the right to just and favorable conditions of work, the right to protection against unemployment, the right to equal pay for equal work and other.

The legal acts of International Labor Organization (ILO) have an increased popularity. These acts are adopted in form of Conventions and Recommendations, and lately no ratification of them is needed, besides a law adoption by the country.

The relevance of the topic consists is explained by the existing gaps in the legislation of Moldova that establishes the social protection and security, as well as by the low level of social security and non-ratification of most conventions governing social protection and social security.

Key words: social protection, social security, implementation of international law, pensions, benefits.

REZUMAT:

IMPLEMENTAREA NORMELOR INTERNAȚIONALE PRIVIND REGLEMENTAREA PROTECȚIEI ȘI ASIGURĂRII SOCIALE

Conform Constituției RM, principiile generale ale normelor dreptului internațional și tratatele internaționale la care Moldova este parte sunt parte integră a sistemului legislative al țării. Aceasta se răsfrânge în totalitate și asupra reglementărilor rapoartelor juridice de muncă și rapoartelor sociale ce reies dintre acestea. Cu alte cuvinte, rapoartele de muncă care se stabilesc între angajatori și angajat, care se află pe teritoriul țării, sunt reglementate atât de cadrul legislativ național cât și cel internațional.

Reglementarea internațională a muncii poate fi definită ca reglementarea rapoartelor de muncă în baza normelor naționale, cât și în baza ratificării normelor organizațiilor și tratatelor internaționale.

* **SOSNA Boris** - Doctor în drept, cercetător științific superior, Institutul de Istorie, Stat și Drept al AȘM (Chișinău, Republica Moldova); **SOSNA Boris** - Candidate of legal sciences, senior research Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **СОСНА Борис Ильич** - Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института истории, государства и права, Академия наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

** **BOSÎI Dmitrii** - Magistru în drept, doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al AȘM, judecător instanței judecătorești a or. Cahul (Chișinău, Republica Moldova); **BOSÎI Dmitrii** - Master in law, PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, judge at the degree of jurisdiction of Cahul city (Kishinev, The Republic of Moldova); **БОСЫЙ Дмитрий Иванович** - Магистр права, аспирант Института истории, государства и права, Академия наук Молдовы, судья Судебной инстанции г. Кагул (Кишинев, Республика Молдова).

Printre actele normative internaționale, în primul rând se numără Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată de către Adunarea Generală ONU în 1949. Alături de alte drepturi, Declarația asigură dreptul la muncă, dreptul la libera alegere a muncii, dreptul la condiții echitabile și satisfăcătoare de muncă, precum și la ocrotirea împotriva șomajului, dreptul la salariu egal pentru muncă egală, și altele.

Sunt bine cunoscute și actele Organizației Internaționale a Muncii (OIM), care este o agenție specializată a ONU. Aceste acte se adoptă în forma unor Convenții și Recomandări, care în ultimul timp nu mai necesită a fi ratificate, odată fiind adoptată legea țării în cauză.

Actualitatea temei date reiese din legislația imperfectă a Republicii Moldova, care reglementează protecția și securitatea socială, nivelul jos de securitate socială, neratificarea majorității convențiilor care reglementează protecția socială și securitatea socială.

Cuvinte cheie: protecția socială, asigurarea socială, implementarea normelor drept internațional, pensie, ajutor material.

Ключевые слова: социальная защита, социальное обеспечение, имплементацией норм международного права, пенсии, пособия.

Под имплементацией норм международного права понимают «фактическое осуществление международных обязательств на внутригосударственном уровне путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты»¹.

Иначе говоря, под имплементацией международных норм в национальное законодательство понимается претворение в жизнь международных норм.

Имплементация международных норм может осуществляться путем их включения в национальные нормативные акты либо признания международных договоров составной частью национальной правовой системы.

Социальное обеспечение – это «система обеспечения и обслуживания престарелых и нетрудоспособных граждан, а также семей, где есть дети».²

Имплементация международных норм, регулирующих социальную защиту и социальное обеспечение, в законодательство Республики Молдова является весьма актуальной темой.

Социальное обеспечение включает в себя не только пенсии по возрасту, по инвалидности, по случаю потери кормильца, но и пособия работающим и безработным (по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и т.д.), пособия многодетным и одиноким матерям, малообеспеченным семьям, в которых есть

дети; содержание и обслуживание престарелых и инвалидов в специальных учреждениях, протезирование; профессиональное обучение и трудоустройство инвалидов; льготы инвалидам и многодетным матерям.

Социальное обеспечение в Республике Молдова регулируется действующим законодательством:

1) «О пенсиях государственного социального страхования» № 156-XIV от 14.10.1998 года;³

2) «О пенсионном обеспечении военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел» № 1544-XIII от 23.06.1993 года;⁴

3) «О пенсиях сотрудников таможенных органов, обратившихся за назначением пенсий в период с 24 августа 2000 года по 12 декабря 2003 года» № 117-XVI от 18.05.2006 года;⁵

4) «О перерасчете пенсий» № 613-XIV от 08.11.2011 года;⁶

5) «О пособиях по временной нетрудоспособности и других пособиях социального страхования» № 289-XV от 22.07.2004 года;⁷

6) Постановлением Правительства РМ № 328 от 19.03.2008 года «Об утверждении

³ Официальный монитор РМ № 111-113 от 17.12.1998 г.

⁴ Официальный монитор РМ № 247-251 от 17.12.2010 г.

⁵ Официальный монитор РМ № 87-90 от 09.06.2006 г.

⁶ Официальный монитор РМ № 144-146 от 29.11.2001 г.

⁷ Официальный монитор РМ № 168-170 от 10.09.2004 г.

¹ Большой юридический словарь под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е. Москва: ИНФРА-М, 2004, с. 222.

² Указ. соч., с. 579.

Положения о порядке исчисления пенсий государственного социального страхования».⁸

Для пенсионного законодательства Республики Молдова характерны различные условия и порядки исчисления пенсий для различных категорий граждан, сложность и запутанность порядка исчисления пенсий для работников, не являющихся государственными служащими.

Пенсии государственным служащим назначаются на более льготных условиях, чем другим работникам.

Порядок исчисления пенсий работникам, не являющимся государственными служащими, установлены законом РМ «О пенсиях государственного социального страхования» и Положением о порядке исчисления пенсий государственного социального страхования, утвержденным постановлением Правительства РМ № 328 от 19.03.2008 года.

Данное Положение включает 64 пункта и Приложение – Размеры средней заработной платы по стране, применяемой при установлении индивидуального коэффициента пенсионера.

Размеры пенсий по возрасту определяются на основании 17 математических формул, а размеры пенсий по инвалидности определяются на основании 18 математических формул.

При этом пенсии работников сельского хозяйства ниже пенсий других работников.

Пенсии работающим пенсионерам не перерасчитываются, несмотря на то, что из их заработка производятся удержания в пенсионный фонд.

В Российской Федерации, Украине и в Белоруссии пенсии работающим пенсионерам перерасчитываются каждые два года. Следовало бы устранить эту несправедливость и дополнить закон РМ «О пенсиях государственного социального страхования» статьей, предусматривающей перерасчет пенсий работающим пенсионерам через каждые два года.

Пенсии большинства граждан Республики Молдова ниже минимального прожиточного

минимума и даже ниже стоимости коммунальных услуг в осенне-зимний период.

Это противоречит ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 года, который ратифицирован постановлением Парламента РМ № 217-ХП от 28.07.1990 года.⁹

Согласно пункту 7 данного Международного пакта государства признают право каждого на удовлетворительное существование для них самих и их семей в соответствии с постановлениями настоящего Пакта.

Статья 9 обязывает государства признавать право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование.

Статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах гласит: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни. Государства-участники примут надлежащие меры к обеспечению осуществления этого права, признавая важное значение в этом отношении международного сотрудничества, основанного на свободном согласии.

Участвующие в настоящем Пакте государства, признавая основное право каждого человека на свободу от голода, должны принимать необходимые меры индивидуально и в порядке международного сотрудничества, включающие проведение конкретных программ, для того чтобы:

а) улучшить методы производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания и усовершенствования или реформы аграрных систем таким образом, чтобы достигнуть наиболее эффективного освоения и использования природных ресурсов; и

б) обеспечить справедливое распределение мировых запасов продовольствия в

⁸ Официальный монитор РМ № 61-62 от 25.03.2008 г.

⁹ «Вести» № 8/223, 1990 г.

соответствии с потребностями и с учетом проблем стран как импортирующих, так и экспортирующих пищевые продукты».

Низкие размеры пенсий большинства граждан Республики Молдова свидетельствуют о том, что Республика Молдова не выполняет положения Всеобщей декларации прав человека, принятой 18.12.1948 года Генеральной Ассамблеи ООН и положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого Генеральной Ассамблеей ООН 19.12.1966 года, которые ратифицированы постановлением Парламента РМ № 217-ХП от 28.07.1990 года.

Республика Молдова, к сожалению, не ратифицировала Протокол № 12 от 4 ноября 2000 года к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

Данный протокол запрещает все без исключения формы дискриминации, в том числе в области трудовых отношений и социального обеспечения и дает право обжаловать дискриминацию в Европейский суд по правам человека.

Согласно пункту 1 ст. 11 Протокола № 12 пользование любым правом, признанным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства.

Согласно пункту 2 ст. 1 протокола № 12 никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей по признакам, упомянутым в пункте 1 настоящей статьи.

Запрещение дискриминации при пользовании правами и свободами, признанными в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, предусмотрено ст. 14 данной Конвенции.¹⁰

Согласно ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Статья 14 Конвенции гарантирует пользование без дискриминации не всеми правами и свободами, а только правами и свободами, гарантированными Конвенцией от 4 ноября 1950 года и Протоколами к этой Конвенции.

Право на обращение в Европейский суд по правам человека с жалобой возникает только в случае дискриминации при пользовании правами и свободами, гарантированными Конвенцией от 4 ноября 1950 года и Протоколами к этой Конвенции.

Право на труд и право на социальное обеспечение не гарантировано ни конвенцией, ни Протоколами к ней.

Поэтому дискриминация при пользовании правом на труд и при пользовании правом на социальное обеспечение не дает гражданам Молдовы права на обращение в этих случаях в Европейский суд по правам человека, пока Республика Молдова не ратифицировала протокол № 12 к Конвенции от 4 ноября 1950 года.

В случае ратификации Протокола № 12 граждане Республики Молдова будут иметь право обратиться в Европейский суд по правам человека с жалобами на дискриминацию при пользовании правом на труд, правом на социальное обеспечение и др.

В настоящее время обжаловать в Европейский суд по правам человека можно только дискриминацию при пользовании правами и свободами, признанными Конвенцией от 4 ноября 1950 года и протоколами к ней. Конвенцией и Протоколами к ней, ратифицированными постановлением Парламента РМ № 1298-ХП

¹⁰ Методические рекомендации по обращению в Европейский суд по правам человека. Авт.-сост. С. И.

Добровольская, отв. ред. Ю.М. Боровков. Москва: Новая юстиция, 2007, с. 9.

от 24.07.1997 года¹¹ признаны следующие права и свободы:

1. Право на жизнь (статья 2 Конвенции);
2. Запрещение пыток (статья 3 Конвенции);
3. Запрещение рабства и принудительного труда (статья 4 Конвенции);
4. Право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5 Конвенции);
5. Право на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции);
6. Наказание исключительно на основании закона (статья 7 Конвенции);
7. Право на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Конвенции);
8. Свобода мысли, совести и религии (статья 9 Конвенции);
9. Свобода выражения мнения (статья 10 Конвенции);
10. Свобода собраний и объединений (статья 11 Конвенции);
11. Право на вступление в брак (статья 12 Конвенции);
12. Право на эффективное средство правовой защиты (статья 13 Конвенции);
13. Запрещение дискриминации (относится только к правам, закреплённым Конвенцией и её протоколами) (статья 14 Конвенции);
14. Защита собственности (статья 1 Протокола № 1 от 20.03.1952 года к Конвенции);
15. Право на образование (статья 2 Протокола № 1 к Конвенции);
16. Право на свободные выборы (статья 3 Протокола № 1 к Конвенции);
17. Запрещение лишения свободы за долги (статья 1 Протокола № 4 от 16.09.1963 года к Конвенции от 4 ноября 1950 года);
18. Свобода передвижения (статья 2 Протокола № 4 к Конвенции);
19. Запрещение высылки граждан (статья 3 Протокола № 4 к Конвенции);
20. Запрещение коллективной высылки иностранцев (статья 4 Протокола № 4 к Конвенции);
21. Отмена смертной казни (ограничена мирным временем) (статья 1 Протокола № 6 от 28.04.1983 года к Конвенции);

¹¹ Официальный монитор РМ № 54-55 от 21.08.1997 г.

22. Смертная казнь во время войны (статья 2 Протокола № 6 к Конвенции);

23. Процедурные гарантии в случае высылки иностранцев (статья 1 Протокола № 7 к Конвенции);

24. Право на обжалование приговоров по уголовным делам во второй инстанции (статья 2 Протокола № 7 к Конвенции);

25. Компенсация за ошибочный приговор (статья 3 Протокола № 7 к Конвенции);

26. Право не быть судимым или наказанным дважды (статья 4 Протокола № 7 к Конвенции);

27. Равноправие супругов (статья 5 Протокола № 7 к Конвенции).¹²

Республика Молдова не ратифицировала следующие конвенции Международной Организации Труда (МОТ), регулирующие социальное обеспечение:

1) № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» 1952 г.;

2) № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения» 1962 г.;

3) № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» 1982 г.

Сравнительный анализ национального законодательства, регулирующего социальную защиту и социальное обеспечение, и международных договоров дает основание для вывода о необходимости ускорения имплементации международных норм и реформирования национального законодательства.

Способы имплементации международных норм, регулирующих социальную защиту и социальное обеспечение, в первую очередь, зависят от юридической силы источников международного права.

Источники международного права можно подразделить на 3 группы:

1) акты, обязательные для исполнения государствами – участниками без ратификации;

¹² А. Сосна. Особенности рассмотрения жалоб физических и юридических лиц Европейским судом по правам человека. В: Закон и жизнь. 2005, № 9, с. 57; В.Г.Бессарабов. Европейский суд по правам человека. Москва: Москва: Юрлитинформ, 2004, с. 195.

2) акты, обязательные для исполнения только после их ратификации государствами – участниками;

3) акты, не подлежащие ратификации и необязательные для исполнения.

К актам, обязательным для исполнения государствами – участниками без ратификации, относятся международные договоры.

Они порождают юридические обязанности для государств – участников и приводят в действие определенные средства международного контроля, предусматривают ответственность за их неисполнение.

С момента вступления в силу договора у государства как субъекта международного права возникает юридическая обязанность исполнения договора. Но возможность исполнения требований международного договора зависит от следующих обстоятельств:

- содержания самого договора, от того, насколько точно в нем указаны внутригосударственные правоотношения, их субъекты и т.п.;

- особенностей национального законодательства и практики, например, по вопросу о приоритете международного или внутреннего права в случае их расхождения.

Кроме международных договоров в эту группу входят регламенты Совета ЕЭС, которые обязательны и применяются непосредственно в государствах-участниках без ратификации национальными парламентами.

Ко второй группе относятся документы ООН, конвенции МОТ и акты региональных международных организаций, обязательные для соблюдения только после ратификации компетентным государственным органом.

Ратификация конвенции — это юридический акт, совершая который государство заявляет о своем полном признании конвенции и берет на себя обязательство привести в соответствие с нею внутреннее законодательство и практику.

В Международном пакте ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. правам в области социального обеспечения посвящено несколько статей. Соблюдение пакта обязательно для

ратифицировавших стран. МОТ постоянно прилагает усилия для воплощения на практике принципов, в соответствии с которыми законодательство стран-членов должно гарантировать справедливые экономические усилия, в том числе и в области социального обеспечения, всем трудящимся, законно проживающим на ее территории.

Конвенции и рекомендации принимаются Международной конференцией труда (МКТ). После ратификации конвенции становятся международными договорами. Вместе с тем действует правило, в соответствии с которым государство, ратифицировавшее конвенцию, не может ухудшать действующее в стране законодательство.

По мере необходимости устаревшие конвенции пересматриваются. Ратификация государством новой конвенции означает денонсацию старой, если иное не предусмотрено текстом конвенции.

В соответствии со ст. 22 Устава МОТ каждое государство, ратифицировавшее конвенцию, обязуется представлять ежегодные доклады Генеральному директору МОТ о мерах, принятых для ее эффективного применения.

Система международного контроля за исполнением ратифицированных конвенций, установленная в МОТ, является одной из самых совершенных среди других аналогичных международных процедур и осуществляется по следующим направлениям: изучение регулярных докладов правительств; рассмотрение различных видов жалоб.

Контрольные функции выполняют Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций Административного совета и Комитет по применению конвенции и рекомендаций МКТ.

Результатом деятельности комитетов может быть следующее: государство под влиянием представлений комитетов вносит необходимые изменения в национальное право с целью приведения его в соответствие с международными нормами; оставляет законодательство без изменения; денонсирует конвенцию.

Жалобы на государства, не соблюдающие ратифицированные конвенции, могут быть поданы в МОТ любым ее членом,

национальными организациями трудящихся или предпринимателей, международными организациями. Они рассматриваются комиссиями и комитетами Административного совета, который информирует об итогах заинтересованное правительство. В случае невыполнения правительством предложенных рекомендаций Генеральный директор МОТ передает жалобу в Международный Суд. Решение Международного Суда является окончательным.

Третью группу составляют документы, не являющиеся международными договорами. Они содержат в основном нормы рекомендательного характера, неисполнение которых не влечет каких-либо юридических последствий. Наиболее важными из них являются декларации ООН и рекомендации МОТ по вопросам социального обеспечения.

По нашему мнению, кроме активизации процесс имплементации международных норм, регулирующих социальную защиту и социальное обеспечение, необходима коренная реформа национального законодательства по следующим причинам.

Во-первых, международные договоры, регулирующие социальную защиту и социальное обеспечение, устарели.

Во-вторых, эти международные договоры содержат много абстрактных норм.

В-третьих, действующие законы и подзаконные нормативные акты, регулирующие социальную защиту и социальное обеспечение, носят явно дискриминационный характер и содержат противоречивые и двусмысленные нормы.

Поясним это на конкретных примерах.

Закон РМ «О пенсиях государственного социального страхования» устанавливает различные условия назначения и порядки исчисления пенсий для рабочих и служащих, для государственных служащих, для местных выборных лиц, для судей, для прокуроров.

Согласно части (1) ст. 15 этого закона полная пенсия по возрасту назначается по достижении пенсионного возраста, предусмотренного статьей 41, при наличии страхового стажа, предусмотренного статьей 42 этого закона.

Согласно ст. 41 закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» в 2012 году пенсионный возраст составляет 57 лет для женщин и 62 года для мужчин. Для женщин, родивших и воспитавших до 8-летнего возраста пятерых и более детей, составляет 53 и 9 месяцев.

Согласно ст. 42 закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» страховой стаж составляет в 2012 году 31 год.

Совсем другие льготные условия назначения пенсий установлен государственным служащим, местным выборным лицам, судьям и прокурорам.

Согласно части (1) ст. 44 закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» застрахованное лицо со статусом государственного служащего, имеющее страховой стаж, предусмотренный в части (1¹) ст. 42, и подтверждающее не менее 15 лет страхового стажа на государственной службе, пользуется правом на пенсию при достижении возраста, предусмотренного в части (2) настоящей статьи. Пенсия исчисляется в размере 75 % среднемесячного застрахованного дохода, определяемого в соответствии со ст. 45.

Согласно части (2) ст. 44 этого закона начиная с 1 июля 2011 года для государственных служащих устанавливается пенсионный возраст 57 лет и 6 месяцев для мужчин и 52 года и 6 месяцев для женщин. В каждом последующем году возраст увеличивается, пока не достигнет пенсионного возраста, предусмотренного в части (1) ст. 41, согласно таблице 6.

Таблица 6

Начиная с 1 июля	Пенсионный возраст	
	Мужчины	Женщины
2011 г.	57 лет 6 месяцев	52 года 6 месяцев
2012 г.	58 лет	53 года
2013 г.	58 лет 6 месяцев	53 года 6 месяцев
2014 г.	59 лет	54 года
2015 г.	59 лет 6 месяцев	54 года 6 месяцев
2016 г.	60 лет	55 лет
2017 г.	60 лет 6 месяцев	55 лет 6 месяцев
2018 г.	61 год	56 лет

2019 г.	61 год 6 месяцев	57 лет
2020 г.	62 года	57 лет

Согласно части (3) ст. 44 закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» застрахованное лицо, не имеющее статуса государственного служащего, но подтверждающее не менее 15 лет страхового стажа на государственной службе, достигшее пенсионного возраста, указанного в части (1) ст. 41 и имеющее страховой стаж, предусмотренный в части (1¹) ст. 42, имеет право на пенсию, исчисленную в размере 75% среднемесячного застрахованного дохода, определяемого в соответствии со ст. 45.

Таким образом, пенсионный возраст государственных служащих в 2012 году составляет 58 лет для мужчин и 53 года для женщин, т.е. на 4 года ниже, чем пенсионный возраст рабочих и служащих, что нельзя признать справедливым.

Размер пенсии по возрасту для рабочих и служащих определяется Приложением № 2 к закону «О пенсиях государственного социального страхования» и Положением о порядке исчисления пенсий государственного социального страхования, утвержденным постановлением Правительства РМ № 328 от 19.03.2008 года.

В Приложении 2 к закону «О пенсиях государственного социального страхования» указано:

Формулы для исчисления размеров пенсий по возрасту

(1) Размер полной пенсии по возрасту исчисляется по формуле:

$$P = \{1,4\% \times V_1 + 2\% \times (V_t - V_1) + 2\% \times (R - R_1)\} \times S_a$$

где:

P - размер пенсии;

V_t - подтвержденный страховой стаж;

V₁ - необходимый страховой стаж на дату получения права на пенсию;

R - фактический возраст при выходе на пенсию;

R₁ - пенсионный возраст, необходимый на дату получения права на пенсию;

S_a - среднемесячный застрахованный доход.

(2) Если застрахованное лицо на дату назначения пенсии не подтверждает необходимый страховой стаж, но имеет страховой стаж не менее 15 лет, размер пенсии исчисляется по формуле:

$$P = 1,4\% \times V_t \times S_a.$$

(3) При исчислении среднемесячного застрахованного дохода по желанию застрахованного лица период, в течение которого уплачивались взносы исходя из балло-гектара, может быть вычтен из расчета и одновременно из страхового стажа.

В Положении о порядке исчисления пенсий государственного социального страхования содержится целый ряд формул, недоступных для большинства граждан.

Раздел II этого Положения - Исчисление пенсии по возрасту занимает 6,5 страниц печатного текста, содержащего ряд малопонятных формул. Приведем для примера часть этого текста.

1. Исчисление размера пенсии по возрасту из застрахованного дохода, полученного до 1 января 1999 года

4. Если размер пенсии по возрасту определяется за период, предшествовавший дню вступления в силу Закона о пенсиях, то есть до 1 января 1999 года, для определения размера пенсии принимается во внимание заработок за любые 60 месяцев подряд (независимо от имеющихся перерывов в работе) из последних 15 лет работы перед вступлением в силу Закона о пенсиях и используются следующие формулы:

а) для работников сельского хозяйства:

$$P_v = 110 + 0,005 \times V_t \times S_{\text{ж}} \times K$$

б) для других получателей пенсии по возрасту:

$$P_v = 125 + 0,005 \times V_t \times S_{\text{ж}} \times K$$

где:

P_v - размер пенсии, исчисленный из застрахованного дохода до 1 января 1999 года;

110, 125 – фиксированные минимальные гарантированные государством суммы при наличии полного страхового стажа. При наличии неполного страхового стажа фиксированный гарантированный минимум устанавливается пропорционально подтвержденному страховому стажу;

0,005 – стоимость одного страхового года до 1 января 1999 г.

S_m - среднемесячная заработная плата по стране, определяется для каждой категории получателей за год, предшествующий году выхода на пенсию, а в случае назначения пенсии в период с 1 января по 31 марта включительно учитывается среднемесячная заработная плата по стране, из которой выплачивались взносы за год, предшествовавший году выхода на пенсию, предшествующему году назначения пенсии;

V_t - страховой стаж за весь период трудовой деятельности, выражается в годах с точностью до одного знака после запятой;

K - индивидуальный коэффициент пенсионера, определяемый в порядке, предусмотренном пунктом 35 настоящего положения.

5. Эта формула применяется при исчислении пенсии и в случае, если продолжительность страхового стажа, приобретенного после 1 января 1999 года, составляет менее года и засчитывается в общий страховой стаж.

6. В случае, если не менее половины необходимого страхового стажа, имеющегося на дату назначения пенсии, застрахованное лицо осуществляло трудовую деятельность в качестве работника сельского хозяйства и/или члена колхоза, размер пенсии определяется по формуле, установленной для работников сельского хозяйства.

7. В соответствии со статьей 1 Закона о пенсиях к категории работников сельского хозяйства относятся:

1) владельцы и/или арендаторы сельскохозяйственных земель;

2) члены сельскохозяйственной ассоциации или других форм сельскохозяйственных объединений;

3) лица, занятые сельскохозяйственным трудом в индивидуальном хозяйстве или в одной из форм сельскохозяйственного объединения.

8. Гарантированный минимум в фиксированном размере назначается только при наличии полного страхового стажа. При неполном страховом стаже, но не менее 15 лет, гарантированный минимум

устанавливается пропорционально подтвержденному страховому стажу.

9. Минимальная пенсия представляет собой сумму, ежемесячно выплачиваемую лицам в случае, когда полный размер пенсии, исчисленный в соответствии с Законом о пенсиях, не достигает этой суммы. Во всех случаях минимальная пенсия превышает на 10 леев гарантированный минимум, предусмотренный для соответствующей категории пенсионеров.

В таком неоправданно усложненном порядке исчисляется пенсия из застрахованного дохода, полученного до 1 января 1999 года.

Не менее усложнен и запутан порядок исчисления размера пенсии по возрасту из застрахованного дохода, полученного до и после 1999 года.

10. Размер пенсии из застрахованного дохода, полученного (i) до и (ii) после вступления в силу Закона о пенсиях, определяется по следующей формуле:

$$P_t = \frac{V_v}{V_t} \times P_v + \frac{V_n}{V_t} \times P_n$$

Согласно формуле общий размер пенсии (P_t) складывается из двух частей, каждая из которых представляет собой:

а) часть пенсии, определяемую на основании застрахованного дохода, полученного до 1 января 1999 года, и умноженную на отношение страхового стажа до 1 января 1999 года к общему страховому стажу (V_t)

$$\frac{V_v}{V_t} \times P_v,$$

где для работников сельского хозяйства:

$$P_v = 110 + 0,005 \times V_t \times S_m \times K;$$

для других получателей пенсии по возрасту:

$$P_v = 125 + 0,005 \times V_t \times S_m \times K$$

б) часть пенсии, определяемую на основании застрахованного дохода, полученного после 1 января 1999 года, и умноженную на отношение страхового стажа

после 1 января 1999 года (V_n) к общему страховому стажу (V_t)

$$\frac{V_n}{V_t} \times P_n$$

в случае, если страховой стаж и возраст больше необходимых, пенсия исчисляется по формуле:

$$P_n = \{1,4\% \times 30 + 2\%(V_t - V_l) + 2\%(R - R_l)\} \times S_a,$$

в случае, когда страховой стаж не превышает необходимый или меньше его, пенсия исчисляется по формуле:

$$P_n = 1,4\% \times V_t \times S_a.$$

11. Если общий страховой стаж выше необходимого, предусмотренного частью (1) статьи 42 Закона о пенсиях, эта формула исчисления пенсии в развернутом виде выглядит следующим образом:

а) для работников сельского хозяйства:

$$P_t = \frac{V_t}{V_t} \times (110 + 0,005 \times V_t \times S_m \times K) + \frac{V_n}{V_t} \{1,4\% \times 30 + 2\%(V_t - V_l) + 2\%(R - R_l)\} \times S_a;$$

б) для других получателей пенсии по возрасту:

$$P_t = \frac{V_t}{V_t} \times (125 + 0,005 \times V_t \times S_m \times K) + \frac{V_n}{V_t} \{1,4\% \times 30 + 2\%(V_t - V_l) + 2\%(R - R_l)\} \times S_a,$$

где:

P_t - размер пенсии, исчисленной за период до и после вступления в силу Закона о пенсиях, то есть сумма пенсионных прав, исчисленных за эти периоды;

P_v - размер пенсии, исчисленный за период до вступления в силу Закона о пенсиях, то есть до 1 января 1999 года;

P_n - размер пенсии, исчисленный за период после вступления в силу Закона о пенсиях, то есть после 1 января 1999 года;

V_v - страховой стаж до вступления в силу Закона о пенсиях;

V_n - страховой стаж после вступления в силу Закона о пенсиях;

V_t - общий страховой стаж за весь период трудовой деятельности, выраженный как сумма страхового стажа, приобретенного до и после вступления в силу Закона о пенсиях, который не может быть менее 15 лет;

V_l - необходимый страховой стаж на день обращения за пенсией;

R - фактический возраст выхода на пенсию;

R_l - пенсионный возраст, необходимый на день обращения за пенсией;

S_a - среднемесячный застрахованный доход, определяемый в порядке, предусмотренном пунктом 53 настоящего положения;

S_m - среднемесячная заработная плата по стране, определяется для каждой категории получателей за год, предшествующий году выхода на пенсию, а в случае назначения пенсии в период с 1 января по 31 марта включительно учитывается среднемесячная заработная плата по стране, из которой выплачивались страховые взносы за год, предшествовавший году, предшествующему году назначения пенсии;

1,4% - стоимость одного страхового года после 1 января 1999 года, исчисленная в процентах;

30 - продолжительность страхового стажа, при котором он признается полным;

2% - 1) надбавка за каждый год страхового стажа, превышающий необходимый в соответствии с частью (1) статьи 42 Закона о пенсиях, определяемый из среднемесячного застрахованного дохода с точностью до двух знаков после запятой;

2% - 2) надбавка за каждый год страхового стажа, отработанный после достижения пенсионного возраста, установленного частью (1) статьи 41 Закона о пенсиях, выраженный целым числом;

$$\frac{V_v}{V_t}$$

- соотношение страхового стажа до 1 января 1999 года к общему страховому стажу, которое определяется с точностью до 3 знаков после запятой;

$$\frac{V_n}{V_t}$$

- соотношение страхового стажа после 1 января 1999 года к общему страховому стажу, которое определяется с точностью до 3 знаков после запятой.

12. Застрахованному лицу, имеющему страховой стаж, продолжительность которого превышает необходимый (часть (1) статьи 42 Закона о пенсиях), за каждый год страхового стажа свыше необходимого размер пенсии

увеличивается на 2 процента среднемесячного застрахованного дохода.

При этом стаж, дающий право на повышение, определяется с точностью до одного знака после запятой.

13. Если застрахованное лицо отвечает условиям для получения полной пенсии, предусмотренных в статьях 41 и 42 Закона о пенсиях, но не реализовало это право, при установлении пенсии ее размер увеличивается на 2 процента среднемесячного застрахованного дохода за каждый полный страховой год, отработанный после достижения пенсионного возраста.

Данное увеличение не устанавливается лицам, которые являлись получателями другого вида пенсий.

3. Исчисление размера пенсии по возрасту из застрахованного дохода, полученного после 1 января 1999 года

14. Для застрахованных лиц, у которых страховой стаж, приобретенный после 1 января 1999 года, составляет не менее 20 лет, размер пенсии определяется, в соответствии со ст. 16 Закона о пенсиях, из среднемесячного застрахованного дохода, полученного после 1 января 1999 года, при подтверждении общего страхового стажа не более 30 лет, согласно формуле:

$$P = 1,4\% \times V_t \times S_a,$$

где

P - размер пенсии, исчисленный за период после вступления в силу Закона о пенсиях;

V_t - общий страховой стаж за весь период трудовой деятельности;

S_a - среднемесячный застрахованный доход.

15. Для застрахованных лиц, у которых страховой стаж, приобретенный после 1 января 1999 года, составляет не менее 20 лет, размер пенсии определяется, в соответствии со ст. 16 Закона о пенсиях, из среднемесячного застрахованного дохода, полученного после 1 января 1999 года, при подтверждении общего страхового стажа более 30 лет, согласно формуле:

$$P = \{1,4\% \times 30 + 2\%(V_t - V_t) + 2\%(R - R_t)\} \times S_a,$$

где:

P - размер пенсии, исчисленный за период после вступления в силу Закона о пенсиях;

V_t - общий страховой стаж за весь период трудовой деятельности, то есть сумма страхового стажа, реализованного до и после 1 января 1999 года (минимум 20 лет), который не может быть менее (или равен) 30 годам;

V_1 - страховой стаж, необходимый на день обращения за пенсией;

R - фактический возраст выхода на пенсию;

R_1 - пенсионный возраст, необходимый на дату приобретения права на пенсию;

S_a - среднемесячный застрахованный доход.

Приведенное Положение о порядке исчисления пенсий государственного социального страхования больше похоже на докторскую диссертацию по математике, понятную только автору, но не нормативный акт, содержание которого должно быть понятным большинству граждан.

Льготные условия назначения пенсий установлены местным выборным лицам, судьям, прокурорам.

Согласно части (1) ст. 46 закона «О пенсиях государственного социального страхования» застрахованное лицо, которое не менее 8 лет занимало должность председателя, заместителя председателя района (уездного совета, районного исполнительного комитета), примара (председателя городского, сельского совета), достигшее пенсионного возраста, указанного в части (1) статьи 41, и подтверждающее страховой стаж, предусмотренный в части (11) статьи 42, имеет право на пенсию, исчисленную в размере 75 процентов суммы всех месячных застрахованных выплат лицу, занимающему соответствующую должность. Сумма всех месячных застрахованных выплат устанавливается на момент назначения пенсии. Застрахованное лицо со статусом государственного служащего, имеющее страховой стаж, предусмотренный в части (1¹) статьи 42, и подтверждающее не менее 15 лет страхового стажа на государственной службе, пользуется правом на пенсию при достижении возраста, указанного в таблице 6.

Условия назначения пенсий судьям установлены ст. 46¹ закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования».

Застрахованное лицо, достигшее возраста, указанного в части (2), и подтверждающее страховой стаж, предусмотренный в части (3), из которого не менее 15 лет в должности судьи, имеет право на пенсию, исчисленную в размере 75 процентов суммы всех месячных застрахованных выплат действующему судье в последней занимаемой должности.

(2) Начиная с 1 июля 2011 года для судей устанавливается пенсионный возраст 50 лет и 6 месяцев как для мужчин, так и для женщин. В каждом последующем году пенсионный возраст увеличивается, пока не достигнет пенсионного возраста, предусмотренного в части (1) статьи 41, согласно таблице 1.

Таблица 1

Начиная с 1 июля	Пенсионный возраст	
	Мужчины	Женщины
2011 г.	50 лет 6 месяцев	50 лет 6 месяцев
2012 г.	51 год	51 год
2013 г.	51 год 6 месяцев	51 год 6 месяцев
2014 г.	52 года	52 года
2015 г.	52 года 6 месяцев	52 года 6 месяцев
2016 г.	53 года	53 года
2017 г.	53 года 6 месяцев	53 года 6 месяцев
2018 г.	54 года	54 года
2019 г.	54 года 6 месяцев	54 года 6 месяцев
2020 г.	55 лет	55 лет
2021 г.	55 лет 6 месяцев	55 лет 6 месяцев
2022 г.	56 лет	56 лет
2023 г.	56 лет 6 месяцев	56 лет 6 месяцев
2024 г.	57 лет	57 лет
2025 г.	57 лет 6 месяцев	57 лет
2026 г.	58 лет	57 лет
2027 г.	58 лет 6 месяцев	57 лет
2028 г.	59 лет	57 лет
2029 г.	59 лет 6 месяцев	57 лет
2030 г.	60 лет	57 лет
2031 г.	60 лет 6 месяцев	57 лет
2032 г.	61 год	57 лет
2033 г.	61 год 6 месяцев	57 лет

2034 г.	62 года	57 лет
---------	---------	--------

(3) Начиная с 1 июля 2011 года для судей устанавливается необходимый страховой стаж для назначения пенсии 22 года. В каждом последующем году страховой стаж увеличивается, пока не достигнет 35 лет, как для мужчин, так и для женщин, согласно таблице 2.

Таблица 2

Начиная с 1 июля	Страховой стаж
2011 г.	22 года
2012 г.	24 года
2013 г.	26 лет
2014 г.	28 лет
2015 г.	30 лет
2016 г.	32 года
2017 г.	34 года
2018 г.	35 лет

(4) Положения части (1) распространяются на судей, работавших в международных судебных инстанциях; при этом пенсия исчисляется исходя из суммы всех месячных застрахованных выплат судье Высшей судебной палаты.

(5) Нестраховые периоды деятельности в должности судьи до 31 декабря 2005 года включаются в общий и специальный страховой стаж. Расходы, связанные с включением в страховой стаж вышеуказанных периодов, покрываются из средств государственного бюджета в порядке, установленном Правительством.

Условия назначения пенсий прокурорам установлены ст. 46² закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования»

(1) Застрахованное лицо, достигшее возраста, указанного в части (2), и подтверждающее страховой стаж, предусмотренный в части (3), из которого не менее 15 лет в должности прокурора, имеет право на пенсию, исчисленную в размере 75 процентов суммы всех месячных застрахованных выплат действующему прокурору в последней занимаемой должности.

(2) Начиная с 1 июля 2011 года для прокуроров устанавливается пенсионный возраст 50 лет и 6 месяцев как для мужчин,

так и для женщин. В каждом последующем году пенсионный возраст увеличивается, пока не достигнет пенсионного возраста, предусмотренного в части (1) статьи 41, согласно таблице 3.

Таблица 3

Начиная с 1 июля	Пенсионный возраст	
	мужчины	женщины
2011 г.	50 лет 6 месяцев	50 лет 6 месяцев
2012 г.	51 год	51 год
2013 г.	51 год 6 месяцев	51 год 6 месяцев
2014 г.	52 года	52 года
2015 г.	52 года 6 месяцев	52 года 6 месяцев
2016 г.	53 года	53 года
2017 г.	53 года 6 месяцев	53 года 6 месяцев
2018 г.	54 года	54 года
2019 г.	54 года 6 месяцев	54 года 6 месяцев
2020 г.	55 лет	55 лет
2021 г.	55 лет 6 месяцев	55 лет 6 месяцев
2022 г.	56 лет	56 лет
2023 г.	56 лет 6 месяцев	56 лет 6 месяцев
2024 г.	57 лет	57 лет
2025 г.	57 лет 6 месяцев	57 лет
2026 г.	58 лет	57 лет
2027 г.	58 лет 6 месяцев	57 лет
2028 г.	59 лет	57 лет
2029 г.	59 лет 6 месяцев	57 лет
2030 г.	60 лет	57 лет
2031 г.	60 лет 6 месяцев	57 лет
2032 г.	61 год	57 лет
2033 г.	61 год 6 месяцев	57 лет
2034 г.	62 года	57 лет

(4) Начиная с 1 июля 2011 года для прокуроров устанавливается необходимый страховой стаж для назначения пенсии 22 года. В каждом последующем году страховой стаж увеличивается, пока не достигнет 35 лет, как для мужчин, так и для женщин, согласно таблице 4.

Таблица 4

Начиная с 1 июля	Страховой стаж
2011 г.	22 года
2012 г.	24 года
2013 г.	26 лет
2014 г.	28 лет
2015 г.	30 лет
2016 г.	32 года
2017 г.	34 года
2018 г.	35 лет

(4) На военных прокуроров распространяется действие Закона о пенсионном обеспечении военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел. Трудовой стаж прокуроров, переведенных в военные прокуратуры и в подразделение Генеральной прокуратуры, осуществляющее полномочия в Вооруженных силах, включается в общий трудовой стаж военнослужащего.

(5) В трудовой/страховой стаж прокурора, необходимый для назначения пенсии, включается также период работы в качестве следователя прокуратуры и судьи.

(6) Нестраховые периоды деятельности в должности прокурора, следователя прокуратуры и судьи до 31 декабря 2005 года включаются в общий и специальный страховой стаж. Расходы, связанные с включением в страховой стаж вышеуказанных периодов, покрываются из средств государственного бюджета в порядке, установленном Правительством.

Таким образом, в 2012 году пенсионный возраст прокуроров (мужчин и женщин) составляет 51 год, а страховой стаж 24 года, тогда как пенсионный возраст рабочих и служащих составляет 57 лет для женщин и 62 года для мужчин, а страховой стаж 31 год.

Сравнение условий назначения пенсий различным категориям работников свидетельствует о дискриминационном характере пенсионного законодательства Республики Молдова.

Для приведения этого законодательства в соответствие с международными нормами, на наш взгляд, необходимо:

1. ратифицировать:

а) Протокол № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод

б) Конвенцию МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» 1952 г.;

в) Конвенцию МОТ № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» 1982 г.

2) внести существенные изменения в законодательство о социальном обеспечении, в том числе уравнивать условия назначения пенсий в течение 1-2 лет, а не в течение 10 -15 лет,

3) производить перерасчет пенсий работающим пенсионерам через каждые 2 года.

Библиография:

1. Бессарабов В.Г. Европейский суд по правам человека. Москва: Юрлитинформ, 2004. 248 с.

2. Большой юридический словарь под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е. Москва: ИНФРА-М, 2004. 704 с.

3. Вести № 8/223, 1990 г.

4. Методические рекомендации по обращению в Европейский суд по правам человека. Авт.-сост. С. И. Добровольская, отв. ред. Ю.М. Боровков. Москва: Новая юстиция, 2007. 288 с.

5. Официальный монитор РМ № 111-113 от 17.12.1998 г.

6. Официальный монитор РМ № 144-146 от 29.11.2001г.

7. Официальный монитор РМ № 168-170 от 10.09.2004 г.

8. Официальный монитор РМ № 247-251 от 17.12.2010 г.

9. Официальный монитор РМ № 54-55 от 21.08.1997 г.

10. Официальный монитор РМ № 61-62 от 25.03.2008 г.

11. Официальный монитор РМ № 87-90 от 09.06.2006 г.

12. Сосна А. Особенности рассмотрения жалоб физических и юридических лиц Европейским судом по правам человека. В: Закон и жизнь. 2005, № 9, с. 55 – 57.

**Copyright© SOSNA Boris,
BOSÎI Dmitrii, 2012.**

RELATII INTERNAZIONALE

**LA EVOLUCIÓN DE LA POLÍTICA EUROPEA
EN MATERIA DE INMIGRACIÓN**

Cristina BURIAN*

**REZUMAT:
EVOLUȚIA POLITICII EUROPENE DE IMIGRARE**

Procesele de imigrare în Uniunea Europeană au suferit schimbări semnificative în ultimele șase decenii. Originea de imigranți în UE a variat de la un deceniu la altul, astfel încât în anii 1950 - 1960 principalii imigranți au fost originarii din Africa și turcii, mai târziu – originarii din Asia, în cea mai mare parte - chinezi, și, cel mai recent, latinoamericani, mai ales columbieni și ecuadorienii, care sosesc în masă în UE și în special în Spania, care, în 2007, a devenit un stat cu cele mai mari rate de imigrare în EU-10 %, urmată de Franța (9,6%), Germania (8,9%) și Regatul Unit (8,1%). Trebuie de notat că numărul de imigranți este în creștere mai rapidă decât populația originară a țării de destinație.

Potrivit unui raport al Înalțului Comisariat pentru Refugiați al ONU (UNHCR), 80 la sută din solicitanții de azil în Uniunea Europeană aleg doar câteva țări, în care cererea de azil este comparativ mai mare decât rata medie de azil în întreaga lume: Franța, Marea Britanie și Germania. În opinia autorității contractante, majoritatea imigranților încearcă să ajungă la Europa ca refugiați economici, dar printre ei sunt, de asemenea, persoane care au probleme cu justiția în țara sa, sau fug de persecuții politice sau religioase.

Este semnificativ, că migrația oamenilor de știință, a intelectualilor, artiștilor, tehnicienilor, atleților etc., este un proces negativ pentru țările mai puțin dezvoltate, chiar dacă aceste țări sunt membre a UE.

Cuvinte-cheie: migrație, imigrație, politici europene de imigrare, solicitanți de azil, azil teritorial, azil politic, azil diplomatic.

**ABSTRACT:
THE EVOLUTION OF EUROPEAN IMMIGRATION POLICY**

Migration in the European Union has undergone solemn changes within the last six decades. The origin of immigrants in EU varied from one decade to another. In this connection, in 1950 and 1960 the basic immigrants were Africans and Turks, and later – natives of Asia, mainly Chinese, and more recently Latin Americans, especially Colombians and the Ecuadorians arriving in large quantities in EU and, in particular to Spain. The last became a state with the highest level of immigration in EU - 10% in 2007, it is followed by France (9,6 %), Germany (8,9 %) and the United Kingdom (8,1 %). It should be noted that the number of immigrants is growing at a faster rate than the native population of the host countries.

According to the report, the United Nations Commissioner for Refugees (UNHCR), 80% of persons searching for refuges in the European Union choose some countries, in which demand of a refuge is higher than the world: France, United Kingdom and Germany. According to a position of the given organization the majority of immigrants, try to reach Europe as economic refugees, but among them is as well persons disappearing from justice as escaping from political or religious prosecutions.

It is noteworthy that the migration of scientists, intellectuals, artists, technicians, athletes, etc., is a detriment to the least developed countries, even if they are members of EU.

* **BURIAN Cristina** – Doctor en derecho, Profesor titular interino, Universidad de Estudios Europeos de Moldavia (Chisinau, La República de Moldavia); **BURIAN Cristina** – Doctor în drept, conferențiar universitar interimar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova); **BURIAN Cristina** – PhD in Law, Acting Associate Professor, European University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **БУРИАН Кристина** – Кандидат юридических наук, и.о. доцента, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

Keywords: migration, immigration, European immigration policy, asylum seekers, territorial asylum, political asylum, diplomatic asylum.

РЕЗЮМЕ:

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Миграция в Европейском союзе претерпела знаковые изменения в течение последних шести десятилетий. Происхождение иммигрантов в ЕС варьировалось от десятилетия к другому. В связи с чем в 1950 и 1960 годы основными иммигрантами были африканцы и турки, а позднее – выходцы из Азии, главным образом китайцы, и совсем недавно латиноамериканцы, особенно колумбийцы и эквадорцы, прибывающие массово в ЕС и, в частности в Испании. Последняя в 2007 году стала государством с самым высоким уровнем иммиграции в ЕС - 10%, за ней следует Франция (9,6%), Германия (8,9%) и Соединенное Королевство (8,1%). Необходимо отметить, что число иммигрантов растет более быстрыми темпами, чем коренное население принимающих стран.

По данным доклада Комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), 80% лиц, ищущих убежища в Европейском союзе выбирают лишь несколько стран, в которых спрос убежища выше, чем во всем мире: Франция, Соединенное Королевство и Германия. Согласно позиции данной организации большинство иммигрантов, пытаются добраться до Европы в качестве экономических беженцев, но среди них есть также и лица, скрывающиеся от правосудия или спасающиеся от политических или религиозных преследований.

Знаменательно, что миграция ученых, представителей интеллигенции, художников, техников, спортсменов и т.д., представляет собой ущерб для наименее развитых стран, даже если они являются членами ЕС.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, европейская иммиграционная политика, лица ищущие убежища, территориальное убежище, политическое убежище, дипломатическое убежище.

Palabras clave: migración, inmigración, política europea de inmigración, solicitantes de asilo, asilo territorial, asilo político, asilo diplomático.

La migración en la Unión Europea ha experimentado un cambio de signo en las últimas seis décadas. Varios países que conforman esta organización han pasado en menos de una generación de ser sociedades con altas tasas de natalidad que vivían un proceso de emigración constante a ver reducida su tasa de natalidad pasando a ser sociedades receptoras de inmigración.

Tras el final de la Segunda Guerra Mundial, la necesidad de mano de obra hizo que varios gobiernos europeos implementaran medidas que abrieron paulatinamente sus sistemas para acoger a trabajadores provenientes, en un principio, de otros estados europeos menos desarrollados, como Portugal o con sobrepoblación, caso de Italia, que se dirigían principalmente a Alemania y Francia.¹

Francia conoció en los años 1920 y en los años 1960 grandes olas inmigratorias. Tras la Primera

Guerra Mundial, belgas, polacos e italianos llegaron para contrarrestar la pérdida de 1 400 000 jóvenes muertos en combate y otros tantos inválidos. Luego de la Segunda Guerra Mundial se facilitó la inmigración de españoles, portugueses, africanos (especialmente magrebíes) para paliar a la escasez de mano de obra. A partir de 1974, se suspendió la política de inmigración, salvo en los casos de reagrupación familiar y derecho de asilo. Por otra parte en Francia no se puede establecer con exactitud el número de inmigrantes, porque los hijos de inmigrantes nacidos en el territorio son franceses. En el último censo de 1999 se contabilizaron 4 310 000, lo que representa un 7,4% de la población, proporción que se mantiene estable desde 1975.²

Convertida en un movimiento de masas en el siglo XIX, la inmigración de Italia es aun la más importante que ha conocido Francia. En 1911 se censaron 420 000 equivalentes al 36% del total de

¹ Bade, Klaus J. Europa en movimiento: las migraciones desde finales del siglo XVIII hasta nuestros días; traducción castellana de Mercedes García Garmila. Barcelona: Crítica, 2003, p. 32.

² Argerey Vilar, Patricia. Una revisión de la política europea en materia de inmigración. En: Revista española de estudios norteamericanos. 2002, nº 13, Nº 23 - 24, p. 205 - 215.

los extranjeros en Francia, seguidos por los belgas con 290 000. En el *Período de entreguerras*, la inmigración italiana se dispara como consecuencia de éxodo político y económico. Así a comienzos de los años 1930 los inmigrantes italianos superan la cifra de 1 millón. Sin embargo a partir del censo de 1968 los italianos perdieron el primer lugar como extranjeros más numerosos en Francia siendo desbancados por lo españoles y después los portugueses. En ese año se contaron 581 000 italianos y en el censo de 1999 la cifra había descendido a 201 670.

Sin embargo Italia ha mostrado en los últimos años una considerable capacidad de absorción de inmigrantes venidos mayoritariamente de Rumania, Albania y Marruecos, que se instalan de manera significativa en el norte de Italia (59,5%). El número de inmigrantes se duplicó en cinco años, sobrepasando los 3 000 000 desde 2005. La mayor parte entrar por Sicilia provenientes de Libia. Así, bajo el gobierno de Silvio Berlusconi, 680 000 trabajadores clandestinos fueron regularizados en 2005 y 100 000 extracomunitarios obtuvieron un permiso de estancia.³

El origen de los inmigrantes en la UE ha variado de una década a otra, así en las décadas de 1950 y 1960, comenzó la inmigración de africanos y turcos, después la de asiáticos, principalmente chinos y más recientemente de latinoamericanos, especialmente colombianos y ecuatorianos, que llegan masivamente a la UE y en particular a España que en 2007 se convirtió en el estado comunitario con la mayor tasa de inmigración, el 10%, seguido por Francia (9,6%), Alemania (8,9%) y Reino Unido (8,1%). La población inmigrante crece a un ritmo mayor que la población española. El grupo de inmigrantes más numeroso en España es el de los marroquíes (12,82%), seguidos de los rumanos (11,7%) y los ecuatorianos (9%).

Irlanda y el Reino Unido tienen opciones de excepción a las políticas europeas en materia de asilo, visas e inmigración. El Tratado de Reforma prevé darles derecho de excepción en lo referente a justicia y asuntos internos. El Reino Unido,

gracias en gran medida a su pasado colonial, cuenta desde hace varias generaciones con el trabajo de los inmigrantes. El país es un lugar valorado por inmigrantes que allí disponen de un tratamiento equitativo. El gobierno implementó una política liberal de inmigración como la de Suecia e Irlanda que abrieron sus fronteras sin condición a los ciudadanos de los nuevos estados miembros. Como resultado de esta política cerca de 500.000 ciudadanos comunitarios se han instalado en el país. Por ello el gobierno ha tomado una política menos abierta con Bulgaria y Rumania los dos últimos adherentes a la UE. Por su parte la sociedad Irlandesa estuvo caracterizada por la emigración económica hasta los años 1980. El crecimiento económico de los años 1990 supuso la casi desaparición del desempleo. Desde 1996 Irlanda presenta un saldo migratorio positivo gracias a la entrada de extranjeros (principalmente polacos y bálticos) y el regreso de emigrantes irlandeses. La Oficina de estadísticas irlandesa estima que la proporción de extranjeros en la población total aumento de 5,8% en 2002 a 9,5% en 2006.

En Polonia a diferencia de los otros grandes estados de la UE no se presenta un debate considerable sobre la inmigración. La causa principal de este fenómeno es que Polonia es esencialmente un país de emigración. La elevada tasa de desempleo (15%) impulsan a los jóvenes, cualificados o no, a emigrar. El destino más habitual es Alemania seguida por el Reino Unido e Irlanda. Por ello el debate polaco se centra en el problema de la „fuga de jóvenes” que provoca un saldo migratorio negativo. La presencia de inmigrantes continúa siendo limitada y el grupo más importante entre ellos proviene de Alemania. En Suecia aproximadamente 12% de sus 9.000.000 de habitantes son de origen extranjero y uno de cada cinco suecos es hijo de personas nacidas en otro país. Dentro de la UE Suecia es el estado que acoge la mayor proporción de inmigrantes respecto a su número de habitantes. Los refugiados políticos provenientes de Irán, Iraq y Palestina constituyen el principal flujo migratorio.

Según el reporte de 2008 del Alto Comisionado de las Naciones Unidas para los Refugiados (ACNUR), el 80% de los demandantes de asilo buscaban refugio en la Unión Europea, de la que tres de sus estados formaban parte del grupo de los primeros cuatro

³ Borjas George J. The economics of migration. In: Journal of Economic Literature (Nashville, Tennessee). December 1994, Vol. XXXII p. 1667 – 1717. [On-line]: http://www.stanford.edu/group/scspi/_media/pdf/Reference%20Media/Borjas_1994_Immigration.pdf (Visitado: 22.08.2012).

países en los que se demanda asilo a nivel mundial: Francia (61.600), seguida por el Reino Unido y Alemania. De acuerdo con este organismo la mayoría de los inmigrantes que intentan llegar a Europa son refugiados económicos, pero entre ellos también hay fugitivos de guerra y personas que huyen ante la persecución política o religiosa. La migración de científicos, intelectuales, artistas, técnicos, deportistas, etc., constituye un perjuicio para los países menos desarrollados, aun si estos son miembros de la UE. Finalmente, la libre circulación de todos trabajadores comunitarios en el conjunto de la UE solo será efectiva en mayo de 2011.

Según Eurostat en espacio de treinta años la fecundidad cayo en numerosas regiones de la UE por debajo del nivel de removimiento generacional, que es de 210 hijos por 100 mujeres. Al mismo tiempo la esperanza de vida aumenta rápidamente. También un informe preparado en 2007 por el Comité de Política Económica de la UE y por la Comisión Europea dice que, como los ciudadanos de la UE tienen menos hijos y viven más tiempo, la población de la UE en edad laboral disminuiría en 16% entre 2004 y 2050. Lo que significa que la UE tendrá sólo dos personas en edad laboral por cada persona mayor en lugar de las cuatro de ahora. El estudio dijo que el mayor gasto previsto ponía en duda el sostenimiento de los sistemas de pensiones. La inmigración ayudaría sólo en forma parcial a resolver estos problemas, decía el reporte.

El comisario de Justicia y Asuntos Internos de la UE, Franco Frattini, propuso en octubre de 2007 la creación de una „tarjeta azul” de residencia europea para revertir la tendencia de la emigración calificada. La medida (de ser aprobada por los estados miembros) permitirá a los inmigrantes viajar dentro de la Unión Europea luego de trabajar durante tres años en una de los estados comunitarios. Al respecto, el Parlamento Europeo respaldó el 20 de noviembre de 2008 la introducción de dicha „tarjeta azul” para atraer a la UE a trabajadores altamente cualificados. Los eurodiputados solicitan clarificar los requisitos de admisión y piden a los Estados miembros que no „roben” cerebros a estos países, especialmente en sanidad y educación, y sugieren dar prioridad al mercado laboral comunitario. La tarjeta tendrá una validez de tres años, se podrá renovar y

complementará a los sistemas nacionales de admisión.

La preocupación de la Comunidad por el fenómeno de la inmigración viene motivada, principalmente, por la necesidad de materializar el objetivo de un espacio sin fronteras interiores donde quedara plenamente garantizada la libre circulación de personas. Esta área de libertad sólo podía ser aceptada por los Estados a cambio de establecer unas medidas compensatorias que aseguraran un nivel óptimo de seguridad en su interior. Ello exigía reforzar tanto las fronteras exteriores, como las medidas adoptadas en el ámbito del asilo y de la inmigración. El miedo de una afluencia y presencia masiva de nacionales de terceros Estados, bien por motivos económicos, bien por motivos de persecución, va a condicionar, de manera negativa, la naturaleza de las medidas adoptadas, en un cierto carácter restrictivo.⁴

El Estado, a pesar de ser concientes de las dificultades para garantizar la seguridad anhelada de manera individual, se mostraron reticentes a dotar a la Comunidad de los medios necesarios para alcanzar un espacio sin fronteras exteriores en unas condiciones adecuadas de seguridad. Esta dialéctica, entre actuar a nivel comunitario o a nivel estatal, se va a resolver al ponerse en marcha una cooperación estatal fuera de las estructuras comunitarias para, paradójicamente, alcanzar el objetivo comunitario de una Europa sin fronteras.⁵ Dicha cooperación extra-comunitaria se desarrollo principalmente través de dos foros: uno de cooperación entre un grupo de Estados más reducido que actuaba como avanzadilla – Cooperación Schengen – y otro que incluía a todos los Estados miembros – Cooperación a Doce –.

El recurso a mecanismos de cooperación intergubernamental va a funcionar durante más de una década, concretamente desde los principios de

⁴ Este estudio se centra exclusivamente en las medidas adoptadas en el ámbito de la inmigración sin hacer referencia a la política comunitaria de asilo. Para un análisis en profundidad de la política de la Unión Europea está desarrollando en el ámbito del asilo, ver, Bouteillet Paquet, *L'Europe et le droit d'asile, La politique européenne et ses conséquences sur le pqys d'Europe centrale*. Paris: Harmat, 2001, p. 125.

⁵ Objetivo establecido en el Artículo 8 A del Acta Única Europea de 1986, posteriormente recogido en el Artículo 7 A del Tratado de Maastricht de 1992, actualmente Artículo 14 TCE en la versión de Niza de 2001.

los años ochenta hasta la entrada en vigor del Tratado de Maastricht en 1993, cuando se institucionaliza la Cooperación a Doce en el marco del Tercer Pilar.⁶ Ello no impidió que en el ámbito Schengen, los Estados continuaran intensificando sus relaciones y cosechando éxitos hasta tal punto que, en 1999, el acervo de dicha cooperación acaba integrándose en la Unión Europea.

Sin lugar a dudas, uno de los avances más importantes del Tratado de Ámsterdam de 1997 va a ser la transferencia de las cuestiones relacionadas con la inmigración al pilar comunitario, a través de la inclusión de un nuevo Título IV rubricado „Visados, Asilo, Inmigración y otras Políticas relacionadas con la Libre Circulación de Personas”, con el objetivo de promover el establecimiento progresivo de un Espacio de Libertad, Seguridad y Justicia.⁷

La aparición de ese nuevo título supone un salto cualitativo de gran trascendencia, ya que materias que, hasta el momento, tan sólo habían podido ser objeto de cooperación intergubernamental por su pertenencia al Tercer Pilar, se incorporan, por primera vez, al pilar comunitario con todas las consecuencias que ello conlleva.⁸

Desde el punto de vista jurídico y teniendo en cuenta la situación anterior, la comunitarización de estas materias debe ser valorada positivamente:

- Por primera vez será posible adoptar normas de derecho privado en esta materia – reglamentos, directivas y decisiones⁹ - capaces de

⁶ El Tercer Pilar de la Unión Europea, de carácter intergubernamental se encontraba regulado en el Título VI del Tratado de la Unión Europea sobre la Cooperación en Justicia y Asuntos de Interior, cuyo artículo K.1 recogía como una de las materias de interés la inmigración. Para un estudio de interés de la evolución de la cooperación en el ámbito de la inmigración, véase Niessen J. *The European Unions Migration and Asylum Policies*. The Hague: Kluwer Law International. 1996, p.3 - 63.

⁷ Boelles P. Introduction, Freedom, Security and Justice for all. En: Guild E. and Harlow C. *Implementing Amsterdam, Immigration and Asylum in the EC Law*. Oxford: Hart Publishing, 2001, p. 1 - 12.

⁸ Monar J., Legitimacy of EU action in justice and home affairs: an assessment in the Light of the freedoms of the Treaty of Amsterdam. En: Bendoer M. *Coping with flexibility and legitimacy after Amsterdam, the Netherlands: European Institute of Public Administration European*, 1998, p. xi + 259 p.

⁹ Las características de estos instrumentos jurídicos aparecen recogidas en el artículo 249 TCE. El Reglamento se caracteriza por ser una norma de carácter general, obligatoria

asegurar una mayor armonización entre la legislación de los Estados miembros, al tratarse de instrumentos jurídicos vinculantes directamente aplicables en los Estados, dada la primacía del derecho comunitario sobre el derecho nacional.

- Por otra parte, al someterse las normas sobre inmigración a los procedimientos comunitarios, la elaboración y toma de decisiones se dota de mayor transparencia, lo que favorece su control y seguimiento por parte de la sociedad civil.

- Además, los Estados miembros dejan de ser los protagonistas de la definición de las medidas a adoptar, ocupando su lugar las instituciones comunitarias, cuya participación legitima la acción de la Comunidad en las cuestiones de inmigración. En un ámbito tan sensible para los derechos humanos y las libertades fundamentales es destacable el papel conferido al Tribunal de Justicia de las Comunidades Europeas, que va a ejercer un control jurisdiccional en la aplicación e interpretación uniforme de la normativa al respecto.¹⁰

- Por último, al tratarse de un ámbito competencial compartido por los Estados miembros y la Comunidad, el principio de subsidiariedad ha de determinar las situaciones en que la Comunidad podrá actuar.¹¹

El incremento de la inmigración a los países de la Europa comunitaria en las décadas de los ochenta y los noventa (en un momento de „política de inmigración cero” por parte de los países que tradicionalmente habían recibido inmigrantes) puso sobre la mesa de los líderes de la entonces Comunidad Económica la necesidad de diseñar una política común que ayudara a gestionar de una manera „ordenada” los flujos

y directamente aplicable en el territorio de los Estados miembros, a diferencia de la directiva que, para desplegar plenamente sus efectos, requiere ser desarrollada a través de una norma nacional que cumpla con su objetivo.

¹⁰ Para un estudio en profundidad sobre los cambios de la jurisdicción del Tribunal de Justicia tras el Tratado de Amsterdam de 1997 véase Fenelly N. *The Area of Freedom Security and Justice and the European Court of Justice – a personal view*. En: *International and Comparative Law Quarterly*. 2000, Vol. 49, p. 1 - 14.

¹¹ Ver el párrafo 2 del artículo 5 TCE que define dicho principio y establece como criterios a tener en cuenta para la atribución de competencias a la Comunidad, la eficacia y la supranacionalidad, complementando por las disposiciones contenidas en el Protocolo sobre el Principio de Subsidiariedad y Proporcionalidad anejo al Tratado.

migratorios provenientes de países que no eran miembros. El principal problema para la efectividad de esta intención era, que ello suponía que la Comunidad tuviera competencias más allá de lo económico. En concreto, competencias políticas, cosa que en aquel momento no tenía.¹²

Para salvar esta dificultad se firmaron acuerdos internacionales por países miembros de la CEE en esta materia pero sin que fueran propiamente acuerdos comunitarios. Tal es el caso del llamado grupo de TREVI, o del grupo de Schengen. El afán principal de estos acuerdos era el control de las fronteras, la lucha contra el terrorismo internacional y la inmigración irregular y la prevención de los fraudes en las solicitudes de asilo.

Norma común en estos tratados que vamos a llamar „preliminarios” fue el tratamiento „defensivo” y „sospechoso” que se daba a la presencia de inmigrantes en los territorios de los estados de los países firmantes.

La entrada en vigor del Tratado de Maastricht a principios de los años 90 del siglo pasado con sus implicaciones en materia de establecimiento de una frontera común europea y la libre circulación por las fronteras interiores, unido al aumento de los flujos migratorios que se dirigían a la Unión Europea, volvió a poner sobre la mesa la necesidad de una política migratoria común.

Sería a finales del año 99, cuando la presidencia finlandesa del Consejo de la Unión Europea acordó en la Cumbre de Tampere las grandes líneas de lo que terminaría siendo la política europea común en este ámbito: se establecieron cuatro grandes líneas de actuación, tres de las cuales se referían al control de las fronteras, política común de visados, la lucha contra la inmigración irregular y la gestión de los flujos migratorios predominantemente laborales, y solamente una de ellas se refería a la integración de los inmigrantes en territorio comunitario. Apenas nueve meses después, se aprobaría el Tratado de Ámsterdam en el que, de una manera „experimental” y durante cinco años, se

introducían aquellos ítems de Tampere como parte de las competencias propias de la Unión reguladas desde Bruselas. Se positivaba así en los textos de la Unión Europea, el nacimiento de una política común en materia de inmigración. Ello sin perjuicio de las políticas laborales y de integración de los inmigrantes, que seguían recayendo en la órbita de competencias de los estados miembros.

Desde mayo de 2000 hasta la actualidad se ha producido un importante desarrollo de la política migratoria europea. Algunas de las principales líneas de evolución de la misma han sido las siguientes:

- **Profusa legislación en materia de control de fronteras, gestión de flujos y lucha contra la inmigración irregular:** Directivas, Reglamentos y Comunicaciones se han sucedido de forma continuada en estos años, algunas de las más relevantes son: la Directiva sobre reagrupación familiar (Directiva 2003/86/CE del Consejo, de 22 de septiembre de 2003, sobre el derecho a la reagrupación familiar), la directiva sobre inmigración irregular (Directiva 2002/90/CE del Consejo de 28 de noviembre de 2002 sobre la entrada, a la circulación y a la estancia irregulares) o la conocida como „Directiva” de la vergüenza, recientemente aprobada y que el gobierno español va a aplicar como así ha manifestado¹³ entre muchas otras...

- **Extraterritorialización de la política migratoria europea:** Cada vez más en se cuenta con países de origen y tránsito de los inmigrantes para que la política migratoria tenga más efecto. Esta „alianza” se perfecciona vinculando la concesión de ayudas al desarrollo o el establecimiento de relaciones privilegiadas con la UE a cambio de que estos países colaboren en la prevención de flujos de salida de inmigrantes. Ejemplos de esto son Frontex o las consecuencias de los acuerdos de Rabat.

- **Apuesta por una inmigración de corta estancia,** que pueda regresar a sus países en momentos de crisis económica.

- **Apuesta también por inmigración muy cualificada.**

¹² El Colectivo Alter-acción está constituido por. Emilio José Gómez Ciriano, Myriam Gutiérrez Zornoza, Manuel Jesús Maldonado Lozano y Ana Isabel Vázquez Cañete) todos docentes e investigadores de la Universidad de Castilla-La Mancha (Escuela Universitaria de Trabajo Social de Cuenca) cuyo objetivo fundamental es la investigación, la formación y la sensibilización en el ámbito migratorio). [Online]: <http://alteraccion-alteractivista.blogspot.com>. (Visitado: 22.08.2012).

¹³ Directiva del Parlamento Europeo y del Consejo relativa a procedimientos y normas comunes en los Estados miembros para el retorno de los nacionales de terceros países que se encuentren ilegalmente en su territorio.

- *Tímidos intentos en materia de integración de los inmigrantes que ya se encuentran en el territorio de la Unión.* (Ejemplo de esto son los 11 puntos en materia de integración o las comunicaciones sobre inmigración, integración y empleo).

- Todo esto en una Europa que ya cuenta con más de 20 millones de inmigrantes procedentes de terceros países y que, en palabras de Franco Frattini, necesitará otros 20 en 20 años. De los aproximadamente 20 millones de inmigrantes que actualmente se encuentran en el territorio de la Unión, una parte (la que tiene como destino Alemania, Francia o Suecia) viene fundamentalmente como consecuencia de la reagrupación familiar, mientras que otra parte, la que supone un número mayor en cifras llega a España, Italia, Irlanda o Portugal y es de carácter más laboral.

No podemos comprender el momento actual de la política migratoria de la Unión

Europea sin enmarcarla desde unos referentes históricos y espaciales concretos: son los siguientes:

- El fracaso en la implementación efectiva del Proyecto de Constitución Europea y la decisión, adoptada en el Consejo Europeo de junio de 2007 de que se reforme el Tratado de la Unión antes de mayo de 2009. Ello es importante porque el nuevo texto que salga adelante establece el procedimiento de co-decisión entre la Comisión, el Consejo y el Parlamento Europeos y confiere un mayor protagonismo al parlamento en materia de política migratoria. El „no” irlandés en referéndum al nuevo texto reformado pone entre interrogantes el desarrollo del nuevo texto constitucional.

- La Estrategia de Lisboa, que siete años después de su promulgación sigue vigente y cuyos objetivos de competitividad siguen presidiendo todas las políticas de la Unión, pero en especial la política de empleo en la que los inmigrantes tienen un espacio fundamental, pues deberán cubrir la demanda existente en tres espacios fundamentales: 1) Sectores altamente cualificados, 2) Sectores de servicios personales que tienen como objetivo prestar atención a personas mayores y dependientes; 3) sectores no cualificados o poco cualificados de la producción. La estrategia de Lisboa también ha acuñado un nuevo concepto respecto al empleo: el de „flexiseguridad”: (flexibilidad y seguridad).

- El aumento del número de países miembros de la Unión desde 15 a 27 en poco tiempo y la constatación de que es necesario tratar de manera diferenciada a los inmigrantes procedentes de estos países de los nacionales de terceros países, pero que tampoco podrán ser tratados como nacionales de los „viejos” Estados miembros (por eso se establecieron periodos de transición). Además estos nuevos miembros se convierten actualmente en frontera exterior de la Unión y por tanto receptores de nuevos flujos de inmigrantes.

- Los disturbios sucedidos en las banlieues de París en el otoño de 2005, la situación experimentada en la frontera Sur de la Unión Europea (Ceuta y Melilla, Lampedusa, Malta, Canarias) que han abocado a los estados miembros a intensificar su cooperación en la política migratoria de control de fronteras desde una perspectiva más común y global.

Existen algunos aspectos positivos o „luces” en la política migratoria europea que no podemos dejar de destacar aun considerándolos insuficientes como son los siguientes:

1) Desde hace pocos años se reconoce que la política migratoria ha de ser planteada de forma holística y comprensiva. Se han introducido en algunos textos de la Unión Europea términos como „coherencia de las políticas comunitarias” (por ejemplo: la política agrícola común no puede considerarse aparte de las políticas de desarrollo de los terceros países). Asimismo empiezan a tomarse en consideración los Objetivos de Desarrollo del Milenio en las políticas cooperación (si bien más como intención que como acción o resultado).

2) Se está realizando un importante esfuerzo en la definición de unos principios básicos de integración (BPI) que sirvan de guía a los países miembros en sus propias políticas (recordemos que las políticas de integración forman parte de las competencias de los Estados Miembros). Se ha avanzado en la creación de unos puntos de contacto nacionales sobre integración y también en la producción de unos documentos de trabajo sobre integración en los que participan actores políticos, actores sociales y académicos. Asimismo se ha legislado (aunque no siempre de la manera abierta que sería deseable) en materias sensibles como son la reagrupación familiar / o el estatuto de los nacionales de terceros países que son residentes de larga duración.

3) Se están planteando formas imaginativas de gestionar la migración laboral, como es el novedoso concepto de la migración circular, definido como una forma de migración que se gestiona de manera que hace posible cierto grado de movilidad legal en uno y otro sentido: De nacionales de terceros países establecidos en la UE o de residentes en terceros países que vengan a formarse, trabajar o estudiar temporalmente en la UE, siempre que al final del periodo regresen a su país.

Sin embargo, las sombras de la política migratoria eclipsan, de lejos, a las luces, y es que una política basada de una manera tan explícita en el control de los flujos y de las fronteras no puede menos que poner el interrogante sobre algunos elementos por su „amenaza” a los Derechos Humanos. Elementos como los siguientes:

En materia de política de empleo, el 13 de septiembre de 2007, el comisario Frattini planteaba la necesidad de la Unión de atraer mano de obra fundamentalmente cualificada, puesto que mucha de la que estaba llegando era poco cualificada y ponía a la Unión Europea en inferioridad de condiciones frente regiones como Estados Unidos o Asia, que tenían mano de obra muy abundante, cualificada y barata. Esto afectaba claramente a la consecución de los objetivos de la estrategia de Lisboa, que pretendía hacer de Europa el espacio más competitivo del mundo en 2010.

Este planteamiento no es inocente en absoluto y supone que cuando en la Unión se habla de la contratación de trabajadores altamente cualificados procedentes de los países en desarrollo, dicha contratación se contemple más desde los intereses de los países de la Unión que desde los países de donde provienen, existiendo un riesgo evidente de fuga de cerebros (brain drain) y de socavamiento de los ya de por sí frágiles sistemas de protección social existente en estos países.

Ciertamente la Unión ha acuñado el término de „reclutamiento ético” y tiene un discurso impecable acerca del respeto a los mercados laborales de los países de origen. Sin embargo, no es menos cierto que en el contexto de globalización en que nos encontramos, los mercados laborales de los países en desarrollo están condicionados y concebidos desde los intereses de los países desarrollados, con lo que no

hay equilibrio y los países del Sur quedan como los más desprotegidos.

En el campo de la de integración. El mismo comisario Frattini, comentaba cómo los inmigrantes eran una parte crucial de la estrategia de Competitividad de la Unión Europea y su completo potencial solamente se podía aprovechar de modo pleno si se les daba la oportunidad de integrarse en las sociedades de recepción y en sus economías. La integración de los inmigrantes que residen legalmente se convertía así en una prioridad principal y una parte clave de una política europea de inmigración más comprensiva, siempre desde el punto de vista de la competitividad. Es decir, se pretende integrar a los inmigrantes teniendo sólo en cuenta el factor laboral.

En el ámbito de las políticas de control: Las políticas de control de flujos y de lucha contra la inmigración irregular son altamente cuestionables y represivas. Algunos ejemplos que lo atestiguan son los siguientes:

La Unión Europea está blindando sus fronteras cada vez más. Sus instrumentos son FRONTEX, RABIT (fuerza rápida de acción e intervención) los ILO (agentes de enlace en inmigración) la VIS (servicio de intercomunicación sobre los visados de corta duración), la red de patrullas europeas o el sistema de vigilancia de las fronteras exteriores de la Unión). Sin ir más lejos, en este pasado verano, una misión de expertos de Frontex viajó a Libia para asesorar en la fortificación del Norte de África como lugar de tránsito de inmigrantes, mientras que RABIT tendrá en breve su primera misión en Portugal, pero luego en Rumanía y Bulgaria. Su misión será, principalmente, atrapar a aquellos que intenten entrar en la Unión.

Se están celebrando cumbres entre la Unión Europea y países emisores de emigrantes (muy principalmente África), con la idea de transmitir claramente cuál va a ser la política de la Unión Europea respecto de la inmigración procedente de estos países o de tránsito por África. La idea es proponer iniciativas de desarrollo a cambio de la activa implicación de estos países en la gestión de las fronteras y la lucha contra la inmigración irregular. Sin ir más lejos, a nivel del continente africano, los ministros de toda la Unión Europea y de toda África se reunieron en Trípoli en noviembre de 2006 en una conferencia sobre migraciones y desarrollo, mientras que en julio de 2006 se desarrolló otra conferencia regional en

Rabat sobre migración y desarrollo que congregó a unos 60 países de origen, tránsito y destino.

Se han creado iniciativas profundamente eurocéntricas en cuanto a su interés, como son los conocidos como „paquetes de movilidad” entre la Unión Europea y determinados países, que se hayan comprometido activamente a cooperar con la UE en la gestión de los flujos de migración, entre otras cosas mediante la lucha contra la migración ilegal, y que estén interesados en conseguir un mejor acceso al territorio de la UE para sus ciudadanos. Las asociaciones de movilidad tienen siempre en cuenta el estado actual de las relaciones de la UE con el tercer país afectado, así como el planteamiento general de cara al mismo en las relaciones exteriores de la UE. Las asociaciones de movilidad se adaptan siempre a las particularidades de cada tercer país afectado, a las ambiciones del país en cuestión y de la UE, y al nivel de compromisos que el tercer país esté dispuesto a asumir en términos de actuación contra la migración ilegal y la facilitación de la reintegración de los repatriados, incluidos los esfuerzos para suministrar oportunidades de empleo a quienes regresan.

Se ha aprobado recientemente la conocida como „directiva de la vergüenza”: que agiliza los procedimientos para la expulsión (retorno) de los inmigrantes en situación irregular y siembra serias dudas sobre los procedimientos para la retención de estos inmigrantes en los centros de internamiento de extranjeros hasta tanto sean expulsados tal y como han denunciado numerosas organizaciones.¹⁴

Las migraciones constituyen un fenómeno demográfico sumamente complejo que responde a causas diversas y muy difíciles de determinar, en especial porque debido a las migraciones irregulares o disfrazadas de actividades turísticas o de otra índole, los datos cuantitativos son difíciles de obtener, especialmente en el caso de los países subdesarrollados. Responden a la inquietud generalizada de los seres humanos de buscar siempre un mejor lugar para vivir ya que, como señala Pierre George: „*La fuente de desigualdad más inevitable (ineluctable en el original) entre los hombres es su lugar de nacimiento*” y con las migraciones se intenta superar esa desigualdad. Las principales causas de las migraciones son:

Causas políticas

Se refieren a las causas derivadas de las crisis políticas que suelen presentarse en ciertos países. Muchas personas que temen a la persecución y venganza políticas abandonan un país para residenciarse en otro o, al menos, intentan abandonarlo, aunque a menudo pueden llegar inclusive a perder la vida cuando se trata de regímenes totalitarios. Cuando las personas emigran por persecuciones políticas en su propio país se habla de exiliados políticos, como sucedió en el caso de los españoles que huían de la persecución del gobierno franquista después de la Guerra Civil española. Ejemplos de este último caso lo representan Juan David García Bacca y Pablo Vila Dinarés así como muchos otros que se dirigieron a otros países. En Venezuela se produjo en diversas ocasiones el mismo proceso de exilio, pero en sentido inverso a la inmigración de los exiliados españoles y de otros países: el caso de Andrés Eloy Blanco podría señalarse como ejemplo.

Causas culturales

La base cultural de una población determinada es un factor muy importante a la hora de decidir a qué país o lugar se va a emigrar. La cultura (religión, idioma, tradiciones, costumbres, etc.) tiene mucho peso en esta toma de decisiones. Las posibilidades educativas son muy importantes a la hora de decidir las migraciones de un lugar a otro, hasta el punto de que, en el éxodo rural, este factor es a menudo determinante, ya que los que emigran del medio rural al urbano suelen ser adultos jóvenes, que son los que tienen mayores probabilidades de tener hijos pequeños.

Causas socioeconómicas

Son las causas fundamentales en cualquier proceso migratorio. De hecho, existe una relación directa entre desarrollo socioeconómico e inmigración y, por ende, entre subdesarrollo y emigración. La mayor parte de los que emigran lo hacen por motivos económicos, buscando un mejor nivel de vida. La situación de hambre y miseria en muchos países subdesarrollados obliga a muchos emigrantes a arriesgar su vida (y hasta perderla en multitud de ocasiones), con tal de salir de su situación.

Causas familiares

Los vínculos familiares también resultan un factor importante en la decisión de emigrar, sobre todo, en los tiempos más recientes, en los que cualquier emigrante de algún país

¹⁴ Informe presentado por Colectivo Alter-accion, Cuenca (España), septiembre de 2008.

subdesarrollado, necesita de mucha ayuda para establecerse en otro país de mayor desarrollo económico.

Causas bélicas y otros conflictos internacionales

Constituyen una verdadera fuente de migraciones forzadas, que han dado origen a desplazamientos masivos de la población, huyendo del exterminio o de la persecución del país o ejército vencedor. La Segunda Guerra Mundial en Europa (y también en Asia), así como guerras posteriores en África (Biafra, Uganda, Somalia, Sudán, etc.) y en otras partes del mundo, han dado origen a enormes desplazamientos de la población o, como podemos decir también, migraciones forzadas.

Catástrofes generalizadas

Los efectos de grandes terremotos, inundaciones, sequías prolongadas, ciclones, tsunamis, epidemias, y otras catástrofes tanto naturales como sociales (o una combinación de ambas, que es mucho más frecuente) han ocasionado grandes desplazamientos de seres humanos (también podríamos considerarlos como migraciones forzadas) durante todas las épocas, pero que se han venido agravando en los últimos tiempos por el crecimiento de la población y la ocupación de áreas de mayor riesgo de ocurrencia de esas catástrofes.

Para comprender el alcance actual de la inmigración es importante conocer, en primer lugar, por qué se producen las migraciones internacionales. Se trata de realizar una reflexión sobre los factores que impulsan a un individuo a abandonar su país de origen, y las características de los países receptores, que los hacen atractivos para el potencial emigrante. Cuando se revisan las causas de la migración es habitual centrar la atención en las condiciones macroeconómicas que atraen la migración por parte de los países de destino, así como en la que empujan a emigrar a los individuos.

Existen razones de diversa tipología que influyen en la decisión personal o familiar de modificar el lugar de residencia. Las teorías que profundizan en todos estos factores se conocen con el nombre de teorías del *push* y *pull*, y se deben al Profesor Ernest G. Ravenstein.¹⁵

Al abordar los factores determinantes de los flujos migratorios se distingue entre factores de expulsión o de oferta y factores de atracción o de demanda:

- Se consideran factores de expulsión aquellos que se ejercen desde el país de origen y que afectan a los individuos incentivándoles a tomar la decisión de emigrar. Dentro de estos factores de oferta se pueden considerar tres estadios diferentes de clasificación: factores de oferta relacionadas exclusivamente con el país de origen, con el país de destino o con ambos.

- Se consideran factores de atracción aquellos que se ejercen desde el país de destino y que atraen o motivan a los individuos que residen en los PED para que decidan trasladarse. Dentro de estos factores de demanda, obviamente, se considera un único estadio de clasificación: factores de demanda relacionados con el país de destino.

Con el objetivo de facilitar la comprensión y seguimiento de los *push* y *pull* factores se expone a continuación un cuadro sinóptico que incluye los diferentes factores que se desarrollan con posterioridad.

Pueden diferenciarse varios tipos de factores en función de que afecten el país de origen al de destino a ambos:

Factores de expulsión relacionados con el país de origen

a) Una situación de paro o subempleo en el país de origen del emigrante es el factor de expulsión tradicional más habitual. Cuando se trata de analizar las migraciones contemporáneas, las crisis económicas se encuentran normalmente detrás de todo proceso migratorio, como es el caso de los países latinoamericanos o del continente africano. Y como es obvio, toda crisis económica afecta al mercado de trabajo, generando desempleo, precariedad laboral o engrosando el volumen de economía informal.

b) Escasas perspectivas económicas a corto o medio plazo en el país de residencia, es decir, falta de una política económica de consenso que está orientada a impulsar el desarrollo económico en PED.

c) Posible tradición migratoria en el país de origen. Aunque las migraciones son inherentes a la historia de la humanidad existen casos como el de la República Dominicana donde tradicionalmente se producen migraciones con destino a España.

¹⁵ Argerey Vilar Patricia; Estévez Mendoza Lucana y otros, El fenómeno de la inmigración en Europa, perspectivas jurídicas y económicas. Madrid: Editorial: Dykinson, 2005, p. 107.

d) La existencia de conflictos bélicos, las persecuciones por razones políticas o religiosas, así como la insatisfacción general con el entorno socio-político en el país de origen ocasionan generalmente el éxodo de las personas afectadas. Es lo que da lugar a un tipo particular de extranjeros que se conocen como refugiados o solicitantes de asilo.

e) La disponibilidad de recursos económicos propios o, en su defecto, la facilidad de acceso al crédito necesario para enfrentarse a los gastos que lleva aparejados el proyecto migratorio suele ser determinante en la decisión de abandonar el país de residencia.¹⁶

Factores de expulsión relacionados con el país de destino

a) Las expectativas de ingresos futuros más elevados en el país de destino es uno de los reclamos que más han preocupado a los teóricos de la economía de las migraciones. Los trabajadores toman la decisión de emigrar en las mismas condiciones en las que pueden decidir sobre cualquier otro tipo de inversión en capital humano. Este enfoque es conocido como el de la teoría del capital humano. Para tomar la decisión de emigrar los trabajadores calculan el valor de las oportunidades de ejemplo, netas de los costes de traslado, en los mercados de trabajo alternativos, escogiendo aquella opción que maximice el valor presente neto de cada corriente de ganancias futuras. Así, el trabajador emigrará del país de origen al país de destino sólo cuando la ganancia neta sea positiva.

b) Existe toda una línea de investigaciones en materia de migraciones que enmarca la decisión de emigrar el contexto social de los individuos. Así la existencia de redes sociales (*social networks*) en el país de acogida, y específicamente de algún miembro de la familia que haya iniciado con anterioridad el proyecto migratorio y que pueda ayudar al nuevo emigrante a instalarse y desenvolverse en el país de destino escogido, incrementa la propensión a la emigración.

c) Otros factores de índole diversa como el idioma, las perspectivas de futuro para la familia, los costes de la vivienda e incluso los precios de los vuelos pueden resultar igualmente relevantes en la elección de un país o región de destino determinado.

Factores de expulsión mixtos

a) Un factor de expulsión de carácter mixto de gran importancia es la distancia es la distancia creciente entre las rentas *per capita* de los países de destino y los países de origen, es decir, las fuertes divergencias en la distribución internacional de la renta.

b) Las diferencias en las prestaciones del estado de bienestar entre países de origen y de destino pueden actuar asimismo como factor de expulsión. Así por ejemplo, la falta de acceso a asistencia sanitaria, unida a una escasez de recursos económicos en el país de origen, junto a un generoso sistema de protección social en el país a anfitrión, podría impulsar, e incluso obligar a un individuo a tomar la decisión de abandonar su país.¹⁷

c) La distancia geográfica entre el país elegido de destino y el país de origen influye en cierta medida en la decisión de emigrar.¹⁸

d) El abaratamiento de los costes de la información y el transporte provoca un incremento en la propensión a emigrar. Es obvio que cuanto más caro resulta trasladarse de un país a otro, menos personas elegirán hacerlo.

e) Las diferencias en las tasas previsibles de desempleo pueden ser un factor provocador de las migraciones.¹⁹ Así por ejemplo, el envejecimiento de la población europea podría significar una fuerte reducción de los niveles de desempleo en Europa, siendo este extremo el opuesto al incremento del paro en los PED.

f) Las tendencias demográficas Norte-Sur en lo que respecta a la estructura de edad y a la fertilidad de la población podrían considerarse como un factor explicativo de las migraciones según el profesor Zimmermann.²⁰ Mientras la población del Norte en general tiene a estancarse y envejecer progresivamente, la población de los países del Sur continúa creciendo a un ritmo acelerado.

g) Las diferencias internacionales en la remuneración a la cualificación o al capital humano determinan en gran medida los flujos

¹⁷ Zimmermann K. F. Algunas lecciones generales sobre el problema europeo de las migraciones. En: Revista del Instituto de Estudios Económicos. 1994, nr. 4, p. 3 - 32.

¹⁸ La facilidad de acceso al país de destino puede resultar un factor geográfico de suma importancia. Tal sería el caso, en general, del Norte de África con respecto al Sur de Europa, o en particular de Marruecos con respecto a España.

¹⁹ Zimmermann. *Op. cit.*, p. 20.

²⁰ *Ibidem.*, p. 51.

¹⁶ *Ibidem.*, p. 109.

migratorios. Este factor de expulsión ha sido ampliamente estudiado a través de la teoría de la auto-selección.

Factores de atracción (pull factors)

Según Piore, las migraciones no se generan por los factores de expulsión en los países de origen de las migraciones, sino por los factores de atracción ejercitados desde los países receptores.²¹ En el caso de los factores de atracción no es posible distinguir entre aquellos relacionados con el país de origen, de destino y ambos. Sólo es lógica la categoría de los factores de atracción ejercidos desde el país anfitrión.

Factores de atracción relacionados con el país de destino

a) la teoría del mercado de trabajo dual sostiene que al margen de otras motivaciones de naturaleza múltiple, las migraciones internacionales se producen por la fuerte demanda de mano de obra abundante, especializada y barata por parte de las sociedades industriales modernas.

b) El signo de la política migratoria del país anfitrión constituye asimismo un factor decisivo en la toma de la decisión de modificar el lugar de residencia. Este factor se ejerce de manera positiva o negativa en función de las directrices de la política migratoria. La política laxa en el país de destino en relación con el acceso al mismo se perfila como un factor muy poco usual en nuestros días.

c) La baja natalidad en algunos países desarrollados puede llegar a fomentar políticas de atracción de mano de obra extranjera con al finalidad de alcanzar una ratio equilibrada de población activa y asegurar el futuro de los sistemas de pensiones.

d) La economía sumergida podría ser considerada, por último, como un factor de atracción. La combinación del débil control de fronteras junto con la existencia de un amplio sector de economía sumergida, hacen del Sur de Europa en particular, un área especialmente propicia para la inmigración clandestina.

Los efectos de la migración internacional sobre los países de origen

La migración internacional puede afectar el desarrollo económico de los países de origen de varios modos. Sus persecuciones sobre el

desempleo son generalmente escasas porque el número de emigrantes suele ser pequeño comparado con la población activa total y porque los emigrantes, como en el caso de algunas mujeres que van a trabajar al extranjero, no eran necesariamente económicamente activos en el país de origen. La migración puede provocar una escasez de determinadas ocupaciones que puede entorpecer económico, sobre todo si se trata de mano de obra muy calificada, y los países con economías estancadas pueden tener más dificultad en capacitar y retener a trabajadores muy especializados. Sin embargo, los países en desarrollo que necesitan expertos han recurrido, como solución a corto plazo, a asesores técnicos extranjeros.²²

Los emigrantes que regresan pueden ejercer una influencia salubre sobre el desarrollo si el país de origen ofrece un ambiente social y económico propicio a la utilización productiva de sus aptitudes y ahorros. En la mayoría de los casos los emigrantes que regresan a su país han demostrado más inclinados al consumo que a la inversión productiva y más a la inversión en el comercio o el sector de servicios que en la industria. Con frecuencia han tenido dificultad en encontrar un empleo idóneo a su regreso, y muchos prefieren establecer sus pequeños negocios. Sin embargo, las empresas que establecen son, en general, pequeñas e ineficaces en lo que se refiere a la generación de empleo, por lo que ofrecen pocos estímulos para el desarrollo.

Los efectos de la migración internacional sobre los países de destino

Cuando un país tiene escasez de mano de obra de mano, la disponibilidad de trabajadores extranjeros permite la utilización productiva de un capital, de otro modo, permanecería inactivo y favorece, así, el crecimiento económico. No obstante, si el desempleo es alto, los efectos de la migración laboral en el crecimiento económico son más dudosos. A veces los efectos de la migración laboral en el crecimiento de la producción son escasos, ya que los puestos ocupados por trabajadores extranjeros suelen tener una productividad baja. Debido a la diversidad de las circunstancias individuales y a que las evaluaciones se basan en supuestos que no siempre se cumplen en la práctica, no existe acuerdo en cuanto al efecto de la emigración

²¹ Piore Michael J. *Birds of passage, Migrant Labor and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press, 1979, p. 74.

²² Naciones Unidas. *Migración internacional y desarrollo*, Informe conciso. New York: Naciones Unidas 1997, p. 57.

internacional en las mediciones totales de la actividad económica de los países de destino.²³

Otra cuestión importante ha sido el efecto de la migración sobre los salarios de los no migrantes. Es ese caso, los datos disponibles muestran de manera sorprendentemente sistemática que la relación entre los salarios de los no migrantes y el nivel de migración internacional es débil, lo que supone que los trabajadores migrantes no reemplazan a los no migrantes. Aunque recientes evaluaciones del método típico utilizado para evaluar dicha relación indican que puede tener graves deficiencias, todavía no existe una metodología apropiada para determinar los efectos de la migración sobre los salarios de los trabajadores no migrantes.²⁴

Las migraciones tienen consecuencias directas e indirectas tanto en los países o áreas de emigración como en los de inmigración y en ambos casos, pueden tener efectos tanto positivos como negativos:

- Para el lugar de emigración:

Constituyen consecuencias **positivas**: el alivio de algunos problemas de sobrepoblación; el logro de una mayor homogeneidad cultural o política (los más descontentos son los que primero emigran, quedando sólo los más conformes que suelen estar de acuerdo con su situación socioeconómica o política); la disminución de la presión sobre los recursos; la inversión de las remesas de dinero que envían los emigrantes; la disminución del desempleo; el aumento de la productividad y el aumento de la venta de productos en otros países.

Estas situaciones provocan múltiples problemas en las familias, que van desde un decaimiento del rendimiento escolar, incremento del fenómeno de las pandillas juveniles, hasta el incremento del consumo de drogas, sin pretender que la migración sea la única causa de estos fenómenos.

- Para el lugar de inmigración:

Constituyen consecuencias **positivas**: el rejuvenecimiento de la población; la población se hace más dispuesta a los cambios (sociales,

culturales, técnicos); aportes de capital y de mano de obra; aportes de nuevas técnicas (innovación tecnológica): llegan personas ya preparadas sin que haya tenido que invertirse en su preparación; aumenta la diversidad cultural, por lo que el país comienza a tener acceso a manifestaciones culturales nuevas (arquitectura, arte, nuevas tecnologías, etc.); aumenta el consumo.

Y constituyen consecuencias **negativas**: pueden aparecer desequilibrios en cuanto a la estructura por edad y sexo; introducen una mayor diversidad política, lingüística, religiosa, llegando a formarse grupos completamente segregados y marginales; perjudica a la conciencia gremial de la clase trabajadora, ya que los inmigrantes suelen aceptar salarios inferiores a los de la población local; aumentan las necesidades de servicios, sobre todo, asistenciales y educativos; aumentan las importaciones de productos de los lugares de procedencia de los inmigrantes; remesas de dinero hacia los lugares de procedencia de los inmigrantes; disminución de los salarios en algunas ramas o sectores por la explotación laboral de los inmigrantes, al no llevar documentos de autorización de tal migración, este país puede decidir si echar al emigrante o no, etc.

El impacto económico de la migración provoca bastante menos controversia cuando se trata de los efectos sobre los países emisores. Esta tendencia es curiosa porque no está del todo claro que la emigración solamente genere efectos positivos para países emisores. Entre los aspectos positivos de la emigración sobre la economía de países emisores, se indica que la salida de personas muchas veces representa una válvula de escape para crecientes problemas sociales.²⁵

El debate sobre las repercusiones económicas de la migración es un tema álgido y que genera amplia controversia en diversos sectores. Diferentes grupos usan argumentos relacionados con este tema para justificar medidas tendientes a estimular, o bien controlar los flujos migratorios. Sectores proclives a la inmigración, por ejemplo, puntualizan que los Estados deberían fomentar la inmigración ya que ésta contribuye al aumento de la productividad e incide positivamente en el crecimiento económico de los países. Son los

²³ Ibidem., p.79.

²⁴ Borjas George J. The economics of migration. En: Journal of Economic Literature (Nashville, Tennessee). December 1994, Vol. XXXII, p. 1667 - 1717. [On-line]: http://www.stanford.edu/group/scspi/_media/pdf/Reference%20Media/Borjas_1994_Immigration.pdf. (Visitado: 22.08.2012).

²⁵ The Area of Freedom Security and Justice and the European Court of Justice. In: International and Comparative Law Quarterly. 2000, Vol. 49, p. 1 - 14. [On-line]: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=7730532>. (Visitado: 22.08.2012).

grupos contrarios a la inmigración, empero, los que más comúnmente citan las repercusiones económicas como un argumento para restringir la migración. Estos sectores argumentan que la inmigración tiene efectos negativos sobre la economía y que por ende es necesario restringirla. El argumento más comúnmente usado por estos grupos es que la inmigración genera desempleo, baja los salarios, recarga los servicios sociales ofrecidos por el Estado y en general redundando negativamente en la productividad del país. Estos sectores manifiestan su inquietud especialmente durante ciclos negativos caracterizados por contracción económica. De manera similar, en los países emisores, existe una reñida discusión entre diversos grupos sobre si la emigración produce efectos positivos o negativos en la economía. Grupos proclives a la emigración enfatizan la importancia de las remesas que envían los emigrantes, mientras que grupos contrarios a la emigración enfatizan que ésta deja a los países sin las personas más calificadas y genera dependencia económica.

El tema de los efectos económicos de la migración no sólo es controversial porque diversos grupos lo usan como bandera de lucha para promover su visión particular frente al mismo, sino también porque no existen estudios que hayan producido evidencia concluyente sobre las repercusiones económicas de la migración, tanto en países receptores como emisores. Al igual que grupos o partidos políticos proclives o contrarios a la migración, economistas, politólogos y sociólogos dedicados a estudiar el tema se muestran bastante divididos al respecto. Por otra parte, desentrañar las consecuencias económicas de la migración es una tarea extremadamente difícil dada la complejidad de la economía actual caracterizada por un alto nivel de interconexión, interdependencia y sofisticados niveles de tecnologización. Por si esto no fuese suficiente, estudios de este tipo se dificultan por la falta de información adecuada que permita realizar investigaciones que produzcan evidencia irrefutable sobre los efectos de la migración en la economía. Otra debilidad de los estudios en esta materia es que éstos han sido en su gran mayoría llevados a cabo en países desarrollados, por lo que no existe demasiada información sobre las

consecuencias de la inmigración en países receptores no desarrollados.²⁶

Para situar el debate actual, y dada la importancia que el tema tiene para los derechos humanos de los trabajadores migratorios y sus familias, la siguiente sección del informe examina de manera muy sucinta el debate en la literatura especializada en torno a las consecuencias económicas de la migración. Con respecto a los países receptores, se detalla la discusión sobre la incidencia de la migración en tres aspectos: (a) salarios y empleo; (b) el sistema de seguridad social; y por último (c) crecimiento económico. Con respecto a los países emisores, en tanto, se examinan dos puntos: (a) el efecto de las remesas; y (b) el éxodo de capital humano (fuga de cerebros).²⁷

Efecto Económico de la Migración en los Países Receptores

a) Empleo y Salarios

Sin duda uno de los argumentos más recurrentes en torno al efecto económico de la migración es que esta afecta negativamente las tasas de empleo y las remuneraciones en los países receptores. La lógica de este argumento es la siguiente: al inmigrar a un país los trabajadores migratorios entran en directa competencia por las plazas de trabajo con los trabajadores locales. Como los trabajadores migratorios están muchas veces dispuestos a aceptar condiciones de trabajo inferiores, vale decir, salarios más bajos, imposibilidad de afiliación a la seguridad social y sindicalización, los empleadores los prefieren porque de este modo pueden reducir sus costos de operación y así incrementar los márgenes de ganancia. En términos prácticos esto redundando en que los trabajadores migratorios desplazan a los trabajadores del país receptor y de esta manera aumentan el desempleo, inciden negativamente en el nivel de salarios del mercado, o bien provocan simultáneamente desempleo y bajan el nivel de las remuneraciones en el mercado del país receptor. Según esta visión, la migración es especialmente perniciosa durante ciclos recesivos o de desaceleramiento económico.

²⁶ Simon Julian. On the Economic Consequences of Immigration: Lessons from Immigration Policies. En: *Economic Aspects of International Migration*. Herbert Giersch. Berlin: Springer-Verlag, 1994, p. 223.

²⁷ Tapinson G. The Macroeconomic Impact of Immigration: Review of the Literature Published Since the Mid 1970s. In: *Trends in International Migration*. Paris: OECD, 1993, p. 157 - 77.

Investigadores en diversos países han estudiado el problema para confirmar la validez del argumento presentado anteriormente. En este sentido, la mayoría de los estudios concluyen que, en términos macroeconómicos, el impacto de la migración sobre el empleo y la remuneración en el mercado de trabajo es más bien exiguo. Tras revisar más de una docena de estudios que abordan el tema realizados en Europa, Estados Unidos, Canadá y Australia, la OECD concluye que, a nivel macroeconómico, la llegada de trabajadores migratorios tiene efectos leves, ya sea negativos o positivos, sobre el nivel de empleo y remuneración de los trabajadores locales.²⁸

Aunque existe evidencia de que en términos macroeconómicos el impacto de la inmigración en el mercado de trabajo y en las tasas de remuneración del país receptor es leve, muchos autores reconocen que la inmigración puede repercutir negativamente en el nivel de salarios y en las tasas de empleo en ciertos sectores o industrias específicas. De hecho, varios autores puntualizan que son los propios inmigrantes las principales víctimas de la llegada de nuevas personas, ya que muchas veces entran en directa competencia entre ellos, lo que lleva a que algunos pierdan sus puestos de trabajo.²⁹

Más importante que enunciar lo que establecen los estudios es vital explicar por qué la presencia de trabajadores migratorios no influye de manera determinante en el nivel de salarios y en las tasas de desempleo a nivel macroeconómico. Para ello es necesario abordar varios puntos.

Primero, las tasas de desempleo y el nivel de salarios están más bien relacionados con ciclos económicos y con la estructura de la economía, y no con el número de personas o la densidad poblacional.³⁰

Segundo, los argumentos que indican que la inmigración repercute de forma negativa en las tasas de empleo y salarios parten de la falacia que trabajadores nacionales y extranjeros son sustituibles (es decir, que un extranjero realiza la

misma labor que un nacional) y no complementarios (es decir, que un extranjero ocupe plazas que no son llenadas por locales).³¹

Tercero, los inmigrantes no sólo quitan puestos de trabajo sino también los crean. Por un lado la presencia de estas personas incrementa el nivel de consumo agregado tanto de bienes como servicios y, por ende, genera fuentes de trabajo. En este sentido, alrededor de las comunidades de migrantes se crea una vasta red de servicios que emplea tanto a nacionales como a extranjeros.³²

Cuarto, al asumir ciertas labores domésticas, en particular el cuidado de los niños, los trabajadores migratorios pueden indirectamente ayudar a trabajadores locales a insertarse en el mercado laboral. En otras palabras, la presencia de trabajadores migratorios que se encargan de esas labores liberan mano de obra local, sobre todo mujeres muchas veces calificadas, que de otra manera no podrían insertarse en el mercado laboral.³³

Quinto, la presencia de trabajadores migratorios dispuestos a aceptar una remuneración baja ayuda a mantener a flote a ciertas empresas locales que necesariamente deberían invertir en tecnología para mantener líneas de producción competitivas. Gracias a la presencia de trabajadores migratorios, estas empresas no se ven obligadas a invertir en tecnología y no quiebran. De este modo no se pierden los puestos de trabajo en manos de trabajadores locales que se desempeñan como mandos medios y altos de estas empresas.³⁴

b) Efecto de la Inmigración sobre los Sistemas de Seguridad Social

Otro de los argumentos comúnmente esgrimidos en torno a las repercusiones económicas de la inmigración es el efecto negativo que la presencia de los inmigrantes tiene sobre los sistemas sociales y de bienestar de los países receptores. El argumento a este respecto es simple: la masiva llegada de inmigrantes y sus familias, muchos de los cuales piden beneficios de

²⁸ Ibidem., p. 161.

²⁹ Stalker Peter. *Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration*. Boulder. CO. Lynne Rienner Publishers, 2000, p. 84 - 90.

³⁰ Smith James P. y Edmonston Barry G. *The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration*. Washington D.C.: National Academy Press, 1997. [On-line]: http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gperi/Teaching/migrati/on/presentation_leticia.pdf. (Visitado: 22.08.2012).

³¹ Stephen Castles, Miller Mark J. *The Age of Migration* (2nd edition). New York: The Guilford Press, 1998, p. 166.

³² Simon Julian. *On the Economic Consequences of Immigration: Lessons from Immigration Policies*. En: *Economic Aspects of International Migration*. Herbert Giersch. Berlin: Springer- Verlag, 1994, p. 230 - 233.

³³ Stalker, Peter. *Emigrar no es una ganga: mitos y realidades*; [traducción, Anadelia García]. 1ª ed. Barcelona: Intermón Oxfam, 2004, p. 75 - 77.

³⁴ Ibid., p. 73 - 75.

salud y educación (para sus hijos), sobrecarga excesivamente los costos del sistema social y genera desajustes en las cuentas fiscales. Esta situación repercute de forma negativa en la economía del país receptor.

El estudio de la OECD anteriormente citado indica que no existe evidencia concluyente en torno a la incidencia de la presencia de inmigrantes en el sistema de bienestar de los países receptores.³⁵ Otros estudios, sin embargo, señalan que los inmigrantes, en especial los que están integrados al mercado del trabajo, más que una carga, representan un beneficio porque aportan al sistema social del país receptor. En Estados Unidos, por ejemplo, un reciente estudio de la Academia Nacional de Ciencias (NAS) concluyó que, si bien en los primeros años los inmigrantes contribuyen a incrementar los costos del sistema de bienestar, sobre todo en educación, en el largo plazo (20 años) estas personas se convierten en contribuyentes netos a través del pago de impuestos. En otras palabras, a través del pago de impuestos los inmigrantes contribuyen más de lo que gastan al sistema social o de bienestar del país receptor.³⁶ En cuanto a las razones que explican por qué los inmigrantes contribuyen al sistema social de los países receptores, Simon explica que los inmigrantes que se insertan al mercado laboral son en su mayoría personas jóvenes y fuertes que gozan de buena salud y están en sus años más productivos. Por ende, en promedio, no usan beneficios del sistema social, sobre todo salud y pensiones, que son los servicios más costosos. Si bien muchos de los inmigrantes tienen familia, y por ello ocupan recursos del Estado destinados a educación y salud de sus hijos, muchos otros llegan solos y por ende no necesitan de estos servicios. Esto los transforma en contribuyentes netos. Simon también argumenta que los hijos de inmigrantes nacidos en el país receptor no deben ser considerados únicamente como demandantes de servicios ya que una gran parte de ellos devolverá los beneficios recibidos en educación y salud a

través del pago de impuestos durante su vida productiva.³⁷

c) Inmigración y Crecimiento Económico

La discusión sobre el impacto de la inmigración en las tasas de crecimiento de los países receptores genera bastante menos controversia que los puntos anteriormente señalados. En general, existe cierto consenso en que la migración genera un efecto positivo sobre el crecimiento de los países receptores. Estudios migratorios que usan una perspectiva histórica refuerzan esta idea. Demógrafos, historiadores y economistas coinciden en apuntar que los flujos migratorios tuvieron un impacto positivo en el crecimiento económico de países como Estados Unidos, Canadá, Australia y Argentina en el siglo XIX y la primera mitad del siglo XX.³⁸ Del mismo modo, el acceso casi ilimitado a mano de obra derivada de la inmigración de cientos de miles de personas de las colonias o bien de trabajadores migratorios (*guest workers*) de muchos estados Europeos (Francia Alemania, Suiza y el Reino Unido) fue un importante factor en el rápido crecimiento de estos países entre 1950-1973.³⁹

Varios motivos determinan que la inmigración contribuya positivamente al crecimiento económico. Primero, como se explicó con anterioridad, la llegada de inmigrantes genera más consumo y en muchas ocasiones contribuye a mejorar la productividad de la economía (por ejemplo, al crear economías de escala en la producción). Los inmigrantes también contribuyen al ahorro, ya que en general tienen una fuerte propensión marginal a ahorrar. Más importante aún, la inmigración ayuda a aumentar la eficiencia económica y la productividad, ya que permite transferir trabajadores de áreas improductivas a sectores productivos de la economía. Un ejemplo muy gráfico es la llegada

³⁵ Tapinson G. The Macroeconomic Impact of Immigration: Review of the Literature Published Since the Mid 1970s. En: Trends in International Migration. Paris: OECD, 1993, p. 157 - 177.

³⁶ Smith J. y Edmonton G. The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration. National Academy Press, 1997, p. 33.

³⁷ Este autor subraya sin embargo que los beneficios entregados por los inmigrantes al sistema de bienestar se anularían en el caso de que se privatizaran la salud y los sistemas de pensiones: Simon Julian. On the Economic Consequences of Immigration: Lessons from Immigration Policies. En: Economic Aspects of International Migration, edited by Herbert Giersch. Berlin: Springer-Verlag, 1994, p. 233 - 241.

³⁸ Dummett, Michael. Sobre inmigración y refugiados; traducción de Miguel Ángel Coll. Madrid: Cátedra, 2004, p. 67 - 79.

³⁹ Piore Michael J. Birds of passage, Migrant Labor and Industrial Societies. New York: Cambridge University Press, 1979, p. 52.

de trabajadoras que se emplean de niñeras o empleadas domésticas que permiten a mujeres, muchas de ellas profesionales, integrarse a la fuerza laboral. Por otro lado, el arribo de inmigrantes ayuda a evitar cuellos de botella en la producción, ya que estas personas pueden cubrir plazas de trabajo que por diversas razones el mercado laboral no está en capacidad de llenar.

Sin embargo la inmigración también puede generar efectos negativos sobre el crecimiento. Mano de obra redundante en los lugares de trabajo puede disminuir la productividad. Por otro lado, como ya se indicó, la presencia de inmigrantes puede en determinados momentos inhibir el proceso de desarrollo tecnológico (empleadores pueden utilizar mano de obra barata y así mantener la competitividad) lo que en el largo plazo afecta negativamente el crecimiento.⁴⁰

En resumen, esta sección mostró que el impacto económico de la inmigración en los países receptores tiende a ser positivo, aunque marginal la mayoría de las veces. La inmigración ayuda a solventar el sistema de seguridad social, tiene un efecto pequeño pero positivo en el crecimiento económico y no necesariamente deprime los sueldos o genera desempleo entre los trabajadores locales.

Efecto Económico de la Migración en los Países Emisores

El impacto económico de la migración provoca bastante menos controversia cuando se trata de los efectos sobre los países emisores. Esta tendencia es curiosa porque no está del todo claro que la emigración solamente genere efectos positivos para países emisores. Entre los aspectos positivos de la emigración sobre la economía de países emisores, se indica que la salida de personas muchas veces representa una válvula de escape para crecientes problemas sociales. Muchos países pobres caracterizados por una vasta población poco calificada y desempleo estructural promueven la emigración para aliviar presiones sobre los servicios sociales y deshacerse de mano de obra redundante. Otro de los argumentos comúnmente citados es que los países de origen también pueden estar interesados en promover la emigración para asegurar las remesas enviadas por sus ciudadanos, dinero que para muchos países constituye una importante fuente

de ingresos. Asimismo, se dice que los Estados de origen también pueden promover la emigración para incentivar la formación de personal calificado en el extranjero. Entre las características negativas de la emigración en la economía de los países emisores, se menciona a menudo que el éxodo de personas, sobre todo gente con alta formación, puede llevar a la pérdida de capital humano. Por otro lado, se indica que el envío de remesas puede generar dependencia económica e incentivos perversos, por ejemplo, desincentivar al Estado a prodigar ciertos servicios básicos porque las personas pueden acceder a ellos gracias a las remesas que reciben.⁴¹

La siguiente sección analiza brevemente el impacto económico de la emigración en los países de origen. El análisis se centra en dos de los puntos más relevantes discutidos por la literatura: las remesas y el impacto del éxodo de trabajadores.

a) Remesas

Para muchos estados las remesas (envíos de dinero a su país de origen por parte de nacionales de un país que residen en el extranjero) son de vital importancia. Los envíos de dinero de nacionales radicados en el extranjero representan una de las fuentes de ingreso de divisas más importantes para muchos países. Para estados como Jordania o Yemen las remesas representan más de un 20 por ciento del valor del producto interno bruto (PIB).⁴² Por otro lado, para muchos países, estos envíos se transforman en un valioso instrumento de política macro económica, ya que ocupan este dinero para cuadrar balanzas de pagos deficitarias. En el caso de las Américas, las remesas son muy importantes en varios países. De las veinte principales naciones receptores de remesas del mundo, seis se encuentran en la región: México, República Dominicana, El Salvador, Brasil, Ecuador y Perú.

Quizás el tema más relevante en torno a las remesas tiene que ver con los efectos que genera en la economía del país de origen de los trabajadores migratorios. Aún cuando no se han realizado demasiados estudios al respecto, los pocos que existen han suscitado bastante controversia. Algunos investigadores creen que el efecto de las remesas es negativo, otros por el

⁴⁰ Stalker Peter. *Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration*. Boulder. CO. Lynne Rienner Publishers, 2000, p. 200.

⁴¹ Weiner Myron. *The Global Migration Crisis: Challenges to States and Human Rights*. New York: Harper Collins College Publishers, 1995, p. 140 - 144.

⁴² Stalker Peter. *Op. cit.*, p. 110.

contrario lo consideran positivo. Lamentablemente, la discusión no ha sido necesariamente saldada, de modo que es difícil brindar una visión acabada y concluyente sobre el problema.

En resumen, dado el conocimiento actual no es posible pronunciarse definitivamente con respecto al impacto de las remesas en las economías de los países emisores. Sólo se puede señalar que los expertos están divididos al respecto y que probablemente los efectos sean más bien de orden mixto, con elementos positivos y otros negativos.

b) El impacto del éxodo de trabajadores

El impacto generado por el éxodo de trabajadores es quizás el único punto donde existe consenso sobre los efectos de la migración en la economía de los países. En general, los autores coinciden en señalar que la fuga de mano de obra es negativa para el país emisor, sobre todo en el caso de mano de obra calificada. La pérdida de personal altamente capacitado como ingenieros, abogados, médicos, científicos y otros profesionales repercute negativamente en la productividad de la economía del país emisor. Es preciso recordar que muchas veces el Estado invirtió mucho dinero en la formación de esta gente y que por ende su partida reviste una consecuencia negativa para el país emisor. En el caso de los científicos más calificados, su emigración significa que el país se verá privado de personas muy difíciles de sustituir y dificultará aún más el desarrollo de investigación local. El éxodo de personal médico como doctores, enfermeras, psicólogos y paramédicos o bien de profesores también genera una grave pérdida para los países y generalmente puede generar escasez de profesionales en sectores claves como la salud y la educación. Es preciso señalar, sin embargo, que en muchos países en desarrollo, el Estado tiende a formar más profesionales de los que el mercado laboral puede absorber.⁴³

Parte del problema con respecto a la migración de personas calificadas de países emisores tiene que ver con las políticas de los países receptores que incentivan a los mejores elementos de países en desarrollo a migrar al ofrecerles mejores salarios y condiciones de trabajo. El otorgamiento de becas de estudios avanzados también actúa como imán para la emigración. En este sentido, muchos de los becados una vez finalizados sus

estudios no retornan a sus países de origen. En un desarrollo reciente, sin embargo, países tradicionalmente emisores han comenzado a recibir profesionales de países receptores (desarrollados) que son contratados por empresas multinacionales o bien migran porque, a pesar de su calificación, no encuentran trabajos adecuados en sus países. Aunque esta es una tendencia creciente su número es aún bastante marginal.⁴⁴

El estudio de la repercusión económica de las migraciones internacionales ha tenido un primer punto de atención en los efectos generados sobre la renta del país receptor y del emisor, identificando las potenciales ventajas del movimiento de trabajadores. Los inmigrantes, y quienes dependen económicamente de ellos, habrían de ser los primeros beneficiados, por cuanto que sus percepciones superan las que obtendrían en su tierra aún teniendo en cuenta que los salarios normalmente son inferiores a los de los nativos y la mayor carestía de los estados desarrollados respecto a los que son emisores masivos. La contribución de la producción en el país receptor puede quedar distorsionada al calcular magnitudes *per cápita*, pero tal paradoja no debe apartarnos del hecho de que, independientemente de que los ingresos de los inmigrantes sean bajos, existen otros grupos, que se benefician de su aportación al sistema productivo: empresarios y consumidores perfectamente. Considerando globalmente el trasvase de trabajadores puede interpretarse que existe mayor producción por el hecho de haberse asignado más eficientemente los recursos.⁴⁵

En lo que atañe al mercado de trabajo del país de destino todo el análisis está condicionado por la permeabilidad que tenga frente a lo mano de obra extranjera y por ciertas hipótesis más o menos realistas. Lo habitual es que haya limitaciones importantes que contienen la entrada de inmigrantes. Aunque existen perspectivas diversas, podemos decir que una síntesis de las

⁴⁴ Smith James P., Edmonston Barry G. *The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration*. Washington D.C.: National Academy Press, 1997. [On-line]: http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gperi/Teaching/migration/presentation_leticia.pdf. (Visitado: 22.08.2012).

⁴⁵ José Antonio Ariza Montes, Alfonso Carlos Morales Gutiérrez, Emilio Morales Fernández. *Condiciones laborales de los inmigrantes en la Unión Europea: un estudio comparado*. En: *Revista de Fomento Social*. 2010, nr. 65, p. 205 - 233.

⁴³ *Ibidem.*, p. 100 – 118.

mismas habría de referirse a la posibilidad de que los salarios bajasen en el país receptor, frente a la explicación alternativa de que no tendrían por qué reducirse con carácter general, sino que los trabajadores emigrantes están, comúnmente, inmersos en un ámbito laboral fuera de lo que podríamos considerar el mercado de trabajo propiamente dicho y participan en actividades que no llegarían a ejecutarse por trabajadores nativos si no hubiese afluencia de inmigrantes. Esta segunda explicación, que no prejuzga respecto a la idoneidad de tal funcionamiento, permite interpretar que los efectos sobre los salarios y desempleo serían menores que los previsibles en un análisis más convencional, ateniéndose a las hipótesis tradicionales en Economía. En el país de origen, no afectado por las consideraciones que hacíamos al principio del párrafo, se han de beneficiar los trabajadores que pasan a tener una mejor proporción respecto a las oportunidades de trabajo.

Existen también otros planteamientos, en el sentido de que, tal y como se formulan las hipótesis de los Teoremas de Heckscher-Ohlin y Rybczynski, la movilidad de factores entre distintas industrias permitiría liberar trabajadores de una actividad para emplearlos en otro sector.⁴⁶

En cuanto a los efectos sobre los presupuestos públicos, hay que tener en cuenta que los inmigrantes pueden estar sujetos a diversos tributos y han de ser beneficiarios de diversos „bienes públicos”. La discusión acerca del balance final entendemos que no puede hacerse sin referirse a situaciones concretas, ya que depende fundamentalmente de que el trabajo que ejecuten se desarrolle bajo condiciones de legalidad o en la economía sumergida, así como del acceso de los foráneos a diversos servicios públicos. Sí que es preciso referirse a un lugar común en los debates de los Estados del Norte sobre la inmigración, cual es el de la relación entre el estancamiento vegetativo y envejecimiento de la población nativa, y la posibilidad de que los jóvenes inmigrantes que se incorporan al mundo desarrollado sean quienes hayan de soportar los sistemas de pensiones en un futuro no muy lejano.

Según PRESNO LINERA Miguel, si planteamos la cuestión en términos de ventajas y

desventajas, de las migraciones para los países de salida y destino⁴⁷ podemos plantear que:

1. Respeto a los individuos:

a) En el país de destino se producirá mejor oferta de servicios, un abaratamiento de ciertos productos, aparecerán oportunidades laborales en puestos altos, puede producirse un enriquecimiento cultural e incluso cabe pensar en una mejora de la autoestima.

Por el contrario, como desventajas aparecerá la competencia por el trabajo en determinadas actividades, con posibilidad de menores salarios, puede darse un enraizamiento de las costumbres e incluso la creación de guetos.

b) En el país de salida se reduce la presión sobre el empleo, habrá mayores ingresos, se adquiere una formación profesional así como mejor educación, y se plantean expectativas de progreso.

2. En lo que se refiere a las empresas:

a) En el país de destino habrá mayor número de trabajadores con gran flexibilidad, se atenúa la presión sindical y, en algunos ámbitos, cabe que se amplíe el mercado y haya economías de escala.

Como desventajas están los sobrecostes de formación e incluso la dependencia de los inmigrantes para la realización de muchos trabajos y tareas.

b) Para el país de origen de los inmigrantes han de valorarse positivamente las actitudes y capacidad de emigrantes retornados, así como la viabilidad de negocio de transporte y los recursos financieros allegados con las remesas.

3. Si consideramos la sociedad de acogida, en general, son muchas las consecuencias posibles:

a) Cabe referirse desde la afluencia de población cuyo coste de formación no se ha soportado hasta el rejuvenecimiento, las inversiones que resultan posibles merced al la disponibilidad de inmigrantes o la atenuación del crecimiento de los precios.

Las ventajas citadas contrastan con la posibilidad de que no se den alicientes para la mejora tecnológica, el incremento de costes en la gestión de la multiculturalidad, las salidas de divisas o el incremento del gasto en determinados servicios sociales.

c) En cuanto al país de salida se atenúa el paro encubierto, se mejora la formación de los

⁴⁶ Slaughter M.J. Globalisation and Wages: A Tale of Two Perspectives. En: *The World Economy*. July 1999, Vol. 22, nr. 5, p. 609 – 630.

⁴⁷ Stalker Peter. *Op. cit.*, p. 47.

trabajadores al retornar emigrantes, las remesas constituyen un aporte fundamental, se produce menor presión demográfica en el territorio y se puede reducir la sobreexplotación de recursos naturales.

Por el contrario, los retornos masivos en las fases bajistas del ciclo económico pueden suponer un problema grave, pero seguramente las peores consecuencias estén asociadas a la pérdida de los trabajadores más capaces, a la creación de una cultura de la emigración y a la disminución de la población joven.

La evolución de los grandes agregados comerciales y financieros es perfectamente constable y registra tasas importantes de crecimiento, mientras que la tendencia en el número de personas que, por motivos económicos, traspasan sus fronteras no parece adquirir una magnitud lejanamente equiparable a aquellos. El esfuerzo negociador realizado por estados, acuerdos y organizaciones internacionales con el fin de propiciar una mayor apertura de las economías no ha entrado significativamente en lo que se refiere a movimientos de personas.⁴⁸ En consecuencia, tanto por la cuantía de los flujos como por la diferencia en las medidas aplicables, la facilitación de la circulación de personas a quedado por detrás del movimiento de mercancías y capitales.

Las previsiones en torno a la importancia de las migraciones internacionales apuntan a que la globalización económica impulsará en los próximos años las corrientes migratorias con origen en los países pobres y destino en los países del Norte, donde la estructura demográfica puede aconsejar también una política menos limitativa que en el pasado.

Con todo, podríamos decir que tras décadas en las que se ha insistido en las ventajas de la apertura de las economías al exterior y cuando se plantean nuevas panaceas en torno a la globalización, el fenómeno migratorio constituye un borrón caído sobre los textos laudatorios de quienes propugnan un peculiar liberalismo económico, en el que la libertad de movimiento

de las personas queda cercenado. Crecen algunas magnitudes, aumentan las diferencias y se buscan soluciones para que los inmigrantes sólo aparezcan cuando son necesarios, quedando mientras tanto en su pobre país del que serán importados productos con gran ventaja.

Bibliografía:

1. Andrés Tornos. El capital humano de la inmigración. Madrid: Instituto de Migraciones y Servicios Sociales, 2003. 227 p.
2. Argerey Vilar Patricia, Estévez Mendoza Lucana y otros. El fenómeno de la inmigración en Europa, perspectivas jurídicas y económicas. Madrid: Editorial Dykinson, 2005. 184 p.
3. Argerey Vilar Patricia. El impacto económico de la inmigración europea estudio de un caso particular: España. [On-line]: <http://eprints.ucm.es/7244/>. (Visitado: 22.08.2012).
4. Argerey Vilar Patricia. Una revisión de la política europea en materia de inmigración. En: Revista española de estudios norteamericanos. 2002, nº 13, Nº 23 - 24, p. 205 - 215.
5. Bade Klaus J. Europa en movimiento: las migraciones desde finales del siglo XVIII hasta nuestros días. Traducción castellana de Mercedes García Garmila. Barcelona: Crítica, 2003. 412 p.
6. Blázquez Rodríguez Irene. Derecho de la Unión Europea sobre inmigración y asilo: compilación sistemática y comentada de la normativa comunitaria / Irene Blázquez Rodríguez, Víctor Luis Gutiérrez Castillo. Madrid: Dykinson, 2006. 509 p.
7. Boelles P. Introduction, Freedom, Security and Justice for all. In: Guild E. and Harlow C. Implementing Amsterdam, Immigration and Asylum in the EC Law. Oxford: Hart Publishing, 2001. 234 p.
8. Borjas George J. The economics of migration. In: Journal of Economic Literature (Nashville, Tennessee). December 1994, Vol. XXXII, p. 1667 - 1717. [On-line]: http://www.stanford.edu/group/scspi/media/pdf/Reference%20Media/Borjas_1994_Immigration.pdf. (Visitado: 22.08.2012).
9. Bouteillet Paquet. L'Europe et le droit d'asile, La politique européenne et ses conséquences sur les pays d'Europe centrale. Paris: L'Harmattan, 2001. 396 p.
10. Boza Martínez Diego. Los extranjeros ante el Convenio Europeo de Derechos Humanos / Diego Boza Martínez. Cádiz: Universidad de Cádiz, Servicio de Publicaciones, 2007. 164 p.
11. Burian Cristina. Apariția și evoluția fenomenului migrației și reglementarea juridică a acestuia în dreptul internațional public. En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații

⁴⁸ Martínez Rosa. The contribution of unemployed to inequality and poverty in OECD countries, Comunicación Encuentro de Economía Aplicada, Valencia, 24 de junio de 2000, p. 34 - 36. [On-line]: <http://www.alde.es/encuentros/antiores/iiieea/autores/A/36.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).

- Internaționale. 2009, nr. 3, p. 77 - 84. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202009,%20Nr.%203.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
12. Burian Cristina. El fenómeno de la migración internacional en el mundo contemporáneo. En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2008, nr. 3, p. 55 - 58. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202008,%20Nr.%203.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
13. Burian Cristina. Fenomenul migrației în Europa, perspective juridice și economice. En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2009, nr. 4, p. 84 - 93. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202009,%20Nr.%204.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
14. Burian Cristina. La aparición y la evolución del fenómeno de la migración y el marco jurídico europeo. En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2009, nr. 2, p. 65 - 76. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202009,%20Nr.%202.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
15. Burian Cristina. La migración y el estatuto jurídico del extranjero en el derecho internacional público. Chisinau: CEP USM, 2010. 176 p.
16. Burian Cristina. La migración, la emigración y la inmigración humana. En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2007, nr. 3 - 4, p. 81 - 85. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202007,%20Nr.%203-4.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
17. Burian Cristina. Nacionalidad y ciudadanía: problemas conceptuales y adquisición de la nacionalidad en España y en la República de Moldavia (Estudio comparativo entre la legislación española y moldava). En: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2009, nr. 1, p. 42 - 46. [On-line]: <http://rmdiri.md/pdf/RMDIRI,%202009,%20Nr.%201.pdf>. (Visitado: 22.08.2012).
18. Emigrantes y refugiados: el derecho universal de la ciudadanía / Ignasi Riera; prólogos de Rosa Regás, Ignasi Carreras. Barcelona: Debolsillo, 2002. 158 p.
19. Informe sobre las migraciones en el Mundo. 2011. Publicado por la Organización Internacional para las Migraciones, Ginebra, 2011. [On-line]: <http://www.slideshare.net/IntegralLocal/informe-sobrelas-migraciones-en-el-mundo-2011-oim>. (Visitado: 22.08.2012).
20. Jan Niessen. Manual sobre la integración para responsables de la formulación de políticas y profesionales: noviembre 2004. Luxemburgo: Comunidades Europeas, 2005. 96 p.
21. José Antonio Ariza Montes, Alfonso Carlos Morales Gutiérrez, Emilio Morales Fernández. Condiciones laborales de los inmigrantes en la Unión Europea: un estudio comparado. En: Revista de Fomento Social. 2010, nr. 65, p. 205- 233. [On-line]: <http://es.scribd.com/doc/38378115/Condiciones-Laborales-de-los-Inmigrantes-en-Europa>. (Visitado: 22.08.2012).
22. Michael Dummett. Sobre inmigración y refugiados; traducción de Miguel Ángel Coll. Madrid: Cátedra, 2004. 165 p.
23. Niessen Jan. The European Union Migration and Asylum Policies. The Hague: Kluwer Law International. 1996. 81 p.
24. Peter Stalker. Emigrar no es una ganga: mitos y realidades. Traducción: Anadelia García. 1ª ed. Barcelona: Intermón Oxfam, 2004. 157 p.
25. Piore Michael J. Birds of passage, Migrant Labor and Industrial Societies. New York: Cambridge University Press, 1979. 229 p.
26. Simon Julian. On the Economic Consequences of Immigration: Lessons from Immigration Policies. En: Economic Aspects of International Migration, edited by Herbert Giersch. Berlin: Springer-Verlag, 1994. 223 p.
27. Smith James P., Edmonston Barry G. The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration. Washington D.C.: National Academy Press, 1997. [On-line]: http://www.econ.ucdavis.edu/faculty/gperi/Teaching/migration/presentation_leticia.pdf. (Visitado: 22.08.2012).
28. Stalker Peter. Workers Without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration. Boulder. CO. Lynne Rienner Publishers, 2000. 163 p.
29. Stephen Castles, Miller Mark J. The Age of Migration. 2nd edition. New York: The Guilford Press, 1998. 338 p.
30. Tapinson G. The Macroeconomic Impact of Immigration: Review of the Literature Published Since the Mid 1970s. In: Trends in International Migration. Paris: OECD, 1993, p. 157 - 77.
31. The Area of Freedom Security and Justice and the European Court of Justice, International and Comparative Law Quarterly. 2000, Vol.49, p. 1 - 14. [On-line]: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=7730532>. (Visitado: 22.08.2012).
32. Vila José-Miguel. Mujeres del mundo: inmigración femenina en España hoy. Madrid: Imagine, 2005. 461 p.
33. Weiner Myron. The Global Migration Crisis: Challenges to States and Human Rights. New York: Harper Collins College Publishers, 1995. 270 p.
34. Xavier Rius. El libro de la inmigración en España. Córdoba: Almuzara, 2007. 412 p.
35. Zimmermann K. F. Algunas lecciones generales sobre el problema europeo de las migraciones, Revista del Instituto de Estudios Económicos. 1994, nr. 4, p. 3 - 32.

36. Джоробекова Гульнара Эшимбековна. [integratsii-grazhdan-tretikh-str#ixzz26cPL6T1s](#).
Политика Европейского союза в сфере легальной иммиграции и интеграции граждан третьих стран. (Visitado: 22.08.2012).
Бишкек, 2006. 145 с. [On-line]:
<http://www.dissercat.com/content/politika-evropeiskogo-soyuza-v-sfere-legalnoi-immigratsii-i->

Copyright© BURIAN Cristina, 2012.

TOWARDS A COMPREHENSIVE CONCEPT OF TERMINATION OF CONTRACTS

Octavian CAZAC*

РЕЗУМАТ: СПРЕ UN CONCEPT ATOTCUPRINZĂTOR AL REZOLUȚIUNII ȘI REZILIERII CONTRACTULUI

În prezentul articol examinăm accepțiunile termenului rezoluțiunii și rezilierii contractului, diferitele definiții propuse de doctrina mai multor jurisdicții, și ne expunem în susținerea tendinței moderne a unui concept atotcuprinzător al rezoluțiunii contractului.

În mod tradițional rezoluțiunea și rezilierea este privită în trei accepțiuni: (1) drept subiectiv al părții contractante de a declara ori cere rezoluțiunea sau rezilierea; (2) actul prin care partea contractantă declară sau cere rezoluțiunea sau rezilierea și astfel își exercită dreptul subiectiv nominalizat; (3) rezultatul exercitării dreptului subiectiv asupra raporturilor contractuale.

În sensul său de drept subiectiv, dreptul la rezoluțiune este un drept potestativ, întrucât el oferă posibilitatea de a modifica o situație preexistentă, și se exercită prin intermediul unei manifestări unilaterale de voință a părții îndreptățite.

În teoria clasică a doctrinei franceze și românești, rezoluțiunea este văzută că o „sanctiune a neexecutării culpabile” a contractului sinalagmatic, care constă în desființarea acestuia cu efect retroactiv. Rezoluțiunea intervine doar în cazul unei neexecutări culpabile, iar desființarea contractului pe motiv de imposibilitate fortuită nu intră sub incidența rezoluțiunii.

Doctrina europeană modernă analizată de către autor acceptă astăzi ideea potrivit căreia rezoluțiunea pentru neexecutare reprezintă un remediu obiectiv pentru neexecutarea obligației, independent de motivele care au determinat-o; și independent de imputabilitate. Suplimentar, acest remediu există și fără vreo încălcare, în special în cazurile în care dreptul de rezoluțiune este rezervat prin contract. Autorul conchide că rezoluțiunea este o instituție funcțională; în fiecare caz ea duce la stingerea raporturilor obligaționale și apariție unui raport de lichidare. Temeiurile rezoluțiunii și forma de exercitare a rezoluțiunii sunt variate.

De regulă, un doctrinar va defini rezoluțiunea prin prisma unuia dintre temeiurile rezoluțiunii. Această definiție însă nu va corespunde cu celelalte temeiuri ale rezoluțiunii. Patogenia raporturilor contractuale este prea variată. Totodată, rezoluțiunea poate opera și fără patogenie, la discreția unei părți contractante ce și-a rezervat dreptul de rezoluțiune ori reziliere a contractului.

Cuvinte cheie: rezoluțiune, reziliere, contract, sanctiune, remediu, drept potestativ, raport de lichidare

РЕЗЮМЕ: К ВОПРОСУ О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА

В настоящей статье мы рассмотрим понятие расторжения договора, различные определения предложенные доктриной в разных юрисдикциях и выскажемся в поддержку современной тенденции всеобъемлющего понятия расторжения договора.

Традиционно расторжение договора рассматривается с трех различных точек зрения: (1) субъективное право стороны договора объявить расторжение путем уведомления или в судебном порядке; (2) односторонняя сделка, по которой сторона договора, объявляет путем уведомления или требует в судебном порядке и таким образом осуществляет свое субъективное право; и (3) результат

* CAZAC Octavian – Magistru în drept, doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova); CAZAC Octavian – Master of law, PhD student, The State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); КАЗАК Октавиан – Магистр права, аспирант, Государственный университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

осуществления субъективного права в отношении договорных обязательств.

В своем значении, как субъективного права, расторжение, по сути, является дискреционным правом, что дает возможность изменять изначально существующую ситуацию и обычно осуществляется путем одностороннего волеизъявления правомочной стороны.

В классической теории французской и румынской правовой доктрины, расторжение рассматривается как «санкция за виновное нарушение» двустороннего договора, которая состоит в его ретроспективной отмене. Расторжение происходит только в случае виновности в неисполнении обязательств, а расторжение договора в силу невозможности, не попадает под определение расторжения.

Современная европейская доктрина, проанализированная автором, поддерживает идею, что расторжение это объективное средство защиты прав при нарушении обязательств независимо от мотивов и вины. Дополнительно, это средство защиты прав существует и без какого-либо нарушения, в частности, когда право расторжения предусмотрено договором.

Автор приходит к выводу, что расторжение является функциональным институтом, в каждом отдельном случае оно ведет к прекращению договорных отношений, а в большинстве случаев к отношению ликвидации. Основания и формы расторжения могут быть различными.

Как правило, исследователь определяет расторжение сквозь призму одного из оснований расторжения. Однако такое определение не будет соответствовать остальным основаниям расторжения. Патогенез договорных отношений является слишком широким. Тем не менее, расторжение может наступить и без патогенеза, просто по желанию одной из сторон, если договор или закон это прямо позволяет.

Ключевые слова: расторжение, прекращение, договор, санкция, дискреционное право, отношение ликвидации

Key words: rescission, termination, contract, sanction, remedy, potestative right, liquidation relationship

I. Dimensions of termination of contract

Traditionally termination of contract is analysed in three different dimensions: (1) a subjective right of a contracting party to declare termination by notice or ask it from a court; (2) the act by which a contracting party triggers termination by notice or legal action in exercise of its subjective rights; and (3) the result of the exercise of its subjective right in respect of the contractual relationship.

The right to terminate. This right is expressed in many forms such as „right to terminate”, „entitled to give notice of termination”, „right to ask the termination”. For some authors the last two expressions indicate the difference between out-of-court termination (which is declared by notice) and in-court termination (that is ordered by the judge upon application by the entitled party)¹. In this article we will alternate between these expressions, without given them a particular

meaning, which will include out-of-court and in-court termination.

Termination is a right of the creditor² explicitly granted by law (in situations such as breach of contract; failure to adjust the contract in case of hardship) or under contract (also called *option to terminate* to indicate the absolute discretion which may be attached to the exercise of this right). It is in this sense that termination is designated as a legal remedy or, in the terminology of Article 11 of the Moldovan Civil Code, an instrument of protection of civil subjective rights.

¹ In Russian law Egorova observes this approach, but criticises it, in the end saying that even where the Russian Civil Code mentions „a right to ask the termination of the contract” the entitled party may also terminate it by out-of-court notice. See Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: «Статут», 2010, с. 26.

² The term „creditor” is being used here based on the assumption that termination is triggered by a breach of the creditor's contractual right by breach of obligation on the part of the debtor. Hence, the term is not suitable for a general theory of termination law, applicable not only to breach of contract. Moreover, the term may falsely suggest that the contract at hand is a unilateral contract, in which a party is only creditor, and the other is only debtor. In civil law countries termination was devised, predominantly, for synallagmatic contracts, i.e. under which each contracting party holds both the capacity of creditor and debtor. A more precise expression is „party entitled to terminate” or, as Egorova suggests, the „active party” and „passive party” of termination. Whenever we use „creditor” or „debtor” the aforementioned caveat applies.

It has been rightfully observed³ that this right is exercised on the „risk and peril” of its holder, in the sense that it may be cancelled where a judge, which may be called upon to carry out an *a posteriori* review of whether termination was justified. Some authors go further into this analysis and support that it a prerogative exercised on the risk and peril of its holder is not a true subjective right, whereas a right gives certainty to the person that uses it. The exercise of a right should not expose it holder. Termination by notice justified by breach of contract is therefore, in an opinion, an anticipation of the judgment, and not necessarily the expression of a subjective right.

We do not support the last assertion; varying civil subjective rights are subject to a number of conditions as to substance and procedure, and a judge holds the authority of verifying whether such conditions when met on the date the right was exercised. Thus, termination remains a subjective right.

Civil subjective rights are different from civil liberties⁴: while civil subjective rights constitute a possibility of the active subject to a conduct, within the legal limits, to claim that the passive subject has a corresponding conduct, and, in case of need, to resort to a court for enforcement⁵, civil liberties on the other hand are granted unconditionally and afford unlimited possibilities to the holder. Subjective rights are exercised only in the interest of the holder and for purposes which do not breach the law.

From the standpoint of its legal nature this subjective civil right cannot be fitted into the *summa divisio* real right (*jus in rem*) – right of claim (*jus in personam*), but is what often is being called a *potestative right* (*droit potestatif; drept potestativ*)⁶. This concept owes its origin to German law, in which it is called a formational / transformational right (*Gestaltungsrecht*). Dr. Reinhard Gaier in the *Münchener Commentary to the German Civil Code (BGB)* explicitly attributes

the right to terminate to this type of rights whereas its exercise transforms the contractual relationship into a restitution relationship (*Abwicklungsverhältnis*) or liquidation relationship (*Vertragsliquidierungsverhältnis*)⁷. He also characterizes this right as a *temporary right* by virtue of §350 BGB (its correspondent in the Moldovan Civil Code is Article 741).

According to the French author Aurelie Brès, rights which confer to their holder the possibility to acquire another right or to modify a legal situation may not convincingly be allotted to real rights over property or claims against a person⁸. These are called *potestative* rights. The originality of potestative rights resides in their contents and in the way they are exercised. They offer the possibility to modify a pre-existing situation and are exercised by way of the unilateral declaration of the will of a person. The right to terminate a contract is included by the author in this category. The same treatment is given by the relevant author to the right to claim that termination be ordered by a court.

In the Romanian doctrine Ion Negru carried out a detailed analysis of potestative rights on the occasion of its study of a general theory of the right of first refusal (pre-emption right)⁹. He accepts the dominant view that a potestative right is a power by which its holder may exert an influence over a pre-existing legal situation, by modifying, terminating it or by creating a new situation by a unilateral act. Three types of potestative rights are highlighted: 1) rights exercised by conduct (such as usufruct, servitudes, rights under family law); 2) right exercised by way of unilateral legal acts (such as option, first refusal, choice among alternative obligations, right to litigious withdrawal (*dreptul de retract litigios*), heir's option, termination by notice); and 3) rights exercised by legal action in court (e. g. right to ask the relative nullity of a legal transaction; in-court termination; Paulian action and Oblique (indirect) action).

Potestative rights are specific in that the power conferred to its holder to act over a legal situation

³ Aurelie Brès. *La résolution du contrat par denonciation unilatérale*. Paris: Litec, 2009, p. 275.

⁴ *Ibidem.*, p. 277.

⁵ Sergiu Baieș, Nicolae Roșca. *Drept Civil: Partea generală. Persoana fizică. Persoana juridică. Chișinău: Î.S.F.E.P. „Tipografia Centrală”, 2004, p. 217; Gabriel Boroi. *Drept civil. Partea generală. Persoanele. Ediția 4-a*. București: Editura Hamangiu: 2010, p. 61.*

⁶ Marieta Avram. *Actul unilateral în dreptul privat*. Monografie. București: Editura Hamangiu: 2006, p. 159.

⁷ *Münchener Kommentar zum Bürgerliches Gesetzbuch: BGB. Band 2: Schuldrecht. Allgemeiner Teil: §§ 241 - 432. 5. Auflage. C. H. Beck. München. 2007, p. 2166.*

⁸ Aurelie Brès. *Op. cit.*, p. 282.

⁹ Ion Negru. *Teoria generală a dreptului de preemțiune*. Monografii. București: Editura Universul Juridic, 2010, p. 237 et seq.

generates a state of submission. To use a potestative right means to give full power to one's will without this amounting to an unlawful or immoral randomness. Such a right is, in the end, exercised in the interests of its holder.

The submission relationship is established among the active subjective (the holder of the right) and the passive subject, the latter being under a duty to tolerate the former's interference in its legal sphere¹⁰.

Optional potestative rights, such as the right to terminate a contract, are special in the uncertainty of the legal situation which forms their object, and by the alternative available to their holder. Hence, one of the aspects of potestativity in general and of termination in particular is that it does not require the consent of the person against whom it is to be exercised.

In her analysis the Romanian author Marieta Avram attributes the right to terminate to the class of *extinctive* potestative rights¹¹.

Further, termination – by its origin – is a contractual right since it is derived from the existence of a contract and the interdependence of contractual obligations.

It may not be assigned without the remaining claims deriving from the underlying contract; a divergent solution would lead to an absurd situation where a person may terminate the contract as assignee, though the restitution effect of termination will be carried out among other parties (as original parties to the contract). But it may certainly be assigned together with the main contract claims as an accessory right. This is reinforced by the traditional rule that an assignee acquires the assigned rights in form and substance as they were held by the assignor.

Finally, the right to terminate by notice must be distinguished from its jurisdictional form of exercise – the right to ask that termination be ordered by the court¹².

The laws that regulate the terms and conditions upon which termination of contract is allowed should be treated as legal provisions which in fact regulate the right of termination and the circumstances in which it arises.

Termination as the destructive act of the entitled party. The act by which the right to terminate is exercised – the declaration of

termination – is a unilateral legal act of the entitled party directed to the extinguishment of certain contractual relationships and the triggering of a new, specific legal relationship. In these cases the party is said to have terminated the contract. It is also due to this circumstance that terminate may be called an *extinctive* unilateral legal act¹³.

The details of this phase of termination deal with the form in which such declaration must be made; time limitations and other limitations to which the entitled party is subject upon deciding to trigger termination.

Termination as the result of the exercise of the subjective right. The most common meaning of termination is that of the result of the exercise of the right to terminate, i.e. a legal operation of ending of the contractual legal relationship and triggering of a new relationship. It is this result that determines the substance of this legal institutions and separates it from related institutions; it influences the conditions which must be met for this right to be granted by law (considering that termination frustrates the mandatory force of contract, it must not be granted in too easily); and in the end defines its legal nature.

An additional observation should be made. Oftentimes the expression „unilateral termination of contract” („*résolution unilatérale*” in French; „*rezoluțiunea unilaterală*” in Romanian) is used to designate termination. This is a pleonasm given that in many legal systems, including the Moldovan legal system, termination is effected unilaterally. The expression does make sense in those legal systems where termination is traditionally ordered by a court (e.g. in France or Romania). Here the unilateral character lies in the fact that a court order is not needed for a contracted to be terminated by a party alone.

II. Historical Background

Roman law. The right to put an end to a breached contract was not recognized in Rome for consensual contracts, such as a sales contract¹⁴. It is rightfully observed hence that Roman law was governed by an „iron” rule that a contract may not be set aside¹⁵. A seller who accepted the price to

¹⁰ Ibidem., p. 243.

¹¹ Marieta Avram. *Op. cit.*, p. 159.

¹² Aurelie Brès. *Op. cit.*, p. 278.

¹³ Marieta Avram. *Op. cit.*, p. 241.

¹⁴ François Terré. Philippe Simler. Yves Lequette, *Droit civil: Les obligations*, 7e édition. Paris: Dalloz, 1999, p. 585.

¹⁵ Reinhard Zimmermann, *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*, Oxford University Press, Oxford, 1996, p. 800.

be deferred could not have asked restitution of the good, and was exposed to purchaser's insolvency. To avoid this risk, Roman jurists resorted to the inclusion in deeds of sales of a clause called *lex commissoria* – which French doctrine ended later on into calling *pacte commissiore* – that entitled the seller, if the purchaser failed to pay the price when due, to terminate the sale contract. The justification of this termination was the parties' prior agreement.

Justinian's Digests give the following account: *Lex commissoria. Cum venditor fundi in lege ita caverit: „si ad diem pecunia soluta non sit, ut fundus inemptus sit”, ita accipitur inemptus, si venditor inemptum eum esse velit (D. 18. 3. 2.). – When the seller of the land inserts in the contract the condition: „if the purchase price shall not be paid on said date”, the land must be deemed unsold, if the seller so chooses¹⁶.*

The wording of article 1184 of the French Civil Code of 1804 (still in force) – „a resolutive condition is always implied in synallagmatic contract” – demonstrates that the drafters of the code had been inspired by Roman practice, which was largely maintained in the Middle Ages. But the drafters failed to grasp the true origin of the right of termination mentioned in article 1184, treating it as an implied *lex commissoria*, whereas there are significant differences between these. The right to terminate applies in all synallagmatic contracts and may be exercised by either contracting party, while a *lex commissoria* was inserted solely in sales and only for the benefit of the seller. The latter also was triggered automatically, while according to article 1184, a court must decide whether termination is to occur.

Another pact that could accompany a sale in Rome was *in diem additio*, i.e. adjudication at the deadline, which allowed the seller to call upon termination of the sale if, before a due date, another purchaser was offering a higher price; *pactum de retrovendendo* or *repurchase pact*, by which the parties agreed that the seller could have redeem the good, in a certain period, on condition of refund of the price and costs of the sale; *pactum displicentiae* or trial sale, which allowed the purchaser to return the good, in a certain period, if it failed to meet his expectations.

Roman law also recognized in the narrow area

of innominate synallagmatic contract a court action based on absence of cause, whose effects were similar to that of modern law in-court termination, and it was called *condictio causa data causa non secuta*, by which a party which performed its obligation in due time may claim its refund if the other party failed to perform the counter-obligation upon maturity¹⁷.

In reality, the idea that a court may order a synallagmatic contract terminated originates in Canon rather than Roman law. Canonists shed light on the bond between reciprocal obligations in a synallagmatic contract and have identified the rule that, if a party failed to keep its promise, it forfeits the right to enforce the promise made by the other party: *Frangenti fidem non est fides servanda* (or thee who breaks an undertaking is no longer owed an undertaking). This rule was also used to explain that if a party failed to keep its promise, it not only forfeited counter-performance and allowed the counter-party to suspend it (*exceptio non adimpleti contractus*), but it was also allowed to terminate the contract. Provided that, to obtain this termination, the terminating party was to submit the matter to a court, since only a judge could release it from its own obligations. Thus, the judge was granted a broad decision-making power, taking into account not only the will of the parties, but also their morality and the economic circumstances in which they lied. Depending on the circumstances at hand a judge could have allowed or denied termination, and if it was denied, he would often times grant a period for cure; if he allowed termination, he could concurrently award damages (including ecclesiastic penalties) to benefit of the aggrieved party. Thus to Canonists termination was primarily a *sanction*, the harshest penalty for the guilty contracting party consisting of the loss of the benefit of a concluded contract: a sanction triggered by the breach of an oath, but also applied where the promise was not given under oath, by virtue of the idea that the breaking of a promise is a fraud, hence – a sin.

From French canon law the institution of termination gradually passed onto French civil law. Still its transposition took longer because of a resistance of Romanists who claims that, in particular for a sales contract, classical Roman law remedies should be maintained, i.e.

¹⁶ Римское частное право: Учебник. Под ред. Новицкого И. В. и Перетерского И. С. Москва: «Юриспруденция». 1999, с. 417.

¹⁷ Ion Albu. Drept civil. Contractul și răspunderea contractuală. Cluj-Napoca: Editura DACIA, 1994, p. 130.

termination to be granted only to the seller and solely if a *lex commissoria* was agreed to by the parties. The jurists of written law (*droit écrit*) regions were particularly fond of the Roman tradition.

In customs law regions of France this aspects was less important, and in the 16th century, under the influence of Dumoulin, have admitted the theory of termination as it was developed in written law regions. French case-law of the time also took over this theory. In the 17th century, Domat mentions a general principle of termination of contract for each time where a reciprocal obligation is breached. The rule, according to him, should equally apply to sales contract; he believes it is useless that, in case of sale, a resolutive condition be implied in order to enable termination; the parties wish for the contract to continue solely where it is properly performed; the idea of cause is therefore placed at the foundation of termination of contract.

This tradition was maintained in the 18th century and Pothier adopted it. He found that in French law, as opposed to Roman law, termination of a sale may be asserted by both purchaser and seller. And to justify it, he avoids the theory of implied resolutive condition, and finds the basis of termination directly in the intent of the parties. „Breach of obligations by the seller or the purchaser entails termination where that which was promised dis so significant that the contract were not concluded without it”. A clearer idea of cause therefore arises as foundation of termination.

French Civil Code. How could, after these developments, the drafters of the French Civil Code, which followed Pothier's letter, have treated termination as a resolutive condition, saying that „it is always implied in synallagmatic contracts”? In the chapter on resolutive condition Pothier came back to the matter of termination, and said that it is useless to insert a resolutive condition, because the judge will order termination in any event. The drafters of the French Civil Code, instead of saying that the inclusion of a resolutive condition is useless, said that there is an implied resolutive condition, which are to completely different things.

Thus article 1184 of the French Civil Code, in the way it is drafted, operates with an implied resolutive condition in synallagmatic contracts, and the right of a party deprived of performance

to claim termination of the contract is justified by the link between the reciprocal obligations of a synallagmatic contract¹⁸.

No body of law or academic soft law initiatives tend to define what termination is, but rather establish its legal regime or, sometimes, only use the concept of termination when regulating specific types of contracts.

III. Classical doctrine

The absence of legislative definitions and the multitude of scenarios in which termination steps in made room for plenty of academic writings reach as to volume and opinions.

Academic opinions on the legal nature and definition of termination of contract are largely shaped by the provisions of the national law of the relevant author. Two larger trends may be identified. The first, traditionalist trend – promoted by French law and its historical satellites (the Spanish or Romanian system) – lists termination among *civil sanctions* for guilty breach of contract. A second trend views termination in a wider picture, as a *legal remedy* while ignoring the guilt of the obligor as condition to the triggering of the right of termination. The common law and German legal systems are at the forefront of this ideological current; and this trend takes dominance. What follows is a more detailed analysis of both.

French and Romanian doctrine, based on the 1804 French Civil Code and the 1864 now repealed Romanian Civil Code is in close to being unanimous in defining termination of contract for breach as the ending – in principle with retrospective effect – of a contract¹⁹. It resolves, according to the cited authors, those situations which the defence of non-performance of contract (*exception non-adimpleti contractus*) can no longer resolve. They therefore see termination as a last resort solution to a breach.

Termination is largely seen as a „sanction for guilty breach” of a synallagmatic contract which consists in its retrospective unwinding.

Romanian doctrine of the beginning of the 20th century attributed termination to the class of unwinding of contract (*desfășurarea*

¹⁸ François Terré. Philippe Simler. Yves Lequette. *Op. cit.*, p. 587.

¹⁹ *Ibidem.*, p. 585; Alain Bénabent, *Droit civil. Les obligations*, 8e edition. Paris: Edition Montchrestien, 2001, p. 252.

contractelor)²⁰. Constantin Hamangiu et al. do not explicitly define termination, but, comparing it with nullity say that „contract may be unwound and for other causes: by the fulfilment of a condition subsequent (condiție rezolutorie) or by the court, following the claim of a party relying on the breach of obligation by the other party. In these cases, the unwinding of the contract operates by way of termination (*rezoluțiune sau reziliere*). [...]” When termination is applied to a continuing contract (such as a lease) called *reziliere* it applies only for the future and has no retrospective effect.

Authors propose the following classification of termination: „termination is *contractual* (where, for instance, a termination clause was included in a lease contract) or *unilateral* (such as the denunciation of a services contract entered into for an unspecified period of time).

Termination can also be conceived for *intuitu personae* contracts, in case of death of a person who personality was considered upon the making of the contract; these are services and works contracts, partnership and mandate.²¹

A more recent Romanian scholarly writing, from the end of the 20th century, represented primarily by Constantin Stătescu and Corneliu Bîrsan, define termination of contract as „a sanction for the guilty breach of a synallagmatic contract, consisting in its retrospective unwinding and re-positioning the parties in their status before the conclusion of the contract.”²² Termination of continuing contract (*rezilierea*) is not defined separately but it is said that they should be distinguished among them. A one-time performance contract is terminated with retrospective effect, while termination of a continuing contract ends the effects of the contracts solely for the future, while the past performances remain unaffected”. Similar definitions are supplied by other Romanian scholars.²³

²⁰ Constantin Hamangiu et al. *Tratat de drept civil român*, Vol. II. București: Editura ALL BECK, 2002, p. 530.

²¹ *Ibidem.*, p. 542.

²² Constantin Stătescu, Corneliu Bîrsan. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor*, ediția a III-a. București: Editura ALL BECK, 2000, p. 86.

²³ Ioan Adam. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor*. București: All Beck. 2004, p. 92; Ion Dogaru. *Pompil Draghici. Bazele dreptului civil. Vol. III, Teoria generală a obligațiilor*. București: Editura C. H. Beck: 2009, p. 151; Liviu Pop. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor. Tratat*, Ediția a II-a. Iași: Editura Fundației „Chemarea”, 1998, p. 76.

Valeriu Stoica in its monograph on the subject defined termination, in a strict sense, as an unwinding – either by way of judicial proceedings or conventionally – of a synallagmatic contract, of a one-time performance (*uno actu*) contract, in case where the obligations undertaken under the agreement are breached, with guilt, which unwinding produces retrospective effects.²⁴

The following consequences are therefore drawn by the relevant author: firstly, termination is not an automatic unwinding of the contract, but a judicial decision, as opposed to impossibility of performance of obligations, which leads to either the *ipso facto* unwinding of the synallagmatic contract, or only the extinguishment of the impossible obligation. Secondly, the „unwinding, accompanies by damages” of the synallagmatic contract involves the idea of guilt (*culpa*) because only a guilty breach of contractual obligations may entitle the obligee to seek damages. We observe here that the author confuses termination of contract with the right to claim damages for breach of contract. These rights are however separate.

In a broader sense, for this author termination (*rezoluțiune*) includes both termination in a stricter sense, as well as termination of continuing contracts (*reziliere*).

The traditional approach of Romanian doctrine – based on the provisions of the old 1864 Civil Code, but also legal tradition - was therefore that termination occurs solely in case of guilty breach of obligations, while the unwinding of a contract due to impossibility does not fall under termination.

Constantin Hamangiu²⁵ mentions termination in its chapter on unwinding of contract, specifying that „the causes of unwinding of contracts are of two types: some have retrospective effect, such that the contract is deemed never to have existed; others have effects solely for the future, such that they stop the effects of the contract from the date when termination occurs, without affecting past performances.

Retrospective causes are nullity and termination of single performance contract; to the latter he also adds *exceptio non adimpleti contractus*. Non- retrospective causes include revocation and termination of continuing

²⁴ Valeriu Stoica. *Rezoluțiunea și rezilierea contractelor*. București: Editura All, 1997, p. 15.

²⁵ Constantin Hamangiu et al. *Op. cit.*, p. 530.

contracts, to which we can also add expiration of a term.”

According to Valeriu Stoica, while being based on the idea of guilt or fault, termination of contract is a civil law sanction. This qualification, though correct, fails to fully reveal the true legal nature of termination whereas it is not a *sui generis* civil law sanction, but rather are varieties of contract liability. The author comes to the conclusion that termination constitutes a variety of enforcement of obligations by payment of compensation in lieu of specific performance (*executare silită prin echivalent*), because termination is the „equivalent” of specific performance, where specific performance is no longer possible or of interest to the creditor due to the debtor's fault. The author explains his theory of equivalent by the fact that the creditor received an equivalent in lieu of specific performance, i.e. the right to withhold its own performances or the loss of legal basis for prior made performances, which justifies their restitution.²⁶

Even in the case of this doctrine, the term „sanction” remains arguable as long as we accept that termination does not necessarily involve the fault of the obligor²⁷. A sanction is a measure to punish a mistake, a deed that is committed with certain guilt. According to Liviu Pop, the occasional absence of the element of guilt from the series of conditions of termination sheds a light of uncertainty over its qualification as „sanction” at least not as part of a general theory that captures the nature of termination in all of its manifestations. The tendency to qualify termination as a sanction is due to the patent influence of Canon law which is at the basis of the ideology of the French Civil Code on the mechanism of termination. In Canon law, termination is a punishment (hence, a sanction) for breach of one's given word (hence, a sin), a breach that consisted in a lie, and hence could not have remained unsanctioned²⁸.

Italian doctrine²⁹ criticised the theory of sanction based on the following:

²⁶ Valeriu Stoica. *Op. cit.*, p. 30.

²⁷ Ionuț-Florin Popa. Rezoluțiunea și rezilierea contractelor în Noul Cod civil (I). În: *Revista Română de Drept Privat*. 2010, nr. 5, p. 107.

²⁸ François Terré. Philippe Simler. Yves Lequette. *Op. cit.*, p. 586.

²⁹ Gianluca Sicchiero. *Il Codice Civile. Commentario. La risoluzione per inadempimento. Artt. 1453-1459*. Milano: Ed.: Giuffrè, 2007, p. 40.

- private law, as opposed to public law, is not set up in such a way as to allow sanctions to be applied by one party to the other; one can accept that nullity of a juridical act is, in a certain way, a sanction because it deprives both parties from the benefit of the void contract, because they failed to abide by the norms of the legal order;

- a sanction should be incurred solely by the party which breached the contract; whereas termination affects both parties equally, without discrimination, except that the right of the obligee-victim to seek damages from the other contracting party at fault. Thus, the difference between the victim party and the guilty party is solely that the victim party decides whether termination should occur, and the guilty party is bound to accept it as such. One cannot exclude that the guilty party may also be, in principle, in agreement with termination.

This analysis indeed offers a fair, detailed description of the state of affairs, beyond the appearances of the theory of sanction.

A similar discussion is held in the Russian doctrine. For Karapetov³⁰ the fact that termination of contract is a form of civil responsibility is only a problem of definition of the concept of civil responsibility. According to the opinion of the reputed Joffe³¹, which is dominant in Soviet and modern Russian legal doctrine, civil responsibility is a sanction for breach of a legal rule that entails adverse consequences for the offender by way of his deprivation of subjective rights or the establishment of certain new or additional civil obligations. The form of responsibility which consists in the deprivation of rights may here include termination of contract, as it extinguishes rights.

Karapetov opposes such a definition and especially the solution – that termination is a form of civil responsibility. The incompatibility between civil responsibility and termination, in his opinion, is that fault of the wrongdoing party is a condition of responsibility, while termination is independent of fault. He proposes to define civil responsibility as the sanction applicable at the initiative and in favour of the party that is the victim of a breach, under the form of additional

³⁰ Карпетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. Москва: «Статут», 2007, с. 152.

³¹ Иоффе О.С. Обязательственное право. Москва: Юридическая литература, 1975, p. 97.

proprietary burdens incumbent on the wrongdoer, reflected through the loss by the wrongdoer of certain proprietary values³². In such a definition, termination and civil responsibility are distinct concepts

He is supported by M.A. Egorova³³ which finds in the Russian Civil Code³⁴ a number of cases when the unilateral right to refuse the performance of the contract, which is not connected to breach of contract by the counterparty. In these situations the refusal may not be qualified as a sanction since the counterparty is well performing; rather it should be qualified as a civil measure of protection of the legal interests of the party entitled to such a refusal.

In the Romanian doctrine Marieta Avram shows that a declaration of termination is a juridical act which, in order to produce its extinctive effect, must be exercised only where the general conditions of civil responsibility are met³⁵.

For Sergiu Mămăligă, termination on account of faulty breach of contractual obligations is a form of civil responsibility. Thus, in such a case, the creditor may, under the general rules of contract responsibility, claim either specific performance of the obligation with delay penalties, or the indirect specific performance (damages in lieu of specific performance). However, depending on the conditions of each case at hand, any of these two solutions may prove disadvantageous for the party which performed or tendered its performance. It would be unfair for a creditor to maintain the contract if the other party were to be held insolvent or, even here solvent, if, because of the delay in performance, the creditor would lose interest in receiving the relevant performance. In all of these situations, the safeguard of fairness is not possible simply by applying the general rules of civil responsibility, but via termination of the contract. Any of these special forms of contract responsibility allows a party to terminate and, consequently, recover all past performances. By recognizing such party's entitlement to choose

between specific enforcement and unwinding of the contract by way of termination, the lawmaker reached a natural balance between the binding force of contract, the principle of specific in-kind performance and protection of good faith and fairness in the law of obligations. A logical conclusion, according to the quoted author, is that termination for fault is a variety of damages in lieu of specific and thus a form of civil responsibility³⁶.

IV. Modern trends

In its extensive monograph dedicated to termination for breach³⁷ the French author Thomas Genicon sees in the institution at hand an original technique of destruction of the contract. It is original and must not be confused with other institutions which lead to the end of an agreement. Supporting the idea, enshrined in French scholarly writings, that termination is a „sanction”, he compared it with the English term „remedy”, which gains popularity, and concludes that the term remedy is broader and more precise. Apart from the strict meaning as penalty, the term sanction designates, in a broader sense, an instrument of protection of the subjective right, which gives him force and ensures efficacy. The author thus suggests that termination can also be seen as a potential sanction for breach of contract due to impossibility. We note here that traditionally the French doctrine breach due to impossibility (i.e. outside any guilt of the debtor) does not entail termination of the contract, but only its extinguishment due to impossibility (the theory of the risk of the contract).

The same author compared two views on termination: an objective view – the objective disappearance of the contract as established by the judge; and an objective view – termination is a decision, either of the contracting party or of the judge by which both parties are released from obligations that were once binding upon them. He supports the subjective concept for French law. The analysis is useful in that it shows termination as a right, an option of the contracting party.

A revelatory opinion is expressed by the French author Rigalle-Dumetz saying that *termination of contract does not exist*³⁸. If

³² Карапетов А.Г. *Op. cit.*, p. 155.

³³ Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2010, с. 14.

³⁴ Codul civil al Federației Ruse. Partea I din 1994 și Partea II din 1995.

³⁵ Marieta Avram. *Op. cit.*, p. 254.

³⁶ *Ibidem.*, p. 200.

³⁷ Thomas Genicon, *La résolution du contrat pour inexécution*. Thèses. Tome 484. Paris: Ed. L.G.D.J., 2007, p. 11.

³⁸ Thomas Genicon. *Op. cit.*, p. 42.

termination was triggered, it must be understood that it has an effect solely on the obligational relationship stemming from the contract, but does not the contract itself – understood as a mere agreement previously reached by the parties – which remains unaffected. This approach is being picked up by Italian and French scholars.

In this opinion, where a contract is made, the parties' agreement generates a new legal rule whose primary subject-matter is the creation of a new obligational legal relationship. The mandatory force of contract must therefore be understood as the submission by the parties to the law so created, a law which organizes their legal relationships and is the source of the obligations among them. Thus, the author concludes that termination does not affect a contractual legal rule, but only its obligational effect. Only the obligational relationship is affected thereby. It would thus appear is a false concept. The contract lives on in spite of termination of some of the obligations.

The merit of this theory is that finally gives an answer to the multiple practice questions raised in respect of the effect of termination; in particular, it explains why, despite the contract being terminated the party at fault continues to owe contractual damages to the other party. This is why some clauses of the contract remain binding after termination takes effect.

In other words, termination does not affect all contractual relationships, but solely those compromised by the breach.

The contract – sometimes call the grand coordinator of the relationship – remains intact, and the obligational relationships (being the sole which may be terminated) are maintained or extinguished depending on whether a breach affected the balance in that specific relationship; the extinguishment of one of the relationship will not necessarily lead to the extinguishment of the other relationships arising under the same contract. Though it is traditionally sought that the legal effects of termination are measured time (i.e. retrospective effect, *ex tunc*, or with effect for the future, *ex nunc*), it can be observed that it is in fact measured in scope: it is not that a period of time remains unaffected, but a part of the contractual relationship is maintained.

This approach is not found in any existing body of law of those principal legal systems that we had examined. All civil codes speak about

„termination of contract”. The most recent European soft-law initiative, the Draft Common Frame of Reference (DCFR)³⁹, has however adopted this approach completely. Instead of using „termination of contract” it refers to „termination of contractual relationships” (in French, „resolution”) defined as the termination of the contractual relationship in whole or in part and „terminate” has a corresponding meaning. Article III. – 3:501(1) DCFR specifies that the Section on termination applies only to contractual obligations and contractual relationships.

According to Thomas Genicon this theory, as seducing as it may be, does not escape criticism. It is not really sure if termination affects only the obligations created by it, and not the contract itself. First of all, the simple extinguishment of obligations is insufficient; it does not explain the restitution of past performances. We believe this criticism is valid in the specific context of the French legal system – where the contract itself transfers ownership and other *jus in rem*. Ownership returns to the seller only if we find that the contract not only ceased, but was unwound, thus its effect of transfer of ownership would also unwind retrospectively (*ex tunc*).

French doctrine recognizes that this logic (i.e. critique) does not apply on those legal systems where the transfer of ownership is not dependent solely on the conclusion of the contract, but also by some subsequent formalities. The classical system here is the German legal system, where by virtue of the separation principle (*Trennungsprinzip*) and the abstraction principle (*Abstraktionsprinzip*) ownership is not transferred by virtue of the contract alone. The contract merely obligates a party (e.g. the seller) to transfer ownership of the property to the other party, which does not automatically acquire it. For transfer of ownership, another contract needs to be entered into, one that transfers ownership from a party to the other. For movable property, it would normally be deemed concluded upon transfer of

³⁹ The Draft Common Frame of Reference represents a landmark in legal scholarship on European legal history and comparative law. The study is commissioned by the EU itself, and will form a central part in all future discussions of legal harmonization within the EU. It was issued in 2008 by the Study Group on a European Civil Code and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group). See Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Dieter Fuchs Stiftung, Dissen, 2009.

possession. Though not completely clear on the theoretical side, this seems to also be the approach of Article 321 of the Moldovan Civil Code, which separates, as a matter of principle, the making of the contract from transfer of ownership. Hence, for these legal systems restitution of ownership is not explained by the retrospective unwinding of the contract (*ex tunc*), but rather by the establishment of a new positive obligation to retransfer ownership. Up to then, the possessor is also an owner and incurs all costs and risks related to it.

The second objection raised to this theory is that it does not resolve those relationships which occur in continuing contracts and which have not been breached, but rather properly performed. The critics find that the theory is more often one of temporary, but irreversible, suspension of the contract, than one of extinguishment of obligations.

Our view is that this theory must be given credit. The extinctive effect of termination cannot be denied, and we find that in the Moldovan legal system it is not necessary to resort to the concept of retrospective unwinding of the contract (*ex tunc*), which, in substance, is a contract that was in fact made.

If we are to accept this theory, we should recognize that the words „termination of contract” is an ellipse (just like „breach of contract” is) and a more pure wording is „termination of contractual relationships” (respectively: „breach of contractual obligations”). This also corresponds to the intent of the parties that terminate a contract – to release themselves from obligations and not to destroy the original agreement among them.

A hesitation here is that, though the theory properly displays termination from the stand point of its mechanism of functioning and its effects, what remains unanswered is the purpose of this mechanism – is it used a sanction, remedy or something else?

An Italian doctrine asserts that⁴⁰, an examination of the mechanism of termination in terms of its functionality shows that its central aspect consists simply in the possibility to put an end to the contract where the exchange of performances cannot be effected because of a breach that is economically relevant to the

interests of the victim party, but not as a sole remedy, since the entitled party may decide to maintain the contract.

It is widely accepted today in Italian doctrine that termination is an **objective remedy** for the breach of obligations, independent of the motives that stood behind it; regardless of immutability or fault, or the conduct of the party whose obligations were breached⁴¹.

Relying on Article 12 of the Russian Civil Code, Russian doctrine⁴² does not hesitate to qualify termination as a means of protection of civil rights (*способ защиты гражданских прав*). In light of this view, and considering the similar provisions of Article 11(j) of the Moldovan Civil Code, under which the unwinding of a legal relationship is a means of protection of civil rights, we find that termination should indeed be treated as an objective remedy. This since Article 11 does not impose the existence of fault of the wrongdoer to protection of civil rights, even those rights violated without a fault should therefore be protected by the legal order.

Moreover Karapetov⁴³ places in-court termination in the category of jurisdictional forms of protection of rights, while out-of-court termination in the category of methods of self-defence of civil rights, in the subcategory of methods of operative reaction (*мера оперативного воздействия*). We believe this analysis to be trustworthy but its applicability under Moldovan law creates certain inconveniences. Article 13 of the Moldovan Civil Code, while regulating self-defence, establishes that it may be used by the victim only if the help of law-enforcement authorities may not be obtained. This condition contradicts the very substance of out-of-court termination.

Recently, due to the influence of soft law instruments (such as the UNIDROIT Principles, European Principles of Contract Law and the Draft Common Frame of Reference), Romanian doctrine started to accept the concept of „remedy”, of which termination forms a part.

Recent Romanian doctrine⁴⁴ considers „immune,, and more objective the qualification

⁴⁰ Gianluca Sicchiero. *Op. cit.*, p. 50.

⁴¹ M. Cristina Diener. *Il contratto in generale*. Seconda edizione. Milano: Ed.: Giuffrè, 2010, p. 832.

⁴² Карапетов А.Г. *Op. cit.*, p. 151.

⁴³ *Ibidem.*, p. 159 - 160.

⁴⁴ Ionuț-Florin Popa. *Op. cit.*, p. 107.

according to which termination is an original technique of unwinding of the contract, as promoted by some recent French scholarly writing⁴⁵. As Thomas Genicon puts it, termination for breach is an „original technique of destruction of the contract”.

According to the Romanian Ionuț Florin Popa⁴⁶, although modern codifications abandoned the traditional terminology of the continental legal system of calling the possibilities that a creditor has at hand in the event of breach of the contractual obligations, calling them instead remedies, the new Romanian Civil Code keeps a neutral stance and prefers not to call them as such. In general this code refers to „rights of the creditor” in case of breach, but that after that calls them remedies, so that in the end it would call them „enforcement of specific performance” („executare silită în natură”) (Article 1527 - 1529 of the new Romanian Civil Code). The author concludes that, from a technical standpoint, termination represents, together with the other means of protection of the creditor in case of breach, *remedies* and prefers to call them as such.

He continues by viewing termination as a *cause of ending of the contract* and establishes that, as a matter of principle, this position is consistent with the provisions of the new Code.

The Spanish scholar Manuel Albaladejo⁴⁷ treats termination upon the initiative of a party in the chapter on *extinguishment of contracts* (besides nullity and termination by mutual agreement). Hence, he states that the extinguishment of the contractual relationship is based on the will of only one of the parties when it ends upon the request of the entitled party. This „faculty” may stem from the law or can be granted by the contract; it can be granted to one of or both parties; it can be granted without any reason or after meeting certain conditions.

The effects of termination may vary, as the case may be, and according to these, the terminology used to designate the disruption of the contractual relationship by one of the parties. Thus, in Spanish law one can speak of *revocation* (*revocación*) for donation; termination (*resolución*) for sale and purchase; rescission (*rescisión*) in case of unfair advantage;

denunciation (*denuncia*), etc. In reality, says the author, all these terms converge in the concept of destruction, based on the will on one of the parties (which differs from the termination agreement – *mutuo disenso*), of the contractual relationship in case if it was validly formed (which distinguishes it from its disappearance on account of *nullity*) that leads to the ending of the legal effects of the contract.

German doctrine supports that, apart from the contract disappearing by way of normal performance, it may end by the parties' agreement (*contrarius consensus*): in this case the contracting parties revoke what they have done before – *Aufhebungsvertrag* – and agree whether this disappearance refers solely in respect of future performances or whether past performances would also be affected⁴⁸.

In the German legal system the contract may disappear by the unilateral will of the parties and there are two legal institutions enabling it:

- termination (*Rücktritt*) – which is characterized by the ending of the rights and obligations arisen from the contract (to the extent not performed) and the establishment of a new legal relationship directed to the restitution of past performances;
- rescission (*Kündigung*) – usually does not affect past performances.

The termination right may be based on a contractual stipulation (in which case there is conventional termination – *vertragliches Rücktrittsrecht*), or on a legal provision (*gesetzliches Rücktrittsrecht*).

The legal regime of termination has made the object of a reform with the implementation of the German Law on the Modernisation of the Law of Obligations dated 10 November 2001⁴⁹, which modified the German Civil Code (BGB)⁵⁰. The Draft Moldovan Civil Code⁵¹ and, hence, the new Moldovan Civil Code, have largely taken over its texts in respect of termination.

The reputable *Russian* scholars Braginisky and Vitryansky do not actually define termination

⁴⁵ Thomas Genicon. *Op. cit.*, p. 11.

⁴⁶ Ionuț-Florin Popa. *Op. cit.*, p. 133.

⁴⁷ Manuel Albaladejo. *Compendio de Derecho civil*, Edition 12. Madrid: Edisofer s.l., 2004, p. 227.

⁴⁸ Michel Pédamon. *Le contrat en droit allemand*. Paris: L.G.D.J., 1993, p. 165.

⁴⁹ German Law on Modernization of Law of Obligations (SMG) dated din 10 November 2001 (in force as of 1 January 2002).

⁵⁰ BGB – the German Civil Code as of 1896.

⁵¹ Proiectul Codului civil al RM. În: *Drept moldovean*. 2002, nr. 1, p. 1 - 451.

(*расторжение*), but only find that it has a large scope of application⁵². In their view, termination occurs both due to breach of obligations, either faulty or not, as well for other reasons, such as hardship, denunciation in *inuitu personae* contracts or revocation of donations. All these are treated by the authors as termination cases. Moreover, termination is not treated as a form of civil responsibility.

As in the old Soviet Moldovan Civil Code in force up to 11 June 2003⁵³, in the Russian system no distinction is made between termination of contracts of single performance contracts and termination of continuing contracts.

Somenkov defines termination as an act directed towards the ending of the force of a breached contract (or of a continuing contract), ending for the future the obligations arising from it⁵⁴. Meanwhile Karapetov⁵⁵ admits that out-of-court termination is a unilateral act since it meets of all elements. This approach, in our view, is the product of confusion between the termination and the declaration of termination, the latter being indeed a unilateral juridical act. The way in which the discussed institution is put into effect is not a conclusive indicator of its true and profound legal nature. The theory also cannot be applied to all forms of termination, including in-court; it is therefore unsatisfactory.

Finally, according to the Russian Kamenetskaya the concept of termination has two meanings: *juridical fact* that leads to the ending of the contractual obligational and *legal relationship* among the parties to the terminated contract⁵⁶.

In conclusion, in Russian law termination is understood in its broader sense, and it applies to both a breach, hardship, as well as, where it is allowed by law or contract, independent of any breach.

⁵² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Москва: «Статут», 1998, с. 349.

⁵³ Codul civil al R.S.S. Moldovenești. Aprobat prin Legea R.S.S. Moldovenești cu privire la aprobarea Codului civil al R.S.S. Moldovenești din 26 decembrie 1964. În: Vestile Sovietului Suprem al R.S.S. Moldovenești nr. 36 din 1964 (abrogat).

⁵⁴ Соменков С. А. Расторжение договора в одностороннем порядке. В: «Государство и право». 2000, № 4, с. 42.

⁵⁵ Карапетов А.Г. *Op. cit.*, p. 160 - 161.

⁵⁶ Каменецкая М. С. Права и обязанности участников договора при его расторжении. В: «Законодательство». 2004, №1, с. 37.

CISG. As the commentators of the UN Convention of the Contracts for the International Sale of Goods dated 11 April 1980 („CISG”), Fritz Enderlein and Dietrich Maskow, tell us, the term „avoidance”, used in lieu of „termination”, denotes an early end in a neutral form. Terms like „termination” or „withdrawal”, which have a defined meaning in the national legal language, are deliberately omitted. It is stressed in this way that the CISG has developed an original concept of putting an early end to the contract.

They proceed on the assumption that the right to avoid the contract applies irrespective of the cause of the respective breach of contract, hence also in the event of impossibility. But also those, who through the national law want to include an automatic early termination of the contract by virtue of law, believe that an analogous application of „certain provisions” of this section is possible in the matter.

They further believe that that the section of CISG relative to the effects of avoidance does not only apply to legal but also contractual rights of avoidance. This goes also for functional equivalents like the right to withdraw from a contract. However, where terms other than those of the CISG are used, it is to be examined with particular care whether because of the ideas which the parties usually have in regard to the former, certain rules of the CISG have to be regarded as having been abrogated or modified⁵⁷.

In the opinion of the commentators of the CISG, avoidance means the ending (*terminación*) of the juridical act by the will of one party⁵⁸. The author makes a relevant observation: „one must admit that the concept of avoidance, as it is treated in the CISG, is both ample and generic as compared to the meaning given to the same concept in many other legal systems, because it does not have a uniform meaning in all systems. Thus, in French law it is known as „condition résolutoire” in „contrats synallagmatiques”, in

⁵⁷ Fritz Enderlein, Dietrich Maskow. International Sales Law. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods. A Commentary. New York: Oceana Publications, 1992, p. 339.

⁵⁸ María Clara Cabrera Orjuela. Diego Ricardo Galán Barrera, Comentarios a la Ley 518 del 4 de agosto de 1999, aprobatoria de la Convención de las Naciones Unidas sobre los contratos de compraventa internacional de mercaderías. [On-line]: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/cabrera-galan.html>. (Vizitat la: 09.09.2012).

Spanish law „condición resolutoria, „resolución de la venta” (avoidance of sale) and „rescisión de los contratos” (rescission of continuing contracts), in Italian law „risoluzione del contratto” (avoidance of contract), „clausola risolutiva espresso” (explicit avoidance clause), „risoluzione del contratto della vendita” (avoidance of sale contract), an in the common law „rescission”, „termination of a contract”, „discharge by breach” and „avoidance of contract”.

The Russian scholar Ovechkina finds that the substance of the concept of avoidance of contract in the CISG consists in it being a means of legal protection of a right (*правозащитный характер*)⁵⁹. On one hand, by declaring termination, the injured party releases both itself and the counterparty from contractual obligations, and, on the other hand, may claim recovery of all past performances.

Another definition is that avoidance under the CISG is the premature ending of the contract where the other party breached it⁶⁰.

Finally, in another opinion avoidance under the CISG consists in the retrospective unwinding of a contract for international sale of goods with single performance, at the initiative of a party, following the breach by the other party of its obligations for causes imputable to it⁶¹. Considering the arguments brought by Fritz Enderlein and Dietrich Maskow this definition cannot be accepted simply because it is based not on the text of the UN Convention, but on the texts of the French and Romanian national legal doctrine.

Moldovan law. A first definition express in the examination of the nullity of juridical acts is that of authors Sergiu Băieșu and Nicolae Roșca⁶², according to which termination (*rezoluțiunea*) is „civil sanction which unwinds retrospectively a juridical act, the motive being the guilty breach of an obligations under a contract of single performance”. Rescission (*reziliere*) is defined as a „sanction that unwinds for the future the

synallagmatic continuing contract (a lease) as a result of the guilty breach of obligations by the other party. [...] The difference between these two types of termination, find the author are that the first one is retrospective, while the second does not unwind the legal effects that have already arisen, but rather is effective solely in the future.” A similar view is taken by Dorin Cimil and Inesa Poiras⁶³, as well as by Aurel Baieșu⁶⁴.

These definitions are in principle consistent with the Romanian scholarly definitions and above authors in fact refer to Romanian legal doctrine issued under the old Romanian Civil Code.

It is our view that it is inappropriate to determine termination under Moldovan law, whose legal regime is governed by completely different provisions.

The Moldovan scholar Nicolae Eșanu⁶⁵ also views termination as a retrospective unwinding of single performance contract (*uno actu*) in case where one of the parties fails to perform its contractual obligations. Therefore, the author supports, by means of the termination declaration the contract ceases to produce effects as from the date of its conclusion, and third party acquirers of the goods will also be affected by termination under the principle *resoluto iure dantis...*⁶⁶. Rescission (*reziliere*) as the other form of termination is understood a legal sanction that steps-in in case of breach of a continuing contract and consists in the ending of legal effects of the contract for the future.

These definitions constitute an evolution in that they exclude fault as a condition to the triggering of the right to terminate, whereas the author himself finds that fault is irrelevant⁶⁷. Otherwise, he adopts the classic approach.

While distinguishing termination from *revocation*, he indicates that, as opposed to termination which intervenes in case of breach of contract by a party, for revocation to apply there is no need for there to be a breach of contractual

⁵⁹ Овечкина О. О некоторых вопросах расторжения договоров международной купли-продажи. В: «Вестник». 2003, № 10, с. 115.

⁶⁰ Richard Speidel. Buyer's Remedies of Rejection and Cancellation under the UCC and the Convention. In: The Journal of Contract Law. North Ryde NSW, Australia, 1993, nr. 6, p. 131.

⁶¹ Lilia Gribincea. Rezoluțiunea și rezilierea contractului comercial de vânzare-cumpărare internațională. În: RND. 2002, nr. 5, p. 40.

⁶² Sergiu Baieș. Nicolae Roșca. *Op. cit.*, p. 217 - 218.

⁶³ Dorin Cimil. Inesa Poiras. Rezoluțiunea, rezilierea și revocarea contractelor civile. În: RND. 2004, nr. 5, p. 28.

⁶⁴ Baieș S. et al. Drept civil. Drepturile reale. Teoria generală a obligațiilor. Ediția a II-a. Vol. II. Chișinău: Î.S.F.E.P. „Tipografia Centrală”, 2005, p. 381 - 382.

⁶⁵ Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. II. Chișinău: Arc, 2006, p. 337.

⁶⁶ Ibidem., p. 348.

⁶⁷ Ibidem., p. 339 and 341.

obligations⁶⁸. We believe that this is only in part true, since there are situations where a party is granted under law a right of termination that is not justified by some sort of breach of obligations, but is based on the mere discretion of a contracting party (for example, the right that any party to a lease agreement of an undefined period has to terminate the agreement without reasons, under the terms of Article 905(1)). Also, while establishing a contractual termination right, the parties may set a triggering event that is not necessarily a breach (for example, the termination of a residential lease upon the event that the landlord's son returns into the country and needs a residence) or even without reasons.

According to Sergiu Mămăligă⁶⁹, for the purposes of the Moldovan Civil Code „termination” the unwinding of a validly concluded contract as a result of the breach of the obligations inuring to one of the parties, regardless whether the breach is faulty or is determined by a circumstance for which the obligor is not accountable. Further, the author recognizes that, in the system of the Moldovan Civil Code, the term termination includes, apart from unwinding of a contract base on its breach, faulty or not, of a party's obligations, the unwinding of a contract due to change in circumstances that existed upon the conclusion of the contract (*hardship*), if the adjustment to the new conditions is impossible or may not be imposed on one of the parties (Article 623(5))⁷⁰.

Termination in the form of rescission is defined by the author is an ending with effects for the future (*ex nunc*) of a continuing contract, and analyses it in two perspectives:

- firstly, it is the same as standard termination of contract except that it applies to continuing contract (Article 747(1));
- secondly, termination is used in respect of the unwinding of a continuing contract by way of the unilateral declaration of a party (discretionary), granted by law or by a clause. He says this use of the term in the following articles of the Moldovan Civil Code: Article 866 (gratuitous use contract), Article 905 (1) (lease contract), Article 942

(contract for works and provisions of services), Article 974 (services contract), Article 992 (transportation contract), Article 1072 (commission contract), Article 1143 (tourist services contract), Article 1176(2) (franchising contract), Article 1183(1) (mediation contract), Article 1233(1) (current bank account contract), Article 1242(3) (bank loan contract), Article 1352 (1) and (2) (partnership contract).

Nevertheless the said scholar concludes that „the lawmakers understand by termination virtually any type of ending of validly concluded contract.”

This finding is not however completely precise since in this broader definition certain events may be included which are external to the parties and the will of either of them (such as for example the expiration of a continuing contract) or the end of the contract due to the proper performance by both parties of their obligations under it. These circumstances may certainly not be attributed to termination of a contract.

The merit of these considerations is that a distinction was made between termination in a strict, classical sense, and its broader meaning, to which we subscribe:

- in a *stricter sense*, in the meaning of the French legal doctrine, termination designates a sanction for the breach of contractual obligations by a party by which the other party puts an end to the contract, and both parties are bound to restitution of past performances and profits; and
- in a *broader sense*, in the way it is utilized in the Moldovan Civil Code, any ending of a validly made contract upon the initiative of one or both of the parties before its complete performance.

V. Conclusion

Termination is a functional institution; in each separate case it leads to the ending of the contractual relationship and, in most cases – a liquidation relationship. The grounds for termination and the form in which termination occurs are varied.

Most often a scholar would define termination through the lens of one of the legal grounds for termination. Such a definition would not however be suitable in respect of some other legal grounds of termination. Contract can fail in too many ways. Moreover, termination may intervene without any failure, but simply at a party's discretion where the law or contract allows this

⁶⁸ Ibidem., p. 337.

⁶⁹ Sergiu Mămăligă. Rezoluțiunea, rezilierea și revocarea contractului. În: Ghidul judecătorului în materie civilă și comercială a Republicii Moldova. Instituții selectate. Chișinău: Rolsi Media SRL, 2004, p. 197.

⁷⁰ Ibidem., p. 198.

explicitly.

A first conclusion would thus be that termination is a concept which is better off left undefined, instead of running the risk of not devising a sufficiently appropriate comprehensive definition, or to develop several definitions for each ground and form of exercise of such a right of termination.

Whereas we find it useful to develop, in the long run, a general theory of termination, we would support that part of the modern legal doctrine which determines termination as a functional legal institution, *id est* as an instrument of ending of contractual relationships and the liquidation of a contractual relationship usually because of some failure or pathogenesis.

A more comprehensive concept of termination is particularly necessary whereas in many legal systems, apart from termination of a contract of breach, various similar concepts had been devised for various other types of ending of a contract, such as rescission, revocation, denunciation, renunciation, withdrawal, and linguistic equivalents in the languages of other jurisdictions.

While termination may have a sufficiently developed legal regime (grounds, way of exercise, legal consequences), many of those similar concepts do not. A general theory of termination would tend to capture those as part of a more comprehensive concept of termination and would provide a good legal basis to parties in determining their rights and obligations, and to judges in resolving related disputes.

A beginning of such a general theory of termination is the adoption of set of norms under so-called restitution law, as already done by the new Romanian Civil Code (Articles 1.635 to 1.649), and proposed under the „Catala Anteproject” of amendments to the French Civil Code (Articles 1161 to 1164-7)⁷¹. A similar approach is taken by the DCFR (Sections III. – 3:510 to 3:514), with the proviso that instead of having such a set of norms of general applicability, it lends the norms of termination of contract to several other types of ending of

contracts, such as withdrawal from a contract by a consumer.

Regardless of the legal ground for unwinding of a contractual relationship, the said relationship will be liquidated according to the rules of restitution. This emerging institution in continental Europe is however, much more broad, and applies to other cases of unwinding of contracts such as nullity, ineffectiveness (*caducitate*) and occurrence of a condition subsequent.

A proper definition of a concept needs to be universal (i.e. such that it will apply equally to all individuals of, the same kind); proper (i.e. such that it will not apply to any other individual of any other kind); clear (i.e. without any equivocal, vague, or unknown word); and short (i.e. without any useless word, or any foreign to the idea intended to be defined). Definitions are always dangerous, because it is always difficult to prevent their being inaccurate, or their becoming so⁷². „*Omnis definitio in iure civili periculosa est; parum est enim, ut non subverti posset (Every definition in civil law is dangerous, for rare are those that cannot be subverted)*”. D 50. 17. 202. Lucius Iavolenus Priscus, Roman juriscult.

Due to this reasoning the author did not seek to identify a correct and final definition of termination of contract. With this proviso in mind, we support that termination is a *legal technique of extinguishment of non-performed contractual obligations at the initiative of a party, relying on a statutory or contractual right, and in case there are past performances in which the terminating no longer holds an interest, such extinguishment will be followed by bilateral restitution of past performances.*

Bibliography:

1. Sergiu Baieș et al. Drept civil. Drepturile reale. Teoria generală a obligațiilor. Ediția a II-a. Vol. II. Chișinău: Î.S.F.E.P. „Tipografia Centrală”, 2005. 528 P.
2. Comentariul Codului civil al Republicii Moldova. Vol. II. Chișinău: Arc, 2006. 1356 p.

⁷¹ Avant-projet de réforme du droit des obligations (Articles 1101 à 1386 du Code civil) et du droit de la prescription (Articles 2234 à 2281 du Code civil). Rapport à Monsieur Pascal Clément, Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 septembre 2005. [On-line]: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATALESEPTEMBRE2005.pdf. (Vizitat la: 09.09.2012).

⁷² John Bouvier. A Law Dictionary. Adapted to the Constitution and Laws of the United States. 6th ed. Childs & Peterson: Philadelphia, 1856. [On-line]: <http://www.constitution.org/bouv/bouvier.htm> (Vizitat la: 09.09.2012).

3. Constantin Hamangiu et al. *Tratat de drept civil român*. Vol. II. București: Editura ALL BECK, 2002. 796 p.
4. Constantin Stătescu, Corneliu Bîrsan. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor*. Ediția a III-a. București: Editura ALL BECK, 2000. 451 p.
5. Dorin Cimil, Inesa Poiras. *Rezoluțiunea, rezilierea și revocarea contractelor civile*. În: RND. 2004, nr. 5, p. 17 - 21.
6. Gabriel Boroi. *Drept civil. Partea generală. Persoanele*. Ediția 4-a. Editura Hamangiu: București, 2010. 485 p.
7. Ioan Adam. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor*. București: All Beck. 2004. 662 p.
8. Ion Albu. *Drept civil. Contractul și răspunderea contractuală*. Cluj-Napoca: Editura DACIA, 1994. 235 p.
9. Ion Dogaru, Pompil Draghici. *Bazele dreptului civil*. Vol. III. Teoria generală a obligațiilor. București: Editura C. H. Beck, 2009. 682 p.
10. Ion Negru. *Teoria generală a dreptului de preemțiune*. Monografii. București: Editura Universul Juridic, 2010. 473 p.
11. Ionuț-Florin Popa. *Rezoluțiunea și rezilierea contractelor în Noul Cod civil (I)*. În: Revista Română de Drept Privat. 2012, nr. 5, p. 105 - 136.
12. Lilia Gribincea. *Rezoluțiunea și rezilierea contractului comercial de vânzare-cumpărare internațională*. În: RND. 2002, nr. 5, p. 40 - 45.
13. Liviu Pop. *Drept civil. Teoria generală a obligațiilor*. *Tratat*. Ediția a II-a. Iași: Editura Fundației „Chemarea”, 1998. 499 p.
14. Marieta Avram. *Actul unilateral în dreptul privat*. Monografie. București: Editura Hamangiu, 2006. 366 p.
15. *Proiectul Codului civil al RM*. În: Drept moldovean. 2002, nr.1. p. 1 - 451.
16. Sergiu Baieș, Nicolae Roșca. *Drept Civil: Partea generală. Persoana fizică. Persoana juridică*. Chișinău: Î.S.F.E.P. „Tipografia Centrală”, 2004. 464 p.
17. Sergiu Mămăligă. *Rezoluțiunea, rezilierea și revocarea contractului*. În: Ghidul judecătorului în materie civilă și comercială a Republicii Moldova. Instituții selectate. Chișinău: Rolsi Media SRL, 2004, p. 251 - 271.
18. Valeriu Stoica. *Rezoluțiunea și rezilierea contractelor*. București: Editura All, 1997. 219 p.
19. Gianluca Sicchiero. *Il Codice Civile. Commentario. La risoluzione per inadempimento*. Artt. 1453-1459. Milano: Ed.: Giuffrè, 2007. 872 p.
20. M. Cristina Diener. *Il contratto in generale*. Seconda edizione. Milano: Ed.: Giuffrè, 2010. 916 p.
21. Manuel Albaladejo. *Compendio de Derecho civil*. Edition 12. Madrid: Edisofer s.l., 2004. 691 p.
22. María Clara Cabrera Orjuela, Diego Ricardo Galán Barrera. *Comentarios a la Ley 518 del 4 de agosto de 1999, aprobatoria de la Convencion de las Naciones Unidas sobre los contratos de compraventa internacional de mercaderias*. [On-line]: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/cabrera-galan.html>. (Vizitat la: 09.09.2012).
23. Alain Bénabent. *Droit civil. Les obligations*. 8e édition. Paris: Edition Montchrestien, 2001. 623 p.
24. Aurelie Brès. *La résolution du contrat par dénonciation unilatérale*. Paris: Litec, 2009. 640 p.
25. *Avant-projet de réforme du droit des obligations (Articles 1101 à 1386 du Code civil) et du droit de la prescription (Articles 2234 à 2281 du Code civil)*. Rapport à Monsieur Pascal Clément, Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 septembre 2005. [On-line]: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATAL_ASEPTEMBRE2005.pdf. (Vizitat la: 09.09.2012).
26. François Terré, Philippe Simler, Yves Lequette. *Droit civil: Les obligations*, 7e édition. Paris: Dalloz, 1999. 1294 p.
27. Michel Pédamon. *Le contrat en droit allemand*. Paris: L.G.D.J., 1993. 245 p.
28. Thomas Genicon. *La résolution du contrat pour inexécution*. Thèses. Tome 484. Paris: Ed. L.G.D.J., 2007. 840 p.
29. Fritz Enderlein, Dietrich Maskow. *International Sales Law. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods. A Commentary*. Oceana Publications. New York, 1992. 391 p.
30. John Bouvier. *A Law Dictionary. Adapted to the Constitution and Laws of the United States*. 6th ed. Childs & Peterson: Philadelphia, 1856. [On-line]: <http://www.constitution.org/bouv/bouvier.htm>. (Vizitat la: 09.09.2012).
31. *Münchener Kommentar zum Bürgerliches Gesetzbuch: BGB. Band 2: Schuldrecht. Allgemeiner Teil: §§ 241 - 432*. 5. München: Auflage. C. H. Beck. 2007. 2274 p.
32. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition*. Dieter Fuchs Stiftung, Dissen, 2009. 650 p.
33. Reinhard Zimmermann. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 1241 p.
34. Richard Speidel. *Buyer's Remedies of Rejection and Cancellation under the UCC and the Convention*. In: *The Journal of Contract Law*. North Ryde NSW, Australia. 1993, nr. 6. [On-line]: <http://www.cisg.law.pace.edu/cisg/biblio/speidel.html> (Vizitat la: 09.09.2012).
35. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право: Общие положения*. Москва: «Статут», 1998. 682 с.

36. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2010. 528 с.

37. Иоффе О.С. Обязательственное право. Юридическая литература: Москва, 1975. 568 с.

38. Каменецкая М. С. Права и обязанности участников договора при его расторжении. В: «Законодательство». 2004, №1, с. 37 - 46.

39. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. Москва: «Статут», 2007. 874 с.

40. Овечкина О., О некоторых вопросах расторжения договоров международной купли-продажи. В: «Вестник». 2003, №10, с. 115 - 127.

41. Римское частное право: Учебник. Под ред. Новицкого И. В. и Перетерского И. С. Москва: «Юриспруденция». 1999. 512 с.

42. Соменков С. А. Расторжение договора в одностороннем порядке. В: «Государство и право». 2000, № 4, с. 42- 56.

Copyright© CAZAC Octavian, 2012.

REGLEMENTĂRILE INTERNAȚIONALE PRIVIND LIBERTATEA DE EXPRIMARE

Vitalie PÎRLOG*

ABSTRACT:

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF FREEDOM OF EXPRESSION

Freedom of expression is a possibility given to an individual that can transmit or not transmit a message, idea, regardless of its content (opinion, information, etc.) and regardless of its external form of expression (via a conventional or non-conventional language). Freedom of expression is a manifestation of the will of a man, an exteriorization of a thought or an opinion, so that every citizen can participate democratically in the life of a society whose member is.

Freedom of expression is a fundamental right inherent to human, its existence comes from the earliest manifestations of human's reason, even if its recognition become visible at the end of the eighteenth century. The very concept of freedom of expression dates back to ancient times, even before the creation of State and Law, with the development of the existence of rational human (homo sapiens).

Theories referred to the nature and concept of freedom of expression have been developed only two centuries ago when British and American ideologists tried to determine whether freedom of expression is a search for truth, a manifestation of democratic governance or a mean of self-realization.

In essence, each theory has its right to exist, because manifesting an opinion, a man actually improves himself, seeking a truth by expression and the expression it is offered, is rightly considered to be a part of a democratic process in a contemporary society.

The majority of the texts related on human rights recognize the existence of freedom of expression broadly, but also obligations and responsibilities which it involves, and therefore expressly states that the legal provisions and restrictions on freedom that it entails. All these documents include a place of freedom of expression in terms more or less identical. Freedom of expression was enshrined in a wide range of international instruments, either general or regional.

Key words: *freedom of expression, declaration, treaty, convention, the statute, the United Nations, ILO.*

РЕЗЮМЕ:

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ

Свобода выражения мнения это возможность данная человеку передавать или не передавать сообщение, идею, независимо от его содержания (мнение, информацию и т.д.) и в независимости от его формы выражения вовне (с помощью обычного или необычного языка). Свобода выражения мнения является проявлением воли человека, экстериоризацией его мысли и мнения, в связи с чем каждый гражданин имеет возможность участвовать в демократической жизни общества, членом которого он является по праву.

Свобода выражения мнения является основным правом каждого человека, существование которого исходит, начиная со времен первых проявлений человеческого разума, несмотря на то что его признание становится существенно заметным только в конце XVIII в. Само понятие свободы выражения мнения датируется с древних времен, еще до создания государства и права, с момента появления и существования человека разумного.

Тем не менее, теории связанные с природой и концепцией о свободе выражения мнения были разработаны только два столетия назад, когда британские и американские идеологи пытались

* PÎRLOG Vitalie - Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept, Academia de Științe a Moldovei, Președintele Alianței pentru Justiție și Drepturile Omului (Chișinău, Republica Moldova); PIRLOG Vitalie – PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, the President of the Alliance for Justice and Human Rights (Kishinev, the Republic of Moldova); ПЫРЛОГ Виталие – Аспирант, Институт истории, государства и права, Академия наук Молдовы, Президент Альянса за юстицию и права человека (Кишинев, Республика Молдова).

определить, является ли свобода выражения мнения процессом поиска истины, проявлением демократического управления или средством самореализации человека. В сущности, каждая из данных теорий имеет право на существование, потому что, выражая мнение человек на самом деле, интеллектуально развивается, ищет истину через выражение, и выражение ему предоставлено, что по праву является частью демократического процесса в современном обществе.

Большинство текстов по правам человека признают существование свободы выражения мнения, а также права и обязанности которые они влекут за собой, а, следовательно, правовые нормы прямо указывают на свободу и ограничения на свободу которые в себя включают. Все эти документы отводят свободе выражения мнения место в понятиях более или менее идентичных. Свобода выражения мнения была закреплена в целом ряде международных документов, которые имеют как международный, так и региональный характер.

Ключевые слова: свобода выражения мнения, декларация, договор, конвенция, устав, ООН, МОТ.

Cuvinte-cheie: libertate de exprimare, declarație, pact, convenție, cartă, ONU, OIM.

Gândurile, credințele religioase, creațiile spirituale de orice fel intră în circuitul juridic, numai dacă sunt exteriorizate, comunicate, exprimate. Aceasta pentru simplul motiv că atâta timp cât rămân în universul spiritual interior al omului, ele nu pot fi cunoscute de alții, de către ceilalți, gândirea umană rămânând încă un domeniu protejat natural de indiscreția semenilor¹. Mașina de citit gândurile este încă o ipoteză de lucru, dar inventarea sa va trebui apreciată, fără îndoială, mai mult ca cel mai crud inamic al libertății de gândire decât ca o mare realizare științifică².

Deoarece prin acțiunea de a exterioriza un gând, a-l comunica sau a-l exprima, acesta poate să intre în cadrul circuitului juridic, știința dreptului constituțional atribuie un rol deosebit de important libertății de exprimare a gândurilor și opiniilor personale.

Libertatea de exprimare este posibilitatea oferită individului de a transmite sau de a nu transmite un mesaj, o idee, indiferent de conținutul său (opinie, informație etc.) și indiferent de forma sa de exprimare exteriorizată (prin intermediul unui limbaj convențional sau non-convențional). Libertatea de exprimare este o manifestare a voinței unui om, o exteriorizare a unui gând sau a unei opinii, astfel încât orice cetățean să poată participa în mod democratic la viața unei societăți, al cărei membru pe deplin drept este.

Libertatea de exprimare este un drept fundamental inerent omului, existența căruia vine din primele manifestări ale rațiunii umane, chiar dacă recunoașterea acestuia capătă vizibilitate abia la sfârșitul secolului XVIII. Însuși conceptul libertății de exprimare datează din cele mai vechi timpuri, chiar înainte de crearea statului și dreptului, odată cu apariția și existența ființei umane raționale. Însă teorii concrete referitoare la natura și conceptul libertății de exprimare au fost elaborate abia cu două secole în urmă, când doctrinarii britanici și cei americani încercau să stabilească dacă libertatea de exprimare este o căutare a adevărului, o manifestare a guvernării democratice sau un mijloc de autorealizare a individului. În esență, fiecare teorie își are dreptul la existență, deoarece manifestând o opinie, omul de fapt se autoperfecționează, caută un anumit adevăr prin exprimare, iar această exprimare fiindu-i oferită, este pe bună dreptate parte a unui proces democratic în cadrul societății contemporane.

Majoritatea textelor în materia drepturilor omului recunosc pe larg existența libertății de exprimare, dar de asemenea și obligațiile și responsabilitățile pe care aceasta le comportă, și din această cauză prevederile normative enunță expres această libertate și restricțiile pe care aceasta le implică. Toate aceste documente consacră un loc libertății de exprimare în termeni mai mult sau mai puțin identici³.

Libertatea de exprimare a fost consacrată într-o paletă întreagă de instrumente internaționale, fie cu caracter general sau regional. Dacă ar fi să recurgem la o oarecare sistematizare a acestor

¹ Muraru I. Drept Constituțional și instituții politice. Ediția a 8 revăzută. București: Actami, 1998, p. 229.

² Muraru I., Tănăsescu E. S. Drept Constituțional și instituții politice. Volumul I, ediția a XI. București: All Beck, 2003, p. 212.

³ Verpeaux M. La liberté d'expression. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe, 2009, p. 13.

documente, primul grup va include o *sistematizare standard de către Organizația Națiunilor Unite* (ONU). Aici se includ acele documente care reflectă în particular activitatea organelor stabilite de Carta ONU, cu includerea Adunării Generale, a Consiliului Economic și Social, și a comisiilor funcționale. Aceste organe au dat un imbold dezvoltării standardelor cu referire la drepturile omului, și în particular cu referire la libertatea de exprimare. ONU a avut un rol dublu, atât de propagandă, cât și „povara” de a schița instrumente legale care să conțină prevederi specifice⁴. Incontestabil, Declarația Universală a Drepturilor Omului (DUDO) ocupă locul prioritar în acest șir. DUDO prevede⁵: „Orice om are dreptul la libertatea opiniilor și exprimării; acest drept include libertatea de a avea opinii fără imixtiune din afară; precum și libertatea de a căuta, de a primi și de a răspândi informații și idei prin orice mijloace și independent de frontierele de stat.”

Următorul instrument este Declarația Drepturilor Omului vizând indivizii care nu sunt cetățeni ai țării în care trăiesc, ce prevede în alineatul doi din cadrul art. 5 următoarele⁶: „Subiect al restricțiilor prevăzute de lege și care sunt necesare într-o societate democratică pentru a proteja securitatea națională, siguranța publică, ordinea publică, sănătatea publică, sau morala, sau drepturile și libertățile altora, și care sunt potrivite cu alte drepturi recunoscute în instrumentele internaționale relevante și cele făcute cunoscute în această Declarație, străinii se vor bucura de următoarele drepturi: „... (b) dreptul la libertatea de exprimare.”

În continuare, Principiile-ghid cu referire la Strămutarea internă, fac referire la libertatea de exprimare în prevederile sale după cum urmează⁷: „Persoanele strămutate intern, fie că trăiesc sau nu în câmpuri, nu trebuie să fie discriminați ca rezultat al strămutării lor, și trebuie să se bucure de următoarele drepturi - drepturile la libertatea de gândire, conștiință, religie sau credință, opinie și exprimare.”

Documentele care urmează, parte a celui de-al doilea grup, sunt preocupate atât de sistematizarea standard, cât și de *furnizarea măsurilor de*

implementare aparte decât acele măsuri de lucru ordinare ale sistemelor naționale legislative ale statelor individuale părți la Convenții. Cele două Pacte internaționale cu privire la drepturile omului din 1966, sunt intenționate să înlocuiască DUDO, cu forța lor legală, ca tratate pentru subiecții părți la ele.

Pactul Internațional referitor la drepturile civile și politice din 1966, prevede reglementări ale libertății de exprimare în art. 19, după cum urmează: orice persoană are dreptul la opinie fără un oarecare amestec. Orice persoană are dreptul la libertatea de exprimare; acest drept cuprinde libertatea de a primi, de a căuta și răspândi informații și idei de orice fel, indiferent de frontiere, sub formă verbală, scrisă, tipărită ori artistică sau prin orice alt mijloc, la alegerea sa. Paragraful trei din articol prevede că exercitarea libertăților prevăzute comportă obligații și răspunderi specifice. În consecință, ea poate fi supusă anumitor limitări care trebuie însă stabilite în mod expres prin lege și care sunt necesare: a) respectării drepturilor sau reputației altora; b) apărării securității naționale, ordinii publice, sănătății sau moralității publice.

Următorul document internațional este Convenția cu privire la Drepturile Copilului, care prevede în reglementările sale⁸: copilul are dreptul la libertatea de exprimare; acest drept cuprinde libertatea de a căuta, de a primi și de a difuza informații și idei de orice natură, indiferent de frontiere, sub formă orală, scrisă, tipărită sau artistică ori prin orice alte mijloace, la alegerea copilului. Acest drept pozitiv este prevăzut chiar în alineatul întâi, în timp ce alineatul doi face referire la limitele acestui drept, după cum urmează: exercitarea acestui drept poate face subiectul restricțiilor, dar numai al acelor restricții expres prevăzute de lege și absolut necesare pentru respectarea drepturilor sau a reputației altora și pentru protejarea securității naționale, a ordinii publice, a sănătății publice și a bunelor moravuri.

Alt document internațional în care este consacrată libertatea de exprimare este Convenția Internațională cu privire la protecția drepturilor tuturor lucrătorilor migranți și a membrilor familiilor lor, care prevede în art. 13, cu privire la libertatea de exprimare că lucrătorii migranți și membrii familiilor lor vor avea dreptul să nu

⁴ Brownlie I., Goodwin S. Basic Documents on Human Rights, 4th edition. New York: Oxford, 2002, p. 2.

⁵ Art. 19.

⁶ Art. 5 (2).

⁷ Principiul 22.

⁸ Art. 13.

sufere din cauza opiniilor sale. În continuare alineatul doi prevede și el că lucrătorii migranți și membrii familiilor lor au dreptul la libertatea de exprimare; acest drept cuprinde libertatea de a căuta, de a primi și de a difuza informații și idei de orice natură, indiferent de frontiere, sub formă orală, scrisă, tipărită sau artistică ori prin orice alte mijloace, la alegerea lor. Nu în ultimul rând, în cadrul alineatului trei este prevăzut că exercitarea acestui drept poate face subiectul restricțiilor, dar numai al acelor restricții expres prevăzute de lege și absolut necesare: a) respectarea drepturilor sau a reputației altora; b) protejarea securității naționale, a ordinii publice, a sănătății publice și a bunelor moravuri; c) cu scopul prevenirii oricărei propagande a războiului; d) cu scopul prevenirii oarecărei promovări a urii naționale, rasiale sau religioase care constituie stârnire la discriminare, ostilități sau violență.”⁹

Din acest grup de instrumente internaționale mai face parte Convenția Internațională privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială, din 1966, care prevede¹⁰: „În conformitate cu obligațiile fundamentale statuate în art. 2 al acestei Convenții, Statele Părți își asumă obligația să interzică și să elimine discriminarea rasială în toate formele ei și să garanteze dreptul tuturor, fără distincție de rasă, culoare, origine națională sau etnică, la egalitate în fața legii, în special în legătură cu următoarele drepturi: ... viii) dreptul la libertatea opiniei și exprimare”.

Un al treilea grup de documente internaționale în sfera drepturilor omului a fost instituit prin *contribuția directă a Organizației Internaționale a Muncii* (OIM). OIM este una din 12 agenții specializate legate de activitatea ONU, conform art. 57 și art. 63 din Carta ONU. OIM a jucat un rol proeminent de pionier în setarea standard a multor convenții internaționale. Libertatea de exprimare este menționată expres în unul din documentele sale, și anume în Declarația cu privire la obiectivele și scopurile Organizației Mondiale a Muncii. Paragraful întâi din declarație prevede următoarele: „Conferința reafirmă principiile fundamentale pe care se bazează Organizația și, în particular, că:.. b) libertatea de exprimare și de asociere sunt esențiale pentru progresul viabil”.

Al patrulea grup de documente ține de activitatea instituțiilor europene, cum ar fi

Consiliul Europei, în *elaborarea și implementarea de instrumente europene* în domeniul drepturilor omului. Libertatea de exprimare își găsește expresie în multe dintre acestea.

În documentul final a celei de a doua Conferințe pe Dimensiunea Umană a Conferinței privind Securitatea și Cooperarea în Europa (CSCE), care a avut loc la Copenhaga în 1990, este prevăzut¹¹: „Statele participante reafirmă că fiecare om va avea dreptul la libertatea de exprimare, inclusiv dreptul la comunicare. Acest drept va include libertatea de a avea opinii, și de a primi și difuza informații și idei fără amestecul autorităților, indiferent de frontiere. Exercițarea acestui drept poate face subiectul restricțiilor, dar numai al acelor restricții expres prevăzute de lege și absolut necesare, și care sunt conforme standardelor internaționale. În special, nici o limită nu va fi impusă asupra accesului și folosinței mijloacelor de reproducere a documentelor de orice fel, cu respectarea, oarecum, a drepturilor cu referire la proprietatea intelectuală, inclusiv dreptul de autor.”

Carta de la Paris pentru o Nouă Europă, din 1990 prevede: „Noi, șefii de state sau guverne a Statelor participante în CSCE... afirmăm că, fără discriminare, fiecare individ are dreptul la libertatea de gândire, conștiință și religie sau credință, libertatea de exprimare.”.

În continuare, alt instrument este Documentul Summit-ului CSCE din Budapesta, din 1994, în care este stipulat după cum urmează: „Statele participante reafirmă că libertatea de exprimare este un drept fundamental al omului și un component de bază al societății democratice. În această privință, media independentă și pluralistă sunt esențiale pentru o societate deschisă și liberă și sisteme transparente de guvernământ. Ele iau în calitate de principiu de ghidare garantarea acestui drept. Ele condamnă toate atacurile asupra jurnaliștilor, precum și hărțuirea lor, și se vor strădui să-i pedepsească pe cei direct responsabili de așa atacuri sau hărțuire. De asemenea, ele notează că instigarea la tensiuni de ură și etnice prin intermediul mass-media, în special de către Guverne, poate servi ca o alarmă timpurie de conflict”.

Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale, din 1995 conține în prevederile sale următoarele¹²: „Părțile trebuie să asigure respectul

⁹ Art. 13.

¹⁰ Art. 5.

¹¹ Cap. II (9).

¹² Art. 7.

pentru dreptul fiecărei persoane aparținând unei minorități naționale la libertatea de adunare pacifistă, libertatea de asociere, libertatea de exprimare, și libertatea de gândire, conștiință și religie”. În particular, cu referire la libertatea de exprimare, sunt evidențiate următoarele¹³: „Părțile realizează recunoașterea dreptului la libertatea de exprimare al fiecărei persoane aparținând unei minorități naționale, inclusiv libertatea de a avea opinii și de a primi și difuza informații și idei în limba minorității, fără oarecare amestec din partea autorităților publice și indiferent de frontiere. Părțile trebuie să asigure ca în cadrul sistemelor lor legislative, persoanele aparținând unei minorități naționale nu sunt discriminate împotriva accesului lor la media.” De asemenea, aici este stipulat că primul paragraful nu trebuie să împiedice părțile de la cerința de a avea autorizație, fără discriminare și bazată pe criterii obiective, a emisiunilor radio și emisiunilor TV, sau întreprinderilor cinema.

Tot în cadrul spațiului european a fost elaborat un document nu mai puțin important care poartă titlul de Cartă a Drepturilor Fundamentale a Uniunii Europene. Aceasta prevede în art. 11, „Libertatea de exprimare și informare” următoarele: în primul alineat faptul că fiecare om are dreptul la libertatea de exprimare. Acest drept trebuie să includă libertatea de a avea opinii și de a primi și difuza informație și idei fără oarecare amestec din partea autorităților publice și indiferent de frontiere. Iar alineatul doi conține o prevedere importantă, și anume că libertatea și pluralismul media trebuie respectat.

Cât privește *dezvoltările din America Latină*, aceasta prezintă un depozit de contradicții în domeniul drepturilor omului. Sofisticarea juridică și politică aparține câtorva grupuri sociale de elită, și rezultatul acestei sofisticări este dorința de a adopta așa documente precum Convenția Americană privind Drepturile Omului (CADO), care este pe larg similară Convenției Europene privind Drepturile Omului¹⁴. În același timp, condițiile sociale din aproape întreaga Americă Latină determină așa inegalități încât recursul la garanțiile drepturilor clasice politice și civile a Europei de Vest este manifestat inadecvat. CADO a stabilit prevederi privind libertatea gândirii și exprimării, după cum urmează¹⁵. În cadrul

alineatului întâi se menționează că orice om are dreptul la libertatea gândirii și exprimării; acest drept include libertatea de a căuta, de a primi și de a răspândi informații și idei prin orice mijloace și independent de frontierele de stat, sub formă orală, scrisă, tipărită sau artistică ori prin orice alte mijloace, la alegerea individului. În cadrul alineatului doi sunt menționate restricțiile, și anume - exercitarea acestui drept poate face subiectul restricțiilor, dar numai al acelor restricții expres prevăzute de lege și absolut necesare: a) respectarea drepturilor sau a reputației altora; b) protejarea securității naționale a ordinii publice, a sănătății publice și a bunelor moravuri. Alineatul trei vine cu o precizare referitor la acele domenii în care nu sunt admise restricțiile, și anume: dreptul la exprimare nu poate fi restrâns prin metode sau mijloace indirecte, așa ca abuzul guvernului sau controalele private a tipăririi știrilor, frecvențelor emisiunilor radio, sau a echipamentului folosit în răspândirea informației, sau prin orice alte mijloace care tind să împiedice comunicarea și circulația ideilor și opiniilor.

Alt document în care se proclamă libertatea de exprimare este Declarația Americană cu privire la drepturile și îndatoririle omului, în care este stipulat¹⁶: „Fiecare persoană are dreptul la libertatea de investigație, de opinie, și la exprimarea și răspândirea ideilor, prin oricare mijloc admis.”

Dacă ar fi să recurgem la o analiză a *dezvoltărilor în Africa*, la general, statele africane au luat, sau au reacționat, la inițiative implicând drepturile omului în cadrul ONU. Principiul egalității rasiale și principiul autodeterminării au fost griji primare, dar nu exclusive. În anii recentți, atenția a fost focusată mai mult asupra crizelor umanitare interne, inclusiv chestiuni de intervenție și drepturi ale omului. Dintre documentele cu privire la drepturile omului, prevederi specifice cu privire la libertatea de exprimare găsim doar în Carta Africană cu referire la drepturile și bunăstarea copilului¹⁷, în care se stipulează: „Fiecăru copil care este capabil de a-și comunica punctele sale de vedere trebuie să-i fie asigurate drepturile de a-și exprima opiniile liber în toate chestiunile și drepturile de a răspândi opiniile sale, subiect al unor tipuri de restricții expres prevăzute de lege.”

¹³ Art. 9.

¹⁴ Brownlie I., Goodwin S. Ibid., p.665.

¹⁵ Art. 13.

¹⁶ Art. 4

¹⁷ Art. 102.

O înțelegere cu privire la *instrumentele privind drepturile omului dintre statele arabe și islamice* a fost foarte lentă în devenire. Două dintre documente sunt în formă de declarație și Carta Arabă nu este în vigoare încă. Această situație a provocat o oarecare grijă, în particular în sfera organizațiilor non-guvernamentale, exprimată în Declarația de la Casablanca a Mișcării Arabe pentru Drepturile Omului, din 23 - 29 aprilie 1999¹⁸. Deci, după cum am menționat, în sfera drepturilor omului sunt două declarații, iar una din ele conține prevederi cu privire la libertatea de exprimare, și anume Declarația de la Cairo cu referire la Drepturile Omului în islam¹⁹, care prevede: a) Orice om trebuie să aibă dreptul de a-și exprima opiniile sale liber în așa manieră încât să nu fie contrar principiilor Shari'ah.; b) Orice om trebuie să aibă dreptul să pledeze referitor la ce este just, și să propage ce este bine, și să avertizeze în legătură cu ce este greșit și rău în conformitate cu normele Shari'ah Islamic; c) Informația este o necesitate vitală a Societății, care nu poate fi exploatată sau folosită în așa fel încât să poată viola demnitatea profesilor, să poată subestima valorile morale și etice or să dezintegreze, corupă și să rănească Societatea ori să slăbească credința ei; d) Nu este permis să stârnești ura naționalistă sau doctrinală sau să faci orice ce poate fi instigare la orice formă de discriminare rasială.”.

Nu poți rămâne surprins din lectura acestor texte, că libertatea de exprimare este menționată în termeni foarte apropiați. Dintr-un punct de vedere formal și simbolistic, este interesant de constatat că această libertate, ca și majoritatea altor drepturi și libertăți, se situează aproape mereu într-un loc identic în toate aceste texte de inspirație comparabilă²⁰. Astfel, ea este enunțată deseori după afirmarea libertății conștiinței sau opiniei, astfel încât după proclamarea faptului că fiecare poate beneficia de libertatea gândirii sau a conștiinței care rămâne a fi „privată” trebuie de asemenea de garantat libertatea de a împărtăși această opinie și de a o exprima.

La etapa curentă, este încurajator că tradițiile democratice ale Europei de Vest sunt preluate pe tot mai multe continente, iar ultima perioadă istorică a egalat cu puternice manifestări ale libertății de exprimare în lume, astfel încât șirul de

documente internaționale adoptate ulterior, deopotrivă regionale sau universale, în care este consacrată și libertatea de exprimare nu ar mai trebui să mire pe nimeni. Este un progres al civilizației contemporane - conștientizarea importanței protecției libertății de exprimare. Evident, fără însă ca aceasta să prejudicieze un interes public mai mare.

Odată ce libertatea de exprimare este consacrată în cadrul unui număr atât de mare de documente internaționale, printre care la nivel universal probabil cea mai mare importanță o are Pactul privind drepturile civile și politice, datorită forței sale juridice, aceasta de fapt naște niște obligații pozitive din partea fiecărui stat semnatar întru asigurarea manifestării libere în limitele legii a acestui drept. Pentru că odată ce va fi încălcat, chiar dacă e drept fundamental și universal, cetățenii vor apela inițial la instituțiile lor naționale pentru a-și asigura protecția.

Bibliografie:

1. Brownlie I., Goodwin S. Basic Documents on Human Rights, 4th edition. New York: Oxford, 2002. 896 p.
2. Carta africană cu referire la drepturile și bunăstarea copilului, adoptată la 11 iulie 1990 de către Organizația pentru Unitate Africană. [On-line]: http://www.africa-union.org/official_documents/Treaties_%20Conventions_%20Protocols/a.%20C.%20ON%20THE%20RIGHT%20AND%20WELF%20OF%20CHILD.pdf. (Vizitat la: 23.10.2010).
3. Declarația americană cu privire la drepturile și îndatoririle omului, adoptată la 2 mai 1948, Columbia. [On-line]: <http://www.oas.org/dil/1948%20American%20Declaration%20of%20the%20Rights%20and%20duties%20of%20Man.pdf>. (Vizitat la: 22.10.2010).
4. Carta de la Paris pentru o Nouă Europă, adoptată în noiembrie 1990 la Paris. [On-line]: <http://www.osce.org/mc/39516>. (Vizitat la: 20.10.2010).
5. Carta Drepturilor Fundamentale a Uniunii Europene, adoptată la 7 decembrie de către Parlamentul European. [On-line]: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf. (Vizitat la: 21.10.2010).
6. Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale, adoptată la 1 februarie 1995, la Strasbourg. [On-line]:

¹⁸ Brownlie I., Goodwin S. *Op. cit.*, p. 764.

¹⁹ Art. 22.

²⁰ Verpeaux M. *Op. cit.*, p. 15.

<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/157.htm>. (Vizitat la: 21.10.2010).

7. Convenția Americană privind Drepturile Omului, adoptată la 22 noiembrie 1969, Costa Rica. [On-line]:

http://www.hrcr.org/docs/American_Convention/oashr.html. (Vizitat la: 22.10.2010).

8. Convenția privind drepturile copilului, adoptată de Adunarea Generală a ONU la 20 noiembrie 1989. [On-line]:

<http://www2.ohchr.org/english/law/crc.htm>.

(Vizitat la: 16.10.2010).

9. Convenția internațională cu privire la protecția drepturilor tuturor lucrătorilor migranți și a membrilor familiilor lor, adoptată de Adunarea Generală a ONU la 18 decembrie 1990. [On-line]:

<http://www2.ohchr.org/english/law/cmw.htm>.

(Vizitat la: 17.10.2010).

10. Convenția internațională privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială, adoptată de Adunarea Generală a ONU la 21 decembrie 1965. [On-line]:

<http://www2.ohchr.org/english/law/cerd.htm>.

(Vizitat la: 16.10.2010).

11. Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată la 10 decembrie 1948 de Adunarea Generală a ONU. [On-line]: <http://www.un.org/en/documents/udhr/>. (Vizitat la: 10.10.2010).

12. Declarația Drepturilor Omului vizând indivizii care nu sunt cetățeni ai țării în care trăiesc, adoptată de Adunarea Generală a ONU la 13 decembrie 1985. [On-line]:

<http://www.unhcr.org/refworld/docid/3b00f00864.html>. (Vizitat la: 10.10.2010).

13. Declarația cu privire la obiectivele și scopurile OIM, adoptată la Philadelphia la 10 mai

1944. [On-line]: www.ilo.org. (Vizitat la: 17.10.2010).

14. Declarația de la Cairo cu referire la Drepturile Omului în islam, adoptată la 5 august 1990, Cairo. [On-line]:

<http://www.arabhumanrights.org/publications/regional/islamic/cairo-declaration-islam-93e.pdf>.

(Vizitat la: 23.10.2010).

15. Documentul final a celei de a 2 Conferințe pe Dimensiunea Umană a Conferinței privind Securitatea și Cooperarea în Europa, adoptată la 29 iunie 1990, Copenhaga. [On-line]:

<http://www.osce.org/odihr/elections/14304>.

(Vizitat la: 20.10.2010).

16. Documentul Summitului CSCE, adoptat în decembrie 1994 la Budapesta. [On-line]: (Vizitat la: 20.10.2010).

17. Muraru I. Drept Constituțional și instituții politice. Ediția a 8 revăzută. București: Actami, 1998. 480 p.

18. Muraru I., Tănăsescu E. S. Drept Constituțional și instituții politice. Volumul I, ediția a XI. București: All Beck, 2003. 238 p.

19. Pactul internațional privind drepturile civile și politice, adoptat de către Adunarea Generală a ONU la 16 decembrie 1966. [On-line]:

<http://www2.ohchr.org/english/law/ccpr.htm>.

(Vizitat la: 15.10.2010).

20. Principiile-ghid cu referire la Strămutarea internă, prezentate Comisiei ONU privind Drepturile Omului în 1998. [On-line]:

<http://www.unhcr.org/43ce1cff2.html>. (Vizitat la: 15.10.2010).

21. Verpeaux M. La liberte d'expression. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe, 2009. 197 p.

Copyright© PÎRLOG Vitalie, 2012.

TIPURI ȘI FORME ALE AGRESIUNII ÎN DREPTUL INTERNAȚIONAL

Valentin ROȘCA*

ABSTRACT: TYPES AND FORMS OF AGGRESSION IN INTERNATIONAL LAW

War occurs in human history so repetitively that there is a tendency to take it for granted. Like the plague, war would appear every once in a while, leave death and devastation in its wake, and temporarily pass away to return at a later date. There have been suggestions that war falls into the same category of events, considered incapable of legal control but entailing legal consequences. The historical development of responsibility for wars and aggressive acts has seen a shift of focus during the last century. The XX-th century proved that the international community can force the war to be legally controlled and to establish a concrete responsibility for the crime of aggression. The Nurnberg and Tokyo Tribunals proved it. Also the Nurnberg and Tokyo tribunals determined that the crime of aggression require certain government acts.

Therefore, a war of „aggression” can only occur if the use of armed force is contrary to international law. Art. 2 (4) of the UN Charter expressly prohibited the use of force in international law. In this case there began to be registered cases for avoiding this rule by using new forms and types of aggression additional to traditional forms of military attacks usually called „indirect” aggression, which give rise to problems of very different sizes and affecting some traditional foundations of international law. These attacks range from several types of ideological fight and political and psychological propaganda, by radio, aerial fliers, etc., organization of subversive movements, political in another country, systematic economic strangulation of a system through a trade boycott. In despite the fact that in a contemporary world the methods and forms of armed conflicts changes with a fulminate speed depending on scientific and technical development the international community is pending the entry into force of the official definition of the crime of aggression which is still based on a definition adopted by the General Assembly in Resolution 3314 (XXIX) of 14 December 1974.

Key words: UN, war of aggression, UN Charter, „indirect” aggression, Nurnberg and Tokyo Tribunals, methods and forms of armed conflicts, aggressive acts, ideological fight, political propaganda, psychological propaganda, crime of aggression.

РЕЗЮМЕ: ВИДЫ И ФОРМЫ АГРЕССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Война происходит в человеческой истории так многократно, что существует тенденция принимать это как должное. Как чума, война является каждый раз в определенное время, оставляя после себя смерть и разрушения, будучи временно уходящей, она возвращается на более поздний срок. Существует точка зрения, что война попадает в ту же категорию событий, считающихся неспособными к правовому регулированию, но влекущие за собой правовые последствия. Последнее столетие характеризуется смещением акцента на историческое развитие ответственности за войны и агрессивные акты. XX век доказал, что международное сообщество может заставить войну быть юридически управляемой и установить конкретную ответственность за преступление агрессии. Это было доказано Нюрнбергским и Токийским трибуналами. Кроме того, в рамках международных военных трибуналов было установлено, что преступление агрессии требует определенных действий со стороны правительства.

Таким образом, «агрессивная» война может произойти только в том случае, если использование вооруженных сил противоречит международному праву. Ст. 2 (4) Устава ООН запрещает применение

* **ROȘCA Valentin** – Magistru în drept, doctorand, Universitatea de Stat din Moldova, Lector (Chișinău, Republica Moldova); **ROȘCA Valentin** – Master in law, PhD, the Moldova State University, lecture (Kishinev, The Republic of Moldova); **РОШКА Валентин** – Магистр права, аспирант, Государственный университет Молдовы, преподаватель (Кишинев, Республика Молдова).

силы в международном праве. В этом случае были установлены случаи, изменить это правило, используя при этом новые формы и виды агрессии в дополнение к уже существующим традиционным формам военного нападения. Подобные случаи приводятся в действие, используя иную форму агрессии - «косвенную агрессию», которая в силах создать проблемы самого разного масштаба и влияющие на некоторые традиционные основы международного права. Эти нападения классифицируются по нескольким типам как: идеологическая и политическая борьба, психологическая пропаганда через радио и листовки и т.д., организации движения для подрыва политического устройства в другой стране, систематическое экономическое удушение системы через торговые бойкоты. Но, несмотря на то, что в современном мире методы и формы ведения вооруженных конфликтов изменяются с быстрой скоростью в зависимости от научно-технического развития, международное сообщество до сих пор так и не разработало официального определения преступления агрессии, которое по-прежнему базируется на определении, принятым Генеральной Ассамблеей на основе резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года.

Ключевые слова: ООН, война, преступление агрессии, «косвенная» агрессия, Устав ООН, Нюрнбергский и Токийский трибуналы, идеологическая борьба, политическая борьба, акты агрессии.

Cuvinte-cheie: ONU, război, crima de agresiune, agresiune „indirectă”, Carta ONU, tribunalele de la Nuernberg și Tokyo, luptă ideologică, propagandă politică, acte de agresiune.

Nu există nici un motiv de a crede în ideea că națiunile lumii nu ar putea din punct de vedere teoretic, să ajungă la un compromis cu privire la conceptele de „invazie”, „atacuri armate”. Diferențele sunt în primul rând de ordin obiectiv, în special, politice și ideologice, dar nicidecum de ordin logic.¹ Asemenea dezacorduri de bază pot fi reflectate în definiții vagi, ambigue și incerte. Prin intermediul acestor definiții „incomplete” se obține o libertate de acțiune eficientă sau refuzul de a încredința luarea unei decizii în acest sens de către o autoritate imparțială și neutră.

Această problematică este întâlnită în cazul definirii agresiunii și stabilirii formelor și tipurilor de acte agresive în dreptul internațional.

Definiția agresiunii cu caracter de universalitate a fost realizată sub auspiciile Organizației Națiunilor Unite (ONU), fiind definită agresiunea armată, care are caracter de recomandare și nu produce efecte juridice.² Rezoluțiile inițiale ale Adunării Generale a ONU din 1946, inspirate din lucrările Tribunalului de la Nuernberg, luau în considerație crearea unui cod al crimelor internaționale, incluzând și cea mai gravă infracțiune – agresiunea. După un sfert de secol de dezbateri și discuții continue Comitetul

Special al ONU pentru definirea agresiunii a ajuns la consens prin adoptarea definiției agresiunii în 1974.³ Definiția inserată în rezoluția 3314 (XXIX) din 14.12.1974 începe prin afirmarea că „folosirea primară a forței armate de către un stat este în contradicție cu Carta ONU” și constituie o probă *prima facie* de agresiune.⁴ Aceasta oarecum face o limitare în măsura în care prima utilizare a forței de către un stat nu ar fi agresiune cu excepția cazurilor aplicării acesteia într-un mod compatibil cu cap. VII din Carta ONU. Definiția din 1974 enumeră anumite acte, care săvârșite cu prioritate în timp constituie acte de agresiune. Această enumerare nu are caracter exhaustiv ci doar unul explicativ, lăsând în sarcina Consiliului de Securitate al ONU să completeze lista actelor concrete enumerate.⁵ De asemenea, dificultatea definirii agresiunii și, concomitent, stabilirea unei liste exhaustive de tipuri de acte care pot fi calificate drept acte de agresiune este prezentă și în cazul adoptării și punerii în aplicare a Statutului Curții Internaționale Penale (CIP). Art. 5, al. 1 din Statutul CIP stabilește categoriile de crime care cad sub jurisdicția Curții, și anume, crima de genocid; crime împotriva umanității; crime de

¹ Lori F. Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schachter, Hans Smit. *International Law. Cases and Materials*. Forth Edition. American Casebook Series. 2001, p. 943.

² Roșca Valentin. Principiul nerecurgerii la forță sau la amenințarea cu forță: evoluție și codificare. Chișinău. În: *Revista științifică Studia Universitatis. Seria științe sociale*. 2010, nr. 8 (38). p. 98.

³ Benjamin B. Ferencz. *Enabling the International Criminal Court to Punish Aggression*. [On-line]: <http://www.benferencz.org/index.php?id=4&article=5>. (Vizitat la: 5.04.2012).

⁴ General Assembly Resolution 3314 (XXIX). 14 December 1974. Definition of Aggression. [On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r29.htm>. (Vizitat la: 5.04.2012).

⁵ Roșca Valentin. *Op. cit.*, p. 98.

război; crima de agresiune. La rândul său, Curtea Internațională Penală își va exercita jurisdicția asupra infracțiunii de agresiune din momentul în care va fi adoptată o prevedere în conformitate cu art. 121 și 123, care va defini agresiunea și va stabili condițiile în care Curtea Internațională de Justiție își va exercita jurisdicția în legătură cu această infracțiune.⁶

În cadrul tribunalelor de la Nuernberg și Tokyo a fost determinat faptul că, crima de agresiune solicită anumite acte guvernamentale („agresiunea” împotriva unui alt stat). Prin urmare, un război de „agresiune” poate avea loc numai dacă folosirea forței armate contravine dreptului internațional. De asemenea, este necesară o folosire intensă a forței armate. Astfel, întru calificarea crimei de agresiune, folosirea forței trebuie să atingă un anumit nivel și intensitate.⁷

Adițional problematicii stabilirii actului și intensității forței referitoare la agresiune mărul discordiei în procesul definirii agresiunii a reprezentat identificarea tipurilor și formelor acestora. A constituit o dificultate în ce privește încercările de a include în calitate de acte de forță ilegală agresiunea directă și indirectă și de a stabili drept agresiune atacurile economice și sociale. De exemplu, cei care susțin ideea „războaielor de eliberare națională”, nu ar fi de acord ca ajutorul străin pentru astfel de războaie să fie calificate ca o formă de agresiune indirectă.

În doctrină, de asemenea, sunt întâlnite diverse opinii referitor la identificarea tipurilor și formelor de agresiune. Nu există o poziție concretă care ar aduce la un numitor comun în acest context.

În opinia lui Șarmazanașvili G. V. agresiunea poate fi comisă sub patru forme: militară, indirectă, economică și ideologică.⁸ Dânsul consideră că cea mai periculoasă dintre toate formele de agresiune pentru cauza menținerii păcii și securității internaționale este cea armată/militară. Cu toate că, Șarmazanașvili G. V.

nu neagă faptul că celelalte forme la fel conține un pericol pentru pace.⁹ Reșetov I. A. susține că atacul armat este cea mai gravă formă a agresiunii militare.¹⁰

Stabilirea pericolozității pentru comunitatea internațională a unor tipuri de acte de agresiune mereu a fost o sarcină dificilă. Am putea spune, că în unele perioade ale istoriei contemporane acest lucru s-a părut a fi practic imposibil de realizat. Astfel, până în prezent nu există o poziție unică *vis-a-vis* de o listă concretă a formelor și tipurilor de agresiune.

În premieră definirea agresiunii precede prin Convențiile de definire a agresorului din 1933. Caracteristic pentru aceste convenții este că nu este prezentă o definiție expresă a agresiunii. Art. 2 al Convenției de la Londra din 3 iulie 1933 stabilește că „...agresor va fi considerat statul care primul va comite următoarele acțiuni...”¹¹ În același context, în acea perioadă era promovată ideea scoaterii în afara legii a războiului în calitate de instrument național (Ex. Pactul Briand-Kellog din 1928). Drept rezultat, procesul de codificare a agresiunii și a actelor care pot fi calificate drept acte de agresiune erau în conexiune directă cu conceptul războiului sau la general a utilizării forței în dreptul internațional. Astfel, Convenția de la Londra din 3 iulie 1933 considera drept agresiune săvârșirea următoarelor fapte bazate pe forță¹²:

- declarația de război, invadarea cu forțele armate, cu sau fără declarație de război, a teritoriului unui alt stat;
- invazia cu forțele terestre, navale sau aeriene, cu sau fără declarație de război, a teritoriului, navelor sau aeronavelor altui stat;
- blocarea navelor, coastelor sau porturilor unui alt stat;
- acordarea de sprijin grupurilor înarmate formate pe teritoriul unui alt stat sau refuzul, în pofida cererii statului invadat, de a lua pe teritoriul

⁶ Diana Sârcu-Scobioală, Irina Lupușor, Eugenia Goncarova. Jurisdicția internațională penală. Chișinău: CEP-USM, 2008, p. 127.

⁷ Roșca Valentin. Noile Forme de agresiune în contextul schimbării geopoliticii în Europa de Sud-Est. Impactul pentru Republica Moldova. Materialele Conferinței Științifice Internaționale a tinerilor cercetători. Ediția a IV-a, Chișinău, 16 aprilie 2012, p. 186.

⁸ Шармазанашвили Г. В. От права войны к праву мира. Москва: Издательство «Международные отношения», 1967, с. 119.

⁹ Ibidem., p. 119.

¹⁰ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. Москва: Издательство «Международные отношения», 1983, с. 80.

¹¹ Convention for the Definition of Aggression (London, 3 July 1933). [On-line]: <http://www.iilj.org/courses/documents/ConventionontheDefinitionofAggression.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

¹² Dr. Vasile Crețu. Nerecurgerea la forță în relațiile internaționale: București. Editura politică, 1978, p. 111.

său toate măsurile care-i stau în putere pentru a lipsi acele grupuri de orice ajutor sau protecție.¹³

Aceste categorii de acte de agresiune în mare parte au rămas intacte și au fost preluate în proiectele de definiție a agresiunii în perioada postbelică.¹⁴ De asemenea, Vasile Crețu scoate în evidență realitățile internaționale care au adus în prim plan noi forme de folosire a forței armate care și-au dovedit pericolozitatea și care ar putea fi calificate în calitate de acte de agresiune:

- folosirea armelor de distrugere în masă (armele atomice, bacteriologice, chimice, etc.);
- utilizarea forțelor armate aflate pe teritoriul altui stat prin violarea condițiilor fundamentale ale acordurilor în baza cărora are loc staționarea lor ori menținerea acestor forțe armate peste termenul stipulat în asemenea acorduri.¹⁵

Actele incluse atât în definiția din Convenția din 3 iulie 1933, cât și în negocierile ulterioare din perioada postbelică sunt acte de agresiune armate care în marea lor majoritate sunt aplicate direct prin diferite acțiuni/metode militare. Anterior a fost menționat despre propunerile lui Vasile Crețu, în contextul noilor realități internaționale, privind completarea listei actelor de agresiune adițional celor cunoscute. Cu toate acestea, noile tipuri de acte de agresiune, de asemenea, reprezintă acțiuni care implică forța armată.

În acest context, își găsesc plauzibilitatea identificării unei forme adiționale de agresiune – **agresiunea armată indirectă**.

În practică încercarea de a include această formă de agresiune, adițional celei directe (armate), este întâlnită în cadrul lucrărilor aceleiași Comisii pentru Drept Internațional. Propuneri în acest sens, în dependență de circumstanțele existente, aveau la bază termeni și idei diferite. Se pare că în centrul atenției în această problemă a apărut din nou divergențele ideologice din timpul Războiului Rece.

Prin proiectul sovietic se propunea ca în categoria actelor de agresiune armată indirectă să se includă întrebuintarea forței armate constând din trimiterea pe teritoriul altui stat a unor bande

înarmate, a mercenarilor, teroriștilor sau sabotorilor, ca și recurgerea la orice alte forme de activitate subversivă implicând folosirea forței armate, în vederea provocării într-un alt stat de tulburări interne sau schimbări ale politicii acestuia în profitul agresorului.¹⁶ La rândul lor, statele occidentale considerau agresiunea armată indirectă organizarea, sprijinirea sau dirijarea de: bande înarmate sau forțe neregulate sau voluntare care procedează la incursiuni sau infiltrări într-un alt stat; lupte civile violente sau acte de terorism într-un alt stat; activități subversive tinzând la răsturnarea prin violență a guvernului unui alt stat.¹⁷

Este de remarcat, că în cadrul lucrărilor Comisiei pentru Drept Internațional (Raportul Comisiei pentru Drept Internațional către Adunarea Generală cu privire la lucrările efectuate în cadrul celei de-a treia sesiuni (16 mai – 27 iulie 1951) au fost prezentate patru propuneri de definiții ale agresiunii. Toate patru includeau în sine agresiunea indirectă. Din raportul prezentat de către Comisia pentru Drept Internațional poate fi conchis faptul că membrii comisiei Jesús María Yepes, Roberto Cordova și Ricardo Alfaro au folosit mai mult abordarea generică de definire a agresiunii menționând la general în proiectele lor de definiții cele două forme de agresiune: **directă și indirectă**.¹⁸ Cu toate că, în versiunea lui Yepes este inclusă următoarea prevedere care o face un pic mai detaliată comparativ cu celelalte: „...violența (forța), exercitată de către trupele neregulate organizate pe teritoriul unui stat sau în afara teritoriului său în complicitate activă sau pasivă a aceluși stat va fi considerată agresiune...”.¹⁹ De asemenea, în cadrul acestor lucrări este prezentă o altă propunere de definire a agresiunii care în mare parte este bazată pe abordarea de listă și, plus la aceasta, pune accentul pe agresiunea indirectă. Astfel, Shushi Hsu a înaintat următoarea propunere: „Agresiune, care este o crimă internațională, reprezintă un act ostil al unui stat împotriva altui stat, comis prin a)

¹³ Convention for the Definition of Aggression (London, 3 July 1933). [On-line]: <http://www.ijl.org/courses/documents/ConventionontheDefinitionofAggression.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

¹⁴ Dr. Vasile Crețu. Nerecurgerea la forță în relațiile internaționale: București. Editura politică, 1978. p. 112.

¹⁵ Ibidem., p. 112.

¹⁶ Dr. Vasile Crețu. *Op. cit.*, p. 132.

¹⁷ Ibidem., p. 132.

¹⁸ Report of the International Law Commission on its Third Session, 16 May to 27 July. Official Records of the General Assembly, Sixth Session, Supplement No. 9 (A/1858). Yearbook of the International Law Commission, 1951, vol. II, p. 132 – 133. [On-line]: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_48_c_orr1-2.pdf. (Vizitat la: 25.07.2012).

¹⁹ Ibidem., p. 132 – 133.

aplicarea forței armate alta decât autoapărarea sau aplicarea unei acțiuni ale Organizației Națiunilor Unite; sau b) înarmarea formațiunilor neregulate sau a unor state terțe, ostile statului victimă, în scopuri agresive; sau c) instigarea la conflicte civile în statul victimă în interesele altor state străine; sau d) altă aplicare ilegală a forței, deschisă sau altfel.²⁰ În final, Comisia a luat în considerație textul înaintat de către Ricardo Alfaro din motivul că aceasta era cea mai largă definiție. În pofida faptului că definiția a fost modificată unii membri au considerat că aceasta încă este nesatisfăcătoare, deoarece nu sunt înțelese toate actele posibile de agresiune și că s-ar putea dovedi a fi periculos de a restricționa libertatea de acțiune necesară organelor Națiunilor Unite, în cazul în care acestea vor fi chemate în viitor să aplice definiția în anumite cazuri specifice. În final, definiția a fost respinsă cu 7 voturi împotriva 3. Cu toate acestea, s-a hotărât de a nu abandona sarcina definirii agresiunii.²¹

Tendința de identificare și examinare a noilor forme de agresiune și a tipurilor de acte de agresiune poate fi explicat prin faptul că lista de acte de agresiune stabilită prin definiția din 1933 după cel de-al doilea război mondial era depășită. Aceasta se datora în mare parte art. 2, alin. (4) din Carta ONU care interzice folosirea forței sau amenințarea cu aceasta. Accentul principal a fost pus pe interzicerea războiului. Sintagma „folosirea forței” a fost intenționat inclusă pentru a oferi un spațiu de manevră mai larg pentru Consiliul de Securitate al ONU de a acționa în anumite situații și de a aplica eficient prevederile cartei în ce privește menținerea păcii și securității internaționale. Acest lucru este „moștenirea” tribunalelor de la Nuernberg și Tokyo unde a fost determinat faptul că crima de agresiune solicită anumite acte guvernamentale („agresiunea” împotriva unui alt stat). Prin urmare, un război de „agresiune” poate avea loc numai dacă folosirea forței armate contravine dreptului internațional. De asemenea, este necesară o folosire intensă a forței armate. Astfel, întru calificarea unei crime de agresiune, folosirea forței trebuie să atingă un anumit nivel și intensitate.²²

Luând în considerație, că prin Carta ONU atenția directă a fost axată pe interzicerea folosirii forței statele au început să pună accentul pe alte mijloace de forțare a voinței politice a anumitor state pentru obținerea unor condiții favorabile în plan geopolitic sau economic care, la fel, pot periclita în mod serios suveranitatea și integritatea unui stat. În cazul dat este vorba despre apariția unor noi forme de agresiune. Divergențele ideologice și politice în timpul războiului rece nu au permis elaborarea unei definiții ample și concrete a agresiunii și stabilirea elementelor sale definitorii. Este vorba de alte forme de agresiune, adițional celei militare (directe sau indirecte). Anterior a fost menționat că pe lângă agresiunea militară doctrina de specialitate formulează trei forme adiționale de agresiune: indirectă, economică și ideologică.²³

Raportul privind problema definirii agresiunii din 3 octombrie 1952 elaborat de către Comisia pentru drept internațional conținea o propunere ca „*acțiunea unilaterală de depozitare a statului de resursele economice care derivă din practica acceptabilă a comerțului internațional sau de a pune în pericol economia acesteia*” poate fi calificată ca un act de agresiune. Însă, conceptul agresiunii economice a fost criticat de alte state. Constrângerea economică nu a fost inclusă în Rezoluția din 1974 privind definirea agresiunii, dar câteva rezoluții au denunțat constrângerea economică drept un act de subminare a drepturilor suverane.²⁴ Aceste rezoluții sunt: Carta cu privire la drepturile și obligațiile economice ale statelor (Art. 32) (Rezoluția Adunării Generale a ONU 3281(XXIX));²⁵ Declarația asupra principiilor dreptului internațional privind relațiile prietenești și cooperarea între state (Rezoluția Adunării Generale nr. 2625 (XXV));²⁶ Declarația asupra

număr mare de forțe armate și pe teritorii vaste și au dus la o totală sau parțială ocupație ale statelor victime.

²³ Шармазанашвили Г. В. *Op. cit.*, p. 119.

²⁴ Lori F. Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schachter, Hans Smit. *International Law. Cases and Materials*. Forth Edition. American Casebook Series. 2001, p. 946.

²⁵ General Assembly Resolution 3281(XXIX). 12 December 1974. Charter of Economic Rights and Duties of States. [On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r29.htm>. (Vizitat la: 10.04.2012).

²⁶ General Assembly Resolution 2625 (XXV). 24 October 1979. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² De exemplu: atacurile Germaniei Naziste asupra statelor vecine care au fost judecate în cadrul Tribunalului de la Nürnberg, în general, au fost purtate prin folosirea unui

inadmisibilității intervenției în afacerile interne ale altor state și protecția independenței și suveranității lor (Rezoluția Adunării Generale nr. 2131(XX)).²⁷

Revenind la agresiunea indirectă. A fost indicat faptul că Raportul privind problema definirii agresiunii din 1952 includea în sine discuții extinse care se referă la un al tip de agresiune, și anume, „agresiunea indirectă”. Principala caracteristică a agresiunii indirecte apare atunci când statul agresor, fără comiterea unor acte ostile față de un stat, operează prin intermediul unei terțe părți, străini sau naționali care activează din propria lor inițiativă. Conceptul agresiunii indirecte a fost elaborat cu scopul de a include anumite acțiuni sau forme dușmănoase de complicitate în cadrul ostilităților care deja sunt în derulare. De asemenea, în timpul elaborării acestui raport s-a ajuns la concluzia că cazurile de agresiune indirectă sunt acele acțiuni care nu constituie mișcări de participare la ostilități, dar care au scopul de a pregăti astfel de acțiuni pentru subminarea puterii de rezistență a țării sau de a face schimbări substanțiale în sistemele politic și social ale acestui stat.²⁸ Termenul de „agresiune indirectă” nu este inclus în definiția de agresiune adoptată de către Adunarea Generală a ONU prin Rezoluția 3314, dar unele elemente ale acestei definiții pot fi calificate a fi indirecte (ex: art. 3, lit. g). Totodată, este necesar de indicat că art. 4 al Rezoluției în cauză stabilește că actele enumerate în art. 3 nu sunt exhaustive. În același context, *Rezoluția Adunării Generale 36/103 din 09 decembrie 1981 cu privire la Declarația privind inadmisibilitatea intervenției sau implicării în afacerile interne ale statelor* prezintă o listă de acțiuni care, de asemenea, în cazul aplicării lor pot fi calificate drept acte de „agresiune indirectă”.²⁹

Însă problema constă în aceea că la moment nu există o listă finală și exhaustivă în privința acțiunilor care pot fi calificate drept agresiune. Făcând o examinare mai minuțioasă a definiției inserată în Rezoluția 3314 din 1974 putem stabili caracterul ambiguu și vag al acesteia. Comparativ cu Declarația privind inadmisibilitatea intervenției sau implicării în afacerile interne ale statelor din 1981 ultima conține o listă mai largă și amănunțită a acțiunilor care urmează a fi evitate în aplicarea lor de către state dar nu se face nici o referire la o posibilă calificare a acestor acțiuni în mod oficial și iarăși facem față unor prevederi recomandabile care fac chemări disperate la buna credință a statelor și, în special a supraputerilor de a se abține de la anumite acțiuni ilegale în acest sens. Din nou constatăm o lipsă de coordonare și cooperare în procesul de identificare a unor soluții durabile și eficiente în soluționarea anumitor chestiuni majore la nivel internațional.

De asemenea, nu trebuie ignorat rolul principiilor fundamentale în acest domeniu. Rolul principiilor fundamentale poate fi explicat prin faptul că caracterul ne-exhaustiv al listei actelor de agresiune oferă posibilități mari actorilor internaționali de a devia de la prevederile generale privind neaplicarea forței în relațiile internaționale. Astfel, în lipsa unor prevederi internaționale un obstacol împotriva acțiunilor abuzive ale statelor în ce privește folosirea forței în dreptul internațional îl joacă principiile fundamentale. Datorită principiilor fundamentale stabilite în Carta ONU, adoptarea în 1970 a Rezoluției Adunării Generale nr. 2625 (XXV) cu privire la Declarația asupra principiilor dreptului internațional privind relațiile prietenești și cooperarea între state și, nu în ultimul rând, adoptarea Actului Final de la Helsinki la 01 august 1975 pe continentul european a fost stabilit un *status-quo* pentru întreaga perioadă postbelică. Drept rezultat, au fost consacrate principii de la care nu se admite nici o derogare, și anume: *egalitatea suverană, respectarea drepturilor interne suveranității; nerecurgerea la forță sau la amenințarea cu forța; inviolabilitatea frontierelor; integritatea teritorială a statelor; reglementarea pașnică a diferendelor; neamestecul în treburile interne etc.* Efectuând o analiză comparativă putem constata cu certitudine că Rezoluțiile Adunării Generale a ONU din 1974

[On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r25.htm>. (Vizitat la: 10.04.2012).

²⁷ General Assembly Resolution 2131(XX). 21 December 1965. Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty. [On-line]: <http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r20.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

²⁸ Lori F. Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schachter, Hans Smit. International Law. Cases and Materials. Forth Edition. American Casebook Series. 2001, p. 947 – 948.

²⁹ General Assembly Resolution 36/103. 9 December 1981. Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States. [On-line]:

<http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r36.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

și 1981 au fost elaborate în limitele stabilite de către aceste principii fundamentale.

Lupta ideologică din perioada postbelică a constituit o stavilă în consolidarea importanței ONU în menținerea ordinii internaționale. Pe lângă apariția „Cortinei de fier” un factor important în intensificarea disensiunilor interioare în cadrul ONU bazate pe motive ideologice și politice a constituit-o aderarea fostelor colonii la sistemul ONU. Luând în considerație vechile „obide” față de fostele metropole și lipsa la moment a unor perspective în relațiile mutuale dintre noile state independente și fostele mari imperii coloniale, ONU devenea „câmpul de luptă” între diplomațiile mondiale care aveau în calitate de lozincă oficială promovarea păcii și securității internaționale, dar în final duceau o politică dublă în obținerea unor noi avantaje în sporirea unei anumite influențe în anumite regiuni din lume.

Din cauza unor astfel de acțiuni imprecise din cadrul ONU pe plan mondial au început să apară noi tendințe de evitare a respectării principiilor fundamentale stabilite de către Carta ONU. Aceasta, în special, se referă la respectarea principiului neaplicării forței sau amenințarea cu aceasta. Sperața creării unui sistem de securitate internațional în cadrul căruia o condiție obligatorie va fi soluționarea pe cale pașnică a diferendelor internaționale s-a năruit odată cu declanșarea conflictelor militare pe teritoriul fostelor colonii unde indirect se implicau și marile puteri prin asistența forțelor beligerante. Situații de acest gen sunt caracteristice și pentru fostul spațiu socialist. Pe fundalul mișcărilor anticomuniste și de eliberare națională care aveau loc în Europa de Est au început să se evidențieze noi metode de destabilizare a situației în regiune și de intimidare indirectă a țărilor care au scăpat de hegemonia unui imperiu.³⁰

Aici apare și întrebarea cum ar trebui să fie calificate astfel de acțiuni. Nemijlocit aplicarea forței este interzisă, cu excepția cazurilor când este acceptată de către Consiliul de Securitate (în

conformitate cu capitolul VII al Cartei ONU). Însă termenul de „forță” are ambiguitățile sale. Uneori acest termen este folosit într-un sens mai larg pentru a cuprinde toate formele de constrângere: economice, politice, psihologice și fizice. Astfel, statele de multe ori invocau faptul că ele nu sunt implicate într-un „război” și preferau să denumească un conflict printr-o altă denumire.

Dorița de a evita implicarea directă într-un anumit conflict sau soluționarea unui diferend prin aplicarea unor constrângeri fără careva reacții din partea comunității internaționale a reprezentat un factor important în „dezvoltarea” unor noi forme de aplicare a forței și nemijlocit a agresiunii.

Adițional acestor probleme politice la nivel internațional care creează un număr de obstacole în codificarea și perfecționarea dreptului internațional sunt înregistrate alte probleme în ce privește calificarea noilor forme și acte de agresiune. Astfel, analizând în detaliu noua formă de agresiune – cea indirectă – apar unele chestiuni care urmează a fi elucidate întru evitarea unor eventuale discrepanțe privind identificarea acestei forme de agresiune și interpretarea acesteia.

În acest context, este necesar de menționat o diferență majoră în ce privește conceptualizarea formei de agresiune indirectă. În anii '50 ai sec. XX în cadrul Comisiei pentru Dreptul Internațional a fost pusă în discuție codificarea „**agresiunii armate indirecte**” de rând cu „**agresiunea armată directă**”. Formă care se putea manifesta prin astfel de acte de agresiune cum ar fi: trimiterea pe teritoriul altui stat a unor bande înarmate, a mercenarilor, teroriștilor sau sabotajilor, recurgerea la orice alte forme de activitate subversivă implicând folosirea forței armate, în vederea provocării într-un alt stat de tulburări interne sau schimbări ale politicii acestuia în profitul agresorului³¹ sau organizarea, sprijinirea sau dirijarea bandelor înarmate sau forțelor neregulate sau voluntare care procedează la incursiuni sau infiltrări într-un alt stat; lupte civile violente sau acte de terorism într-un alt stat; activități subversive tinzând la răsturnarea prin violență a guvernului unui alt stat.³² În prezent, lumea se confruntă cu noi probleme care cu mult depășesc problema folosirii forței armate în cadrul relațiilor internaționale cum ar fi consecințele folosirii iraționale a resurselor naturale și poluarea

³⁰ Un exemplu elocvent este declanșarea conflictului armat de pe Nistru în 1992 și înghețarea acestui conflict pentru aproape două decenii. Aceasta a permis Rusiei păstrarea influenței sale politice în regiune și stabilirea unor noi priviri geopolitice în acest sens. De asemenea, astfel de situații sunt caracteristice și pentru regiunea Caucazului de Sud și anume conflictele din Georgia 1992 – 1993 (Abhazia și Osetia de Sud) și conflictul din Nagorno-Karabakh din 1994.

³¹ Dr. Vasile Crețu. *Op. cit.*, p. 132.

³² *Ibidem.*, p. 132.

mediului ambiant; suprapopularea însoțită de migrația masivă a populației din țările în curs de dezvoltare; etc., care în regim de urgență forțează actorii internaționali să stabilească noi tipuri de intimidare sau diminuare a suveranității sau independenței politice a statelor. Astfel, în pofida faptului adoptării unei definiții restrictive a agresiunii, mai mult ca atât cu caracter de recomandare, nu poate fi ignorată existența în societatea contemporană a unui nou tip de agresiune, cea *indirectă*.

Acuzații privind „agresiunea indirectă” erau destul de frecvente în cadrul confruntării ideologice din timpul Războiului Rece. Îndeosebi, astfel de manifestări s-au conturat în timpul rezistenței anticoloniale și a suportului extern pentru „mișcările de eliberare națională”. Într-o lume multipolară s-ar părea că astfel de agresiuni indirecte sunt mai puțin frecvente, dar nu sunt excluse. Ar putea fi înaintată o idee, precum că formele de agresiune indirectă sunt de domeniul trecutului pe motivul consolidării pe plan internațional a principiului renunțării la forță sau amenințarea cu aceasta. Prin urmare, este important de a recunoaște că tot mai des derogările de la principiul dat sunt întâmpinate cu reacții negative din partea societății internaționale. Țările care au încălcat principiul dat încercau să-și justifice acțiunile prin aplicarea dreptului la autoapărare, susținând chipurile importanța principiului neaplicării forței. Astfel, automat folosirea unor metode adiționale sau „netradiționale” de intimidare a unui stat pot fi puse sub incidența acestui principiu.³³

Luând în considerație condițiile existente de pe mapamond, agresiunea indirectă nu poate fi ignorată în societatea contemporană. Uneori aceasta este unica metodă pentru unele state de a obține un rezultat favorabil într-un diferend interstatal fără o implicare directă a comunității internaționale. După cum a mai fost menționat, există numeroase și importante forme de atac asupra integrității unui stat decât mijloacele tradiționale de atacuri militare, de obicei, numite și agresiuni „indirecte” sau „ideologice”, care dau naștere la probleme de dimensiuni cu totul diferite și care afectează unele fundamente tradiționale ale

dreptului internațional. Aceste atacuri variază de la mai multe tipuri de luptă ideologică și de propagandă politică și psihologică, prin radio, prin pliante aeriene, etc. până la organizarea de mișcări subversive, politice în interiorul altei țări, strangularea economică sistematică a unui regim printr-un boicot comercial.

Acuzațiile privind „agresiunea” sunt frecvent bazate pe afirmațiile privind acordarea unui ajutor militar, precum și controlul asupra rebelilor, într-un război civil. În cazul în care rebelii sunt efectiv sprijiniți și controlați de către un alt stat, acest stat este responsabil pentru aplicarea „forței” ca o consecință de a fi într-o directă conexiune cu astfel de forțe. Astfel, Adunarea Generală a ONU a stabilit că ajutoarele militare pentru rebeli oferite de anumite state străine sunt incompatibile cu principiile Cartei ONU, cu referire implicit la articolul 2, alin. 3 și 4.³⁴

Prezența opiniilor privind comiterea unor acte de agresiune indirectă este destul de frecventă în ultimele perioade. Un exemplu în acest sens este opinia privind înregistrarea agresiunii indirecte de către Federația Rusă în Orientul Mijlociu și în Caucaz prin intermediul unor forme cum ar fi – *acțiunile militare indirecte prin intermediul bazelor militare din regiuni, instigarea sau implicarea în conflictele interne, implicarea directă în răsturnarea regimurilor nedorite*, etc.³⁵

În special, această implicare indirectă sau „agresiune indirectă” prinde viață prin strategia obținerii bazelor militare pe teritoriul acestor republici. Desigur, scopul trimiterii acestor efective militare este „menținerea păcii” în regiune. Războiul civil din Tadjikistan (1992 - 1997) poate fi menționat în calitate de exemplu. Or, a fost demonstrat că anume asistența militară a Rusiei în acest conflict intern a fost factorul decisiv pentru păstrarea elitei politice din țară care avea tendințe pro-ruse. Se pare că Rusia are tendința de a exagera în unele situații pericolului „fundamentalismului islamic” în scopul menținerii prezenței sale militare în Orientul

³³ Astfel de tentative au fost respinse de alte state și condamnate de Adunarea Generală a ONU și anume, condamnarea intervenției armatelor sovietice în Afganistan din 1979; intervenției americane în Cambodgia 1970, Grenada și Libia din 1983, Panama – 1989.

³⁴ Lori F. Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schachter, Hans Smit. *International Law. Cases and Materials*. Forth Edition. American Casebook Series. 2001, p. 946 - 947.

³⁵ Berdal Aral. *Cases of Direct and Indirect Aggression as Violations of International Law in Central Asia and the Caucasus*. [On-line]: <http://www.uam.es/centros/economicas/doctorado/deri/publicaciones/WorkingPapers/RIPSO201.pdf>. (Vizitat la: 11.04.2012).

Mijlociu.³⁶ O situație similară a fost înregistrată în privința SUA în perioada Războiului Rece când erau abordate polemici exagerate privind „pericolul comunist”.

Cu toate acestea, Orientul Mijlociu nu este unica regiune unde Rusia s-a implicat indirect în anumite conflicte interne sau chiar indirect a reprezentat factorul decisiv în apariția unor astfel de conflicte menite să destabilizeze situația politică internă a statelor. Astfel, asemenea cazuri sunt înregistrate în alte foste state unionale unde brusc odată cu destrămarea URSSS au apărut conflicte interetnice indirect promovate de către Rusia. Aceste conflicte sunt cele din: Nagorno-Karabah (1988 - 1994), Osetia (1991 - 1992), Transnistria (1992), Abhazia (1992 - 1993). Caracteristic pentru aceste conflicte constă în aceea că factorul decisiv a fost implicarea indirectă militară a forțelor rusești cu un efect final bine cunoscut – crearea bazelor militare rusești în aceste regiuni și formarea forțelor „pacificatoare” sub egida Rusiei. Rezultatul este că până în prezent în tot spațiul CSI timp de două decenii sunt menținute conflicte înghețate.

Mai mult ca atât, Rusia folosește instrumentul economic în scopul obținerii avantajelor politice și militare în fostele republici unionale. Exemplu este cazul când în anul 2000 Rusia a anunțat că se va retrage din acordul CSI cu privire la regimul liberalizat de vize pentru naționaliile statelor membre.³⁷ Aceasta în condițiile în care unele state din spațiul își mențin PIB-ul național la limită datorită remitențelor cetățenilor aflați la lucru pe teritoriul Federației Ruse. Republica Moldova în acest sens nu este o excepție. Cu toate acestea, Rusia nu este singura excepție în acest sens. Aceleași acțiuni de intimidare cu conotație economică este întâlnită în privința statelor occidentale în diverse regiuni ale lumii unde au anumite interese geopolitice sau economice. În special, aceste acțiuni sunt aplicate în privința fostelor colonii.

Un alt exemplu de invocare a unui act de agresiune indirectă a fost înregistrat în cazul crizei pentru insulele Falkland (Maldiv) din 1982. La

momentul dezlănțuirii crizei din Falkland și escaladarea acțiunilor militare, Comunitatea Europeană ia o decizie fără precedent și decide de a impune un embargo economic Argentinei întru consolidarea poziției sale cu Marea Britanie. În aceste condiții Ecuadorul completamente a fost împotriva unor astfel de acțiuni și invocând principiile generale de drept a solicitat de a pune capăt **agresiunii economice și militare** împotriva Argentinei.³⁸

În prezent, o situație destul de controversată privind stabilirea unor acte de agresiune sau intervenții indirecte într-un conflict armat este înregistrată în cazul Siriei. Exemplul Libiei a fost unul dezamăgitor pentru două state membre permanente ale Consiliului de Securitate – Rusia și China. Din partea acestor două state s-a simțit o anumită „trădare” din partea celorlalte state membre permanente ale Consiliului de Securitate în ce privește folosirea forței în cazul Libiei. Deja, în privința rebeliunii din Siria și dorința unor membri ai Consiliului de Securitate de a interveni în acest conflict poziția Rusiei și Chinei a ajuns să fie una diferită comparativ cu intervenția în Libia. Astfel, datorită dreptului la veto folosit de către Rusia și China Consiliul de Securitate a fost paralizat în realizarea sarcinilor sale stabilite de Cap. VII din Carta ONU. Cu toate acestea, aceasta nu a reprezentat un obstacol pentru intervenții/implicări indirecte în acest conflict în susținerea forțelor rebele împotriva regimului Assad. Această implicare într-un conflict intern prinde viață prin diverse acte indirecte care permit să schimbe raportul de forțe în favoarea unei părți beligerante. Sunt opinii potrivit cărora izolarea regimului Assad are loc datorită ajutorului din partea statelor membre ale Ligii Arabe, suportului în domeniul transportului din partea Turciei, oferirea ajutorului prin supravegherea prin satelit din partea SUA și activitățile serviciilor de informații din unele state europene, etc.³⁹

³⁶ Berdal Aral. Cases of Direct and Indirect Aggression as Violations of International Law in Central Asia and the Caucasus. [On-line]: <http://www.uam.es/centros/economicas/doctorado/deri/publicaciones/WorkingPapers/RIPS0201.pdf>. (Vizitat la: 11.04.2012).

³⁷ Ibidem.

³⁸ Repertoire of the Practice of the Security Council. Chapter VIII (1981 - 1984). Maintenance of the international peace and security. Question concerning the situation in the region of the Falkland Islands (Islas Malvinas). [On-line]: http://www.un.org/en/sc/repertoire/81-84/Chapter%208/81-84_08-13_Question%20concerning%20the%20situation%20in%20the%20region%20of%20Falkland%20Islands.pdf. (Vizitat la: 20.04.2012).

³⁹ Ближний Восток после ухода Асада. [On-line]: <http://inopressa.ru/article/31Jul2012/liberation/finassad.html>. (Vizitat la: 31.07.2012).

Din cele expuse, iese în evidență faptul că dreptul internațional până în prezent nu conține o definiție recunoscută a „agresiunii”. Practica internațională oferă exemple privind constatarea agresiunii de către state sau de către organismele internaționale. Dacă, în cazul organismelor internaționale acest fapt este ca și inexistent din motivul lipsei definiției oficiale ale acestui concept, atunci în cazul statelor situația este una cu totul diferită. Statele în procesul luării deciziei existenței sau inexistenței „agresiunii” în dreptul internațional își bazează deciziile sale pe criteriul „natural” al definiției de agresiune, care în mod normal se fundamentează pe „*sentiment*” (*impresie*) dar nu pe *argumente juridice*.⁴⁰

În aceste condiții, nu este de mirare că în contextul lipsei unei definiții oficiale a agresiunii în societatea internațională încă sunt prezente disensiuni referitoare la identificarea tipurilor și formelor de agresiune. Se pare că o ieșire din impas ar putea să reprezinte proiectul definiției de agresiune militară adoptat în cadrul Conferinței de Revizuire a Statutului de la Roma (Kampala, Uganda, 31 mai – 11 iunie 2010).⁴¹

Cu toate acestea, este prematur de a declara că definiția adoptată în cadrul Conferinței de la Kampala este cea mai reușită. Încă în timpul lucrărilor Comisiei Pregătitoare și a Grupului Special de Lucru cu privire la Crima de Agresiune s-a văzut că statele semnatare a Statutului de la Roma în contextul stabilirii metodei de definire a agresiunii și anume, prin metoda generică sau abordare de listă puneau mai mult accentul pe definiția adoptată prin Rezoluția 3314 din 1974. În acest sens, accentul primordial a fost pus pe definirea agresiunii militare și stabilirea actelor agresiunii militare directe. Unica formă indirectă de agresiune este cea din art. 3, lit. g) al Rezoluției 3314.

Carta ONU prin art. 2, alin. (1) stabilește că: „Organizația este întemeiată pe principiul egalității suverane a tuturor membrilor săi.” Art. 2, alin. (4) în mod expres stabilește că „toți membrii organizației se vor abține, în relațiile lor

internațional de a recurge la amenințarea cu forță sau la folosirea ei fie împotriva integrității teritoriale ori independenței politice a vreunui stat în orice alt mod incompatibil cu scopurile Națiunilor Unite”. Aceste prevederi oferă un mesaj clar pentru orice stat care dorește să fie membru al ONU urmează strict să se conformeze cu prevederile cartei în ce privește principiile fundamentale codificate în aceasta. În special, principiul neaplicării forței. De asemenea, este de remarcat că această prevedere este adresată tuturor membrilor organizației indiferent de influența politică, economică și militară pe care o are la nivel regional sau internațional. Orice stat trebuie să se conformeze acestor prevederi internaționale.

Se pare că o modalitate de demonstrare a dorinței de conformare cu art. 2, alin. (4) din Carta ONU este ratificarea amendamentului la Statutul de la Roma privind definirea crimei de agresiune adoptate la Kampala în anul 2010. Astfel, într-o lume contemporană în care metodele și formele de purtare a conflictului armat se schimbă cu o viteză fulminantă în dependență de dezvoltarea tehnico-științifică comunitatea internațională este în așteptarea intrării în vigoare a definiției oficiale a crimei de agresiune având la bază o definiție cu o vechime de aproape 40 de ani. Mai mult ca atât, „entuziasmul” statelor în adoptarea acestui tip de definiție nu este atât de mare. Or, abia la 9 mai 2012 a fost depus primul instrument de ratificare a amendamentului la Statutul de la Roma cu privire la definirea crimei de agresiune de către Lichtenstein.⁴²

Bibliografie:

1. Benjamin B. Ferencz. *Enabling the International Criminal Court to Punish Aggression*. [On-line]: <http://www.benferencz.org/index.php?id=4&article=5> . (Vizitat la: 5.04.2012).
2. Berdal Aral. *Cases of Direct and Indirect Aggression as Violations of International Law in Central Asia and the Caucasus*. [On-line]: <http://www.uam.es/centros/economicas/doctorado/deri/publicaciones/WorkingPapers/RIPS0201.pdf>.
3. *Convention for the Definition of Aggression* (London, 3 July 1933). [On-line]:

⁴⁰ Second Report on a Draft Code of Offences Against Peace and Security of Mankind by Mr. Spiropoulos, Special Rapporteur. Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1951. vol. II. [On-line]: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_44.pdf f. (Vizitat la: 12.04.2012).

⁴¹ Resolution RC/Res.6 from 11 June 2010. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/Menus/ASP/Crime+of+Aggression/>. (Vizitat la: 12.04.2012).

⁴² Crime of aggression: first ratification of the amendments. [On-line]: http://www.icc-cpi.int/Menus/ASP/Press+Releases/Press+Releases+2012/P_R793.htm. (Vizitat la: 11.05.2012).

<http://www.ijl.org/courses/documents/ConventiononthedefinitionofAggression.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

4. Crime of aggression: first ratification of the amendments. [On-line]: <http://www.icc-cpi.int/Menus/ASP/Press+Releases/Press+Releases+2012/PR793.htm>. (Vizitat la: 11.05.2012).

5. General Assembly Resolution 2131 (XX). 21 December 1965. Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and Sovereignty. [On-line]: <http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r20.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

6. General Assembly Resolution 2625 (XXV). 24 October 1979. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. [On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r25.htm>. (Vizitat la: 10.04.2012).

7. General Assembly Resolution 3281(XXIX). 12 December 1974. Charter of Economic Rights and Duties of States. [On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r29.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

8. General Assembly Resolution 3314 (XXIX). 14 December 1974. Definition of Aggression. [On-line]: <http://www.un.org/Depts/dhl/resguide/r29.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

9. General Assembly Resolution 36/103. 9 December 1981. Declaration on the Inadmissibility of Intervention and Interference in the Internal Affairs of States. [On-line]: <http://www.un.org/depts/dhl/resguide/r36.htm>. (Vizitat la: 12.04.2012).

10. Lori F. Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schachter, Hans Smit. International Law. Cases and Materials. Forth Edition. American Casebook Series. 2001. 1678 p.

11. Repertoire of the Practice of the Security Council. Chapter VIII (1981 - 1984). Maintenance of the international peace and security. Question concerning the situation in the region of the Falkland Islands (Islas Malvinas). [On-line]: http://www.un.org/en/sc/repertoire/81-84/Chapter%208/81-84_08-13_Question%20concerning%20the%20situation%20in%20the%20region%20of%20Falkland%20Islands.pdf. (Vizitat la: 12.04.2012).

12. Report of the International Law Commission on its Third Session, 16 May to 27 July. Official Records of the General Assembly, Sixth Session, Supplement No. 9 (A/1858). Yearbook of the International Law Commission, 1951, vol. II, p. 132 – 133. [On-line]: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_48_corr1-2.pdf. (Vizitat la: 12.04.2012).

13. Resolution RC/Res. 6 from 11 June 2010. [On-line]: <http://www.icc-pi.int/Menus/ASP/Crime+of+Aggression/>. (Vizitat la: 12.04.2012).

14. Second Report on a Draft Code of Offences Against Peace and Security of Mankind by Mr. Spiropoulos, Special Rapporteur. Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1951. Vol. II. [On-line]: http://untreaty.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_44.pdf. (Vizitat la: 20.04.2012).

15. Dr. Vasile Crețu. Nerecurgerea la forță în relațiile internaționale. București: Editura politică, 1978. 230 p.

16. Roșca Valentin. Noile Forme de Agresiune în contextul schimbării geopoliticii în Europa de Sud-Est. Impactul pentru Republica Moldova. Materialele Conferinței Științifice Internaționale a tinerilor cercetători. Ediția a IV-a, Chișinău, 16 aprilie 2012, p. 184 - 191.

17. Roșca Valentin. Principiul nerecurgerii la forță sau la amenințarea cu forța: evoluție și codificare. Revista științifică Studia Universitatis, Seria științe sociale. 2010, nr. 8 (38). Chișinău, p. 95 - 99.

18. Sârcu-Scobioală Diana, Lupușor Irina, Goncearova Eugenia. Jurisdicția internațională penală. Chișinău: CEP-USM, 2008. 289 p.

19. Ближний Восток после ухода Асада. [On-line]: <http://inopressa.ru/article/31Jul2012/liberation/finassad.html>. (Дата посещения: 11.04.2012).

20. Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. Москва: Издательство «Международные отношения», 1983. 220 с.

21. Шармазаншвили Г. В. От права войны к праву мира. Москва: Издательство «Международные отношения», 1967. 192 с.

Copyright© ROȘCA Valentin, 2012.

COMUNICĂRI ȘTIINȚIFICE

MIGRATION OF THE MOLDOVANS WITHIN EUROPEAN UNION BORDERS VS RUSSIAN FEDERATION

*Aliona CARA-RUSNAC**

MIGRAREA CETĂȚENILOR REPUBLICII MOLDOVA PE TERITORIUL UNIUNII EUROPENE VERSUS FEDERAȚIA RUSĂ

În articolul dat se descriu tendințele migrării cetățenilor Republicii Moldova în țările Uniunii Europene (UE) și Federația Rusă, precum și în alte țări. Acest fenomen a devenit un eveniment obișnuit pentru țara noastră. Autoritățile centrale închid ochii la migrația masivă al cetățenilor noștri peste hotarele țării, mai mult ca atât remitențele trimise de peste hotare de emigranții din Moldova sunt o contribuție esențială al bugetului nostru.

Țările Uniunii Europene (de exemplu Italia, Grecia) nu au încheiate contracte bilaterale cu Republica Moldova în vederea reglementării statutului imigranților și asistenței lor, pe teritoriul Federației Ruse cetățenii Republicii Moldova nu se simt mai în siguranță ba chiar situația acestora e mai rea.

După datele statistice, în prezent în țările UE lucrează și domiciliază mai mult de 20 mln de migranți din diferite țări, dintre care jumătate de milion sunt moldoveni. Moldova își pierde potențialul intelectual, afirmă oficialii europeni, referindu-se la cifrele statistice, în conformitate cu care 40% de persoane apte de muncă emigrează din țară. Migrarea cetățenilor prezintă un pericol real pentru Republica Moldova. Datele statistice arată că 40% din populația aptă de muncă muncește peste hotarele țării și aduce contribuții în bugetul altor țări, în timp ce Republica Moldova întâmpină greutăți financiare mari. Aproape jumătate din moldoveni emigrați peste hotarele țării au preferat de a pleca în fostele țări ale Uniunii Sovietice, în mod special în Rusia și Ucraina. Anual în Rusia emigrează 2-3 mii de persoane, iar în Ucraina 1,5 -2 mii de persoane.

Pe lângă toate, persoanele aleg fostele țări ale Uniunii Sovietice deoarece în fostul spațiu sovietic predominant populația cunoaște și limba rusă – o limbă ce a fost vorbită de practic toate țările sovietice. Ca rezultat persoanele mai ușor se integrează în societate.

Cuvinte cheie: migrație, Uniunea Europeană (UE), Republica Moldova, Federația Rusă, reglementare, legislația.

МИГРАЦИЯ МОЛДАВАН НА ТЕРРИТОРИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО СРАВНЕНИЮ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

В статье анализируются тенденции миграции граждан Республики Молдова в странах Европейского союза (ЕС) и Российской Федерации, а так же ряда других стран. Данный феномен становится нормальным явлением и государственные органы закрывают глаза на массивную иммиграцию граждан нашей страны за рубеж, более того бюджет нашей страны накапливается в основном за счет денежных средств из-за границы родственникам и друзьям, которые остаются в стране.

Европейские страны (Италия, Греция) не заключают договора с Республикой Молдова о регламентации и помощи наших иммигрантов в данных странах. Более того, ситуация наших иммигрантов на территории Российской Федерации не намного лучше.

Согласно статистике, в настоящее время в странах ЕС трудятся, и проживают свыше 20 миллионов мигрантов из разных стран, из которых минимум полмиллиона составляют молдаване. Миграция представляет реальную угрозу для Республики Молдова. По некоторым данным около 40

* **CARA-RUSNAC Aliona** - Doctor în drept, cercetător științific la Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); **CARA-RUSNAC Aliona** - Doctor in law, scientific fellow, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **КАРА-РУСНАК Алена** – Кандидат юридических наук, научный сотрудник, Институт истории, государства и права, Академия наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

процентов трудоспособного населения страны трудится за рубежом, и вносит вклад в развитие других стран, в это время, как Молдова сталкивается с серьезными проблемами. Примерно половина молдаван, выехавших на ПМЖ, направилась в страны бывшего СССР, главным образом в Россию и Украину. Меняют Молдову на Россию ежегодно 2-3 тыс. человек, на Украину - 1,5-2 тыс.

Ко всему, исторически сложилось так, что почти повсеместно на постсоветском пространстве говорят на русском языке - языке межнационального общения в бывшем Союзе. В итоге эмигрантам легче интегрироваться в новую среду.

Ключевые слова: миграция, Европейский союз (ЕС), Республика Молдова, Российская Федерация, регламентация, законодательство.

Key words: migration, the European Union (EU), the Republic of Moldova, Russian Federation, regulation, legislation.

This article tries to pose and answer some of the questions that have come with the confusion about another kind of national identity – that of citizen of Europe or elsewhere. In particular it focuses on the discrimination issues, a problem that challenges the migrants crossing borders of the European Union countries. Its aim is to look at the one of the main foundations of European citizenship – free movement and to seek a comprehensive understanding a part of the fundamental human beings right: the principle of non-discrimination in relation to social advantages. Additionally it will be researched the legal frame of Moldovan immigrants within European Union and Russian Federation space and on the territory of the Republic of Moldova.

An Australian Aborigine woman said: „If you have come to help me you can go home again. But if you see my struggle as part of your own survival then perhaps we can work.”¹ Moldovans immigration out of the country's territory became a normal event starting since 90' years. People are struggling to leave the country in order to find better life conditions. Despite this fact the receiving country are not happy and are less hospitable toward legal or even more illegal immigrants.

Professor Philip Martin stated: „Out-migration provides jobs for individuals and remittances for their families; these remittances have multiplier effects when spent, benefiting non-migrants. Many migrants are youth from rural areas and small towns who return to cities rather than their places of origin. In this way, out-migration accelerates changes underway inside the sending country, including rural-urban migration

(urbanization) and the shift from agriculture to services²”.

Gender relations are thus important as a frame for nationalist practices, and nationalism as an ideology is important for the configurations of gender relations within the national space. Biology and culture are key elements in the construction of new political space and of new discovers of empowerment. However, as Walby has commented, more work needs to be done on nationalism's economic consequences for women's lives such that the division of labour is not simply 'subsumed under biology or culture' but is made visible of national development³.

Markets pose another issue for men and women. Globally, women on about 1 per cent of the world's property; therefore, they are involved in the globalization process through their access to labour markets rather than through their participation in financial or investment markets. They are the providers of services – sexual, domestic, and increasingly as workers in export production – and are employed in lower-paid work; they are not in control of the huge financial and export flows in a globalized economy. The family power structure and the consequent gender segregation thus of work affects the ways in which markets operate and how women and men operate within these. The public-private sector divide is as much constitutive of markets as the markets consolidate this binary between men and women's place in economy⁴.

¹ The Manila Declaration on People's Participation and Sustainable development, see Shirin M.Rai, p. 198.

² Philip Martin. Migration research. Viena, Austria: ICMPD, 2012, p. 1.

³ Shirin M.Rai. Gender and the Political Economy of Development. Cambridge, UK: Blackwell Publishers Ltd, 2004, p. 13.

⁴ Ibidem., p. 98.

European community law creates rights which are directly enforceable in the national courts, and which prevail over any conflicting national provisions. In the field of free movement, it creates rights in an area, that in of immigration control, traditionally marked by the high degree of discretion reserved to the national authorities. It draws not only on the free movement provisions themselves, by also on the general principle prohibiting discrimination which requires Community nationals to be treated equally with nationals of the host State⁵.

Thus, within the Council of Europe, in addition to the European Convention on Human Rights, important achievements have been made in recent years, especially through:

a) *The European Charter on Minority Languages (1992)*;

b) *The Convention on the Participation of Foreigners in Public Life at Local Level (1992)*;

c) *The Framework Convention for the Protection of Minorities (1995)*.

The European Union and Moldova started negotiations on an EU-Moldova Association Agreement in Chisinau on 12 January 2010. The Association Agreement replaces the EU-Moldova Partnership and Cooperation Agreement which entered into force in July 1998 and sets at present the framework for EU-Moldova relations. The European Union and Moldova intend to establish a Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA), when the relevant conditions are met and expressed their commitment to make progress in line with the agreed set of steps towards that objective. Moldova is a priority partner country within the Eastern Partnership. Moldova is a partner country within the Black Sea Synergy.

A joint ENP Action Plan was adopted in February 2005 by the EU-Moldova Cooperation Council. This Action Plan still serves as a tool for supporting Moldova's own program of democratic and economic reform. The EC assistance focuses on the reform priorities agreed in the ENP Action Plan. It increased over the years substantially and has reached about € 70 million will get to a € 100 million annually until 2013.

Moldova benefits from a mobility partnership as one of the two pilot countries in the world. The

mobility partnership offers a political framework for cooperation between the Union and third countries in the field of migration, and includes items of relevance for both the EU and interested third countries. Three major dimensions of the Global Approach – legal migration, migration and development, and fighting against illegal migration – are joined in one, coherent policy framework. The pilot Mobility Partnership with the Republic of Moldova is the best example of such well-balanced framework. Through an EU Border Assistance Mission which is helping to ensure transparent management of the Moldova-Ukraine border, improving customs service, making the border more secure and increasing revenue⁶.

A new poll shows Moldovans are losing interest in the post-Soviet country's European integration and is warming up to the idea of joining a Commonwealth of Independent States' (CIS) free-trade zone led by Russia, RFE/RL's Moldovan Service reports. The poll - published in Chisinau on November 16, 2011 showed that the number of Moldovans willing to join the European Union has dropped 15 % since a similar poll in May, falling to 47 %. That is the lowest percentage of EU support measured in Moldova in nearly a decade. Likewise, 46 % of respondents said their country would benefit economically from joining the Russia-Belarus-Kazakhstan customs union, while 34 % favoured entering the EU's free-trade zone. More than 60 % of Moldovans believe Russia should be their country's „main strategic partner”, while just 23 % prefer the EU.

The new opinion poll was published by the Moldova's West-leaning think tank Institute of Public Politics (IPP) with financing from the Soros Foundation and was performed in late October and early November by the CBS-AXA polling centre. Moldova is a CIS member and one of the six former Soviet republics covered by the EU's Eastern Partnership program, which promises tighter integration with the EU in exchange for economic and democratic reforms.

In an interview with RFE/RL today, IPP Director Arcadie Barbarosie said the Moldovans' new „Euroskepticism” was most likely caused by the economic downturn in the EU and by people's

⁵ Advocate General, F. G. Jacob. The legal framework and social consequences of free movement of persons in the European Union. Cambridge: Kluwer Law International, 1999, p. 3.

⁶ EU Border Assistance Mission. [On-line]: http://eeas.europa.eu/delegations/moldova/eu_moldova/index_en.htm. (Visited on 07.08.2012).

disenchantment with the vocally pro-European ruling coalition in Chisinau, the Alliance for European Integration⁷.

Chisinau's pro-EU government hopes to start negotiating a free-trade agreement with Brussels before the end of the year and to obtain visa-free travel for its citizens inside the 27-member bloc as early as next year. The poll also shows a record percentage of Moldovans (83,5 %) saying their country is heading in the wrong direction and a status quo in support for the country's main political parties, which have failed in parliament during the last two years to elect a full-time president of the country.⁸

Nether less, the National Bureau of Statistics in 2011, established according to the Dates comparatively to previous years has emigrated more than immigrated. The gender differences are significant in the meaning that there are more women who emigrate and immigrate from / into the country.

According to the Minister of Informatics Technologies and Communication of the Republic of Moldova, during last year from Republic of Moldova leaved the country and had established permanently abroad 3920 persons. The Moldovans prefer to leave the country in favour of Ukraine and Russian Federation. The numbers of the Moldovan citizens who had chosen permanently residences in the following countries are: US - 538 persons; Israel – 204; Germany – 179. Mainly the emigrants both male and female are between the age 20-29 years old and 30 – 39 years old⁹.

In majority of the cases all the emigrants have medium level of education lyceum. Emigrants who hold higher education degrees are less than 18,6 % of total. A part of the emigration is compensated by the repatriated persons born on the territory of the Republic of Moldova and immigration.

According to the National Bureau of Migration and Asylum of the Minister of Internal Affairs of

the Republic of Moldova, in 2011 in the country had repatriated 654 persons. The distribution of the repatriated persons according to the nationalities is following: Moldovans – 53,5%; Russians – 15,0%; Ukrainians -17,7%; Gagauz – 7,4%; Bulgarians – 2,0%; Jewish – 1,2%. Mainly the repatriated persons had arrived from Russia and Ukraine, respectively 57,4% and 31,5%.

During 2011 in the Republic of Moldova had arrived 2704 immigrants, out of which 32 persons have obtained permanent residence, and 2672 persons – permits for a fixed period. The scope of their journey to the Republic of Moldova is characterized in this way: studies – 26,6 %; work – 32,0%; family immigration – 31,6% and other causes 9,8%¹⁰.

None less the Republic of Moldova politics toward local immigrants are quite discriminatory, because it people are not used to, many immigrants coming to our country, and internal immigration policy is not so diversified as in other countries. There are not so many programs dedicated to integrate immigrants on the territory of Republic of Moldova.

Opposite to the Republic of Moldova situation is in Italy. In Italy the Prime Minister of Italy – Andrea Riccardi, announced that the new born children on the Italian territory might get Italian citizenship.

In this context the Prime Minister of Italy, said that in Italy they have to recognize the right of citizenship not only in the moment of born of the Italian territory, for the foreign immigrants' sons, even though if their parents did not hold the citizenship.

The Prime Minister is firmly sure that he will insist upon this legislation modification and will fight for it as much as he can, because he stated „the solidarity and integrity culture in Italy have to increase more and more”.

For example in European Union countries, the political participation of immigrant groups has become a key policy issue in European cities. Local governments in cities as far apart as Athens, Barcelona, Birmingham, Brussels, Marseille, Lisbon and Paris are now making more and more efforts to incorporate their ethnic minorities into decision – making processes. Some cities have created consultative structures between the local government and immigrant populations to make it

⁷ Arcadie Barbarosie, director of IPP. [On-line]: www.ipp.md. (Visited on 07.08.2012).

⁸ Poll shows Moldovans losing interest in EU, warming up to Russian Federation. [On-line]: www.rferl.org/content/moldova_european_union_russia/24394351.html. (Visited on 07.08.2012).

⁹ National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova annual report of 2011. [On-line]: <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=3777&parent=0>. (Visited on 10.07.2012).

¹⁰ Statics dates of the Bureau of Migration and Asylum. [On-line]: www.bma.gov.md. (Visited on 21.12.2011).

easier for ethnic minorities to articulate their political preferences. In some countries, including Ireland, Sweden, Denmark, Norway and the Netherlands, resident non-citizens have been officially granted local voting rights¹¹.

Even though the Moldovan immigrants are complaining because of cruel attitude of the hosting countries as Russian Federation, European Union countries (Spain, France, Germany etc.) our citizens are less hospital too toward immigrants and in particular state's politics toward immigrants, the foreigners has a lot of barriers because of Minister of Internal Affairs, Minister of Foreign Affairs and European Integration, Local Police Offices bureaucracy.

National legal framework that settles migrants' rights is following comprised of:

1. Law no. 108 of 17.05.1994 regarding the state frontier;
2. Law. No. 1518 of 06.12.2002 regarding migration;
3. Law. No. 269 of 09.11.1994 regarding the exiting and entering the Republic of Moldova;
4. Law no. 275 of 10.11.1994 regarding the legal status of the foreign nationals and stateless persons in the Republic of Moldova;
5. Government Decision no. 376 of 6.06.1995 regarding additional measures to realize de National Passport System;
6. Law no. 180 of 10.07.2008 on labour Migration;
7. Law no. 1024 of 02.06.2000 on Moldovan Citizenship;
8. Government Decision no. 746 of 21.06.2003 regarding the education of foreign nationals and stateless persons in the Republic of Moldova education institutions;
9. Law no. 270 of 18.12.2008 regarding the asylum in the Republic of Moldova;
10. Government Decision no. 71 of 30.01.2004 on the creation of Migrants Accommodation Centre;
11. Information Development Ministry's Order no. 278/70 of 08.08.2008 regarding the approval of Instructions on providing documents of

humanitarian protection in RM with identity cards¹².

In European Union discrimination between nationals of Member States is prohibited by Article 6 of the Treaty. Article 6 states: „*Within the scope of application of this treaty, and without prejudice to any special provisions contained therein, any discrimination there in, any discrimination on grounds of nationality shall be prohibited*”¹³.

Furthermore the Race Relations Act 1976 highlighted: the political prejudice against further immigration was in large part the progenitor of laws against discrimination for the benefit of those who had already immigrated. Additionally the Regulation states: „Whereas the right of freedom of movement, in order that it may be exercised, by objective standards, in freedom and dignity, requires that equality of treatment shall be ensured in fact and in law in respect of all matters relating to the actual pursuit of activities as employed persons and to eligibility for housing, and also that obstacles to the mobility of workers shall be eliminated, in particular as regard the worker's right to be joined by his family and the conditions for the integration of that family into the host country”¹⁴.

On racism and discrimination, have been founded councils and organizations aimed to protect people against racism and discrimination.

- a) *The European Commission against Racism and Intolerance of the Council of Europe;*
- b) *La Ligue Internationale contre le Racisme et l'Antisémitisme (LICRA), France;*
- c) *SOS Racisme (France);*
- d) *UNITED for Intercultural Action - the European Network against nationalism, racism, fascism and in support of migrants and refugees;*
- e) *The European network against racism;*
- f) *The Internet Anti-racism Centre in Europe;*
- g) *The European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia (EUMC);*

¹² [Information Development Ministry's Order no. 278/70 of 08.08.2008 regarding the approval of Instructions on providing documents of humanitarian protection in RM with identity cards.](#) [On-line]: www.iom.md. (Visited on: 18.02.2012).

¹³ Maastricht Treaty. [On-line]: <http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>. (Visited on: 21.12.2011).

¹⁴ Race Regulations act 1976. [On-line]: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/74>. (Visited on: 20.12.2011).

¹¹ Meindert Fennema, Jean Tillie. Do immigrant policies matter? Ethnic civic communities and immigrant policies in Amsterdam, Liege and Zurich, see. Citizenship in European cities. Immigrants, Local Politics and Integration Policies. Aldershot, England: Ashgate Publishing Ltd, 2004, p. 85.

- h) *Minorities of Europe (MoE)*;
- i) *Young Women from Minorities (WFM)*.

A right to remain for education imports a right to a residence permits to remain for that activity: Community law will not permit a right to be rendered ineffective by a failure of the host State to grant the immigration per mission necessary to enjoy the benefit provided¹⁵. This disagreement between neighbours and founding members of the European Union began a new debate on the parameters of Schengen cooperation, not least when Member States might reintroduce internal border controls. The European Commission has published its suggested new rules, though an agreement has yet to be reached.

„Social advantage’ should be understood to mean all those advantages which, whether or not linked to a contract of employment, are generally granted to national workers because of their objectives status as workers or by virtue of the mere fact of their residence on the national territory and the extension of which to workers who are nationals of their Member States therefore seems likely to facility their mobility within the Community”¹⁶.

Poverty has a woman’s face; of the 1.3 billion poorest, only 30% are male. Poor women are often caught in a damaging cycle of malnutrition and disease. This plight stems directly from women’s place in the home, and in society¹⁷. The conclusion made by Shirin M. Rai is that global restructuring is affecting women’s lives in complex ways. First, the social compact between states and citizens, however fragile in the first instance, is being further endangered, and women are suffering the effects of this breakdown disproportionately to men. Second, global restructuring is opening up new areas of paid work for women under particularly difficult conditions, which include lack of labour codes as well as increased levels of responsibility for care. This increased burden is widening the gap between resources of well-being available to women and men. Finally, global restructuring is also widening the gap among women along class

lines, and between women of the North and South. Addressing this issue remains important for the legitimacy of feminist critiques of the mainstream economics that underlines the processes of global restructuring¹⁸.

Facing little support within the European Union, Italy summarily issued residence permits to approximately 22,000 Tunisian migrants - papers allowing them to move freely throughout much of Europe. In response, the French government moved to close its southern border with Italy and reinstated checks on trains¹⁹.

According to the Logos press Moldova the problem of migration is one of the key priorities collaboration of the European Union with neighbouring countries, - mentioned Dirk Lorenz, Political Officer for EU Delegation in Moldova. In the last five years in Moldova had been invested more than 800 mln Euros for developing of 300 projects in migration field. Moreover EU in collaboration with 15 countries – member of EU had implemented more than 85 bilateral and multilateral projects to help Moldova with the migration problem, strengthening of the borders and readmission of the persons, who had been illegally staying in EU. In the same manner Mr. Lorenz stated that EU politics towards Moldovan immigrants is focused on two interfered²⁰.

Recently it was published on-line a world report on sexual exploitation by Scelles Foundation of France, according to which: „seven out of ten women in the Republic of Moldova, aged between 15 and 25, have had sex for money at last once. Prostitution has become one of the most bothersome industries at world level reaching the number 40-42 million prostitutes, 90% of which work with a panderer. The reasons for the phenomenon are: poverty, war, family trouble. In Moldova for instance, which is a poor country, 70% of women sold themselves at least once, *Yves Charpenel, president of Scelles said*. Organized crime groups are the main beneficiaries of prostitution services, with annual profits estimated at 27.8 billion dollars, taking the third place after drug and weapon trafficking, the report also says. Western Europe currently has between

¹⁵ C-237/91 Kus (1992) ECR I-6781.

¹⁶ Case 207/78 *Ministere Public v. Even* (1979) ECR 2019, para. 22 and Case C-310/91 *Scmidt v. Belgian State* (1993) ECR I-3011 para 18.

¹⁷ Gro Harlem Brundtland. Reith Lecture 2000 on Health and Population. [On-line]: www.listeningtowords.com/location.php?id=14. (Visited on: 18.02.2012).

¹⁸ Shirin M.Rai. *Op. cit.*, p. 132.

¹⁹

[On-line]: <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?id=871>. (Visited on: 18.02.2012).

²⁰ Logos Press, 23 december 2011, nr. 47, *Trudovie migrant: iz Moldovi v Evrosoiuz I obratno*, p. 8.

one and two million prostitutes, most of them clandestine immigrants forced into this job. Most of the victims are from Balkans and Western Europe (Moldova, Romania, Ukraine, Belarus), but also from Nigeria and the Dominican Republic.

This report has been criticized by the youth non-governmental organizations from Moldova, and the data presented in the report are totally wrong, they are based on unknown questionnaires and reports, which might be qualified as national blame of the Moldovan young girls. They should apologize publicly for the publication of the false and defamatory information.

Moldovan woman are discriminated not only within the European Union borders but also within our own country. Many women in Moldova are as capable of contributing to the country's political life as their male counterparts, but cultural and social barriers are holding them back. There are many projects implemented to contribute in enlargement of woman's participation in political and cultural life. For instance, USAID Millennium Challenge Projects has one of the goals to achieve gender equality in politics. A new joint initiative, launched, 200 female candidates will receive leadership training on how to run an effective political campaign²¹. Women hold only 13% of district councillors' seats and 18% of mayors' posts. At the upper administrative level the discrepancy is even worse. Only one woman serves in the government, and less than one forth are in the parliament. It is not easy to encourage women, because of stereotypes, migration and poverty. People are sceptical about trusting women.

The above mentioned problems are just several examples and they might be the cause of other serious and grave problems for Republic of Moldova. For 20 years Republic of Moldova is facing state crisis and still we do not see any solution for the problems, there are only some signs. The society has to fight for our future and for our children's future.

Taking into account the presented arguments we came to the following conclusions:

a) It is our own power to educate a healthy and wealthy future generation, and in particular to set the problem of demography in the Republic of Moldova;

b) To aware our local citizens about the negative aspect of people emigration from the country;

c) To conclude bilateral agreements' in order to protect our citizens who emigrate from the country (for example Russia and Italy, or to revise present clauses and conditions);

d) To create favourable conditions for the migrants who are returning home;

e) The reports published on line, as for instance Scelles reports should be sued in the court and asked for caused damage - compensation.

Bibliography:

1. [On-line]: <http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cfm?id=871>. (Visited on: 18.02.2012).
2. Advocate General, F. G. Jacob. The legal framework and social consequences of free movement of persons in the European Union. Cambridge: Kluwer Law International, 2004. 80 p.
3. Arcadie Barbarosie, director of IPP. [On-line]: www.ipp.md. (Visited on: 07.08.2012).
4. C-237/91 Kus (1992) ECR I-6781.
5. Case 207/78 Ministere Public v. Even (1979) ECR 2019, para. 22 and Case C-310/91 Schmidt v. Belgian State (1993) ECR I-3011 para 18.
6. EU Border Assistance Mission. [On-line]: http://eeas.europa.eu/delegations/moldova/eu_moldova/index_en.htm. (Visited on: 07.08.2012).
7. Gro Harlem Brundtland. Reith Lecture 2000 on Health and Population. [On-line]: www.listeningtowords.com/location.php?id=14 (Visited on: 18.02.2012).
8. Information Development Ministry's Order no. 278/70 of 08.08.2008 regarding the approval of Instructions on providing documents of humanitarian protection in RM with identity cards. [On-line]: www.iom.md. (Visited on: 18.02.2012).
9. Logos Press, 23 december 2011, nr. 47, Trudovie migrant: iz Moldovi v Evrosoiuz I obratno.
10. Maastricht Treaty. [On-line]: <http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>. (Visited on: 21.12.2011).
11. Meindert Fennema, Jean Tillie. Do immigrant policies matter? Ethnic civic communities and immigrant policies in Amsterdam, Liege and Zurich, see. Citizenship in European cities. Immigrants, Local

²¹ Moldovan women struggle for equal rights in political life. [On-line]: http://setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/features/setimes/features/2011/05/25/feature-03. (Visited on: 18.02.2012).

Politics and Integration Policies. Aldershot, England: Ashgate Publishing Ltd, 2004. 160 p.

12. Moldovan women struggle for equal rights in political life. [On-line]: http://setimes.com/cocoon/setimes/xhtml/en_GB/features/setimes/features/2011/05/25/feature-03. (Visited on: 18.02.2012).

13. National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova annual report of 2011. [On-line]: <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ro&idc=168&id=3777&parent=0>. (Visited on: 10.07.2012).

14. Philip Martin. Migration research. Viena, Austria: ICMPD, 2012. 10 p.

15. Poll shows Moldovans losing interest in EU, warming up to Russian Federation. [On-line]:

www.rferl.org/content/moldova_european_union_russia/24394351.html. (Visited on: 07.08.2012).

16. Race Regulations act 1976. [On-line]: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/74>. (Visited on: 20.12.2011).

17. Shirin M.Rai. Gender and the Political Economy of Development. Cambridge, UK: Blackwell Publishers Ltd, 2004, 264 p.

18. Statics dates of the Bureau of Migration and Asylum. [On-line]: www.bma.gov.md. (Visited on: 21.12.2011).

19. The Manila Declaration on People's Participation and Sustainable development. In: Shirin M.Rai, p. 45 - 52.

Copyright© CARA-RUSNAC Aliona, 2012.

DEFINIȚIA DIPLOMAȚIEI ECONOMICE ÎN TEORIA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE

Nicolae CHIMERCIUC*

ABSTRACT: DEFINITION OF ECONOMIC DIPLOMACY IN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

In recent decades, the focus of international relations has shifted more towards the economy. Since then, the international policy needs effective mechanisms for interstate economic regulation. In this sense, in the field of diplomatic activity significantly increased the importance of a new type of diplomacy, namely "economic diplomacy".

The study of the conceptual notion of economic diplomacy at the present stage is a new issue of scientific research. Insufficient knowledge of the issue of economic diplomacy in the theory of international relations, the theory of foreign policy and political theory in general dictates its scientific relevance.

The author of this article set out the goal to explore the essence of the concept of economic diplomacy, and to offer its author's definition of this phenomenon, given the current realities, using the method of research of existing sources and specialized literature on the subject.

Key words: economic diplomacy, diplomatic activity, foreign policy, unilateral diplomacy, bilateral diplomacy, multilateral diplomacy.

РЕЗЮМЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последние десятилетия центр внимания международных отношений переместился в большей степени в сторону экономики. С этого момента, международная политика нуждается в эффективных механизмах по межгосударственному регламентированию экономики. В данном смысле, в области дипломатической деятельности существенно возросла важность нового типа дипломатии, а именно «экономической дипломатии».

Изучение концептуального понятия экономической дипломатии на современном этапе является новой проблемой научного исследования. Недостаточная изученность проблемы экономической дипломатии в теории международных отношений, теории внешней политики и политической теории в целом диктует ее научную актуальность.

Автор настоящей статьи поставил перед собой цель изучить сущность понятия экономической дипломатии, и предложить свое авторское определение этого феномена, учитывая современные реалии, используя метод исследования существующих источников и специализированной литературы по данной тематике.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, дипломатическая деятельность, внешняя политика, односторонняя дипломатия, двусторонняя дипломатия, многосторонняя дипломатия.

* **CHIMERCIUC Nicolae** - Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova); **CHIMERCIUC Nicolae** - PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova); **КИМЕРЧУК Николай** - Аспирант, Институт Истории, Государства и Права, Академия Наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

Diplomația economică, fiind o parte componentă a diplomației ca atare, se referă la activitatea statelor pe plan extern, iar scopurile și sarcinile acesteia sunt stabilite de politica externă. Diplomația economică ca un set al măsurilor pașnice are ca scop asigurarea, apărarea și promovarea intereselor economice ale unui stat în activitatea sa internațională, iar în contextul sporirii interdependenței economiilor statelor crește importanța și rolul acesteia în acordarea sprijinului necesar pentru agenții economici naționali care își dezvoltă afacerile pe teritoriul altor state.

Însă, înainte de a trece la examinarea diplomației economice se consideră oportun de a aborda conceptul politicii externe și cel al diplomației tradiționale, ceea ce ne va ajuta în continuare să sesizăm caracterul specific al fenomenului propus spre cercetare. Așa dar, politica externă ca un element important al teoriei relațiilor internaționale constituie „cursul general al unui stat în treburile internaționale. Aceasta reglementează relațiile statului în cauză cu alte state și popoare în conformitate cu principiile și scopurile acestuia, care se realizează prin diferite mijloace și metode”¹. Politica externă a unui stat presupune stabilirea scopurilor care pot fi atinse cu ajutorul diferitor mijloace. Întotdeauna scopurile tradiționale, și considerăm că cele mai importante, ale unui stat se refereau la asigurarea securității și prosperității acestuia. Pentru realizarea scopurilor în cauză statul are la dispoziție mijloace militare și nemilitare. Mijloace cu caracter militar au la bază ducerea luptei directe împotriva altor state sau desfășurarea campaniilor militare de diferite dimensiuni. La rândul său, diplomația reprezintă un mijloc nemilitar în promovarea politicii externe a unui stat.

În lucrarea sa „Diplomația modernă: teorie și practică” cercetătorul rus Popov aduce următoarele definiții ale diplomației: „diplomația – știința despre relații externe, în baza căreia stă studierea diplomelor și altor acte scrise, emise de către suverani”. Altă definiție specifică că „diplomația este știința despre relații externe sau treburile internaționale ale unui stat sau arta de coordonare reciprocă a intereselor popoarelor, iar

în sensul mai precis – știința sau arta negocierilor”². Atragem atenție la faptul că în definițiile propuse diplomația este numită știință. Însă, trebuie să menționăm că în cazul dat diplomația ca știință trebuie să îndeplinească trei condiții, și anume: să conțină obiect separat al științei, precum și propriile legi și metode. Totodată, nu putem da răspuns clar la această întrebare, deoarece diplomația ca fenomen poate fi atribuită atât istoriei, cât și dreptului internațional, relațiilor internaționale, precum și teoriei situațiilor conflictuale.

Potrivit lui Melissen diplomația este „mecanismul de reprezentare, comunicare și negociere prin care statele și alți actori internaționali conduc afacerile lor”³. De la prima vedere, devine clar că această noțiune este foarte generală și nu descrie caracteristicile și elementele particulare ale esenței acesteia.

Definiția diplomației economice propusă în Dicționarul diplomatic⁴ se dovedește a fi cea mai reușită. Potrivit acestei surse diplomația este „un mijloc de realizare a politicii externe a unui stat, care reprezintă prin sine un ansamblu al acțiunilor, procedeele și metodelor practice nemilitare, care se utilizează ținând cont de condițiile concrete și caracterul sarcinilor puse; activitatea oficială a șefilor statelor și guvernelor, miniștrilor afacerilor externe, departamentelor privind afacerile externe, reprezentanților peste hotare, delegațiilor la conferințe internaționale, pentru realizarea scopurilor și obiectivelor politicii externe a statului, sprijinirea drepturilor și intereselor statului, instituțiilor și cetățenilor acestuia peste hotare”. Formularea în cauză evidențiază foarte explicit asemenea categorii ca politica externă, scopurile, mijloacele și caracterul pașnic al acestora, activitatea oficialilor de rang înalt, precum și a instituțiilor specializate în afara țării. Astfel, ca alternativa războiului, diplomația este un complex al mijloacelor nemilitare de influență directă între state, care este folosit pe timp de pace pentru atingerea scopurilor vitale ale unui stat.

¹ Жуков В.И., Краснов Б.И. Общая прикладная политология: учебное пособие. Москва: Союз, 1997, с. 165.

² Попов В.И., Современная дипломатия: теория и практика. Часть первая – наука и искусство. Москва: Научная книга. 2000, с. 14.

³ Melissen Jan, Innovation in diplomatic practice. London: Macmillan. 1999, p. xvi - xvii.

⁴ Громько А.А. Дипломатический словарь: в трех томах. Москва: Наука. 1984, с. 327.

Cercetătorul Țigankov menționează următoarele forme moderne ale diplomației⁵: diplomația parlamentară – reuniunile organelor internaționale cu participarea permanentă a reprezentanților oficiali ai statelor, diplomația directă – întrevederile oficialilor de rang înalt, diplomația unilaterală – contacte directe ale șefilor de stat sau ale reprezentanților lor, diplomația multilaterală – comunicare prin intermediul organizațiilor internaționale, ca de exemplu ONU.

În același timp, Țigankov menționează despre „comercializarea” diplomației, ceea ce presupune trecerea centrului de greutate de la problemele politice și militare la cele legate de formarea uniunilor internaționale, scopul cărora fiind cucerirea noilor piețe de desfacere și atragerea investițiilor. Astfel, se mărește rolul guvernatorilor băncilor naționale, miniștrilor economiei și finanțelor, care recent se ascundeau în umbra ministerelor afacerilor externe. Totodată, participanții neguvernamentali, precum mass media, corporații transnaționale, companii investiționale, operatorii pe piețe valutare, directorii băncilor comerciale la fel au o implicare activă în acest proces.

Diplomația economică este un termen relativ nou care a evoluat în urma schimbărilor rapide pe arena internațională pentru a reflecta necesitățile și interesele principale noi ale statelor. În special, ne referim la procesul de globalizare accelerată care în ultimii decenii influențează tot mai mult statele lumii și stau la baza regândirii priorităților politicii externe ale acestora, punând accent primordial pe aspecte economice. De asemenea, actorii implicați direct sau indirect în promovarea intereselor naționale de stat au devenit mai complexe. Ca rezultat rolul extraordinar al Ministerului Afacerilor Externe ca „un singur punct de legătură între mediu intern și extern” a fost pus sub semnul întrebării, cum au remarcat cercetătorii Manojlovic și Thornheim⁶.

Actualmente mai mulți cercetători și analiști folosesc noțiunea „diplomația economică” pentru a reflecta în lucrările sale științifice procesele și evoluțiile recente care au loc pe plan internațional. Unii dintre ei o descriu ca pe o direcție științifică

separată ce studiază în complexitate relațiile economice internaționale și diplomația, interacționând și influențând astfel politica externă a unui stat. Totodată, în majoritatea cazurilor conceptul diplomației economice este interpretat foarte larg. Până în prezent granițele domeniului dat de cercetare rămân a fi neclare, iar obiectul lui este tot mai des asociat cu disciplinele economice, politice, diplomatice sau strategice ale relațiilor internaționale. Vom încerca să examinăm definiții existente ale noțiunii „diplomația economică” și să determinăm formularea cea mai apropiată de realitatea fenomenului în cauză prin depistarea limitelor și caracteristicilor celor mai principale ale acesteia.

De exemplu, savantul Rîbalkin definește diplomația economică ca: „un domeniu specific al activității diplomatice moderne, care implică utilizarea problemelor economice drept obiect sau mijloc de luptă și de cooperare în relațiile internaționale. Diplomația economică, ca și diplomația tradițională, în general, este parte componentă a politicii externe, a activităților internaționale ale unui stat; anume politica externă definește obiectivele și sarcinile diplomației economice, care reprezintă un set de evenimente, forme, instrumente și tehnici utilizate pentru a pune în aplicare politica externă”⁷. În linii generale această definiție practic nu se deosebește de noțiunea diplomației tradiționale. Totodată, este reliefată importanța aspectelor economice în activitatea diplomatică modernă, care se dovedesc a fi elementul de bază al cooperării internaționale.

Cercetătorii Berridge și James afirmă că „diplomația economică este preocupată de problemele politicii economice, de exemplu activitatea delegațiilor în cadrul organizațiilor care stabilesc standarde cum ar fi OMC și Banca Reglementelor Internaționale (BRI). Diplomații economici monitorizează și raportează despre politica economică în țările străine și dau sfaturi guvernelor de acasă la capitolul cum să le influențeze. Diplomația economică folosește resursele economice drept recompense și sancțiuni în ceea ce privește urmărirea unui anumit obiectiv de politică externă”⁸. Autorii definiției sus-nominalizate confirmă schimbările

⁵ Цыганков П.А. Теория международных отношений. Москва: Гардарики. 2003, с. 276 - 277.

⁶ Manojlovic, M., Thornheim, Cross roads of diplomacy: new challenges, new solutions. The Hague: Netherlands Institute of International Relations „Clingendael”, 2007, p. 12.

⁷ Рыбалкин В. Е. Краткий внешнеэкономический словарь-справочник. Москва: Международные отношения, 1996, с. 220 - 221.

⁸ Geoff Berridge; Alan James. A Dictionary of Diplomacy. Hampshire: Palgrave Publ., 2001, p. 81.

ce au loc în ultimul timp pe plan internațional în domeniul economic, în special, subliniind întărirea statutului organizațiilor internaționale cu caracter financiar și economico-comercial. Referindu-se la activitatea diplomaților economici, Berridge și James dau exemplul acțiunilor acestora fiind, în opinia noastră, foarte logice: colectarea informației despre economia și tendințele ei în alte state după care raportarea acesteia conducerii statului pe care ei îl reprezintă, iar ultimul pas fiind prezentarea, aprobarea și, în final, realizarea propunerilor privind atingerea anumitor scopuri de politică externă cu atragerea, inclusiv, a resurselor economice disponibile.

Savantul Rana definește diplomația economică ca „procesul prin care statele se tamponează cu lumea exterioară, pentru a maximiza profitul național în toate domeniile de activitate inclusiv comerț, investiții și alte forme de schimburi benefice din punct de vedere economic, când acestea au avantajul comparativ; aceasta are dimensiuni bilaterale, regionale și multilaterale”⁹. Rana subliniază divizarea mediului intern al unui stat suveran și al celui extern care se află în afara granițelor naționale. Interacțiunea acestor două medii are drept scop aducerea beneficiilor economice statului. Sunt concretizate domeniile de activitate cum ar fi cel comercial și de investiții, precum și nivelurile de largire.

Cercetătorul Grișin în articolul său științific „Democrația economică: cazul suedez” descrie diplomația economică ca „o formă a relațiilor politice și economice, orientate spre realizarea intereselor naționale economice ale unui stat”¹⁰. La fel este o definiție foarte scurtă și suprasintetizată. Totodată, autorul îmbină relațiile politice și economice, ambele, în opinia sa, fiind destinate atingerii obiectivelor economice vitale ale statului.

Un alt cercetător, Șetinin, accentuează că diplomația economică este direcționată spre „asigurarea intereselor naționale și crearea avantajelor în domeniul relațiilor economice internaționale, consolidarea competitivității și securității economice a statului în condițiile globalizării și deschiderii crescătoare a economiei

autohtone, cu alte cuvinte, spre prevenirea, preîntâmpinarea sau depășirea riscurilor externe pentru dezvoltarea echilibrată și stabilă, care în cele din urmă va contribui la creșterea nivelului și calității de viață a poporului”¹¹. Șetinin apreciază ultimele evoluții în domeniul relațiilor internaționale, și anume procesele de globalizare accelerată, drept o amenințare sau provocare pentru economiile naționale. Potrivit cercetătorului, în condițiile principale noi de nivel global în sarcina diplomației economice este pusă asigurarea securității economice a statelor suverane, precum și garantarea dezvoltării durabile a acestora în continuare, căutarea avantajelor, posibilităților pentru sporirea competitivității economiilor autohtone.

Prin urmare, ca consecință a participării tot mai active a șefilor sau conducătorilor instituțiilor de stat cu caracter financiar-economic la stabilirea și realizarea priorităților economice ale politicii externe a statului, se observă procesul de „comercializare” a diplomației. În acest context, în ultimul timp tot mai mulți cercetători în domeniul relațiilor internaționale folosesc noțiunea „diplomația economică” în scopul reflectării mai adecvate și mai precise a realității și tendințelor relațiilor internaționale. Totodată, având în vedere gradul inferior de cunoaștere a subiectului acestuia, majoritatea cercetătorilor folosesc termenul în cauză într-un sens foarte larg. Unii dintre ei în linii generale nu fac mare diferență între diplomația tradițională și cea economică, acordând ultimei statutul activității specifice a diplomației ca atare. Alții ajung la concluzia că diplomația economică în mare parte se referă la științe economice, scopul căreia este asigurarea avantajelor economice și consolidarea competitivității economiei naționale. Însă, consider că nici unii dintre ei nu propun o definiție mai mult sau mai puțin complexă a noțiunii diplomației economice care ar putea fi luată ca bază.

Astfel, autorul propune următoarea definiție a noțiunii diplomației economice, care, în opinia sa, este o ramură specializată a diplomației tradiționale, care intră în componența mijloacelor și instrumentelor nemilitare a politicii externe a statului. Sarcinile acesteia sunt protejarea intereselor economice externe a statului. Diplomația economică este promovată de către

⁹ Kishan S Rana. *Economic diplomacy: the experience of developing states*. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007, p. 201.

¹⁰ Гришин И.В. Экономическая демократия: шведский казус. В: *Мировая экономика и международные отношения*. 2006, № 5, с. 43.

¹¹ Щетинин В.Д. *Экономическая дипломатия*. Москва: *Международные отношения*. 2001, с. 46.

oficialii de rang înalt, miniștrii afacerilor externe, și mai ales de către miniștrii economiei și finanțelor, guvernatorii băncilor naționale în cadrul reuniunilor bilaterale, regionale sau internaționale, în scopul sprijinirii dezvoltării durabile a economiei naționale în condițiile interdependenței amplificatoare a actorilor statali ai relațiilor internaționale.

Totodată, se consideră necesar de a menționa că termenul și esența diplomației economice sunt puțin cercetate. În condițiile concurenței sporite între economiile statelor, necesitatea perfecționării cunoștințelor privind diplomația economică va avea mai multă importanță.

Bibliografie:

1. Жуков В.И., Краснов Б.И. Общая прикладная политология: учебное пособие. Москва: Союз, 1997. 992 с.
2. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Часть первая – наука и искусство. Москва: Научная книга. 2000. 576 с.
3. Melissen Jan. Innovation in diplomatic practice. London: Macmillan. 1999. xxxiii + 267 p.
4. Громько А.А. Дипломатический словарь: в трех томах. Москва: Наука. 1984. 424 с.
5. Цыганков П.А. Теория международных отношений. Москва: Гардарики. 2003. 590 с.
6. Manojlovic M., Thornheim. Cross roads of diplomacy: new challenges, new solutions. The Hague: Netherlands Institute of International Relations „Clingendael”, 2007. [On-line]: http://www.clingendael.nl/publications/2007/20071000_cdsp_paper_manojlovic.pdf. (Visited on: 09.09.2012).
7. Рыбалкин В. Е. Краткий внешнеэкономический словарь-справочник. Москва: Международные отношения, 1996. 89 с.
8. Geoff Berridge; Alan James. A Dictionary of Diplomacy. Hampshire: Palgrave Publ., 2001. x + 270 p.
9. Kishan S Rana Economic diplomacy: the experience of developing states. Hampshire: Ashgate Publishing, 2007.
10. Гришин И.В. Экономическая демократия: шведский казус. В: Мировая экономика и международные отношения. 2006, № 5, с. 40 – 52.
11. Щетинин В.Д. Экономическая дипломатия. Москва: Международные отношения. 2001. 280 с.

Copyright© CHIMERCIC Nicolae, 2012.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕЙ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Иванна ЕДГАРОВА*

ABSTRACT: THE DEVELOPMENT OF LEGAL WELFARE OF THE EU COMMON FISHERIES POLICY

It should be noted that the issue of the development of the Common Fisheries Policy of the European Union (hereinafter – CFP EU) appeared in 1957. The necessity of creation PPR EC. According to the Article 38 of the Treaty of Rome, signed in 1957, known more often as the Treaty establishing the European Economic Community, the necessity of creation of the CFP was determined namely by that treaty. Perhaps no other EU policies hadn't caused such a criticism and attracted more public attention as the CFP EU. So, that, what had begun earlier as a set of tools that were used to preserve the traditional models of fishing and the removal of a small amount of tension between states on the use of seas, for today is a complex of set of regulations. In this context, we emphasize that these should help to address a wide range of tasks - from the protection of natural resources and the environment to ensure a sufficient number of jobs and border security. Certainly, social, economic, environmental and political factors had a major impact on the creation and development of the PPR EC.

The history of Legal Support of CFP has a long and complicated way, and today more than 870 legal acts were signed in this field. However, analyzing the data on the existing legal framework, this article examines the stages of its formation and development.

Key words: *the Common Fisheries Policy of the European Union (CFP EU), legal support, fishing, fishery products, aquaculture.*

REZUMAT: DEZVOLTAREA REGIMULUI JURIDIC CU PRIVIRE LA POLITICIILE COMUNE ALE UNIUNII EUROPENE ÎN DOMENIUL PESCUITULUI

Este necesar de remarcat că dezvoltarea politicii comune a pescuitului în Uniunea Europeană (în continuare – PCPUE) a apărut în anul 1957. În conformitate cu articolul 38 din Tratatul de la Roma privind instituirea Comunității Europene, a fost identificată necesitatea de PCPUE. Nici una din politicile UE nu a provocat o astfel de critică și nu a atras atenția opiniei publice atât de puternic ca PCPUE. Deci, ceea ce a început ca un set de instrumente care au fost folosite pentru a păstra tiparele tradiționale de pescuit și de a soluționa situațiile de stres între un număr mic de statele cu privire la utilizarea mărilor, astăzi a devenit un set complex de legi și reglementări. În acest context, subliniem că acesta din urmă ar trebui să ajute la soluționarea unei game largi de sarcini privind protecția resurselor naturale și mediului, asigurarea cu suficiente locuri de munca cât și protecția frontierelor. Desigur, că factorii sociali, economici, ecologici și politici au avut un impact major asupra creării și dezvoltării politicilor comune a pescuitului în Uniunea Europeană.

Istoria politicilor comune a pescuitului în Uniunea Europeană a parcurs o cale lungă și dificilă, și astăzi mai mult de 870 acte juridice sunt rezultatul acesteia. Acest articol analizează stadiile de formare și dezvoltare

* **EDGAROVA Ivanna** - Șef secție Relații internaționale a Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei, Doctorand, Catedra administrare publică și management a AAP de pe lângă Președintele Ucrainei, (Kiev, Ucraina); **EDGAROVA Ivanna** - Head of the International Relations Department of the Kyiv University of Law of the National Academy of Sciences of Ukraine, Doctoral Candidate, National Academy of Public Administration under the President of Ukraine (Kiev, Ukraine). **ЕДГАРОВА Иванна Владимировна** - Заведующая отделом международных связей и грантов Киевского университета права Национальной академии наук, аспирант Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (Киев, Украина).

politicilor comune a pescuitului in Uniunea Europeană în baza analizei datelor privind cadrul de reglementare existent.

Cuvinte cheie: politica comună de pescuit a Uniunii Europene (PCPUE), securitate juridică, pescuit, produse din pește, acvacultură.

Ключевые слова: *Общая Рыболовственная Политика Европейского союза (ОРП ЕС), правовое обеспечение, рыболовство, рыбная продукция, аквакультура.*

Вопрос разработки Общей Рыболовственной Политики Европейского союза (далее – ОРП ЕС) возник еще в 1957 году, когда в статье 38 Римского договора о создании Европейского сообщества, была определена необходимость создания ОРП. Пожалуй, ни одна из других политик ЕС не вызывала такой критики и не привлекла большего публичного внимания, как ОРП ЕС¹. Ведь то, что начиналось как набор инструментов, которые использовались для сохранения традиционных моделей рыбной ловли и снятие напряжения между небольшим количеством государства в отношении использования морей, на сегодня является сложным комплексом нормативно-правовых актов, которые должны способствовать решению широкого спектра задач – от защиты природных ресурсов и окружающей среды до обеспечения достаточного количества рабочих мест и охраны границ². Безусловно, что на создание и развитие ОРП ЕС оказали влияние такие социальные, экономические, экологические и политические факторы, как:

- дисбаланс интересов стейкхолдеров, в том числе профессиональных организаций, негосударственных региональных и субрегиональных отраслевых организаций, производителей на национальном и транснациональном уровнях, прибрежных сообществ, потребителей, органов власти, и т.п.;

- увеличение масштабов незаконного, неподотчетного и нерегулируемого рыболовства;

- процессы адаптации норм законодательства, регулирующих отношения в сфере рыболовственной и морехозяйственной деятельности потенциальных государств-членов ЕС;

- необходимость эффективной реализации отношений с государствами, не входящими в ЕС, но являющимися партнерами ЕС в рамках международных договоров в сфере научного, технического, экономического и иных видов сотрудничества;

- обеспечение продовольственной безопасности в условиях истощения ресурсов;

- вступление ЕС во Всемирную организацию торговли;

- влияние финансового кризиса;

- глобализация национальных экономик;

- возросшие требования потребителей к качеству рыбной продукции;

- появление новых игроков и новой продукции на европейском рынке;

- изнашивание рыбопромышленного флота и несоответствие его технических характеристик и орудий лова новым требованиям;

- необходимость обеспечения предприятий аквакультуры качественными кормами и лекарствами, и т.д.

Таким образом, возникла объективная необходимость в создании действенной ОРП ЕС, а также в разработке инструментов уникального правового регулирования этой политики, способного обеспечить реализацию ОРП ЕС с учетом всех вышеперечисленных факторов.

История правового обеспечения ОРП ЕС имеет долгий и сложный путь, и на сегодня её результатом является более чем 870 правовых актов. Вместе с тем, анализируя данные относительно существующей нормативно-правовой базы, этапы её становления и развития можно разделить на 3 основных периода, а именно:

¹ Indrani Lutchman, Chris Grieve, Sophie des Clers, Elizabeth De Santo. Towards a reform of the Common fisheries policy in 2012 – a CFP health check. [On-line]: http://www.ieep.eu/assets/440/cfp_healthcheck.pdf. (Дата посещения: 09.09.2012).

² European Commission: Fisheries. Reform of the common fisheries policy. [On-line]: http://ec.europa.eu/fisheries/cfp/index_en.htm. (Дата посещения: 09.09.2012).

I этап – 1970 - 2002 гг. В 1970 году шестью государствами-членами Европейского Сообщества были приняты первые нормативно-правовые акты, касающиеся организации общего рыбного рынка. Все последующие члены Европейского Сообщества приняли общие принципы ОРП, которыми предполагался равный доступ к участкам промысла (хотя у Великобритании есть уступка, которая дает рыбакам Великобритании эксклюзивные права на рыболовство до шести миль от ее берегов).³

Несколько позже, в 1983 году были определены в правовом поле такие понятия ОРП, как «общий допустимый улов», квоты на вылов определенных видов рыбы и морепродуктов, минимальные размеры сетей. А в 1991 году был создан прецедент, позволяющий национальным флотам регистрировать свои суда и приобретать квоты в других государствах-членах Европейского Сообщества во избежание ограничений рыболовства.

С 1992 года были приняты правовые акты, обязывающие членов ЕС уменьшить так называемые «рыболовные усилия» через пересмотр количества рыболовных судов, работающих в рамках национального флота каждой страны.

Деятельность органа, управляющего рыбохозяйственной деятельностью ЕС (рыболовством и аквакультурой), была урегулирована в правовом поле Решением Комиссии ЕС в июле 1999 года путем создания Комитета Советников по вопросам рыболовства и аквакультуры.

Одним из наиболее значительных событий в правовом поле, обеспечивающем реализацию ОРП, было принятие в 2000 году регламента, предусматривающего создание общей организации рынков продукции рыбной промышленности и аквакультуры. Система общей организации вышеназванных рынков получила дальнейшее развитие в последующих нормативно-правовых актах и модернизируется по сегодняшний день.

Определяющим для ОРП ЕС документом стала принятая в 2001 году Зеленая книга ЕС «Будущее ОРП». Этот нормативно-правовой

акт предусматривал не только единые принципы ОРП, но также её подходы, направления, механизмы и инструменты.

Вместе с тем, ОРП ЕС на своем пути реализации встретила все возрастающее количество проблем, к которым относились: быстрые темпы роста европейского океанического флота; чрезмерно большое количество управленческих решений на европейском и национальном уровнях, которые, однако, имели краткосрочное действие и зачастую принимались под политическим давлением; отсутствие долгосрочной стратегии. Более того, некоторые правовые акты не соблюдались, поскольку они были достаточно сложны для реализации либо не была предусмотрена процедура их реализации в рамках национальных законодательств. Но основная проблема имела морально-этический характер – отсутствие доверия между стейкхолдерами и юристами, создающими правовые акты. Для решения ряда вопросов, связанных с вышеописанной ситуацией, Совет ЕС принял в марте 2000 года регламент, предполагающий реализацию более близкого диалога между отраслью рыбного хозяйства и группами интереса, участвующими в ОРП. Однако влияние этой ситуации было настолько сильным, что ОРП ЕС требовала наивысшего пересмотра и реформирования, которое началось с 2002 года.

II этап – 2002- 2012 гг.:

ОРП ЕС была пересмотрена в 2002 году, а результаты этого анализа были представлены в январе 2003 года. Основные реформы ОРП ЕС предусматривали следующие направления⁴:

- Долгосрочный поход вместо ежегодных мероприятий, касающихся рыболовных возможностей;
- Новые механизмы уменьшения количества рыболовных судов;
- Более строгие санкции против нарушителей регламентов и правил;

³ The Common Fisheries Policy. EU Facts. [On-line]: <http://www.civitas.org.uk/eufacts/FSPOL/AG5.htm>. (Дата посещения: 08.09.2012).

⁴ The Common Fisheries Policy (CFP): a brief history. [On-line]: http://www.global-vision.net/facts/fact9_3.asp. (Дата посещения: 08.09.2012).

- Вовлечение стейкхолдеров, особенно рыбопромышленников, в процесс реализации ОРП.

Наиболее важными с точки зрения организации работы рыболовного флота стало определение в правовом поле ЕС реестра рыболовного флота ЕС (2004 год) и управления лицензиями на осуществление рыболовной деятельности (2005-2006 гг.).

В направлении создания структур, управляющих ОРП ЕС в 2006 году был создан Европейский Рыбохозяйственный Фонд, целью которого было финансирование мероприятий, предусмотренных ОРП.

Особое место в списке правовых актов в сфере ОРП ЕС занимает Зеленая книга ЕС «Про будущую Морехозяйственную политику для ЕС: европейское видение для океанов и морей», представлена Комиссией ЕС в 2006 году. Позднее новая политика стала известна как «Интегрированная морехозяйственная политика ЕС» (далее – ИМП). В свою очередь, произошли изменения и по управлению ОРП и ИМП – Комиссией ЕС был учрежден Генеральный Департамент по вопросам морехозяйственной и рыбохозяйственной политики ЕС.

Однако реформа 2002 года не достигла своих целей.

Как признала Европейская комиссия, основным промахом реформы было отсутствие инструментов, предупреждающих избыточный вылов, который достиг таких размеров, отчего до сих пор страдает большинство рыбодобытчиков ЕС.

Также ОРП предусматривает, что ресурсы ЕС могут быть использованы любым национальным флотом путем приобретения квот и контроля общего допустимого улова. Вместе с тем, поскольку распределением квот занимались местные органы власти, то успех реализации ОРП стал зависеть от уровня сознательности властей на национальном уровне. Результатом незначительного и медленного внедрения правовых норм ОРП национальными правительствами стало катастрофическое уменьшение рыбных запасов ЕС. Примером этому могут служить миллионы тонн выброшенного в воду прилова – мертвой рыбы, виды которой не соответствуют выданной квоте на вылов определенного вида рыб. Для предотвращения

нелегального выброса прилова была предложена схема мероприятий по сохранению запасов, представленная в 2007 году.

Позднее, в 2008 году был принят регламент о создании системы ЕС по предотвращению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыболовства (далее – ННН-рыболовство). Основными мерами, согласно вышеназванной системе, стали внедрение сертификата вылова и создание списка судов, уличенных в ННН-рыболовстве и торговле незаконно добытой продукцией. Однако реализация данного правового акта вызвала острые дискуссии как внутри ЕС, так и за его пределами. Для эффективного выполнения правовых норм, предусмотренных системой ЕС по предотвращению, сдерживанию и ликвидации ННН-рыболовства, на протяжении 2009-2011 годов были приняты нормативно-правовые акты, определяющие административные, процедурные и прочие аспекты.

Однако успех реализации некоторых инструментов реформированной ОРП не принес ощутимых результатов. Поэтому закономерным стал вопрос о правовой реформе ОРП ЕС. Начиная с 2009 года, Европейская Комиссия начала широкие публичные дебаты относительно видения государств-членов ЕС по дальнейшему реформированию и реализации ОРП. Результаты этих дебатов вошли в предложения Европейской Комиссии, которые были представлены Европейской Комиссией в июле 2011 года. Эти предложения предусматривают и создание новой структуры – Европейского морехозяйственного и рыбохозяйственного фонда, действие которого предусматривается на период 2014-2020 гг. Такой подход был связан с осознанием того, что рыбная промышленность не может находиться в изоляции от проблем морского хозяйства. Поэтому новый этап реформирования ОРП неразрывно связан с ИМП, стратегической целью которой является развитие прибрежных регионов⁵.

III этап – 2012 год и по настоящее время.

⁵ Common Fisheries Policy: User's Guide. [On-line]: http://ec.europa.eu/fisheries/documentation/publications/pcp_2008_en.pdf. (Дата посещения: 08.09.2012).

Целью новой реформы ОРП стало стабильное, долгосрочное обеспечение жителей ЕС здоровой и безопасной продукцией. Достижение этой цели предполагает выполнение таких задач, как новое управление рыбным хозяйством, прекращение субсидирования и предоставление новых возможностей для обеспечения рабочими местами и развития прибрежных регионов. В тоже время, ОРП ЕС предусматривает повышение уровня ответственности в отрасли за хорошее управление морями.

В июне 2012 года Совет по вопросам аграрной и рыбохозяйственной политики ЕС провел встречу по вопросу обсуждения предложений относительно реформирования⁶. Совет рассмотрел основной компромисс, касающийся основных положений ОРП и правил организации рынков рыбной продукции и продукции аквакультуры, а также сделал значительный шаг, определив Максимальный Устойчивый Улов (с 2015 по 2020 гг.) и подписав запрет на сбрасывание прилова в воды. Положения, касающиеся обеспечения Максимального Устойчивого Улова, предполагается реализовывать через мероприятия по сохранению и лучшему управлению ресурсами, которые будут отражаться в долгосрочных планах, а также путем децентрализации процесса принятия решений и учета региональных особенностей. Также предложены мероприятия, касающиеся аквакультуры. В части Общей Организации Рынков рыбной продукции и продукции аквакультуры, были предусмотрены меры по обеспечению прозрачности, эко-маркировке и улучшению информации для потребителей. А миссией новой, реформированной ОРП, определено прекращение сверх-вылова и обеспечение экономической, экологической и социальной стабильности рыбной отрасли ЕС.

Далее, в течение 2012 года, предложения будут обсуждены в Европейском Парламенте и Совете. Реформированная ОРП вступит в силу с 2013 года.

⁶ EU Ministers reach general compromise on the main proposals for reforming the Common Fisheries Policy. [On-line]: http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/damanaki/headlines/press-releases/2012/06/20120612-1_en.htm. (Дата посещения: 08.09.2012).

Подводя итог, необходимо сказать, что на сегодня правотворческая деятельность в сфере ОРП ЕС весьма интенсивна, а её задачи определяются приоритетными направлениями ОРП:

- обеспечение устойчивости такой рыбохозяйственной деятельности ЕС, которая не вредит морской окружающей среде;
- обеспечение национальных органов власти инструментами контроля реализации вышеуказанных правил;
- осуществление мониторинга численности рыболовного флота ЕС и предупреждение дальнейшего его роста;
- обеспечение финансовой и технической поддержки инициатив, способных обеспечить динамику стабильности индустрии;
- сотрудничество государства-членов ЕС с международными отраслевыми организациями и государствами, не входящими в ЕС;
- помощь производителям, перевозчикам и распространителям в определении справедливой цены на производимые ими товары, работы и услуги, а также повышение доверия потребителей к качеству продукции;
- поддержка динамики развития сектора аквакультуры ЕС;
- финансирование научных исследований и сбора данных для обеспечения весомой базы политики, разработки и принятия решений.

Таким образом, правовое обеспечение ОРП ЕС, как и сама ОРП в целом, до сегодняшнего дня остается одной из наиважнейших, интереснейших и весьма проблемных составляющих политико-правовой системы ЕС.

Библиография:

1. Common Fisheries Policy: User's Guide. [On-line]: http://ec.europa.eu/fisheries/documentation/publications/pcp2008_en.pdf. (Дата посещения: 08.09.2012).
2. EU Ministers reach general compromise on the main proposals for reforming the Common Fisheries Policy. [On-line]: http://ec.europa.eu/commission_2010-2014/damanaki/headlines/press-releases/2012/06/20120612-1_en.htm. (Дата посещения: 08.09.2012).
3. European Commission: Fisheries. Reform of the common fisheries policy. [On-line]:

http://ec.europa.eu/fisheries/cfp/index_en.htm. (Дата посещения: 09.09.2012).

4. Indrani Lutchman, Chris Grieve, Sophie des Clers, Elizabeth De Santo. Towards a reform of the Common fisheries policy in 2012 – a CFP health check. [On-line]:

http://www.ieep.eu/assets/440/cfp_healthcheck.pdf.

(Дата посещения: 09.09.2012).

5. The Common Fisheries Policy (CFP): a brief history. [On-line]: <http://www.global->

vision.net/facts/fact9_3.asp. (Дата посещения: 08.09.2012).

6. The Common Fisheries Policy. EU Facts. [On-line]:

<http://www.civitas.org.uk/eufacts/FSPOL/AG5.htm>.

(Дата посещения: 08.09.2012).

Copyright© EDGAROVA Ivanna, 2012.

О ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОМЕРНОСТЬ»

Людмила ТАРАСОВА*

ABSTRACT: ON THE LEGAL DEFINITION OF THE CONCEPT OF „VALIDITY”

The concept of lawfulness is one of the most important in jurisprudence. However, there are some disputes regarding the legal definition of this object. The author described the main features and characteristics of the lawfulness in internal and international law, analyzed the correlation between legality and legitimacy and propose to define the lawfulness as the principle and method of law subject's functioning, the regime of public relations, which satisfy the rules of law, the criteria of realness and reasonableness, the norms of justice and morality, the social and democratic standards.

Key words: lawfulness, legality, legitimacy, reasonableness, justification, fairness

REZUMAT: DEFINIȚIA JURIDICĂ A CONCEPTULUI DE "VALIDITATE"

Definiția juridică a conceptului de „validitate” este unul dintre problemele-cheie în jurisprudența. Cu toate acestea, în știința juridică continuă dezbaterile privitor la definiția termenului. Analizând principalele caracteristici și particularități ale legalității în dreptul intern și internațional, studiind raportul dintre legalitate și legitimitate, autorul propune să se înțeleagă valabilitatea atât ca principiu și metoda de activitate a subiecților de drept și a relațiilor publice, conforme cerințelor relevante legislației și criteriilor reale și practice, precum și regulilor de comportament conform prevederilor corectitudinii, regulilor moralei, valorilor sociale și democratice.

Cuvinte cheie: validitate, legalitate, legitimitate, utilitate, valabilitate, corectitudine

РЕЗЮМЕ: О ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОМЕРНОСТЬ»

Понятие «правомерность» является одним из ключевых в юриспруденции. Вместе с тем, в правовой науке продолжаются дебаты относительно дефиниции данного термина. Рассмотрев основные признаки и характерные черты правомерности во внутреннем и международном праве, проанализировав соотношение легальности и легитимности, автор предлагает понимать правомерность как принцип и метод деятельности субъектов права, режим общественных отношений, соответствующие требованиям закона, критериям реальности и целесообразности, а также нормам справедливости и морали, обще-социальным и демократическим ценностям.

Ключевые слова: правомерность, законность, легитимность, целесообразность, обоснованность, справедливость

* **ТАРАСОВА Людмила** – Кандидат юридических наук, доцент, Заместитель начальника юридического отдела Московской финансово-юридической академии, слушатель докторантуры Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация); **TARASOVA Ludmila** – Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Departamentului juridic al Academiei Financiar-Juridice din Moscova, postdoctorand la Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor (Moscova, Federația Rusă); **TARASOVA Liudmila** - Candidate of legal sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Legal Department of The Moscow Financial-Legal Academy, post-doctoral student, Peoples Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

На сегодняшний день научная проблематика дефиниции понятия «правомерность», не смотря на ее актуальность и наличие некоторых теоретических изысканий в этой сфере, в российской правовой доктрине остается недостаточно разработанной.

Понятия «правомерность» и «правомерный» являются ключевыми в юриспруденции наряду с такими базисными категориями как «право» и «правовой». Вместе с тем, эти термины трактуются по-разному.

В одних юридических словарях «правомерность» определяется как «соответствие явлений социальной жизни (деятельности или результатов деятельности субъектов права) требованиям и дозволениям содержащейся в нормах права.¹ Иными словами, под правомерностью предлагается понимать соответствие нормам права, закону, т.е. законность или легальность. Данная трактовка правомерности характерна прежде всего в отраслях уголовного и административного права.

В других юридических словарях понятие «правомерный» рассматривается как синоним «законного, легального, совершаемого по праву», а также «внутренне оправдываемого и признанного».² Т.е. речь идет уже не только о легальности, но и легитимности. Такое понимание правомерности часто встречается в конституционном праве и международном праве.

Оба термина – и «легальность», и «легитимность» – образованы от латинского слова «lex», (закон). Это близкие, но далеко не тождественные понятия, поскольку в них вкладывается разное содержание.

Легальность – есть строгое соответствие поведения субъектов правоотношений нормам официально существующего закона (собственно законность). Согласно определению Т.К. Примак, «это общеобязательное требование неукоснительного соблюдения, исполнения и применения законов и основанных на них правовых актов всеми участниками общественных отношений во всех сферах общественной жизни».³

Легитимность, в широком смысле, – это признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события. Легитимность как юридическая категория означает положительное отношение жителей страны, общественного мнения к действующим в государстве законам, правовым институтам, признание их правомерности. Легитимность власти есть доверие и оправдание со стороны населения, согласие без принуждения. Легитимная власть и политика авторитетны и эффективны.⁴

В правоведении и политологии легитимность противопоставляется легальности как обладающая не юридической, а моральной функцией одобрения и оправдания, прежде всего, власти по критериям авторитета и целей.

Представляется, что категория «правомерность» является объемной и включает в себя и понятие легальности, и понятие легитимности. В таком случае определение «правомерный» означает легальный и легитимный одновременно.

Но здесь возникает вопрос о соотношении понятий легальности и легитимности.

¹ Большой юридический словарь. Под ред. Сухарева А.Я. М.: Инфра-М. 2006, с. 573.; Краткий юридический словарь. Под ред. Азрилияна А.Н. М. Институт новой экономики. 2007, с. 661.

² Юридический энциклопедический словарь. Под ред. Марченко М.Н. М.: Велби Проспект, 2003.; Современный толковый словарь русского языка. -Санкт-Петербург. 2001, с. 595; Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Репринтное издание: М., 1995.

³ Примак Т.К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998, с. 4.

⁴ Тарасова Л.Н. Легальность и легитимность. В: Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Материалы IX Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук». В 2 ч. Ч. 2. М.: МФЮА, 2012.

Зачастую легальность и легитимность – явления совпадающие, однако между ними возможны и противоречия.

Так, любая власть, избранная и осуществляющая свои полномочия в соответствии с законом, – легальна. В то же время, она может быть нелегитимна, т.е. не пользоваться авторитетом, не признаваться народом. Или, другой пример, любые законы, принятые в надлежащих правовых формах и процедурах, – легальны. В то же время, они могут быть нелегитимными, т.е. не одобряться и не соблюдаться гражданами, если такие законы не соответствуют нормам справедливости, общедемократическим ценностям, установкам, сложившимся у большинства населения страны.

Поэтому легальность выступает как мера объективного (позитивного) права, это соответствие поведения субъекта права норме права. А легитимность – это мера субъективного права, она вытекает из правоотношений между субъектами права.

Данные понятия довольно четко разграничил проф. С.С. Алексеев: «Объективное и субъективное право – явления разнопорядковые, занимающие в мире правовых явлений свои особые места. Здесь важно не потерять из виду специфику объективного права как нормативного институционального образования. Субъективные же юридические права – не основание юридического регулирования, а результат его претворения в жизнь, следствие конкретизированного воплощения нормативных положений в виде точно определенной юридической свободы, ее меры для данного лица».⁵

Юрист-международник профессор Черниченко С.В. также признает, что легитимность во внутригосударственной и международной сфере выходит за пределы позитивного права. В своей работе «Очерки по философии и международному праву» ученый отмечает, что «легитимность – понятие естественно-правовое и имеет нравственные корни, наиболее стабильные,

наиболее «высокие» нормы человеческой морали в своей основе».⁶

Кроме того, легитимность в отличие от легальности является не юридическим фактом, не формальным законом, а социально-психологическим явлением. Граждане одобряют власть и ее законы, исходя из своих моральных критериев, представлений о добре, справедливости, порядочности, совести.

Профессор Чиркин В.Е., проводя в своей работе различие между легальностью и легитимностью, поясняет: «Признание легитимности опирается не на внешние признаки, а на внутренние побудительные мотивы, внутренние стимулы, чувственное восприятие, опыт, рациональную оценку. Легитимация власти связана не с изданием законов, а с комплексом переживаний и внутренних установок людей, с представлениями населения о соблюдении государственной властью норм социальной справедливости, прав человека, их защитой».⁷ А поскольку интересы и потребности разных слоев различны, легитимность не может иметь всеобъемлющего, универсального характера.

Более того, в разные периоды времени, в разных местностях, применительно к разным общественным отношениям и социальным слоям эти представления граждан меняются и характеризуются определенным уровнем правосознания. Так, законно избранная власть в случае невыполнения своих обещаний, неудачного экономического курса, может утратить доверие со стороны общества. В этом случае власть, оставаясь легальной, законной, станет нелегитимной. Один и тот же закон (например, инквизиционный) в определенный период развития общества будет легитимным и правовым, а на другом этапе общественной эволюции тот же самый закон будет правонарушающим.

Следовательно, легальность, являясь мерой объективного права, находится в статичном состоянии, а легитимность, будучи мерой субъективного права, в динамичном, на

⁵ Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995, с. 201.

⁶ Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Науч. ред. В.Е. Чертихин. М.: Научная книга, 2002, с. 745.

⁷ Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти. В: Государство и право. 1995, № 8, с. 66.

стадии реализации объективного права. В этом состоит еще одно отличие легальности и легитимности.

Вместе с тем, проф. Чиркин В.Е. отмечает тесную связь легализации и легитимации, поскольку «правовые акты и процедуры могут быть составной частью легитимации, а последняя создает необходимые предпосылки для прочной легализации государственной власти».⁸

Принципы легитимности находят свои истоки в древних традициях, революционной харизме или рациональном праве. Согласно типологии легитимности, введенной немецким социологом М. Вебером и получившей широкое признание, можно выделить три «чистых» типа легитимации.⁹

Традиционная легитимность представляет собой господство на основе неписаных законов традиций, обычаев, культуры. Например, традиции имеют огромное значение для установления власти монарха в мусульманских странах (Кувейте, Саудовской Аравии, Бахрейне и др). Судебный прецедент традиционно является важнейшим правовым источником в странах англо-саксонской системы права.

Харизматическая легитимность характеризуется преданностью вождю и верой в его личные дарования и исключительную миссию. В прошлом это вера в «добраго царя» в дореволюционной России, а также культ личности в советское время.

И наконец, рациональная легитимность основана на принятых в государстве порядках и законах, разумных суждениях населения о справедливости и целесообразности проводимой политики. Так, одним из современных способов для приобретения рациональной легитимации, является выборность высших органов государства. Этот тип легитимности предполагает неукоснительное соблюдение законов властью, действие строго в рамках установленных правомочий и в надлежащих правовых формах.

Описанные типы легитимности власти, как правило, в реальной политической практике

переплетаются и взаимно дополняют друг друга. При этом можно заметить, что в отличие от традиционной и харизматической, рациональная легитимность опирается на закон и принципы права и тесно связана с понятием легальности.

В современном обществе зачастую рациональная легитимность иницируется и формируется не населением, а самим государством (правительством) и политическими структурами (проправительственными партиями), побуждающими массовое сознание положительно оценивать правящий режим, и базируется на праве граждан выполнять свои обязанности по поддержанию определенного порядка и отношений с государством. Она непосредственно зависит от способностей властей, элитарных структур создавать и поддерживать убеждения людей в справедливости и оптимальности сложившихся политических институтов и проводимой ими линии поведения. Подобная форма легитимности характеризуется излишней юридизацией. Такая легитимность, по сути, отождествляется с легальностью, юридической обоснованностью государственной власти и закреплённостью ее существования в обществе.

Соотношение легальности и легитимности весьма значимо для характеристики понятия правомерности, которое нуждается в подробном научном исследовании.

Как и любой другой идеальный объект исследования, понятие правомерности трудноопределимо в правовой науке, поэтому вряд ли стоит какому-либо определению претендовать на окончательное решение проблемы. И все же, выделив и рассмотрев существенные признаки правомерности, мы попытаемся дать научное определение этому понятию.

Принцип законности как требование соблюдения права составляет основополагающее начало правомерности. С одной стороны, это требование к законодательству, а с другой стороны – к субъектам, исполняющим законы. Законность в законотворческой сфере представляется как совершенство системы правовых норм (иерархическая стройность и внутренняя их согласованность, всеобщность, соответствие

⁸ Ibidem., p. 71.

⁹ Вебер М. Типы легитимного порядка: условность и право. Избранные произв. М.: Прогресс, 1990, с. 639 - 643.

общей системе норм права и требованиям общества, выражающим его потребности). В правоприменительной сфере законность выступает как строгое и неуклонное соблюдение правовых законов».

Две сферы законности удачно подчеркиваются в определении профессора Н.С. Малеина: «законность - это издание правовых законов и строгое их соблюдение».¹⁰

Ученый В.В. Ключков также понимает законность как «совокупность требований общества и государства к праву, к деятельности государства и всех других участников общественных отношений, а также реальное осуществление этих требований в правотворческой, правоприменительной и иной деятельности государственных органов и должностных лиц, в поведении граждан и деятельности иных участников общественных отношений».¹¹

Законность провозглашается, а нередко и закрепляется в законодательстве в качестве правового принципа. Исходной для современного понимания законности в Российской Федерации является ст. 15 Конституции, провозглашающая четыре основных положения, которые следует считать критериями обеспечения законности, а именно: «1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации. 2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. 3. Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права,

свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. 4. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».¹²

Второй важный признак правомерности – целесообразность. Правотворческая и правореализующая деятельность (поведение) субъектов общественных отношений целесообразна в том случае, если она способствует достижению целей государства и общества, которые выражаются в праве, в законе.

С одной стороны, применительно к правотворческой данный признак означает необходимость принятия целесообразных, т.е. отвечающих закономерностям общественного развития правовых актов. С другой стороны, целесообразность в праве - это выбор оптимального пути осуществления правовой нормы в конкретной жизненной ситуации.

Безусловно, как в международном праве, так и во внутреннем праве государств действует презумпция целесообразности нормативного правового акта, означающая, что правореализующий субъект не должен с этой точки зрения подвергать сомнению принятый закон, поскольку на нем лежит прямая обязанность исполнить его требования. Нецелесообразный нормативный акт может быть отменен, приостановлен лишь в специально предусмотренном законом порядке.

Так существует международно-правовой обычай, в соответствии с которым коренное изменение обстоятельств по сравнению с существовавшими в момент заключения международного договора может служить основанием для прекращения действия такого

¹⁰ Малеин Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика. В: Государство и право. 1996, № 6, с. 12.

¹¹ Ключков В.В. О методологии и методике изучения состояния законности. В: Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора: Сб. научных трудов. М., 1994, с. 56.

¹² «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008). В: Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

договора или выхода из него. Указанный обычай нашел подтверждение в ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.).¹³

Во внутреннем праве существует концепция о том, что в случаях, когда формальные требования закона вступают в противоречия с требованиями жизни, разрешение или устранение возникших противоречий должно составить обязанность суда. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде РФ» суд общей юрисдикции, арбитражный суд, усомнившись в конституционности положений закона, на основе которых им рассматривается дело, вправе приостановить его рассмотрение и обратиться в Конституционный Суд для оценки конституционности данного закона.¹⁴ Право признать закон (его отдельные положения) неконституционным принадлежит и обычным гражданам, которые вправе обратиться в высший орган конституционного контроля для оценки.

Реализация нормы права, принятие решений без учета их политической и моральной характеристики, индивидуальных особенностей, без учета социальной значимости применяемой нормы порождает юридический формализм и глубоко чуждо природе демократии, духу права, принципам деятельности государств и интересам международного сообщества.

Следующий признак правомерности – реальность. Имеется в виду достижение фактического исполнения правовых предписаний во всех видах деятельности и неотвратимости ответственности за любое их нарушение.

Справедливость также является неотъемлемым свойством правомерности. Справедливым может признать такое решение или действие субъекта, которое основано на взаимном учете законных прав и интересов государства и общества, равноправии

участников общественных отношений, на разумном компромиссе. Справедливость акта применения права предполагает соответствие принятого решения общественному мнению, согласованность его содержания с моральными убеждениями людей и общества в целом.

Понятие справедливости часто находит отражение в международно-правовых документах. Устав ООН в качестве одной из целей провозглашает урегулирование международных споров «в согласии с принципами справедливости и международного права».¹⁵ В Статуте Международного Суда ООН предусматривается право Суда решать дела с согласия сторон, по справедливости и доброй совести – *ex aequo bono*.¹⁶

Кроме того, правомерность обладает рядом обще-социальных признаков, которые вытекают из закономерностей и тенденций общественного развития в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Эти общие требования определяют демократизм правопорядка, его подчиненность интересам человека, гуманный и справедливый характер и многое другое, что затем получает правовое оформление.

Таким образом, категория правомерности имеет не только формально юридическую составляющую, но и культурную, этическую и социальную составляющие. В этой связи обеспечение правомерности – одна из важнейших задач государственной политики и международного сотрудничества, традиционно рассматриваемая в рамках укрепления правопорядка и реализации системы гарантий: общих (экономических, политических, идеологических) и специальных (нормативных и организационно правовых).

Вышеприведенный анализ признаков правомерности позволяет охарактеризовать правомерность как комплексное явление. Во-

¹³ «Венская Конвенция о праве международных договоров» (Заклучена в Вене 23.05.1969). В: Международное публичное право: Сб. документов. М.: БЕК, 1996. Т. 1, с. 67 - 87.

¹⁴ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В: «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

¹⁵ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В: «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

¹⁶ Статут Международного Суда, 1945 год. Международный Суд (МС) является главным судебным органом Организации Объединенных Наций (ООН). [On-line]: un.org/ru/ictj/info.shtml. (Дата посещения: 09.09.2012).

первых, правомерность - это принцип, идея, обращенное ко всем требование, во-вторых, правомерность реализуется как метод деятельности субъектов права, проявляется в конкретном поведении субъектов, и, в-третьих, становится режимом общественной жизни, суть которого в том, что большинство участников общественных отношений строго соблюдают, исполняют правовые требования и предписания.

С учетом вышеизложенного, представляется, что правовое понятие «правомерность» можно определить как принцип и метод деятельности субъектов права, режим общественных отношений, соответствующие требованиям закона, критериям реальности и целесообразности, а также нормам справедливости и морали, обще-социальным и демократическим ценностям.

Библиография:

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 201 с.
2. Большой юридический словарь. Под ред. Сухарева А.Я. М.: Инфра-М. 2006. 857 с.
3. Вебер М. Типы легитимного порядка: условность и право. Избранные произв. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969). В: Международное публичное право: Сб. документов. М.: БЕК, 1996. Т. 1, с. 67 – 87.
5. Клочков В.В. О методологии и методике изучения состояния законности. В: Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора: Сб. научных трудов. М.: Манускрипт, 1994, с. 53 – 62.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008). В: Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

7. Краткий юридический словарь. Под ред. Азрилияна А.Н. М.: Институт новой экономики. 2007. 1088 с.

8. Малеин Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика. В: Государство и право. 1996. № 6, с. 12 – 19.

9. Примак Т.К. Совершенствование законодательства как средство обеспечения законности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 24 с.

10. Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 1536 с.

11. Статут Международного Суда, 1945 год. Международный Суд (МС) является главным судебным органом Организации Объединенных Наций (ООН). [On-line]: un.org/ru/icj/info.shtml. (Дата посещения: 09.09.2012).

12. Тарасова Л.Н. Легальность и легитимность. В: Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Материалы IX Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук». В 2 ч. Ч.2. М.: МФЮА, 2012.

13. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Репринтное издание: М., 1995.

14. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В: «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

15. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В: «Собрание законодательства РФ», 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

16. Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. Науч. ред. В.Е. Чертихин. М. ДА МИД России, 2002. 745 с.

17. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти. В: Государство и право. 1995, № 8, с. 65 – 73.

18. Юридический энциклопедический словарь. Под ред. Марченко М.Н. М.: Велби Проспект, 2003. 816 с.

Copyright© TARASOVA Ludmila, 2012.

**PROBLEME ȘI SOLUȚII PRIVIND APRECIEREA
ISTORICĂ ȘI POLITICO-JURIDICĂ A REGIMULUI TOTALITAR
COMUNIST ȘI A SIMBOLICII (SECERA ȘI CIOCANUL)**

*Ion CIOBANU**

ABSTRACT:

**THE PROBLEMS AND THE SOLUTIONS OF HISTORICAL, POLITICAL AND
JURIDICAL APPRECIATION OF COMMUNIST TOTALITARIAN REGIME AND
SYMBOLIC (SICKLE AND HAMMER)**

On July the 12th, 2012, the Parliament approved the decision on historical, political and juridical appreciation of communist totalitarian regime and symbolic (sickle and hammer).

Later on July the 19th, 2012, it was moved forward as a legislative initiative the Law on amendment and some legislative acts (the Law on political parties, the Law on freedom of speech and the Law on public symbols).

In our case, the project of Law proposes to establish in legislation the prohibition of totalitarian regime symbols' use: Nazism, Stalinist and Communist for political parties (the proposal to complete the 4th art. of Law on political parties nr. 294-XVI from December the 21, 2007), the prohibition to use these symbols as corporate symbols of juridical persons (the 6th article of Law on public symbols nr. 86 from July 28th, 2011), as well as the prohibition of Nazism, Stalinist and Communist totalitarian ideology's propagation (the 3rd article of Law on freedom of speech nr. 64 from April the 23, 2010).

Previously, on June the 28th, 2010 it was proposed a project with the same title (on historical, political and juridical appreciation of totalitarian communist regime from RM), but the project contained a number of law's provisions which weren't included in the final editorial.

Key words: *communist totalitarian regime, symbolic, sickle, hammer, the Parliament, the Republic of Moldova, state.*

РЕЗЮМЕ:

**ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ТОТАЛИТАРНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
РЕЖИМА И СИМВОЛИКИ (СЕРП И МОЛОТ)**

12 июля 2012, Парламент утвердил решение об исторической, политической и юридической оценки тоталитарного коммунистического режима и символики (серп и молот).

Позже, 19 июля 2012, был представлен, в качестве законодательной инициативы, закон об изменениях и дополнениях некоторых законодательных актов (закон о политических партиях, закон о свободе слова и закон об общественных символах).

В данном случае, законопроект предлагает установить запрет на использование символики тоталитарных режимов: нацизма, сталинизма и коммунизма для политических партий (предложение дополнить ст. 4 Закона о политических партиях № 294-XVI от 21.12.2007), запрет на использование данных символов в качестве корпоративных символов юридических лиц (статья 6 Закона об общественных символах № 86 от 28 июля 2011), а также запрет на пропаганду тоталитарной идеологии нацизма, сталинизма и коммунизма (статья 3 Закона о свободе слова № 64 от 23 апреля 2010).

* **CIOBANU Ion** – Doctor în drept, lector superior, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți (Bălți, Republica Moldova); **CIOBANU Ion** – Doctor of law, university lecturer at Baltys State University „Alec Russo” (Baltys, The Republic of Moldova); **ЧОБАНУ Ион** – Кандидат юридических наук, старший преподаватель Бельцкого Государственного Университета им. «Алеку Руссо» (Бельцы, Республика Молдова).

Ранее, 28 июня 2010 был предложен проект решения с тем же названием (об исторической, политической и юридической оценке тоталитарного коммунистического режима РМ), но данный проект содержал больше положений, которые так и не были внесены в окончательное издание.

Ключевые слова: тоталитарный коммунистический режим, символика, серп, молот, Парламент, Республика Молдова, государство.

Cuvinte cheie: regimul totalitar comunist, simbolica, secera, ciocanul, Parlament, Republica Moldova, stat.

Pe data de 12 iulie 2012, Parlamentul a aprobat hotărârea privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului totalitar comunist și a simbolicii (secera și ciocanul). Ulterior, pe data de 19 iulie 2012, a fost înaintată cu titlu de inițiativă legislativă legea privind modificarea și completarea unor acte legislative (*legea privind partidele politice, legea cu privire la libertatea de exprimare, legea cu privire la simbolurile publice*).

În speță, proiectul de lege propune stabilirea expresă în legislație a interzicerii utilizării simbolurilor regimurilor totalitare: nazist, stalinist și cel comunist pentru partidele politice (propunerea de completare a art. 4 din Legea privind partidele politice nr. 294-XVI din 21.12.2007), interdicția utilizării acestor simboluri în calitate de simboluri corporative ale persoanelor juridice (articolul 6 din Legea cu privire la simbolurile publice nr. 86 din 28 iulie 2011), precum și interzicerea propagării ideologiei totalitare naziste, staliniste, comuniste (art. 3 din Legea cu privire la libertatea de exprimare nr. 64 din 23 aprilie 2010).

Anterior, pe data de 28 iunie 2010 a fost propus proiectul hotărârii cu același titlu (*privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului totalitar comunist din RM*), însă proiectul în cauză conținea mai multe prevederi ce nu se mai regăsesc în redacția finală, printre care menționăm:

Se declară criminali, persoanele cu funcții de răspundere din RSS Moldovenească și ai Partidului Comunist din RSS Moldovenească care au decis și organizat crime contra populației Republicii Moldova precum și acțiunile tuturor persoanelor care au contribuit la comiterea acestor crime (art. 3.); se interzice utilizarea noțiunii de „comunist” și a derivatelor acesteia în denumirile partidelor politice, organizațiilor social-politice, și a instituțiilor și întreprinderilor; (art. 4.); se interzice utilizarea și propagarea în scopuri politice a simbolului regimului totalitar comunist

„secera și ciocanul”, deopotrivă cu simbolurile naziste; (art. 5.); Se interzice promovarea ideologiilor totalitare, deopotrivă cu cele comuniste și naziste (art. 6.); Se reabilitează politic victimele regimului totalitar comunist din RASSM și RSSM, cetățeni ai Republicii Moldova, care în timpul URSS au fost condamnate și/sau persecutate din motive ideologice, politice, naționale, religioase etc. (art. 7.)

De asemenea, în proiectul hotărârii din 28 iunie 2010 Guvernului RM îi reveneau anumite atribuții pentru realizarea prevederilor, printre care menționăm:

c) va elabora și promova proiectul legii lustrăției; e) în termen de trei luni de la intrarea în vigoare a prezentei Hotărâri va reorganiza Arhiva Organizațiilor Social-politice din Republica Moldova prin separarea fondului arhivistic ce ține de regimul totalitar comunist și va crea Arhiva Regimului Totalitar Comunist din Republica Moldova; f) va asigura transmiterea către Arhiva Regimului Totalitar Comunist din Republica Moldova a tuturor fondurilor de arhivă din depozitele speciale ale Ministerului Afacerilor Interne, Ministerului Afacerilor Externe și Integrării Europene și Serviciului de Informații și Securitate al Republicii Moldova, a fondurilor din arhiva Procuraturii Generale, precum și a altor fonduri ce reflectă esența regimului totalitar comunist; g) va asigura finanțarea elaborării editării unui manual de istorie a regimului totalitar comunist și introducerea în sistemul de învățământ preuniversitar a unui curs de istorie a totalitarismului; h) în comun cu Academia de Științe a Moldovei va crea până la 1 ianuarie 2011 în cadrul Institutului de Istorie, Stat și Drept, Centrul pentru Studiarea Regimului Totalitar Comunist, cu suplimentarea unităților de cercetători și va asigura finanțarea activității acestuia; i) va asigura demontarea tuturor monumentelor lui V.I Lenin din Republica Moldova, precum și a simbolicii „secerii și

ciocanului” de pe toate edificiile; j) va depune eforturile necesare în vederea valorificării și implementării plene a concluziilor și recomandărilor Comisiei pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova.

Autorii hotărârii privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului totalitar comunist și a simbolicii (secera și ciocanul)¹ au argumentat necesitatea adoptării prin prevederile Rezoluției nr. 1096 (1996) a Adunării Parlamentare a Consiliului Europei privind măsurile de eliminare a moștenirii fostelor sisteme totalitare comuniste, Rezoluției nr. 1481 (2006) a Adunării Parlamentare a Consiliului Europei privind necesitatea unei condamnări internaționale a crimelor regimurilor comuniste totalitare, ale Rezoluției Parlamentului European nr. 0213 (2009) referitoare la conștiința europeană și totalitarismul, ale Decretului Președintelui Republicii Moldova nr. 165-V din 14 ianuarie 2010 privind constituirea Comisiei pentru studierea și aprecierea regimului totalitar comunist din Republica Moldova ș.a.

În notele informative ale actelor normative sus-menționate se argumentează necesitatea demonstrării culpabilității istorice a regimului totalitar comunist și condamnării acestuia.

Autorii proiectului de lege consideră că Republica Moldova are o obligație dublă de condamnare a regimurilor totalitare - ca stat ce a avut de suferit de pe urma celor mai crude regimuri totalitare, soldate cu pierderi enorme de vieți omenești - , iar în al doilea rând - ca parte a comunității internaționale, ceea ce presupune alinierea la inițiativele consolidate de interzicere și prevenire a unor astfel de regimuri pe viitor.

La momentul actual, atât crimele regimului totalitar comunist cât și simbolica acestuia nu sunt în afara legii, din motiv că aceasta va intra în vigoare începând cu 1 octombrie 2012.

La ședința plenară a Comisiei de la Veneția din 12-13 iunie 1998 s-a adoptat raportul privind interzicerea partidelor politice. În cadrul acestei întruniri, a fost analizat cadrul normativ ce

reglementează activitatea partidelor politice din 41 de state².

Este relevant de menționat că majoritatea statelor au preluat standarde similare în ceea ce privește interzicerea partidelor politice (de exemplu, sunt interzise partidele politice care atentează la independența și suveranitatea statului, instigă la ură pe criterii de rasă, gen, etnie, religie ș.a., asociații secrete sau militare, organizații finanțate de alte state etc.).

Doar în cazuri restrânse, legiuitorul specifică categoriile partidelor politice care sunt neconstituționale (cazul Poloniei³ care interzice partidele ce promovează ideologia comunistă sau nazistă; Portugalia interzice partidele fasciste; Republica Federativă Germană⁴, Austria, Belgia, Grecia ș.a. interzic organizațiile care urmăresc realizarea scopurilor similare organizației național-socialiste ș.a.

Practica CEDO

Un exemplu elocvent din practica CEDO este refuzul de înregistrare a Partidului Comuniștilor (Nepeceriști) și Ungureanu versus România.⁵ Reclamanții s-au plâns că instanțele române au refuzat înregistrarea partidului reclamant. Curtea a fost de acord că statele pot interzice formațiuni politice incompatibile cu principiile democrației, însă PCN nici nu a avut vreo activitate politică contrară acesteia. De asemenea, Curtea a constatat că programul și statutul insistă pe respectarea suveranității naționale, a integrității teritoriale și a respectarea ordinii constituționale și nu cuprinde nici un pasaj care să instige la violență sau orice formă de respingere a principiilor democratice ori la dictatura proletariatului. Programul și statutul

² Albania, Argentina, Austria, Azerbaijan, Belarus, Belgium, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Canada, Croatia, the Czech Republic, Denmark, Estonia, Finland, France, Georgia, Germany, Greece, Hungary, Ireland, Italy, Japan, Kyrgyzstan, Latvia, Liechtenstein, Lithuania, Moldova, Netherlands, Norway, Poland, Portugal, Romania, Russia, Slovakia, Spain, Slovenia, Sweden, Switzerland, Turkey, Ukraine, Uruguay (A se vedea: CDL-PP(98)2).

³ The Constitution of The Republic of Poland from 2.04.1997. [On-line]: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).

⁴ Basic law for the Federal Republic of Germany art. 21.[On-line]: <https://www.bgt-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

⁵ Refuz înregistrare partid - Partidul Comuniștilor (Nepeceriști) și Ungureanu versus România. [On-line]: <http://jurisprudenta.cedo.com/Refuz-inregistrare-partid-Partidul-Comunistilor-Nepeceristi-si-Ungureanu-versus-Romania.html>. (Vizitat la: 12.07.2012).

¹ Hotărârea Parlamentului nr. 191 privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului comunist totalitar din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. În: Monitorul Oficial din 31.08.2012, nr. 181-184.

PCN se distinge de abuzurile fostului partid comunist de dinainte de 1989.⁶

În cauza Bozgan, reclamantul s-a lovit de același refuz atunci când a solicitat înregistrarea unei asociații denumite „Garda națională antimafia”. Analiza a purtat asupra motivelor care au determinat refuzul înregistrării și, în ambele situații, Curtea a considerat că refuzul nu era justificat de o „nevoie socială imperioasă”.⁷

Astfel, Republica Moldova riscă să fie condamnată la CEDO pentru ingerința în dreptul de asociere.

Analiza legislației naționale.

Analizând proiectul *hotărârii din 28 iunie 2010 privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului totalitar comunist din RM* (neexaminat) putem deduce următoarele obiective:

1. Republica Moldova s-a raliat forurilor internaționale (Consiliului Europei) care au propus condamnarea regimurilor totalitare și atragerea la răspunderea penală a persoanelor cu funcție de răspundere din RSS Moldovenească și ai Partidului Comunist din RSSM care au contribuit la comiterea acestor crime.

2. S-a propus interzicerea noțiunii de „comunist” și a derivatelor acesteia în denumirile partidelor politice sau organizațiilor social-politice.

3. S-a propus interzicerea, utilizarea și propagarea în scopuri politice a simbolului regimului totalitar comunist „secera și ciocanul”, deopotrivă cu simbolurile naziste. În acest context, se interzice promovarea ideologiilor totalitare, deopotrivă cu cele comuniste și naziste.

4. S-a decis să fie reabilitate politic victimele regimului totalitar comunist din RASSM și RSSM, cetățeni ai Republicii Moldova, care în timpul URSS au fost condamnate și/sau persecutate din motive ideologice, politice, naționale, religioase etc.

Însă, Hotărârea Parlamentului⁸ adoptată în redacția finală s-a rezumat doar la condamnarea regimului totalitar comunist și interzicerea simbolurilor „secera și ciocanul”, fapt care a

denaturat totalmente sensul prezentului act normativ.

Deși, inițial s-a dorit excluderea ideologiei comuniste (inclusiv simbolurilor „secera și ciocanul”) și, respectiv, sintagmei „comunist” din denumirile partidelor politice sau organizațiilor social-politice, ulterior legiuitorul autohton a renunțat la această inițiativă. Acest proiect de hotărâre ar fi determinat partidul parlamentar PCRM să-și modifice denumirea, statutul și programul politic sau să fie radiat din registrul partidelor politice (prin proces de lichidare).

Hotărârea Parlamentului nr. 191 a impus renunțarea doar la simbolica „secera și ciocanul” partidului parlamentar PCRM.

În opinia noastră, legiuitorul autohton a ignorat practica CEDO, rapoartele Comisiei de la Veneția (din 1998-2004) și a interpretat eronat prevederile Rezoluției nr. 1096 (1996) și nr. 1481 (2006) ale APCE, precum și Rezoluția Parlamentului European nr. 0213 (2009), deoarece aceste acte internaționale cu caracter facultativ recomandă următoarele:

a. *actele penale comise de indivizi în timpul regimului totalitar comunist să fie judecate și pedepsite conform codului penal standard.* În cazul în care codul penal prevede aplicarea unei serii de limitări pentru unele delikte pedeapsa poate fi extinsă, deoarece este vorba doar de o problemă procedurală și nu de substanță. Adoptarea și aplicarea unor legi punitive retroactive nu este, totuși, permisă. Pe de altă parte, este permisă judecarea și pedepsirea oricărei persoane pentru orice act de omisiune care, în momentul când a fost comis, nu constituia un delict penal conform legislației naționale, dar care era considerat de natură penală potrivit principiilor generale de drept recunoscute de legislația națională. Mai mult, acolo unde o persoană a acționat în mod deschis violând drepturile omului, motivația că ar fi acționat conform unor ordine nu exclude nici ilegalitatea și nici culpa individuală.

b. *judecarea autorilor crimelor să fie luată în considerare odată cu reabilitarea celor condamnați de „crime” care, într-o societate civilizată, nu constituie acte penale precum și a celor care au fost condamnați pe nedrept.* Se vor acorda compensații materiale acestor victime ale justiției totalitare (...).

c. *deschiderea accesului la dosarele serviciilor secrete în scopul examinării lor publice în unele din fostele țări comuniste.* Ea recomandă

⁶ Ibidem.

⁷ Manualul Drepturilor Omului, p. 22. [On-line]: <http://www.drepturicivile.Ro/manual-DO-proof.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

⁸ Hotărârea Parlamentului nr.191 privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului comunist totalitar din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. În: Monitorul Oficial din 31.08.2012, nr. 181-184.

tuturor țărilor implicate să permită persoanelor afectate examinarea, la cerere, a dosarelor individuale întocmite de fostele servicii secrete (...).

d. persoanelor care nu au comis delict care pot fi anchetate în conformitate cu articolul 7, dar care au deținut poziții înalte în cadrul fostelor regimuri totalitare comuniste și le-au susținut, Adunarea ia notă de necesitatea introducerii unor măsuri administrative, cum ar fi *lustrajul și legile decomunizării*, în unele state. Scopul acestor măsuri este excluderea anumitor persoane de la exercitarea puterii guvernamentale în cazul în care nu se poate avea încredere că ele o vor exercita în conformitate cu principiile democratice, pentru că nu și-au asumat nici un angajament sau atașament față de ele în trecut și nu au nici un interes sau motivație să treacă la ele în prezent (...). Deci se propune să fie adoptată legea lustrajului în statele ex-socialiste.

În Rezoluția APCE nr. 1096 se menționează că *cea mai bună garanție pentru eliminarea fostelor sisteme totalitare comuniste o reprezintă reformele profunde politice, legale și economice din țările respective, reforme care vor conduce la construirea unei mentalități și a unei culturi politice democratice autentice. De aceea, Adunarea solicită tuturor democrațiilor consolidate să își intensifice ajutorul și asistența acordată democrațiilor emergente din Europa, în special în scopul susținerii dezvoltării societății civile (...).* Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei recomandă ca statele membre să elimine moștenirea sistemelor fostelor state totalitare comuniste prin restructurarea vechilor sisteme legale și instituționale, un proces care ar trebui să se bazeze pe principiile:

i. demilitarizării, pentru a garanta eliminarea militarizării principalelor instituții civile, precum administrația militară a închisorilor sau trupele Ministerului de Interne, care sunt tipice pentru sistemele militare comuniste;

ii. descentralizării, în special la nivel local și regional și în cadrul instituțiilor statale;

iii. demonopolizării și privatizării, care sunt elementele centrale pentru construirea unei economii de piață și a unei societăți pluraliste;

iv. debirocratizării, care ar trebui să reducă supra-reglementarea totalitară comunistă și să transfere puterea de la birocrati către cetățeni.

De asemenea, în Rezoluția APCE nr. 1481 se menționează faptul că *în pofida crimelor*

regimurilor comuniste totalitare, unele partide comuniste europene au contribuit la realizarea democrației(...); În plus, ea invită toate partidele comuniste sau post-comuniste în statele sale membre care nu au făcut-o încă să reevalueze istoria comunismului și propriul lor trecut, să se țină în mod net la distanță de crimele comise de către regimurile comuniste totalitare și să le condamne fără echivoc

Din cele menționate putem concluziona că prevederile legislative autohtone abordează selectiv problema în cauză prin adoptarea fragmentară a unor acte legislative precum condamnarea regimurilor totalitare comuniste, desecretizarea arhivelor, reabilitarea victimelor regimurilor comuniste etc. și ignoră măsurile majore de constrângere cum ar fi: adoptarea legii lustrajului, judecarea actelor penale comise de indivizi în timpul regimului totalitar comunist etc.

De asemenea, dorim să menționăm că rezoluțiile CE recomandă condamnarea regimurilor comuniste, însă nu stipulează expres interzicerea simbolicii partidelor comuniste actuale sau lichidarea partidelor politice care au preluat denumirea și simbolica „secera și ciocanul”, dar se conformează principiilor democrației constituționale și statului de drept !!!

În această ordine de idei, considerăm că legiuitorul autohton ar trebui să adopte legea lustrajului și să ancheteze actele penale comise de indivizi în timpul regimului totalitar comunist.

În ceea ce privește interdicția simbolicii „secera și ciocanul” sau sintagmei „comunist” din denumirea partidelor politice sau organizațiilor social-politice, suntem de opinia că este necesar de a se adresa Curții Constituționale a Republicii Moldova pentru a constata constituționalitatea partidului politic PCRM și/sau simbolicii sale. În cazul în care Curtea Constituțională ar declara neconstituționalitatea simbolicii PCRM, atunci legiuitorul ar avea temei să interzică simbolul „secera și ciocanul”.⁹ În caz contrar, interzicerea unor atribute ale partidului politic (simbolul) și menținerea altora (statutul, programul sau denumirea) creează contradicții și divergențe de interpretare a normei juridice, prezumă partidul politic PCRM ca fiind o formațiune politică constituțională și, prin urmare,

⁹ Legea nr. 317-XIII cu privire la Curtea Constituțională din 13 decembrie 1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 8/86 din 07.02.1995.

interzicerea unor atribute ar constitui o ingerință în drept de asociere.

Concluzii

1. Conform statutului, Partidul Comuniștilor din Republica Moldova (PCRM) întrunește în rândurile sale pe principii benevole cetățenii țării - adepți ai ideologiei comuniste. El se declară că este succesor de drept, moștenitor al ideilor și tradițiilor Partidului Comunist al Moldovei.¹⁰

2. Suntem solidari cu promotorii ideilor condamnării regimurilor totalitare (inclusiv regimurilor comuniste și fasciste), însă considerăm că această decizie nu ține de competența legiuitorului, ci, mai curând, trebuie să fie delegată Curții Constituționale a RM. Totodată, trebuie să delimităm acțiunile ilegale comise de PCUS în perioada regimului comunist sovietic de activitatea partidului parlamentar actual - PCRM.

3. În opinia noastră, Partidul Comuniștilor din Republica Moldova a preluat fragmentar ideologia și programul politic comunist în scopul obținerii susținerii electoratului autohton, însă nu urmărește scopuri extremiste antistatale. În aceste condiții, interdicția și dizolvarea forțată a PCRM sau a simbolicii sale nu este justificată și nu conține argumente impetuoase.

4. Practica CEDO presupune că declararea de către un partid politic a unor scopuri radicale, în lipsa unor acțiuni violente în acest sens, nu sunt suficiente pentru interdicția sau dizolvarea acestuia.

5. Interdicția PCRM și a simbolicii sale poate fi motivată doar în cazul în care partidul politic menționat ar instiga la violență sau ar ignora restricțiile stipulate expres în Constituția Republicii Moldova.¹¹

În aceste condiții, considerăm că partidele politice autohtone trebuie să accepte pluralismul de idei și ideologii și să activeze pe poziții de competiție electorală sau parlamentară și nu de luptă între ele.

În această ordine de idei, înaintăm următoarele propuneri și recomandări:

1. Să fie adoptată legea lustrației.

2. Să ancheteze actele penale comise de indivizi în timpul regimului totalitar comunist.

3. Să fie inclusă expres în Legea RM nr. 294 din 21.12.2007 privind partidele politice interzicerea activității partidelor politice care au preluat metodele similare partidelor politice/organizațiilor social-politice comuniste sau naziste.

4. Să fie inclusă expres răspunderea penală a partidelor politice care au preluat metodele similare partidelor politice/organizațiilor social-politice comuniste sau naziste.

Bibliografie:

1. Basic law for the Federal Republic of Germany art. 21. [On-line]: <https://www.btg-bestellservice.de/pdf/80201000.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

2. Constituția Republicii Moldova. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.1, 12.08.1994.

3. Hotărârea Parlamentului nr.191 privind aprecierea istorică și politico-juridică a regimului comunist totalitar din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. În: Monitorul Oficial din 31.08.2012, nr. 181-184.

4. Legea nr. 317-XIII cu privire la Curtea Constituțională din 13 decembrie 1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 8/86 din 07.02.1995.

5. Manualul Drepturilor Omului. [On-line]: [http://www.drepturicivile.ro /manual-DO-proof.pdf](http://www.drepturicivile.ro/manual-DO-proof.pdf). (Vizitat la: 12.07.2012).

6. Prohibition of political parties and analogous measures. [On-line]: [http://www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-INF\(1998\)014-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/1998/CDL-INF(1998)014-e.asp). (Vizitat la: 12.07.2012).

7. Refuz înregistrare partid - Partidul Comuniștilor (Nepeceriști) și Ungureanu versus România. [On-line]: <http://jurisprudenta.cedo.com/Refuz-inregistrare-partid-Partidul-Comunistilor-Nepeceristi-si-Ungureanu-versus-Romania.html>. (Vizitat la: 12.07.2012).

8. Statutul Partidului Comuniștilor din Republica Moldova. [On-line]: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pcrm-statute-2008-ro.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

9. The Constitutional of The Republic of Poland from 2.04.1997 [On-line]: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm>. (Vizitat la: 12.07.2012).

¹⁰ Statutul Partidului Comuniștilor din Republica Moldova. [On-line]: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pcrm-statute-2008-ro.pdf>. (Vizitat la: 12.07.2012).

¹¹ Constituția Republicii Moldova. In: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.1, 12.08.1994. art. 41 alin. 4) 5) 6).

КОНФЛИКТ МЕЖДУ РУМЫНИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ ВОКРУГ ТРАНСИЛЬВАНИИ В КОНТЕКСТЕ РАСТУЩИХ СОВЕТСКО- ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПРЕДДВЕРИЕ БАЛКАН (1940 – ИЮНЬ 1941 Г.)

Александр СТЫКАЛИН*

ABSTRACT:

THE CONFLICT BETWEEN ROMANIA AND HUNGARY OVER TRANSYLVANIA IN THE CONTEXT OF GROWING SOVIET-GERMAN TENSIONS ON THE EVE OF THE BALKANS (1940 – JUNE 1941)

The article is based on the documents from Russian Archives (especially from the Archive of the Foreign Policy of Russian Federation); some of them were published in 2000-es. Nazi Germany planning campaign against the USSR was interested to have both Hungary and Romania as her satellites. Romania was of primary interest for Nazis as one the most important importers of oil in those years. Berlin however was to take into consideration the sharp contradictions between two satellites, in particular, the pretensions of Horthy's Hungary to join Transylvania which according to the traditional concepts of the Hungarian ruling elite was treated as one of the Hungarian „historical lands”.

The Soviet military action in Bessarabia and Northern Bukovina in June 1940 strengthened the official Budapest's desire to attack Romania from his side with the aim to revise borders between two countries. Berlin in his desire to avoid any conflict between two satellites tried to solve the problem in a way of arbitration. In August 1940 the official representatives of Germany and Italy decided to give Hungary the Northern Transylvania in Wien. The Horthy's Hungary was not satisfied; it waited for the opportunity to get the whole Transylvania which was possible only with the help of Nazi Germany, the dominant political power in Europe in 1940.

Berlin, expecting to see Romania among his companions, however, could not act in favor of to Hungary without major compensation for the official Bucharest. This meant that Nazi Germany supported Romania's ambition not only about Bessarabia and Northern Bukovina, but other large areas, especially the city of Odessa and southern parts of Ukraine up to the Dnieper. Thus, arbitration in Vienna has reinforced domination of Germany in the Danube region and increased the dependence of two antagonistic nations from Germany.

Key words: *Transylvania, Bessarabia, Northern Bukovina, Romania, Hungary, Germany, the Vienna Arbitration.*

REZUMAT:

CONFLICTUL DINTRE ROMÂNIA ȘI UNGARIA PRIVIND TRANSILVANIA, ÎN CONTEXTUL CREȘTEREI TENSIUNILOR SOVIETO-GERMANE ÎN AJUNUL DECLANȘĂRII SITUAȚIEI DIN BALCANI (1940 – IUNIE 1941)

Articolul se bazează pe documente din arhivele ruse (în special, din Arhiva de Politică Externă a Federației Ruse), unele dintre ele au fost publicate în anii 2000. Germania nazistă planificând campania împotriva URSS a fost interesată să aibă ca sateliți ai săi, atât Ungaria, cât și România. România prezenta un interes primar pentru naziști ca unul cele mai importante surse de petrol în acei ani. Berlinul era însă obligat să ia în considerare contradicțiile ascuțite dintre cei doi sateliți, în special, pretențiile Ungariei, expuse de Horthy, privind Transilvania care, în conformitate cu conceptele tradiționale ale elitei de guvernământ ungare, a fost tratată ca unul dintre „teritoriile istorice” maghiare.

* **STICALIN Alexandr** - Doctor în istorie, profesor cercetător, cercetător științific principal la Institutul de studii Slavone al Academiei Ruse de Științe, secretar executiv al revistei „Slavianovedenie” (Moscovia, Federația Rusă); **STIKALIN Alexander** - Candidate of historical science, professor, a leading researcher at the Institute of Slavic Studies of The Russian Academy of Sciences, the responsible Secretary of the journal „Slavianovedenie” (Moscow, The Russian Federation); **СТЫКАЛИН Александр Сергеевич** - Кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН, ответственный секретарь журнала «Славяноведение» (Москва, Российская Федерация).

Ațiunile militare sovietice în Basarabia și Bucovina de Nord în iunie 1940 au consolidat dorința oficială a Budapestei de a ataca România cu scopul de a revizui frontierele dintre două țări. Berlinul, în dorința sa de a evita conflictul dintre doi sateliți a încercat să soluționeze problema printr-un arbitraj. În August 1940, la Viena, reprezentanții oficial ai Germaniei și Italiei au decis să dea Ungariei Transilvania de Nord. Ungaria lui Horthy nu a fost satisfăcută, ea a așteptat posibilitatea de a obține toată Transilvania, care ar fi fost posibilă numai cu ajutorul Germaniei naziste, puterea politică dominantă în Europa în 1940.

Dorind să vadă, de asemenea, România printre sateliți săi, Berlinul, cu toate acestea, a putut acționa în favoarea Ungariei fără compensații grave pentru București-ul oficial. Aceasta a însemnat că Germania nazistă a sprijinit ambițiile României nu doar privind Basarabia și Bucovina de Nord, dar și teritoriile mai larg răspândite, în special orașul Odesa și teritoriul Ucrainei la Sud, până la Nipru. Astfel, Arbitrajul de la Viena a consolidat dominația Germaniei în regiunea Dunăreană și a consolidat dependența ambelor țări-antagoniste de Germania.

Cuvinte-cheie: *Transilvania, Basarabia, Bucovina de Nord, România, Ungaria, Germania, Arbitrajul de la Viena.*

Ключевые слова: *Трансильвания, Бессарабия, Северная Буковина, Румыния, Венгрия, Германия, Венский арбитраж.*

Обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат, Трансильвания со времен средневековья развивалась как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование, представляя собой сложный конгломерат господствующих и непривилегированных этносов и религий. Усилиями в первую очередь немецких переселенцев (саксов) в ее наиболее значительных ремесленно-торговых поселениях, особенно юго-восточных - Херманнштадте и Кронштадте (ныне Сибиу и Брашов, Румыния), начиная с XIII в. формируется бюргерский урбанистический уклад, характерный для старинных средневропейских городов, чей внешний облик по сей день легко просматривается в застройке исторических центров Клузы, Брашова, Сибиу, отчасти и десятка других трансильванских городов. В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении многих веков едва ли не безраздельно господствовала венгерская аристократия. Более того, после сокрушительного поражения венгров от турок в 1526 г. и последовавшего за этим распада целостного королевства «св. Стефана» (Иштвана) мадьярская знать, почти непрерывно управлявшая Трансильванским княжеством, пыталась превратить его в своего рода оплот венгерской государственности. Вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки осман) это княжество успешно вело войны против Габсбургов. Позже оно интегрируется в Австрийскую империю, хотя и сохраняет

некоторую автономию, со временем все более ограниченную. Лишь с преобразованием Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. рудименты автономного управления окончательно исчезают. Вследствие соглашения Венгрии с домом Габсбургов Трансильвания на полвека становится неотъемлемой частью венгерского государства, чья политическая элита (за редкими исключениями) и слышать не хотела о какой-либо автономизации этого края. Между тем, такое требование не утрачивало своей актуальности, причиной чему были как длительная историческая традиция автономного существования Трансильвании, так и пестрота ее этнического состава. В самом деле, наряду с немцами (саксами-протестантами в собственно Трансильвании и швабами-католиками в прилегающей к ней с юго-запада, органически связанной с ней исторической области Банат), мадьярами и секлерами¹ в этом крае проживали румыны, составлявшие большинство населения² и в

¹ Отличающаяся культурным своеобразием часть венгерского этноса, населяющая гористые районы Восточной Трансильвании.

² Данные переписей, проводившихся венгерскими властями до 1914 г. и румынскими после 1920 г., отличаются заметными расхождениями, при этом надо учитывать, что присоединение края к Румынии в 1920 г. сопровождалось оттоком части венгерского населения в пределы новых границ Венгрии и соответственно притоком румын, в том числе большого контингента госслужащих из Валахии и Молдовы. Таким образом, в 1920-1930-е годы в сравнении с предшествующим периодом доля румын в составе населения еще более

XVIII-XIX вв. все более активно заявлявшие свое право на полноценное национальное развитие, пусть даже в рамках сложившегося государственного образования - Габсбургской монархии.³

В отечественной литературе последних лет усилиями такого авторитетного ученого, как Т.М. Исламов, была нарисована несколько идиллическая, на наш взгляд, картина межэтнических отношений в Трансильвании, в частности, в XVI-XVIII вв. Согласно его версии, в течение столетий в этом крае царил «образцовый конфессиональный мир», нарушенный лишь в XIX в., в момент, когда «идеология национализма овладела умами национальных элит народов на востоке Европейского континента».⁴ В этой связи хотелось бы лишь заметить, что законы о веротерпимости, принятые в Трансильванском княжестве необычайно рано по общеевропейским меркам (первый еще в 1568 г.), по крайней мере, вплоть до реформ австрийского императора Иосифа II (1780-е годы) фактически не распространялись на православных румын. Этническая и религиозная дискриминация румынского этноса сохранялась и после йозефинистских реформ, что не могло не броситься в глаза одному из русских офицеров, побывавших в этом крае во время антивенгерской военной кампании 1849 г.: «Дако-ромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей

возросла. Сопоставление данных различных переписей в материалах Наркоминдела СССР за 1941-1943 гг. см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 - 1946. Документы. Отв. редактор Т.М. Исламов. М.: РОССПЭН, 2000 (далее: Трансильванский вопрос), с. 137, 166 - 167, 199 - 200.

³ До 1918-1920 гг. румыны в Трансильвании представляли собой преимущественно крестьянскую нацию, немцы в основном составляли бюргерский слой, хотя в районе Сибиу было и немецкое крестьянство. Венгры были нацией с полной социальной структурой, включавшей в себя аристократию, дворянство, буржуазию и средние городские слои (где были сильно представлены мадьяризованные евреи), крестьянство (прежде всего секлеры в Восточной Трансильвании), пролетариат. В 1920-1930-е годы среди румын возрос удельный вес буржуазии, чиновничества, интеллигенции.

⁴ Введение Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой. Трансильванский вопрос, с. 3.

бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее»⁵. Впрочем, российскому очевидцу показались далекими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: «Четыре описанные племена, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому».⁶

Страной поразительных контрастов описывает Трансильванию венгерский философ XX в. Б.Хамваш, попытавшийся выявить в истории этого края устойчивый и особый трансильванский «дух» (или, по его терминологии, «гений»): различия между кастами в Трансильвании «столь же велики, как между византийским императором и его подданными... Утонченный, многослойный мир, процветающий во дворцах и замках, среди мебели, изготовленной из дорогой благородной древесины, среди ковров, шелков, драгоценностей, парчи, обильной еды и питья, эта изысканная жизнь резко, без всякого перехода отделена от жизни бедняка-крестьянина, угнетенного и огрубевшего, жителя лесов и гор, у которого на столе - не запеченный целиком... баран, а постная мамалыга, на теле - не бархат, а сермяга». В Трансильвании, продолжает Хамваш, между верхами и низами нет связующего социального звена - широкого и политически самостоятельного среднего слоя; богатство саксонских бюргеров устойчиво лишь при покровительстве высшей власти (в этом философ видит влияние византийских и

⁵ Дараган. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. Санкт-Петербург: Книга по требованию, 1859, с. 67. Цит. по: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. Отв. редактор С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001, с. 443.

⁶ Дараган. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г., с. 5. Цит. по: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М.: Индрик, 2001, с. 396.

османских традиций). «Общество Трансильвании - дезинтегрированное общество, с вызывающе выделяющимся высшим классом и с народом, который живет наподобие негров или малайцев, - замечает Хамваш, кстати, почти не акцентирующий внимание на этническом аспекте огромных социальных контрастов в Трансильвании. - С изощренным вкусом украшенный великолепный замок - и курная хижина под его стенами. Трансильвания - не провинция, а противостояние высокой цивилизации и дикости. Есть в этом какой-то тяжелый и мрачный пафос, словно вельможа, наряженный в бархат, - тоже внутри дикарь, который для внешнего мира играет роль утонченного аристократа. И все это - жесткое и неподвижное, словно деревянный истукан». Даже природа в этом горно-лесистом крае под стать разительным социальным и национальным контрастам, «состоит из таких крайностей, которые никогда не сойдутся друг с другом. В нескольких километрах от ухоженных, плодородных участков вы увидите дикую, неосвоенную местность. Аккуратные, теплые сады вдруг сменяются лесом и скалистыми кручами».⁷

Складыванию «образцового мира» между народами в Трансильвании явно не способствовала и первая мировая война. В условиях начавшегося передела Европы, заявив претензии на Трансильванию, Румыния могла достичь поставленной цели лишь при поддержке больших держав, в свою очередь искавших себе союзников среди малых стран. Еще в начале войны Россия обещала подействовать ей в получении этого богатого природными ресурсами края в случае перехода на сторону Антанты. 17 августа 1917 г. Румынией был заключен договор со странами Антанты, дававший ей право на занятие Трансильвании. Конкретные обстоятельства сложились так, что он фактически не утратил силу и после подписания сепаратного мира Румынии с Австро-Венгрией 7 мая 1918 г. В конце осени 1918 г., после революции в Австро-Венгрии,

положившей начало ее стремительному распаду, Румыния, ободренная заявлением президента США В.Вильсона в свою поддержку,⁸ развязала военные действия против Венгрии, не только оккупировав Трансильванию, но приняв летом 1919 г. самое активное участие в разгроме Венгерской Советской республики. Еще 1 декабря 1918 г. Народное собрание в Алба-Юлии (в венгерской традиции Дюлафехервар) провозгласило воссоединение Трансильвании с Румынией.

В ходе Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Венгрия пыталась отстоять Трансильванию, ссылаясь на «историческое право» и на хозяйственную целостность этого края, его привязанность к венгерской экономике в качестве источника сырья (такие аргументы сохранялись и позже; если первый из них был отброшен с падением хортизма, то второй фигурировал в выступлениях венгерской делегации на Парижской мирной конференции 1946 г.). Румыния также, хотя и реже, прибегала к историческим аргументам. Речь шла, в частности, о преемственности традициям дакской государственности, о континуитете проживания на территории современной Трансильвании латинского населения со времен Римской империи (тогда как венгры вторглись на эти земли лишь в конце IX века). Однако главным основанием для румынских притязаний всегда оставался этнический принцип, т.е. акцент делался на численное преобладание в Трансильвании румын.

Державы-победительницы поддержали точку зрения Румынии. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», - писал в своем обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции

⁷ Венгры и Европа. Сборник эссе. Составители В.Середа и Й.Горетить. Предисловие и комментарии В.Середы. М.: Новое литературное обозрение, 2002, с. 167 - 171.

⁸ В начале ноября 1918 г. Вильсон заявил, что ему импонирует идея объединения румын и США «не упустит оказать в нужное время свое влияние» для того, чтобы «румынский народ получил все принадлежащие ему национальные и территориальные права», застрахованные против всяких иностранных покушений. (Итоги империалистической войны. Вып. IV. Трианон. М.: Государственное военное изд-во 1926, с. X).

А.Мильеран.⁹ Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы были движимы не только желанием наказать венгров за коммунистический эксперимент и даже не только стремлением достичь любой ценой равновесия сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности. Окончательная резолюция была вынесена лишь в результате изучения группой международных экспертов этнических границ в регионе и особенностей расселения разных этносов в тех районах, где (как в Трансильвании) в силу смешанности состава населения было трудно или совсем невозможно провести этнические границы.¹⁰ Несмотря на усилия международных экспертов, установленные границы оказались далеко не идеальными, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. В частности, за пределами нового венгерского государства оказалось около 3 млн. венгров, приблизительно каждый четвертый представитель этого этноса.¹¹

⁹ См.: Трансильванский вопрос, с. 319. Очевидно, что в основе позиции французского лидера (как и лидеров Великобритании и США) лежало не абстрактное стремление к достижению справедливости, а забота о создании в послевоенной Европе такой системы международных отношений, которая бы ослабила Германию. В этих условиях Трансильвания превращается, по выражению Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой, в «разменную монету» в большой игре великих держав за передел уже поделенного мира. (Там же, с. 3 - 4).

¹⁰ В пользу объективности экспертов свидетельствует следующий небезынтересный факт. Крупный венгерский леволиберальный политик и ученый-политолог Оскар Яси, находясь после 1919 г. в эмиграции, опубликовал в журнале «Foreign Affairs» осенью 1923 г. статью, где сопоставил границы Венгрии, установленные по Трианонскому мирному договору 1920 г., с так называемой «линией Кошута». Речь идет о том, как понимал в конце 1850-х - 1860-е годы границы новой Венгрии великий венгерский революционер, строивший в это время планы Дунайской конфедерации, одной из составных частей которой должна была стать его родная страна. Сходство границ Венгрии в представлениях Кошута (в период эмиграции) и архитекторов Версальской системы довольно велико. Карта трианонской Венгрии сопоставляется с «линией Кошута» в книге: C. Bodea, V. Cuvdea. Transylvania in the History of the Romanians. New York, 1982.

¹¹ Из новейшей литературы, в которой анализируются последствия Трианонского договора для

Державы-победительницы, определявшие послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Вопреки всем декларациям о справедливости и работе международной экспертной комиссии, их политику при формировании Версальской системы отличало субъективное (и надо сказать, довольно понятное) стремление по возможности ослабить Венгрию, усилив одновременно позиции ее соседей. Территория нового венгерского государства согласно Трианонскому договору 1920 г. составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ).¹² Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли Венгрию по площади и по численности населения).

Как известно, согласно Трианонскому договору Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской

Венгрии, см.: Ласло Контлер. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002.

¹² Вследствие Трианонского договора Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую ранее автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия - Словакию и Закарпатскую Украину (чаще определявшуюся, в то время как Подкарпатская Русь), Австрия - самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии.

терминологии - Кришана) и Марамуреш перешли во владение Румынии. Общая площадь этих земель превысила 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории трианонскую Венгрию (93 тыс.). Хотя для такого решения устроителей Версальской системы имелись весьма серьезные основания (прежде всего преобладание румынского этноса в Трансильвании), проблем в результате не уменьшилось.¹³

С одной стороны, прежняя дискриминация румын сменяется новой - объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится двухмиллионное мадьярское меньшинство. Еще 9 декабря 1919 г. был заключен договор союзных держав с Румынией, согласно которому румынское правительство обязалось обеспечить защиту национальных меньшинств. Договором было, в частности, предусмотрено создание культурной (в том числе школьной и религиозной) автономии для компактных групп в 600 тыс. венгров, проживающих в Восточной Трансильвании на территории в 17 тыс. кв. км. Эта мера, однако, так и не была реализована. Кроме того, многим тысячам венгров было откатоано в получении румынского гражданства.¹⁴ Наряду

с этим существовало экономическое притеснение определенных категорий венгерского населения. Так, аграрная реформа первой половины 1920-х годов в Трансильвании не только конфисковала у венгерских помещиков около 2/3 принадлежавшей им земельной собственности (11,7 млн. га), главным образом в пользу румынских крестьян,¹⁵ но и согнала с земли массу венгерского крестьянства.¹⁶ По венгерским данным, в период между двумя мировыми войнами около 200 тыс. венгров предпочли эмигрировать из Румынии.¹⁷

С другой стороны, венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, исторические судьбы которого на протяжении столетий были довольно тесно переплетены с судьбами самой Венгрии. Отрыв венгерской промышленности от важных источников сырья, оставшихся в Трансильвании, а сельского хозяйства от одного из главных рынков сбыта своей продукции, как и утрата некоторыми знатными фамилиями венгерской аристократии своих наследственных земельных владений, стали факторами, в значительной мере способствовавшими эскалации территориальных притязаний Будапешта в отношении восточного соседа. Внешняя политика хортистского режима была

¹³ Трудно не согласиться с мнением Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой о том, что Трианонский мирный договор «заложил бомбу замедленного действия под здание так называемого «мирного урегулирования» в восточной части континента». (Трансильванский вопрос. Введение, с. 5).

¹⁴ Согласно упомянутому договору от 9 декабря 1919 г. Румыния обязалась признать своими полноправными гражданами всех лиц, проживающих или родившихся на территориях, отходящих под ее юрисдикцию. Несмотря на это обязательство, румынское правительство законом, принятым в 1924 г., поставило дополнительные условия для получения гражданства, и, используя положения этого закона, отказалось подтвердить подданство около 250 тыс. венгров, проживавших в Трансильвании и относившихся к ее коренному населению. Многие из этих лиц вследствие трудностей, обусловленных непрочностью социального положения, переселились в Венгрию, некоторые вернулись в родные края после передачи Венгрии Северной Трансильвании в августе 1940 г. См. об этом в записке венгерской делегации, адресованной Парижской мирной конференции 1946 г.: Трансильванский вопрос, с. 423.

В связи с незаконными ограничениями официальным Бухарестом прав нерумынского населения, гарантированных международным соглашением,

заключенным в декабре 1919 г. и подписанным также румынским правительством, Великобритания и Франция выступили в начале 1938 г. с дипломатическим демаршем, за которым, правда, стояла не столько забота о меньшинствах, сколько недовольство все более намечавшимся к этому времени прогерманским внешнеполитическим курсом Румынии (показательно, что столь решительных протестов такого рода со стороны Лондона и Парижа, как правило, не поступало в условиях, когда Бухарест придерживался последовательно профранцузской ориентации). В противоположном лагере также в зависимости от политической конъюнктуры звучали аналогичные протесты. Характерно, в частности, на шумевшее заявление Муссолини от 1 ноября 1936 г. (в один из моментов особой близости Рима с Будапештом) о миллионах поработанных венгров в Румынии. См.: Трансильванский вопрос, с. 178, 186.

¹⁵ Там же, с. 180.

¹⁶ Вопрос об ущемлении прав национальных меньшинств при осуществлении аграрной реформы в Трансильвании поднимался венгерской стороной в Лиге наций в 1925 - 1927 гг.

¹⁷ Трансильванский вопрос, с. 407.

изначально направлена на ревизию трианонских границ, восстановление Великой Венгрии, причем, пожалуй, ни одно европейское государство (включая Германию) не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия. При этом с точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства.¹⁸ Надо сказать, что ирредентистский курс хортистских правительств находил поддержку в весьма широких слоях венгерского общества, с большим трудом адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн. венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины.¹⁹ Забегая

немного вперед, заметим: когда в 1940 г. при поддержке Гитлера и Муссолини Северная Трансильвания была возвращена Венгрии, миллионы венгров как в самой стране, так и в соседних государствах восприняли это как восстановление исторической справедливости.²⁰

Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти в Венгрии вследствие падения Венгерской советской республики 1919 г., как известно, с крайней непримиримостью

ирредентистской основе. Это движение на первых порах ставило себе задачей борьбу за сохранение национального единства в чуждом государстве и, в конечном счете, преследовало цель добиться ревизии трианонских границ и возвращения отторгнутых территорий Венгрии. Со своей стороны, венгерские правители всячески разжигали и поощряли ирредентистское движение в соседних с Венгрией странах, расширивших свои территории после мировой войны за счет Венгрии». (Трансильванский вопрос, с. 171). Готовившиеся во время войны и частично опубликованные в названном сборнике аналитические записки Б.Гейгера по проблемам внешней политики Венгрии, о венгеро-румынском территориальном споре, хотя, конечно, и не свободны от вульгарных классовых схем, соответствующих времени своего написания, вместе с тем представляют собой образцы довольно глубокого политического анализа (Там же. Док. 47, 48).

²⁰ Объективности ради, надо все же заметить, что в 1930-е годы, в условиях, когда международная обстановка не позволяла открыто ставить вопрос о возвращении спорных территорий, в венгерской политике наблюдалась и компромиссная тенденция в отношении с Румынией. Некоторые прогермански настроенные деятели хотели урегулировать трансильванский вопрос таким образом, чтобы Трансильвания либо была превращена в небольшое буферное государство между Румынией и Венгрией, либо, в худшем случае, осталась в составе Румынии с широкими правами автономии. Следствием этой линии в венгерской политике явилось соглашение между Венгрией и странами Малой Антанты, подписанное в Бледе (Югославия) 23 августа 1938 г. В ответ на обещание Венгрии не применять силы оно предусматривало согласие Румынии и Югославии заняться урегулированием вопроса о положении венгерского национального меньшинства в этих странах. В последующие месяцы, с крахом Чехословакии, изменение соотношения сил на международной арене открыло перед венгерским ревизионизмом более благоприятные перспективы, и этим незамедлительно воспользовалось хортистское правительство, вновь активизировавшее антирумынскую кампанию. Подробнее см.: А.И. Пушкаш. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 - сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2003.

¹⁸ В свою очередь и в Румынии, - в этом можно согласиться с М.М. Литвиновым, - «несмотря на программные различия между разнородными группами и течениями румынской политической жизни, вопрос о сохранении под своим господством территорий, приобретенных после Первой мировой войны - Бессарабии, Трансильвании, Буковины, Добруджи - не вызывал между ними значительных разногласий». (Из справки о Трансильвании от 5 июня 1944 г., составленной председателем Комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвиновым. Там же, с. 233).

¹⁹ «Венгерское национальное самосознание было скроено по образцу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20-30-миллионным населением, в котором мадьярский приоритет базировался не только на вульгарных принципах статистического большинства и расовой принадлежности, но и на исторических и политических достижениях нации. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн. граждан», - справедливо замечает в этой связи современный венгерский историк Л.Контлер. (Ласло Контлер. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы).

В подготовленной референтом Наркоминдела СССР Б.Я. Гейгером в июне 1942 г. справке «Планы восстановления «исторической Венгрии» в довоенных границах» давался следующий анализ ситуации: «Искусственный отрыв в ряде случаев компактных масс мадьяр от Венгрии сделал неизбежным возникновение сепаратистского движения на территории государственных наследников и сплочение венгерских меньшинств на

относились к коммунистической идеологии и видели в экспансии Советов на Запад главную угрозу мировой цивилизации. «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», - такова была позиция регента Венгрии, изложенная в одном из писем.²¹ При всем при этом идеологический фактор отступал на задний план там, где дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала основа для сближения двух стран, тем более, что каждая из них имела свои территориальные претензии к Румынии.²² По мере того, как в условиях второй мировой войны все более реальной становилась перспектива дальнейшего пересмотра границ в Центральной и Юго-Восточной Европе (начавшегося еще в 1938 г.), венгерская политическая элита все больше осознавала общность устремлений СССР и Венгрии,

нацеленных на приобретение определенной части румынской территории. Как отмечал в начале 1940 г. в своем рабочем дневнике полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов, как в политических кругах Будапешта, так и среди иностранных дипломатов, работавших в Венгрии, высказывались предположения о продвижении СССР в обозримом будущем на балканском направлении, первой же страной, стоявшей на пути ожидаемой советской экспансии, была в силу своего географического положения Румыния.²³ В предвкушении столь желательного для хортистской Венгрии развития событий ее министр иностранных дел граф И. Чаки, беседуя с журналистами, депутатами парламента, иностранными дипломатами, с удовлетворением констатировал «нормальный» характер советско-венгерских отношений, отсутствие взаимных претензий. В январе 1940 г., встречаясь в Венеции с министром иностранных дел Италии зятем Муссолини Г. Чиано, он якобы признавался итальянскому коллеге: «мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем».²⁴ Ориентации на сближение (конечно, до известных пределов²⁵) с СССР в целом не препятствовало и осознание венгерскими

²¹ Цит. по: История Венгрии. Т.3. М.: «Наука», 1972, с. 292.

²² Обещание царской России посодействовать Румынии в получении Трансильвании утратило свое значение с выходом России из войны, Румыния получила Трансильванию при помощи Великобритании, Франции и США. С другой стороны, воспользовавшись сложным положением Советской Республики, Румыния в начале 1918 г. оккупировала Бессарабию. Эта акция так никогда и не была признана Советским Союзом в качестве законной. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, при установлении дипломатических отношений с СССР весной 1934 г. правители Венгрии руководствовались стремлением добиться сотрудничества с Москвой на основе нерешенного бессарабского вопроса. Те же мотивы сыграли решающую роль при возобновлении отношений осенью 1939 г., вскоре после заключения советско-германского пакта (за полгода до резкого поворота во внешней политике СССР, а именно в феврале 1939 г., они были прерваны по настоянию Москвы вследствие присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту). См., в частности: Т.А. Покивайлова, Т.М. Исламов. Трансильвания - яблоко раздора между Венгрией и Румынией. В: Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994, с. 75 - 77; Они же. Трансильванский вопрос. Введение, с. 6. См. также: А.И. Пушкеш. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 - февраль 1934 г. М., 1995; Он же. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 - январь 1937 г. М., 1996; Он же. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 - сентябрь 1939 г. М., 2003.

²³ Трансильванский вопрос, с. 13.

²⁴ Там же, с. 23 (Из дневника Н.Шаронова. Запись по итогам беседы с Чаки 13 февраля 1940 г.).

²⁵ Эти пределы были обусловлены не только принципиальной непримиримостью консервативной и отчасти праворадикальной политической элиты Венгрии к коммунистической идеологии, но и сохранявшейся линией правительства П.Телеки на то, чтобы не сжигать окончательно мостов к англо-франко-американской коалиции. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Удобным поводом для развязывания в Венгрии массовой пропагандистской кампании антисоветской направленности стала зимой 1940 г. военная акция СССР против этнически родственной венграм Финляндии. Подробнее о венгерской политике в этот период и ее оценке советской дипломатией см.: Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 - июнь 1941 года. В: Война и политика. 1939 - 1941. М.: «Наука», 1999, с. 456 - 471. См. также их раздел в коллективном труде: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 - 1941 гг. М.: Индрик, 1999.

лидерами непрочности советско-германского союза, возникшего вследствие определенного (временного) соотношения сил на международной арене и не имевшего долгосрочной перспективы. Ссылки на высказывания венгерских политиков о недолговечности дружественных советско-германских отношений стали общим местом в донесениях Шаронова, следовавшего официальной линии Наркоминдела и постоянно убеждавшего своих собеседников в том, что две великие европейские державы, якобы не имевшие между собой неразрешимых противоречий, всегда способны договориться.²⁶

В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала оживления великомадярского ревизионизма и эскалации территориальных притязаний Будапешта.²⁷ Это заставляло ее принимать меры безопасности, укрепляя, в частности, западные границы Румынии. Принятию румынскими властями надлежащих мер предосторожности среди прочего способствовали прозвучавшие в феврале 1940 г. чересчур вызывающие публичные заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия «не потерпит отсрочки разрешения Трансильванского вопроса до греческих календ».²⁸ Позиция официального Будапешта особенно ужесточилась вследствие активизации вначале 1940 г. так называемой «Балканской Антанты», включавшей в себя Румынию, Югославию, Грецию и Турцию - страны, заинтересованные в сохранении статус-кво в регионе. Чтобы склонить в свою пользу мнение крупных держав, в венгерском МИДе давали заверения иностранным

дипломатам о существующих якобы планах предоставления Трансильвании автономии в составе Венгрии. Боясь, однако, связать себя чересчур далеко идущими обещаниями, представители соответствующих венгерских правительственных структур делали в то же время и существенные оговорки. В прозвучавшей в некоторых заявлениях мысли о том, что установление особого статуса нацменьшинств в будущей венгерской Трансильвании не способно снять остроту существующей проблемы, легко прочитывался заблаговременный отказ в предоставлении румынам такого статуса.²⁹

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом как одной из больших держав были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран-строителей Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П.Телеки хорошо осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав так называемой «оси» и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии все более явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем, накануне войны в Берлине поддерживали эти планы Венгрии прежде всего в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной «третьему рейху» Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже все менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, поскольку резонно полагали, что чрезмерное усиление Венгрии будет способствовать проведению ее правительством слишком независимого внешнеполитического курса (такое представление поддерживал и совсем недавний исторический опыт - попытки, пускай и тщетные, официального Будапешта

²⁶ См., например: Трансильванский вопрос, с. 154 - 155.

²⁷ В условиях начавшейся второй мировой войны, 30 сентября 1939 г., попытки итальянско-югославского посредничества привели Венгрию и Румынию к обоюдному согласию отвести часть войск, сосредоточенных вдоль границы, однако через несколько месяцев все вернулось в прежнее, крайне напряженное состояние, чреватое возможностью военного конфликта.

²⁸ Трансильванский вопрос, с. 22. (Из дневника полпреда Н.Шаронова).

²⁹ На это обратил внимание и полпред Н.И. Шаронов. (Там же, с. 23). Надо вместе с тем заметить, что и румынское правительство в предшествующие годы отказывалось пойти на соглашение с венгерским в вопросе об определении особого статуса венгерского меньшинства в Румынии, мотивируя свою позицию сохранявшимися территориальными притязаниями Венгрии.

во второй половине 1930-х годов через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некоторый противовес германской доминации в регионе³⁰). Сказывалась также заинтересованность «третьего рейха» в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции - в частности, в Румынии и в «независимой» Словакии. Открытая поддержка венгерских ревизионистских требований исключила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, тогда как с точки зрения осуществления германских планов в отношении СССР и на Балканах Румыния была для Берлина не менее, а даже более важной страной, чем Венгрия.³¹ К явному негодованию хортистов, «третий рейх» после уничтожения Чехословакии санкционировал образование на коронных землях «Святого Стефана» «самостоятельного» словацкого государства, фактически германского протектората.³² В свою очередь оккупация Венгрией всей Подкарпатской Руси,³³ произошедшая совсем

не по сценарию, написанному в Берлине, вызвала со стороны фюрера гневную реакцию.³⁴

Недовольство, таким образом, было взаимным. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской политической элиты отличалась далеко не «аншлюсскими» настроениями, совсем не собираясь жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгии. При том, что обе страны требовали кардинального пересмотра Версальской системы, и это составляло основу для сближения, попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм гитлеровской Германии оказывались поначалу не слишком удачными, поскольку о совпадении интересов речи быть не могло. Как справедливо отмечалось в записке НКВД СССР (июнь 1942 г.), «попытки Германии дальнейшего раздробления Юго-Восточной Европы, политика балканизации Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств - находится в вопиющем противоречии с планами венгерского империализма, преследующими цель установления гегемонии Венгрии в Карпатском бассейне».³⁵

Почти столь же сдержанную позицию занимал в отношении венгерского

³⁰ Из новейшей литературы по проблеме см.: А.И. Пушкеш. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 - сентябрь 1939 г.

³¹ Как следует из документов, это понимали и в Наркоминделе СССР. См. записку Б.Гейгера, относящуюся, правда, уже к другому периоду второй мировой войны (17 декабря 1942 г.): Трансильванский вопрос, с. 185.

³² В первые месяцы после провозглашения в марте 1939 г. словацкого государства недовольство проправительственных кругов Венгрии Германией было столь велико, что любая мысль о союзе с «третьим рейхом» воспринималась значительной частью общественного мнения как измена родине. (См. об этом в информации полпредства СССР в Венгрии за декабрь 1940 г.: Трансильванский вопрос, с. 120).

³³ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938-1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) площадью около 12 тыс. кв. км и населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. В августе 1940 г. на основании второго венского арбитража (см. ниже) Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км). Весной 1941 г., во время антиюгославской кампании «третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и

закрепила за собой часть территории Югославии общей площадью около 12 тыс. кв. км.

³⁴ О проблемах международных отношений, связанных с разделом Чехословацкой республики, образованием «независимой» Словакии, а также о планах использования Гитлером Подкарпатской Руси в качестве инструмента давления на Венгрию и Польшу см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 - 1941 гг. Отв. редакторы В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999.

³⁵ Из справки референта 3-го Европейского отдела НКВД СССР Б.Я. Гейгера «Планы восстановления «исторической Венгрии» в довоенных границах» (25 июня 1942 г.). Трансильванский вопрос, с. 173. Еще задолго до начала второй мировой войны некоторые лидеры и идеологи «третьего рейха» обращали внимание на несовпадение стратегических целей нацизма и хортизма. Так, А.Розенберг в ноябре 1936 г. выступил в прессе против «венгерских фантастических ревизионистских устремлений», заявив, что «собрание сил против большевизма важнее, чем создание ревизионистского блока». (См. там же, с. 186).

ирредентизма официальный Рим.³⁶ Г.Чиано, встречаясь с И.Чаки в январе 1940 г., по некоторым сведениям, советовал венграм отложить выполнение своих требований до окончания войны на западном фронте, т.е. до поражения Франции и Англии.³⁷ В принципе Италия выражала готовность поддержать венгерские территориальные претензии к Румынии лишь при мало выполнимом условии, чтобы в результате будущих «поправок несправедливостей Трианона» численность национальных меньшинств во вновь присоединенных к Венгрии районах не превысила бы 30%.³⁸ Причем позиция Германии и Италии в трансильванском вопросе была, по просочившимся сведениям, согласованной - в ходе встречи лидеров двух стран в Бреннере (на границе Австрии и Италии) в начале весны 1940 г. было принято негласное решение не потакать «чрезмерным» венгерским амбициям.³⁹ Весьма проблематичны были для Венгрии поиски надежных союзников и среди менее значимых участников «европейского концерта» (таких, как, например, Югославия или Турция). «С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников», - говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н.Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич.⁴⁰

Отрицательное отношение держав «оси» к максималистским планам восстановления Великой Венгрии не могло не вызывать в

Будапеште плохо скрываемого раздражения. 13 февраля, еще до бреннерской встречи, Чаки говорил Шаронову: «мы от своего не откажемся никогда и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжем пожар во всей Европе».⁴¹ Правда, в тот же день венгерский министр иностранных дел заверял советского полпреда в том, что для Венгрии все же предпочтителен мирный путь решения трансильванской проблемы: «мы не хотим войны и удерживаемся от всего, что могло бы дать румынам возможность ее спровоцировать».⁴² Речь шла о шумной пропагандистской кампании, развязанной в Румынии в связи с эскалацией венгерских территориальных притязаний, о мерах Бухареста по дальнейшему укреплению западных границ.

С начала июня 1940 г., по мере того, как все очевиднее становился успех Германии на западном фронте, полпредство СССР в Венгрии фиксирует широко распространившиеся в Будапеште слухи о планах СССР по захвату Бессарабии в самом ближайшем будущем. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приеме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только ждут занятия Советским Союзом Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию.⁴³ Столь откровенным заявлениям военных не противоречили высказывания в венгерских внешнеполитических кругах. Так, зав. отделом печати МИД Венгрии А.Уллейн-Ревички 24 июня на завтрак с германскими журналистами говорил, что Венгрия больше ждуть не может и должна начать маршировать.⁴⁴ В июне все интенсивнее становятся военные приготовления Венгрии на восточной границе, продолжается широкая мобилизация: численность армии 10-миллионной страны к середине июля была доведена до 1,2 млн. человек.⁴⁵

³⁶ В 1930-е годы поддержка Италией венгерских территориальных притязаний находилась в тесной зависимости от дипломатических игр, которые вел на международной арене режим Муссолини в целях укрепления своего великодержавного положения и сохранения, хотя бы относительного равноправия в диалоге с Берлином. Важное место во внешнеполитической тактике Рима занимало установление краткосрочных союзов с некоторыми малыми и средними (как Польша) европейскими государствами, далеко не в последнюю очередь с Венгрией.

³⁷ Трансильванский вопрос, с. 20. (Из дневника Н.Шаронова).

³⁸ Там же, с. 27.

³⁹ Там же, с. 28.

⁴⁰ Там же, с. 20 - 21.

⁴¹ Там же, с. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 33.

⁴⁴ Там же, с. 35.

⁴⁵ Там же, с. 48. С 1 июля в ответ на объявленную в Румынии (из-за имевшихся опасений венгерского

Сосредоточение по обеим сторонам границы большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооруженного столкновения, тем более, что предельное обострение двусторонних отношений не могло не сопровождаться пограничными инцидентами.⁴⁶

В сложившейся обстановке официальный Будапешт все более последовательно демонстрирует свое стремление к сближению с СССР, что проявилось среди прочего в двухкратном посещении (в течение месяца) графом Чаки советского полпредства, что было жестом беспрецедентным, не имевшим аналогов даже в его отношениях с германской миссией. Подобная демонстрация близости с Советами даже породила среди иностранных дипломатов отмеченные в рабочем дневнике Шаронова слухи о том, что вопрос о взаимной акции СССР и Венгрии в отношении Румынии уже решен.⁴⁷ Правда, официальные лица Венгрии своими заявлениями тех дней не только ставили под сомнение подобного рода предположения, но и выражали опасения в связи с дальнейшими действиями СССР после аннексии Бессарабии. Так, Чаки в конце июня делился с югославским посланником своими мрачными предчувствиями того, что СССР «хотя и неизвестно когда, но произведет нападение на Венгрию».⁴⁸ Озабоченности венгерского министра несомненно не могли не способствовать развернувшиеся в июне 1940 г. события вокруг прибалтийских стран,

нападения) всеобщую мобилизацию начинается всеобщая мобилизация в Венгрии.

⁴⁶ Венгерское общество в целом не разделяло эйфории правящей верхушки, не только уверенной в успехе в случае конфликта с Румынией, но и провоцировавшей такой конфликт. Полпредство располагало сведениями о сильных антивоенных настроениях в Венгрии. (См.: там же, с. 41).

⁴⁷ Там же, с. 35.

⁴⁸ Там же, с. 34 - 35. Очевидно, граф Чаки, не чуждый, подобно большинству венгерских консервативных политиков, комплекса панславистской угрозы для Венгрии, преследовал своей целью указать югославскому дипломату на нежелательность сближения его страны с СССР ввиду той опасности, которую представлял для Венгрии большевистский режим. Надо при этом иметь в виду, что в отличие от СССР Югославия не могла служить Венгрии союзником в осуществлении ревизионистских планов, направленных против Румынии, речь могла идти лишь о ее нейтрализации в случае конфликта.

завершившиеся в конце концов их советской оккупацией и «добровольным» присоединением к СССР. Советская политика в Прибалтике оживила в хортистской Венгрии комплекс советской угрозы до такой степени, что зав. отделом печати МИД говорил 24 июня немецкому журналисту: «СССР сейчас расправляется с прибалтийскими государствами, а следующим его шагом после установления там советской власти будет, наверное, Венгрия».⁴⁹ Впрочем, в кругу иностранных дипломатов, находившихся в Будапеште, не слишком были склонны разделять (даже в свете прибалтийских событий) опасений относительно судеб Венгрии. Там резонно полагали, что последующая экспансия СССР пойдет в балканском, а не средневропейском направлении.⁵⁰

Нота с требованием «в интересах восстановления справедливости» приступить «к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу» была направлена румынскому правительству 26 июня,⁵¹ через 4 дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет (вплоть до аншлюса Австрии и краха Чехословакии) выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в ее границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идет об «уступках временного порядка».⁵² 28 июня Красная Армия перешла Днестр.

Советская акция по присоединению Бессарабии (а также Северной Буковины) вызвала нескрываемое воодушевление в венгерских политических кругах. «Население города взволновано. Отношение к нам хорошее», - записал в своем рабочем дневнике полпред Н.И. Шаронов вечером 27 июня.⁵³ В

⁴⁹ Там же, с. 35.

⁵⁰ Так, югославский посланник в Венгрии Рашич, посетивший Шаронова 3 июля, уже после советской оккупации Бессарабии, заметил, что «весь мир следит за расширением СССР и здесь все говорят, что дальнейшее движение СССР будет в направлении к Дарданеллам» (Там же, с. 38).

⁵¹ Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М.: «Наука», 1987, с. 363 - 364.

⁵² Трансильванский вопрос, с. 54, 104.

⁵³ Там же, с. 36.

передовицах правительственных газет от 28 июня выражалось удовлетворение тем, что «целостности Румынии больше не существует», при этом советские требования назывались вполне справедливыми. Зам. министра иностранных дел Венгрии Я.Ворнле, поздравив Шаронова с успешным осуществлением акции, заметил, что они, т.е. венгры «этому рады больше, чем какое-либо другое государство», так как для них это означает ликвидацию принципа целостности Румынии и «более легкую возможность продолжить то», что начал СССР.⁵⁴ Созданный Советским Союзом прецедент существенно облегчал, таким образом, решение самой насущной внешнеполитической задачи, поставленной перед собой хортистским правительством. Венгерский посланник в Москве И.Криштоффи, принятый 29 июня заместителем наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозовым, также в свою очередь выразил удовольствие успешно проведенной операцией. Напомнив собеседнику о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия еще нет.⁵⁵ Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран заставили хортистскую политическую элиту на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортистов к сближению, очевидно просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого противодействия нежелательной германской экспансии в направлении Балкан. Еще до

событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, В.М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что «советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии».⁵⁶ Принимая Криштоффи 3 июля, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии.⁵⁷ Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н.И. Шаронов в информационно-аналитическом письме, адресованном в НКВД, был вынужден констатировать: «заявление Народного Комиссара подействовало в Венгрии чрезвычайно успокоительно, и после него до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись».⁵⁸ Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более позитивной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скупился на сентименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами членов парламентской комиссии по иностранным делам.⁵⁹ Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, явились

⁵⁴ Там же, с. 39.

⁵⁵ Там же, с. 44 - 45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также прозондировал почву, «как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии». Зам. наркома предпочел уклониться от прямого ответа, спросив своего собеседника, а ставится ли этот вопрос Венгрией в настоящее время. Криштоффи ответил, что имеется в виду мирное разрешение вопроса на конференции, не уточнив, о какой конференции идет речь. (Там же, с. 45).

⁵⁶ Телеграмма В.Молотова Н.Шаронову от 5 июля 1940 г. Там же, с. 46.

⁵⁷ Там же. Хотя Криштоффи на уже упоминавшейся встрече с Деканозовым 29 июня говорил о планах мирного разрешения вопроса на международной конференции, в кругах хортистской элиты существовали и другие мнения о путях разрешения проблемы. Что касается встречи Молотова с венгерским послом 3 июля, то тогда же советская сторона дала согласие на заключение советско-венгерского торгового соглашения (подписано 3 сентября 1940 г.).

⁵⁸ Там же, с. 117.

⁵⁹ Там же, с. 48. (Из дневника Н.Шаронова).

жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотели запугать «чудовищной» хортистско-советской коалицией на антирумынской платформе, сколько Берлину - от последнего ждали серьезных подвижек в трансильванском вопросе с учетом нежелательного для держав «оси» роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне.⁶⁰ Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своем рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает ее против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной, заполучить от Румынии и некоторые другие территории.⁶¹ Причем такая тактика в отношении Венгрии рассматривалась как частный случай более широкой стратегии - подтолкнуть Германию и ее союзников против Англии с тем, чтобы после ослабления обеих воюющих сторон занять

доминирующее положение в Европе, что уже совсем не отвечало интересам режима Хорти.

При том, что ревизия границ с Румынией стала для хортистской Венгрии неотложной задачей текущей политики (в июне-июле ревизионистские требования, как уже отмечалось, резко усилились), единства в вопросе о методах ее решения не было. Крайне правый депутат Ш.Райниш,⁶² с которым советский полпред поддерживал особенно тесные, доверительные отношения, говорил ему за дружеским завтраком 28 июня: хотя «венгерская общественность» очень довольна, что СССР начал разрушать здание «великой Румынии», к тому же дело обошлось без войны, «но венгры предпочитали бы видеть войну СССР с Румынией, чтобы самим тоже броситься на Румынию, которая в случае двухсторонней войны будет сразу раздавлена, а одной Венгрии будет трудно [это сделать]».⁶³ Из беседы с тем же Райнишем 17 июля Шаронов узнал о том, что венгерские генералы отнюдь не ограничивались воинственной риторикой, генштаб даже разработал конкретный план боевых действий с восточным соседом в расчете на то, что Румыния отклонит ультиматум СССР и Венгрия сможет выступить сразу же после начала войны Румынии с СССР.⁶⁴ Мирный исход советско-румынского территориального спора вызвал даже некоторое разочарование венгерских военных, предвкушавших (без каких-либо серьезных на то оснований) победоносную кампанию. Впрочем, силовой способ разрешения трансильванской проблемы не исключался и после того, как Советский Союз исполнил свою «освободительную миссию». Существовали планы перехода войсками границы в случае серьезных волнений в Румынии, особенно на этнической основе. Заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил советскому полпреду 5 июля о том, что по полученным венгерским правительством сведениям, «румыны вооружают румынское население в смешанных районах, и если хоть один венгр

⁶⁰ Там же, с. 51. По сообщению Шаронова, ссылавшегося на свою беседу с турецким посланником, среди иностранных дипломатов, работавших в Будапеште, воспринимались как вполне правдоподобные слухи о том, что венгры получили в Москве некоторые «заверения» о помощи в разрешении трансильванского вопроса в пользу Венгрии. (Там же, с. 43).

⁶¹ Там же, с. 58 - 59. И в последующие месяцы, вплоть до поздней весны 1941 г., среди венгерской политической элиты были устойчивыми слухи о выработанных в Москве планах перехода Красной Армией реки Прут и оккупации румынской Молдовы вплоть до Карпат. Новое продвижение советских войск предполагалось опять-таки использовать (насколько это было возможно) в интересах дальнейшего расширения Венгрии. (Там же, с. 156, 161, 163).

⁶² Впоследствии министр просвещения в правительстве нилашистов, казненный в 1946 г. как военный преступник.

⁶³ Трансильванский вопрос, с. 36.

⁶⁴ Там же, с. 48.

будет там убит, мы немедленно начнем войну».⁶⁵ Подобные заверения отдавали некоторым блефом. Пожалуй, несколько искреннее был в беседе с Шароновым зав. отделом печати МИД Уллейн-Ревецки, который 27 июня на прямой вопрос советского дипломата, не думают ли венгерские лидеры начать войну с Румынией, ответил, что «Венгрия уже давно готова к войне, но ее начало зависит от разрешения Германии и Италии».⁶⁶ В середине июля Телеки и Чаки были приняты в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, очевидно, рекомендовавшими венгерским коллегам не торопиться с разрешением трансильванского вопроса и, во всяком случае, избрать путь мирных переговоров.⁶⁷ Упомянутый Ворнле, которому, очевидно, не слишком импонировала зависимость Будапешта от Берлина в принятии ключевых решений, пытался в беседе с полпредом объяснить отсрочку с разрешением вопроса следующим образом: Венгрия не торопится начать войну в ближайшие две-три недели, так как не хочет мешать Германии и Италии покончить с Англией, но после этого венгры начнут действовать, при самом же благоприятном стечении обстоятельств они готовы действовать, оставив без внимания предупреждение держав «оси».⁶⁸ Судя по беседе германского посланника с Шароновым 27 июня (в день, когда Румыния должна была дать ответ на советский ультиматум), немцы ожидали, что Венгрия может выступить с аналогичным ультиматумом, однако едва ли начнет войну без согласования с Берлином.⁶⁹ Вопреки утверждениям венгерских официальных лиц о неизбежности столкновения с Румынией среди зарубежных дипломатов в Будапеште, встречавшихся с

Шароновым, было все же распространено мнение о том, что Венгрия не пойдет на военный конфликт со своим восточным соседом, значительно превосходящим ее по численности населения.⁷⁰ Фактором, несколько остужавшим воинственный пыл хортистских политиков и генералов, были опасения вмешательства в конфликт на стороне Румынии третьих стран, и в частности дружественной ей Югославии. Не удивительно, что Криштоффи 3 июля по поручению своего правительства спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией.⁷¹ Кроме того, хортисты для пущей уверенности хотели заручиться поддержкой Болгарии, также имевшей территориальные претензии к соседней Румынии (в Южной Добрудже).⁷²

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги «третьего

⁷⁰ См. беседу советского полпреда со словацким посланником от 10 июля: там же, с. 43. В дипкорпусе также высказывались не вполне обоснованные предположения о том, что Румыния сама уступит Венгрии часть Трансильвании, на всю же Трансильванию венгры и не рассчитывают. (Там же, с. 33). Что касается последней части этого утверждения, то Ворнле действительно не уставал заверять своих иностранных собеседников, что Будапешт не требует от Румынии всей Трансильвании. (Там же, с. 40).

⁷¹ Молотов воздержался от каких-либо обещаний на этот счет, сославшись на то, что отношения СССР с Югославией недостаточно установлены. (См. там же, с. 45).

⁷² 5 июля Чаки посоветовал болгарскому посланнику «начинать», т.е. предъявить Румынии ультимативные требования в отношении Добруджи. (Там же, с. 42). Вопрос о возвращении Болгарии Южной Добруджи, где преобладало болгарское население, был решен в сентябре 1940 г. путем переговоров. Уступчивость Румынии болгарским притязаниям (конечно же, гораздо менее значительным, нежели венгерские) заметно контрастировала с их непримиримостью в трансильванском вопросе. Н.Шаронов в донесении В.Деканозову от 17 августа писал о том раздражении, которое вызвала у венгерской политической элиты тактика Румынии: «удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника - Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе». (Там же, с. 59 - 60).

⁶⁵ Там же, с. 40.

⁶⁶ Там же, с. 36.

⁶⁷ В дни поездки в Мюнхен о предпочтительности мирного пути речь шла в беседах Шаронова с прогермански настроенными депутатами и журналистами. (Там же, с. 47). В те же дни посол зафиксировал в своем дневнике происходившие в дипломатических кругах разговоры о том, что Германия категорически рекомендовала Венгрии подождать с разрешением трансильванского вопроса. (Там же, с. 43).

⁶⁸ Там же, с. 40.

⁶⁹ Там же, с. 36.

рейха» не скрывали раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев в информационном письме Молотову от 30 июля привел заявление одного из германских официальных лиц о том, что «с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством».⁷³

В Румынии проправительственные круги, не теряя надежды на возвращение Бессарабии, рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий на Балканах и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. 30 июля один из влиятельнейших правых журналистов Румынии П.Шейкару писал в своей газете «Курентул»: «не надо забывать, что границы в настоящее время непрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто диктует новое устройство Европы».⁷⁴ Как резюмировало полпредство СССР, «враждебная политика румынского правительства по отношению к Советскому Союзу перешла в скрытую, затаенную форму, с расчетом на перспективное столкновение интересов Советского Союза и Германии».⁷⁵

В Будапеште действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине также рассматривались в контексте скрытого советско-германского противостояния на Балканах, знали там и о недовольстве Германии советской оккупацией этих территорий, особенно Северной Буковины, никогда не входившей в состав Российской империи. Реакция в Берлине на происходящее могла лишь послужить дополнительным подтверждением распространенному среди венгерской политической элиты мнению о непрочности советско-германского пакта и в этой связи делались важные оговорки и касательно более отдаленных перспектив внешне совсем, казалось бы, безоблачных в июне-июле 1940 г. советско-венгерских отношений. Так, 1 июля, вскоре после ввода советских войск в

Бессарабию, Чаки говорил югославскому посланнику Рашичу о том, что отношения СССР с Германией не так хороши, как обе стороны пытаются представить; пока еще Германия вынуждена «терпеть» действия Советов на Балтике и в Румынии, но после окончания войны на Западе (т.е. победы «третьего рейха» над Англией) германо-советские, а вслед за ними и венгеро-советские отношения претерпят большие изменения, поскольку «за хорошего соседа нас надолго считать нельзя».⁷⁶ Обнадеживающее заявление Молотова при встрече с Криштоффи 3 июля могло лишь несколько откорректировать такую позицию, но не изменить ее сути.

Принимая, таким образом, в расчет предстоящее ухудшение отношений СССР и Германии и видя уже первые симптомы такого ухудшения, чреватого принципиальным изменением расклада сил на международной арене (что означало непредсказуемость дальнейшей ситуации в регионе), венгерская политическая элита должна была форсировать решение стоявших на повестке дня задач, максимально используя уже имеющиеся возможности. «Слухи о желании Румынии начать хорошие отношения с нами, вместе с неверием кабинета министров в продолжительность хороших советско-германских отношений, заставляют венгров спешить с разрешением конфликта», - докладывал Шаронов Деканозову 17 августа.⁷⁷ Стремление венгерской стороны к ускорению событий было тем определеннее, что внутреннее положение, сложившееся в Румынии к середине августа, справедливо расценивалось венграми как нестабильное, не обеспечивающее для Румынии возможности «нормального» ведения войны. В этих условиях силовой путь казался многим в

⁷³ Там же, с. 54.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, с. 55.

⁷⁶ Там же, с. 37. (Из дневника Н.Шаронова). Все-таки, коль скоро инициатива в советско-германском соперничестве принадлежала Германии, венгерские политические наблюдатели были готовы до известной степени признать оборонительный характер действий СССР. Как говорил Шаронову югославский посланник Рашич, оккупация Советским Союзом Северной Буковины «трактруется как в венгерских, так и в дипломатических кругах, как приготовление СССР к защите против Германии». (Там же, с. 38).

⁷⁷ Там же, с. 60.

Будапеште все более предпочтительным. Не надеясь получить путем переговоров сколько-нибудь значительной части Трансильвании, влиятельные силы в Венгрии резонно полагали, что в случае войны и поражения противника у них будет шанс получить всю Трансильванию плюс компенсации за репарации в пользу Румынии, наложенные на Венгрию по итогам первой мировой войны.

Германия, однако, в условиях неразрешенного конфликта с Великобританией желала спокойствия в своем восточноевропейском тылу и поэтому никак не могла допустить венгеро-румынской войны. Более того, она стремилась пристегнуть обе противоборствующие стороны к своему внешнеполитическому курсу, сделать и Венгрию, и Румынию младшими партнерами в деле реализации нового порядка в Европе. Под давлением Берлина венгерские и румынские представители сели за стол переговоров, проходивших 16-24 августа в румынском городе Турну-Северине.⁷⁸ Каждая из сторон, прекрасно понимая, что война на востоке Центральной Европы совсем не нужна Берлину, имела свои основания надеяться на то, что германское вмешательство в урегулирование трансильванского спора не ущемит ее интересов. Между тем, в ходе состоявшейся встречи делегации двух стран не могли как следует договориться даже о самом предмете переговоров. Румынская сторона была готова вести разговор, прежде всего, об обмене населением, соглашаясь, правда, уступить западному соседу небольшой пограничный участок в 5-6 тыс. кв. км (из 102 тыс. кв. км, отошедших от королевской Венгрии к Румынии вследствие Трианонского договора). Поскольку в пределах трианонских границ Венгрии не было сколько-нибудь значительного румынского меньшинства, венгры считали возможным говорить об обмене населением лишь после решения территориального вопроса. Их первоначальное требование к румынам вернуть Будапешту около 2/3 утраченных

им в результате первой мировой войны и отошедших именно к Румынии земель (свыше 60 тыс. кв. км) хотя и было несколько умереннее выдвигавшихся ранее по крайней мере частью хортистской элиты притязаний на всю Трансильванию, однако никак не могло найти отклика партнеров по переговорам. И даже снова умерив свои требования (до 48 тыс. кв. км), они не смогли заявить позиции, сколько-нибудь приемлемой для оппонентов. Переговоры, как и ожидалось, зашли в тупик, и румыно-венгерские отношения приобрели еще большую остроту, поскольку представители обеих сторон заявили, что мирные способы решения спора исчерпаны.⁷⁹

Согласно прогнозам полпредства СССР в Румынии решение по венгеро-румынскому территориальному спору предстояло вынести державам «оси», при этом полпред А.И. Лаврентьев полагал, что оно окажется не в пользу Венгрии. В этом мнении ему помогли укрепиться не только высказывания германского посланника в Бухаресте В.Фабрициуса, постоянно создававшего видимость поддержки Германией румынских требований, и позиция некоторых румынских газет. Решающее значение имел его собственный анализ ситуации. В отличие от своего коллеги Н.Шаронова, который, исходя из незыблемости пакта Молотова-Риббентропа, старался подлаживаться под наиболее оптимистические ожидания Сталина и его окружения относительно перспектив советско-германского союза и вплоть до поздней весны 1941 г. не только в беседах с венграми, но, как правило, и в своих донесениях по возможности отрицал антисоветскую направленность тех или иных внешнеполитических акций Берлина,⁸⁰

⁷⁸ Этому предшествовали проходившие в период 10-27 июля в Мюнхене, Берлине и Риме встречи румынских и венгерских лидеров с Гитлером, Муссолини, Риббентропом, Чиано.

⁷⁹ 17 августа полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов в своем донесении заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову выражал сомнения в благоприятном исходе переговоров (См.: Трансильванский вопрос. С.60). Аналогичного мнения придерживался полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев, отправивший 23 августа информационное письмо наркому В.М. Молотову. (Там же, с. 65).

⁸⁰ См., в частности, записи его бесед с венгерскими политиками, относящиеся к маю 1941 г. (Там же, с. 155), см. также информационное письмо Н.Шаронова В.Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же, с. 160 - 162). Руководствуясь господствовавшей установкой, Шаронов избегал каких-либо выводов даже тогда, когда

Лаврентьев не боялся делать выводов, расходившихся с генеральной линией Кремля. Полпред предполагал, что Германия была более заинтересована в сохранении достаточно мощного и жизнеспособного, целостного румынского государства, поскольку может рассматривать его как потенциальный плацдарм против СССР и стратегический пункт дальнейшей экспансии на Балканы, к черноморским проливам и далее на Ближний Восток.⁸¹ При этом Берлин не мог не считаться с тем, что перед лицом территориальных притязаний трех соседних государств (СССР, Венгрии и Болгарии), стремившихся вернуть утраченные в 1918-1920 гг. земли, Румыния еще несколько лет назад, при министре иностранных дел Н.Титулеску, придерживалась, как уже отмечалось, последовательно профранцузских ориентаций, воспринимая Францию и отчасти Англию в качестве главных гарантов своей целостности; настроения в пользу держав-противников Германии были достаточно сильны в ней среди политической элиты и летом 1940 г., даже после поражения Франции. Все-таки с падением Парижа она лишилась своего традиционного покровителя, возникшие в этих условиях новые осложнения по территориальному вопросу с Венгрией, а также с Болгарией, по справедливому замечанию полпредства, «увеличили растерянность правительства и, несомненно, усилили его зависимость от Германского правительства».⁸² Но для того, чтобы

сообщал о передвижениях германских войск вблизи советских границ (в Словакии, а также через Венгрию в Румынию), о переброске военной техники, и приводил открытые заявления германских офицеров о том, что они идут воевать с Советами. (Там же).

⁸¹ См. его донесения. (Там же, с. 66 - 67, 93). Еще в июльском своем донесении Молотову Лаврентьев прогнозировал усилия Германии и Италии по сколачиванию на Балканах такого блока, который можно было бы использовать против СССР. Это предполагало переориентацию Турции, Греции и Югославии в германо-итальянском направлении, что было делом очень не простым. (Там же, с. 53).

⁸² Там же. Первым шагом в процессе установления контроля «третьего рейха» над Румынией стало заключение еще в марте 1939 г. кабального экономического договора с Германией. В июле 1940 г. советское полпредство имело уже все основания прийти к выводу о том, что внешнеполитическая ориентация Румынии на «ось» четко выражена. 4 июля было

решительно вытеснить антинемецкие настроения и вообще укрепить позиции Румынии как плацдарма для осуществления германских стратегических планов, Берлину, по мнению Лаврентьева, необходимо было поддержать позицию румын в их территориальном споре с Венгрией.

Румынская пресса, особенно прогерманской ориентации, в своих прогнозах исходила из того, что участие Германии в арбитраже по трансильванскому вопросу негативно скажется на престиже «третьего рейха». Ее комментаторы полагали, что Германия не захочет своим вмешательством создавать ситуацию, которая могла бы вызвать недовольство в обеих странах, что не явилось бы залогом мирных отношений в регионе в будущем, а значит и спокойствия в ее тылу.⁸³ Германские официальные лица, работавшие в Бухаресте, включая самого посланника, давали основания для таких предположений, поскольку решительно заверяли, что «третий рейх» не станет арбитром в венгеро-румынском споре.⁸⁴ 25 августа немецкоязычная газета «Букарестер Тагеблат» опубликовала статью, смысл которой заключался в том, что совсем не в интересах Германии разрубать гордиев узел, который завязали Лига наций и страны-победительницы в первой мировой войне, поскольку ей не пристало брать на себя ответственность за положение на юго-востоке Европы, сложившееся отнюдь не по ее вине.

Все эти прогнозы оказались, однако, совершенно неверными. Вожди «третьего рейха» после капитуляции Франции

образовано последовательно прогерманское правительство И.Джигурту. В связи с выходом Румынии из Лиги наций ее министр иностранных дел М.Манойлеску заявил, что румыны «твердо решили порвать с прошлым и создать между румынским и германским народами отношения дружеского сотрудничества». (Цит. по письму А.Лаврентьева В.Молотову от 30 июля 1940 г. Там же, с. 52). В декларации о политике «искренного включения в систему, созданную осью Берлин-Рим», говорилось, что такой курс является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии, отражающей чувства нации.

⁸³ См. обзор прессы, подготовленный полпредством СССР в Румынии: там же, с. 68 - 69.

⁸⁴ См. информационное письмо А.Лаврентьева В.Молотову от 17 сентября 1940 г.: Там же, с. 91.

чувствовали себя настолько уверенно, что не побоялись лишней раз взять на себя миссию устроителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении, они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон.⁸⁵

30 августа 1940 г. в венском дворце Хофбург представители Германии и Италии приняли решение, потребовав в ультимативной форме его строгого исполнения от обеих спорящих сторон. Территория Северной Трансильвании площадью 43 тыс. кв. км передавалась Венгрии и в течение 14 дней ее должны были оставить румынские войска. Румынские граждане, проживающие на этой территории, автоматически переходили в венгерское подданство, а нежелающие получали право в течение 6 месяцев ходатайствовать об оптации в румынское гражданство.⁸⁶ В случае каких-либо трудностей при проведении в жизнь этого решения обе стороны предоставляли германскому и итальянскому правительствам право урегулирования спорных проблем. В соответствии с санкцией стран-арбитров как Венгрия, так и Румыния обязались гарантировать равноправие своих национальных меньшинств.⁸⁷ 5 сентября началось вступление венгерских войск в Северную Трансильванию почти по всей протяженности старой границы. Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: адмирал Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Коложвару (Клужу), его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

В день арбитража, 30 августа, Риббентроп провел в Вене пресс-конференцию. Венский

арбитраж, по его словам, снова доказал, что в противовес английской политике, направленной на создание очага войны в Дунайском бассейне, «государства оси в состоянии, в сотрудничестве с дунайскими государствами, воспрепятствовать расширению войны в этом районе». Принятое обеими заинтересованными сторонами третейское решение якобы вело к окончательному урегулированию последнего спорного территориального вопроса в Дунайском регионе.⁸⁸ Итальянская сторона также была склонна видеть смысл арбитража в нераспространении конфликта.⁸⁹ Как Риббентроп, так и Чиано, выступая от имени своих правительств, заявили также о том, что Германия и Италия в условиях общеевропейской войны гарантируют целостность и неприкосновенность румынского государства в его новых (урезанных) границах и готовы представить на этот счет соответствующие письменные подтверждения. В этих словах содержался явный намек на возможность нового советского наступления на Румынию, перед лицом которого она действительно нуждалась в германо-итальянских гарантиях. Декларации министров держав «оси» были призваны убедить румынское общественное мнение в том, что страна избежит участи Польши и Чехословакии.

Будучи опубликованными в румынской прессе утром 31 августа, заявления германского и итальянского министров иностранных дел не могли, однако, подействовать на румынское общество успокаивающе даже в той своей части, где речь шла о гарантиях, ибо слишком велик был контраст между широко распространенными иллюзиями и реальным результатом арбитража. Как отмечала в те дни газета «Тимпул», «перед венским приговором румынский народ окаменел от боли и разочарования». От обещаний румынских

⁸⁵ При этом, как замечал Лаврентьев в письме Молотову от 17 сентября, в дни, предшествовавшие арбитражу, германская и итальянская дипломатия попыталась замаскировать его подготовку, чтобы потом утверждать, что выступила в качестве третейских судей лишь под давлением крайних обстоятельств. (Там же, с. 92).

⁸⁶ В течение следующего, 1941 года они могли покинуть Северную Трансильванию, вывезя свое движимое и продав недвижимое имущество.

⁸⁷ Текст третейского решения см.: Известия, 1 сентября 1940 г.; Трансильванский вопрос, с. 198 - 199.

⁸⁸ Там же, с. 82.

⁸⁹ Как заявил в тот же день, 30 августа, на пресс-конференции Чиано, «Германия и Италия выполнили свою миссию, которая заключалась в том, чтобы не распространить конфликта, в котором они теперь находятся, на страны Юго-Восточной Европы, к чему упорно стремились наши враги». (Там же).

лидеров до приговора, вынесенного Риббентропом и Чиано, «такое расстояние, которого ни один румын не мог себе даже представить в воображении».⁹⁰

Когда арбитраж вопреки ожиданиям все-таки состоялся, румынским прогермански настроенным политикам пришлось прилагать немало умственной эквилибристики, дабы объяснить и оправдать произошедшее, затушевав несоответствие между прежними прогнозами и действительной картиной событий. Делая хорошую мину при плохой игре, они вслед за Риббентропом и Чиано утверждали (возможно, не без некоторых оснований⁹¹), что позитивным следствием арбитража стали германские гарантии сохранения румынского государства в условиях продолжающегося передела Европы. Так, газета «Букарестер тагеблат» в духе прежней своей безудержной апологетики «третьего рейха» отмечала, что «только благодаря нашей разумности в последний момент мы заслужили эту великую честь» и «фюрер простер свою оберегающую руку над румынским народом, получившим, таким образом, честь принадлежать к семье благородных европейских народов».⁹² Эта точка зрения далеко не всем в Румынии казалась убедительной, скептицизм огромной части общественного мнения нашел выражение и в прессе, вопреки все ужесточавшемуся контролю цензуры. Газета «Универсул» в статье, которая долго не могла выйти из-за цензурных препон, замечала: «страна должна знать, каковы те угрозы, которые ставили в опасность существование государства, если бы не был принят арбитраж».⁹³

Румынские официальные лица, причастные к принятию важнейших государственных решений, в свою очередь понимали, что общественное мнение ждет от них объяснений в связи с согласием принять ультиматум держав «оси». 31 августа Румынское телеграфное агентство опубликовало официальное сообщение, согласно которому Венская конференция «протекала при таких обстоятельствах, что Румыния должна была делать выбор между спасением политического существования нашего государства и возможностью его исчезновения». Угроза войны со стороны противников, отмечалось далее, повлияла на то, что правительство приняло решение в кратчайший срок.⁹⁴ Руководитель румынской делегации на переговорах в Турну-Северине В.Поп комментировал события следующим образом: «на одной чашке весов стояла Румыния, уменьшенная территориально и этнически, но зато с новой границей, гарантированной от кого угодно без оговорок и двусмысленности самыми сильными в мире военными державами. На другой чашке весов была бесполезность борьбы не на жизнь, а на смерть... Какой выбор можно было сделать перед этой альтернативой?».⁹⁵ Источник угрозы в публичных заявлениях старались не конкретизировать. Опасность нападения со стороны Венгрии хотя и представлялась достаточно реальной, но не могла считаться достаточным основанием для принятия столь жестких ультимативных требований. По просочившимся в полпредство сведениям, на заседании коронного совета, где обсуждался ультиматум стран-арбитров, приводились ссылки на предупреждение германской стороны о том, что если Румыния не примет предложенных ей условий, то подвергнется нападению со стороны, как Венгрии, так и СССР.⁹⁶ Едва ли не единственным, кто в прессе открыто указал на реальную угрозу захвата Молдовы Советским Союзом в случае, если не будут приняты условия Германии, явился крупнейший румынский ученый-историк и влиятельный политик право-

⁹⁰ Цит. по обзору румынской прессы: там же, с. 70.

⁹¹ Вопрос о том, в какой мере слухи о новом советском наступлении на Румынию имели под собой реальные основания, остается открытым, пока историки не получили доступа к соответствующим архивным документам. Можно предполагать, что стремление перехватить инициативу у Германии на балканском направлении не могло перевесить опасений разрыва союзнических отношений с «третьим рейхом» в условиях, когда СССР не был готов к войне.

⁹² Цит. по обзору румынской прессы: Трансильванский вопрос, с. 72.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, с. 82.

⁹⁵ Там же, с. 92.

⁹⁶ Там же.

националистического толка Н.Йорга.⁹⁷ Полпред А.Лаврентьев, с крайним возмущением отреагировавший на откровения «выживающего из ума старца» Йорги, сделал вместе с тем предположение, что слухи об опасности, исходящей от СССР, якобы претендующего на Молдову и Северную Добруджу (в то время как Венгрия продолжает добиваться Южной Трансильвании и Баната), распространялись немецкой и итальянской дипломатией, чтобы создать видимость экстраординарных условий, в которых состоялся венский арбитраж.⁹⁸

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что согласие принять условия венского арбитража действительно было дано Румынией в обстановке резкого обострения советско-румынских отношений, связанного с пограничными инцидентами. 29 августа зам. наркома иностранных дел СССР В.Деканозов вручил румынскому посланнику Г.Гафенку (бывшему министру иностранных дел) ноту в связи с нарушением советской границы румынскими самолетами. Возложив на румынскую сторону всю ответственность за возможные последствия этих действий, Советское правительство включило в официальную ноту пассаж, который не мог не быть воспринят в Бухаресте как прямая угроза: «Правда, на советской стороне нет еще жертв, но если эти жертвы будут, то дело может приобрести серьезный характер».⁹⁹ С

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ См. его донесения: там же, с. 71, 93.

⁹⁹ См. там же, с. 73 - 75. В ответном письме, врученным румынским послом Деканозову 30 августа, утверждалось, что ответственность за перечисленные в советской дипломатической ноте инциденты, явившиеся следствием «состояния общей нервозности», невозможно возложить исключительно на румынскую сторону. (Там же, с. 75 - 77). В вербальной ноте от 13 сентября, направленной с румынской стороны после тщательного расследования произошедших инцидентов, оспаривались некоторые факты, указанные в советской ноте. В желании не пренебрегать ничем, чтобы сохранить с СССР добрососедские отношения, румынское правительство запретило, начиная с 1 сентября, любые полеты в районе, прилегающем к демаркационной линии между Румынией и СССР. Кроме того, во избежание инцидентов Генштаб румынских войск запретил пограничникам пользоваться оружием за исключением явных нарушений румынской территории. (Там же, с. 87 - 91).

другой стороны, Берлин вполне мог поделиться с Бухарестом достоверной информацией о реальных планах СССР по захвату Южной Буковины, ставших летом 1940 г. предметом обсуждения в ходе контактов советской и германской дипломатии, и это также не могло не напугать румынских лидеров.

Второй венский арбитраж и особенно заявление о гарантиях целостности Румынии в ее урезанных границах, став очередным наглядным подтверждением возросшей военно-политической мощи «третьего рейха», вызвали крайне негативный отклик как во враждебном Лондоне,¹⁰⁰ так и в «дружественной» Москве. В последней - не только в силу вызывающего нежелания Берлина считаться с мнением Кремля, когда дело касалось непосредственного соседа СССР, но и потому, что в акции Германии (и Италии) вполне распознали ход, сознательно направленный на противодействие дальнейшей советской экспансии на Балканы. 31 августа Молотов заявил послу Ф. фон Шуленбургу о том, что германское правительство нарушило статью 3 договора от 23 августа 1939 г., где стороны обязались консультироваться по вопросам, интересующим каждую из них; причем в Берлине не сочли нужным проконсультироваться с Москвой в вопросе, который самым прямым образом затрагивает интересы СССР, поскольку речь идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах.¹⁰¹ Германия лишь поставила СССР в известность об уже свершившихся

¹⁰⁰ Премьер-министр У.Черчилль, выступая 30 сентября в Палате общин, говорил о том, что территория Румынии подверглась «жестокому изуродованию». «Мы никоим образом, - продолжал он, - не намерены признавать те территориальные изменения, которые произойдут во время войны, если только они не являются следствием свободного согласия и дружеского договора между заинтересованными странами». (Там же, с. 376). 5 сентября аналогичную точку зрения высказал министр иностранных дел лорд Галифакс. (Там же, с. 320). Официальная позиция США была выражена лишь в заявлении госдепартамента, сделанном почти через 2 года, 27 июля 1942 г., о том, что США не признают ни одного территориального изменения, навязанного путем насилия. (Там же).

¹⁰¹ Граница СССР с Венгрией была установлена с оккупацией последней Закарпатской Украины в 1939 г.

фактах. Шуленбург объяснил отсутствие консультаций только большой поспешностью в решении трансильванского вопроса.¹⁰² Тема была продолжена в ходе встречи 9 сентября, когда Шуленбург вручил Молотову ответное письмо своего правительства на заявление советского наркома, сделанное германскому послу 31 августа. Германская сторона, категорически отвергая возможность злого умысла, пыталась объяснить источник возникшего недоразумения тем, что в Берлине якобы не ожидали столь большой заинтересованности СССР в трансильванском вопросе. Молотов в свою очередь напомнил о том, что советское правительство заблаговременно информировало германское правительство относительно своих действий в Прибалтике, Бессарабии и Буковине. Более того, идя навстречу пожеланиям Германии, оно сократило свои претензии к Румынии, ограничив их в отношении Буковины только ее северной частью.¹⁰³ Предоставление Румынии гарантий дальнейшей неприкосновенности Молотов 9 сентября квалифицировал как действие, противоречащее интересам советской стороны (причем германская сторона в июне в принципе, как обратил внимание нарком, не отвергала советских претензий на Южную Буковину, лишь заявляла о несвоевременности советских планов ее аннексии).¹⁰⁴ Таким образом, предоставление Румынии гарантий было воспринято в Москве не только как демонстративное проявление неуважения к СССР, но и как ответ на его конкретные территориальные притязания - в частности, в отношении Южной Буковины.

¹⁰² Трансильванский вопрос, с. 76 - 78. Одновременно Шуленбург заверил Молотова в дружественных отношениях Германии с СССР, что проявилось, в частности, в предельно быстром информировании Москвы о принятом в Вене решении.

¹⁰³ Правда, советское правительство перед осуществлением своей акции в отношении Румынии выразило надежду, что вопрос о Южной Буковине не является закрытым и к нему можно будет вернуться при соответствующих условиях.

¹⁰⁴ Предпринятый наркомом экскурс в советско-германскую дискуссию относительно судеб Буковины в дни, предшествующие «освободительному походу» Красной Армии, не вызвал возражений германского посла. Запись беседы от 9 сентября см.: Трансильванский вопрос, с. 83 - 87.

Независимо от того, насколько серьезную угрозу представлял собой для Румынии в конце августа 1940 г. советский фактор, попытки властей всецело переключить в восточном направлении недовольство результатами арбитража были поначалу не слишком эффективны. Как не всегда удавалось списать ответственность за серьезную внешнеполитическую неудачу на бездарные действия прежних, англо- и франкофильски настроенных правительств. В сентябре происходят нападения на здания германских и итальянских посольских и консульских учреждений. В Клуже создается комитет сопротивления, призывавший саботировать требования арбитров. Даже в условиях ужесточения диктатуры после отречения короля Кароля II и прихода к власти генерала И.Антонеску 5-6 сентября антигерманские настроения находили открытое проявление, их усилению способствовала целенаправленная деятельность влиятельнейших лидеров оппозиционных «исторических» партий Ю.Маниу, Д.Братиану и др.¹⁰⁵ Резкой критике

¹⁰⁵ Разочарование не только масс, но и политической элиты в результатах арбитража было тем сильнее, что некоторые группировки, не слишком веря в англо-французские гарантии версальских границ, с середины 1930-х годов ориентировались на фашистскую Германию именно как на более надежный, по их мнению, потенциальный гарант защиты границ Румынии от опасности венгерского ирредентизма. Под влиянием этих группировок румынское правительство перед войной в качестве перестраховки неоднократно пыталось нащупать возможности для получения гарантий своих границ с Венгрией также и со стороны Германии. Между тем, позиция Берлина была достаточно уклончивой, что нашло отражение в противоречивых заявлениях официальных лиц. Стремясь к включению Румынии в орбиту своего влияния, Германия в то же время опасалась каким-либо неосторожным шагом укрепить позиции проанглийских сил в соседней Венгрии. Аналогично и Италия не могла гарантировать границы Румынии без того, чтобы не потерять опору в Венгрии. Предпринятая ею попытка посредничества между двумя государствами оказалась безрезультатной. Несмотря на отсутствие должных германских гарантий румынских границ, силы, ориентированные на «третий рейх», как уже было отмечено, в 1938-1939 гг. заметно упрочили свои позиции. Наилучшим аргументом в их пользу явился «мюнхенский сговор», вследствие которого союзная с Румынией Чехословакия прекратила свое существование вопреки декларировавшимся на

в обществе подвергается и «отступник латинизма» Муссолини, не пожелавший занять сторону румын в их многовековом споре с Венгрией.¹⁰⁶ Доминировавшим настроениям соответствовало прозвучавшее со страниц отнюдь не англофильской газеты «Курентул» напоминание о том, что задача армии и генералов - мобилизовать нацию на сопротивление.¹⁰⁷ Издатель этой газеты П.Шейкару писал и о том, что Румыния должна собраться с силами и уже весной 1941 г. ей следует начать исправлять «великие оскорбления судьбы».¹⁰⁸ Силы прогерманской ориентации, к осени 1940 г. овладевшие в Румынии всей полнотой власти,¹⁰⁹ не могли не осознавать, что грандиозные территориальные утраты, понесенные нацией в 1940 г., требуют незамедлительной компенсации - без этого правительство быстро утратит ту минимальную общественную поддержку, которая необходима для сохранения хотя бы относительной стабильности в обществе. «Румыния идет до конца с осью, но Румынии нужна справедливость», - таков был лейтмотив выступлений проправительственной прессы во время ноябрьской поездки Антонеску в Рим.¹¹⁰

протяжении двух десятилетий англо-французским гарантиям.

¹⁰⁶ Показательны в этой связи, прозвучавшие в одной из антиправительственных листовок (январь 1941 г.) слова о том, что у Румынии не может быть иных целей в войне, кроме как сражаться с венграми за Трансильванию, дабы восстановить свои границы. (Трансильванский вопрос, с. 130).

¹⁰⁷ Там же, с. 72.

¹⁰⁸ Там же, с. 104.

¹⁰⁹ Полпред А.И. Лаврентьев в информационном письме В.М. Молотову от 20 октября замечал, что листовки, распространяемые сторонниками Маниу и Братиану (о том, что «германофильство - это измена родине», и т.д.), другие проявления недовольства оппозиционеров на данном этапе вряд ли явятся серьезным препятствием для усиления немецкого господства в Румынии. (Там же, с. 106). См. там же тексты листовок: с. 127 - 129, 129 - 131, 132 - 136.

¹¹⁰ Там же, с. 111. Итоги визита прессы назвала обнадеживающими, ибо в результате переговоров были заложены «прочные основы активной политики», которая приведет к значительным результатам в реализации «румынской справедливости» в Дунайском бассейне и к торжеству «латинизма» на Балканах. Что же касается конкретного направления подобного рода активности, то этот вопрос в комментариях, как правило, обходился стороной.

Газета «Универсул» несколькими неделями ранее, по свежим следам арбитража писала о том, что «мир и спокойствие никогда не восстановятся, пока несправедливость не будет исправлена».¹¹¹ Не желая верить в окончательность установлений арбитров, правая румынская пресса выражала убежденность в том, что все произошедшее есть «только временная мера для обеспечения мира в высших интересах на востоке и в центре Европы», и что Румыния, как и Германия, еще возьмет свой реванш.¹¹²

Необходимость компенсации понесенных Румынией утрат в целях умиротворения ее населения осознавалась и в Берлине, тем более, что с подготовкой плана «Барбаросса» эта страна приобретала особенно важное значение в военных планах Германии, выполнение которых требовало от румынского правительства и армии беспрекословного подчинения задачам «третьего рейха». Как и в случае с аннексией Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины, официальные представители Германии не уставали заверять Бухарест в том, что речь идет только о временных уступках. Неблагоприятные для Румынии итоги арбитража хотя и вызвали не слишком долговременный всплеск антинемецких настроений, реально несколько не ослабили, а даже, как это ни парадоксально на первый взгляд, укрепили позиции Германии, поскольку любые надежды на реванш могли быть связаны при существующем в Европе раскладе сил только с «третьим рейхом». Полпредство СССР в своем сентябрьском донесении в НКВД приводило распространявшуюся в политических кругах Бухареста версию о том, что в качестве условия предоставления гарантий Германия потребовала от Румынии скорейшего разрешения на создание ряда военно-стратегических баз вермахта и оккупацию некоторых районов, представляющих особый интерес.¹¹³ Речь шла, в частности, о важном центре добычи и переработки нефти г.Плоешти, который в первую очередь мог стать объектом бомбардировок британской

¹¹¹ Там же, с. 71.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, с. 93.

авиации (как это и произошло в действительности в 1942 г.). Реальные события подтверждали достоверность этих предположений - военное и политическое присутствие Германии в Румынии в последние месяцы 1940 г. заметно усилилось. Как сообщало полпредство в Москву, под видом помощи эвакуирующимся немцам в Северную Добруджу и Южную Буковину были направлены немецкие солдаты, чтобы на освобожденной территории организовать военные зоны.¹¹⁴ Немецкое население, как правило, не выселялось из Румынии, а переселялось по стране таким образом, чтобы составить в отдельных районах компактную массу, что, по замыслу, должно было способствовать усилению германского влияния.¹¹⁵ В Северной Трансильвании, отошедшей к Венгрии, немцы составляли лишь незначительное меньшинство, тогда как в Южной Трансильвании и Банате довольно большую прослойку. Таким образом, в пределах новых границ Румынии заметно возросла доля немецкого населения, требовавшего адекватного политического представительства.¹¹⁶ Значение немецкого фактора во внутривнутриполитической жизни Румынии усилилось на всех уровнях, особенно на местном - в Сибиу, Брашове и ряде других крупных городов немцы заняли ключевые или близкие к ключевым позиции в системе муниципального управления, при этом все более открытой становится связь

немецких общественных движений с посольством Германии. Наконец, при активном участии Германии и Италии началось перевооружение румынской армии в целях оснащения ее более современной боевой техникой, причем большая роль в этом деле принадлежала инструкторам из вермахта.¹¹⁷

Полпредство СССР еще с лета 1940 г. постоянно обращало внимание на усиление прогерманских ориентаций Румынии, что означало не только внешнеполитическое, но и экономическое подчинение страны «третьему рейху».¹¹⁸ В начале сентября оно приходит к выводу о том, что Румыния, рассматриваемая Германией как часть ее «жизненного пространства», окончательно сделалась составной частицей «оси» Берлин-Рим, причем державы «оси» все более открыто и настойчиво занимаются ее превращением «в инструмент для выполнения своих далеко идущих целей»; таким образом, румынская политика по отношению к СССР не может не исходить из общей политики стран «оси» на советском направлении.¹¹⁹ В письме от 20 октября полпред уже имел все основания обратить внимание Москвы на начавшуюся оккупацию Румынии вермахтом, происходящую с согласия ее правительства.¹²⁰ Согласно оценке полпредства, своей политикой в Румынии Германия по-видимому «стремится осуществить, с одной стороны, свои империалистические вождедения - продвинуться к берегам Черного и Средиземного морей, и, с другой стороны, создать военные возможности для борьбы с Советским Союзом».¹²¹ Хотя «третий рейх» закреплял свои позиции на Балканах под флагом нераспространения на этот регион

¹¹⁴ Там же, с. 105.

¹¹⁵ Зав. ближневосточным отделом НКВД Н.В. Новиков в записке зам. наркома В.Г. Деканозову от 21 сентября 1940 г., с которой ознакомились также нарком В.М. Молотов и его первый зам. А.Я. Вышинский, обратил внимание на попытки создания «третьим рейхом» на территории Венгрии, Югославии и Румынии своего рода «германского коридора», что дало бы возможность Гитлеру, опираясь на немецкие фольксбунды в этих странах, оказывать давление на правительства в своих интересах. (См. там же, с. 97 - 98).

¹¹⁶ Есть сведения о том, что германский МИД весной 1941 г. проинформировал венгерских лидеров о рассматриваемых в Берлине проектах создания в Южной Трансильвании и Банате некоего автономного (в составе Румынии) государственного образования со швабским управлением. Эта идея вызвала в Будапеште крайне негативный отклик, поскольку в ней увидели малопреодолимое препятствие для осуществления дальнейших ревизионистских планов Венгрии. (Там же, с. 154).

¹¹⁷ Там же, с. 104.

¹¹⁸ Там же, с. 52.

¹¹⁹ Там же, с. 73. 17 сентября А.Лаврентьев информировал В.Молотова о дальнейшем приспособлении внешней и внутренней политики Румынии к стратегическим интересам Германии, что проявилось среди прочего в решающем влиянии держав «оси» на внутривнутриполитические изменения в Румынии, в частности на отставку короля Кароля и приход к власти Антонеску. По мнению полпреда, Румыния уже «фактически превращается в провинцию Германии». (Там же, с. 96).

¹²⁰ Там же, с. 103.

¹²¹ Там же, с. 104.

конфликта с Великобританией, на самом деле его усилия имели, по мнению полпреда, антисоветскую направленность - А.Лаврентьев, как уже отмечалось, не строил иллюзий относительно долговечности дружеских советско-германских отношений.¹²² При этом нацистская Германия пыталась эксплуатировать в своих интересах реваншистские настроения в Румынии, позаботясь о том, чтобы дать им выход в строго определенном направлении. Если экспансионистские устремления Венгрии она хотела удовлетворить, прежде всего, за счет соседней Румынии, то компенсировать утраты, понесенные другим своим союзником, Румынией, она собиралась, обратив вектор ее экспансии на Восток, против СССР.¹²³ Полпред Лаврентьев уже в октябре 1940 г. высказал предположение, что румынское правительство согласилось пойти на размещение в стране германских войск и перевооружение своей армии, поскольку получило твердое обещание держав «оси» поддержать его усилия по возвращению Бессарабии и Северной Буковины.¹²⁴ Без подобного обещания и его скорейшего выполнения оказалось бы проблематичным сохранение необходимого германо-итальянского влияния в стране.

Как и в Румынии, в соседней Венгрии во второй половине 1940 г. вследствие военных успехов Германии заметно активизировались общественные движения местных немцев, все более настойчиво претендовавшие на приобщение к власти.¹²⁵ Однако там

¹²² Насколько в Москве придавали значение предостережениям полпреда в Бухаресте - предмет самостоятельного исследования. Не углубляясь в детали, заметим лишь: сигналы, свидетельствовавшие о целенаправленном превращении Румынии в военный плацдарм против СССР, не повели к сколько-нибудь существенной корректировке советской политики в отношении «третьего рейха».

¹²³ Как известно, территориальные притязания режима Антонеску не ограничились Бессарабией и Северной Буковиной, распространились на Транснистрию до Южного Буга, города Одессы, Херсон и т.д. Надо сказать, что цели Румынии в войне формулировались весьма туманно и расплывчато.

¹²⁴ Трансильванский вопрос, с. 104.

¹²⁵ По настоянию Германии, в день венского арбитража, 30 августа 1940 г., там же, в Вене, был заключен ее договор с Венгрией о статусе немецкого

правительство Телеки пыталось, насколько возможно, саботировать требования «третьего рейха» по предоставлению им более широкого поля деятельности.¹²⁶ Что же касается результатов арбитража, то если в Румынии они были восприняты как национальная катастрофа, то в Венгрии они вызвали чувство неудовлетворенности в различных слоях общества.¹²⁷ Хортистская политическая и финансово-промышленная элита, не устававшая твердить об исторической целостности Трансильвании и ее единстве как хозяйственного организма, не могла примириться прежде всего с тем, что южная, более развитая в экономическом отношении часть Трансильвании осталась у Румынии, ибо в Берлине совсем не были заинтересованы в ослаблении зависимости Венгрии от германской индустрии.¹²⁸ Хорошо осознавали

национального меньшинства, предоставивший ему заметные привилегии в сравнении с другими нацменьшинствами. Венгерское правительство обязалось не только пойти на создание новых школ, активизировать культурные движения, но и дать гарантии привлечения представителей немецкого меньшинства в органы власти разных уровней, разрешить создание новых общественных организаций.

¹²⁶ Когда застрелившегося в начале апреля 1941 г. графа Телеки сменил на посту премьер-министра прогермански настроенный Л.Бардоши, ситуация изменилась. 1 мая 1941 г. в беседе с советским полпредом Н.Шароновым немецкий посланник О.Эрдманнсдорф на вопрос советского дипломата «относительно старых недоразумений» при проведении в жизнь договора о германском нацменьшинстве ответил, что «в настоящее время в правительстве сопротивления больше не намечается, но в местных самоуправлениях недоразумения еще не исчерпываются». (Трансильванский вопрос, с. 150).

¹²⁷ Как отмечалось в этой связи в справке НКВД, подготовленной в июне 1942 г. референтом 3-го Европейского отдела Б.Гейгером, «территориальное переустройство, произведенное державами осей с 1938 по 1941 год, далеко не удовлетворило притязания венгерского империализма. Венгрия осталась недовольна результатами Первого венского арбитража, ибо она претендует на всю территорию теперешней Словакии как основной части довоенной Венгрии. Венгрия требует присоединения Южной Трансильвании и части Баната, оставленной Вторым венским арбитражем за Румынией». (Там же, с. 172).

¹²⁸ По этому поводу развязывается пропагандистская кампания. 1 мая 1941 г. германский посланник Эрдманнсдорф говорил полпреду Шаронову о том, что получил на днях сборник песен, рекомендуемый для венгерских солдат. В этих песнях содержались призывы к занятию городов Южной Трансильвании. Посланник

в Будапеште и невыгодность новой границы как с военно-стратегической, так и с экономической точки зрения. Вследствие произвольного проведения на карте довольно бессмысленной линии были разрушены издавна сложившиеся экономические связи между районами, перерезаны важнейшие дороги, города отрезаны от пригородов, а, следовательно, часть населения от мест работы, оставшихся в другой стране. К тому же румыны угнали в пределы своих новых границ весь подвижной железнодорожный состав и другие средства передвижения и в результате в Северной Трансильвании со всей остротой встала транспортная проблема. Как не без оснований отмечалось в справке НКВД СССР о Трансильвании, подготовленной уже после войны, в декабре 1945 г., «с экономической точки зрения раздел Трансильвании не удовлетворил Венгрию, так как не дал необходимых ей источников сырья, и совершенно нарушил экономическую жизнь Румынии, разрезав железнодорожные магистрали, оторвав промышленные предприятия от источников сырья и от потребителей».¹²⁹

При этом в Будапеште прекрасно понимали, что размещение в Румынии германских войск и данные Берлином гарантии неприкосновенности откладывают на самый неопределенный срок возможность постановки вопроса о более полном удовлетворении венгерских притязаний и даже о некотором исправлении границ в интересах нормализации хозяйственной жизни отдельных районов, преодоления экономической дестабилизации, которую вызвало непродуманное разрезание

попросил в венгерском МИДе воздержаться от усиленного культивирования антирумынских настроений. (Там же, с. 150).

¹²⁹ Там же, с. 357. В НКВД СССР еще в декабре 1942 г. обращали внимание и на стратегическую невыгодность для Венгрии решения, принятого в Вене: «Важнейшим последствием венского решения для внешнеполитического положения Венгрии явилось усиление влияния Германии в соседних с Венгрией странах Юго-Восточной Европы, начавшегося с вводом германских войск в Румынию осенью 1940 г. Венгрия, таким образом, хотя территориально расширилась, но одновременно очутилась в полном окружении фашистской Германии» (Из справки по трансильванскому вопросу. Там же, с. 190).

провинции на две части «по живому телу» без учета всего комплекса сложившихся связей. В целом в венгерских политических кругах расценивали решение венских арбитров как вынесенное в пользу отнюдь не Венгрии, но Германии, путем разделения Трансильвании на две части создавшей для себя рычаги одновременного воздействия на обе страны. Столь явная зависимость результатов арбитража от внешнеполитических интересов «третьего рейха» не могла не наводить наиболее здравомыслящих хортистских политиков на скептические размышления. Широкую известность в стране приобрели высказывания влиятельнейшего англофильски настроенного консервативного политика, бывшего премьер-министра И.Бетлена о том, что Северную Трансильванию легко было получить, однако труднее ее будет сохранить, ибо немцы никак не хотят допустить образования «Великой Венгрии», способной экономически доминировать на Дунае, а политически кооперироваться с Италией.¹³⁰

Более широкое общественное мнение в Венгрии также неоднозначно отнеслось к результатам арбитража, о чем полпредство СССР сообщало в Москву. Отнюдь не все выражали воодушевление, напротив, «средний человек с улицы» зачастую демонстрировал еще больший скептицизм, чем те, кто делал политику в Будапеште; нередко от него можно было услышать, что к

¹³⁰ Там же, с. 173, 149. Оценивая сложившуюся к 1940 г. ситуацию, Бетлен исходил из того, что в условиях почти полного подчинения режима Муссолини Германии уже не могла иметь никакого эффекта характерная для второй половины 1930-х годов политика балансирования Венгрии между двумя «патронами», позволявшая сохранять определенное поле маневра. Видя в Венгрии не более чем статиста, бывший премьер-министр резонно опасался, что в случае победы Германии ее ждет полная потеря самостоятельности, тогда как в случае поражения - новый Трианон. Поэтому он надеялся на разрыв своей страны с «третьим рейхом». Иностранные дипломаты, с которыми Шаронов встречался в Будапеште, обращали внимание советского полпреда на сильные антигерманские настроения хортистской элиты. Так, югославский посланник говорил ему в марте 1941 г., что «из окружения регента он слышит только анекдоты и насмешки в отношении Италии и выражения недовольства и недружелюбия в отношении Германии, причем передают, что и регент вполне разделяет эти настроения». (Там же, с. 142).

10 млн. бедняков прибавили еще 2,5 млн.¹³¹ Особенно велико было недовольство народа всеобщей мобилизацией, нарушившей нормальную хозяйственную жизнь страны. Весной 1941 г., в напряженном ожидании грядущего столкновения СССР и Германии, сочувствие масс отнюдь не всегда было на стороне «третьего рейха», о чем свидетельствовали носивший характер своего рода политической демонстрации успех советского павильона на международной выставке в Будапеште, факты открытого возмущения населения передвижением по венгерской территории немецких войск в ходе антиюгославской кампании вермахта.¹³²

С присоединением к венгерскому государству Южной Словакии, Закарпатской Украины и особенно Северной Трансильвании возникла проблема национального меньшинства, не актуальная для трианонской Венгрии. С румынской стороны был поставлен вопрос о заключении договора о нацменьшинствах (в Южной Трансильвании и Банате наряду с немцами оставалось, согласно венгерской статистике, до 750 тыс. венгров, тогда как в Северной Трансильвании более 1 млн. румын), однако в Будапеште не были склонны пойти на это. «Всякий договор должен быть построен на принципах взаимности. Какая же может быть взаимность, если мы пригласим румынских депутатов в парламент и епископа в высшую палату, а у румын ни того, ни другого не существует. Вообще это легионерское государство не является пока что стабильным, и заключать договор о нацменьшинстве с таким государством мы не имеем возможности», - говорил в середине октября 1940 г. полпреду Н.Шаронову один из высокопоставленных хортистских чиновников.¹³³

¹³¹ Там же, с. 63, 114.

¹³² См. письмо Н.Шаронова В.Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же, с. 161).

¹³³ Там же. С.100. Декларированные венгерским правительством уступки в пользу немецкого меньшинства стимулировали политически активную часть румынского населения Северной Трансильвании к более настойчивому выдвиганию своих требований - о сохранении румынских школ и т.д. При этом румынские общественные организации края рассчитывали на поддержку официального Бухареста.

Факты указывали на то, что в обеих частях Трансильвании национальный вопрос после венского арбитража приобретал еще большую, чем прежде, остроту. Хортистское правительство заявило об оставлении в силе результатов румынской аграрной реформы. Венгерские магнаты, имевшие до 1920 г. владения в Трансильвании, должны были, таким образом, лишиться надежды на их возвращение.¹³⁴ Правда, вопреки декларациям новые власти все же пошли на частичный пересмотр аграрной реформы в пользу венгерских землевладельцев, что вызвало недовольство румынского населения. В свою очередь, в южной, румынской части Трансильвании правительство Антонеску, чтобы поправить расстроены финансы, дважды после венского арбитража провело конфискацию капиталов, жертвами ее стали прежде всего этнические венгры. Это вызвало в Северной Трансильвании яростную реакцию. Созданная ирредентистами в Коложваре так называемая «венгерская ревизионистская лига» обвиняла Румынию в намеренном экономическом разорении венгерского нацменьшинства.¹³⁵ Уже осенью 1940 г. официальный Бухарест обратился к арбитрам с жалобой на притеснения румынского населения в Северной Трансильвании, в румынской прессе звучали утверждения о том, что арбитрами должны быть надлежащим образом гарантированы не только целостность страны в ее новых границах, но и существование в венгерской Трансильвании такого политического режима, который бы исключал дискриминацию

¹³⁴ Важно заметить, что среди венгерских политиков, представлявших в Будапеште интересы Северной Трансильвании, вообще были довольно сильны настроения в пользу некоторой децентрализации, оставления в силе части румынских законов, неприятия скороспелых, непродуманных реформ в целях скорейшей интеграции этого края в Венгрию. При этом они исходили из того факта, что за годы пребывания в составе Румынии Трансильвания укрепила свой экономический потенциал, а потому к ней нельзя подходить с привычными для консервативной хортистской элиты мерками.

¹³⁵ Эта акция вызвала некоторое неудовольствие и румынской антигерманской оппозиции во главе с Ю.Маниу, в своих листовках обвинявшей Антонеску в «коммунизации» страны. (Трансильванский вопрос, с. 130).

румын, волею третейского суда ставших в августе 1940 г. венгерскими подданными (зафиксированные в решении арбитража обязательства обеспечить равноправие меньшинств оставались во многом на бумаге). Работавшая в ноябре 1940 г. в Коложваре германо-итальянская комиссия по расследованию взаимных венгерско-румынских претензий составила доклад в пользу Румынии, подтверждая ее обвинения против Венгрии и рекомендуя создать постоянную комиссию по урегулированию конфликта между двумя странами.¹³⁶ Все это, однако, мало изменило положение дел: острота национального вопроса в Трансильвании при сохранявшейся крайней напряженности в отношениях двух стран не ослабевала. Опасаясь политической активизации румынского населения, Будапешт не решился даже провести парламентские выборы в Северной Трансильвании, депутаты от этого края вошли в парламент по правительственному назначению. Среди них были немцы (хотя немецкое меньшинство осталось главным образом в Южной Трансильвании), но не было ни одного румына, представляющего интересы 1,2-миллионного меньшинства, наиболее значительного в новых границах Венгрии. Система административного управления, выстраивавшаяся венгерскими властями в Северной Трансильвании, с самого начала отличалась от того, что было в самой Венгрии. Так, правительством назначается Верховный комиссар по делам Северной Трансильвании с широкими полномочиями.

Комментируя все происходящее, германский посланник в Будапеште Эрдманнсдорф цинично заявлял полпреду СССР Шаронову: и венгры, и румыны сильно шумят, «но обе стороны великолепно знают, что решить спорные вопросы вооруженной силой им никто не разрешит».¹³⁷ Анализируя ситуацию, сложившуюся вокруг Трансильвании осенью 1940 г., полпред приходил к справедливому выводу о том, что арбитраж фактически не решил, а только усложнил возможность разрешения

конфликта.¹³⁸ Единственной стороной, сумевшей извлечь несомненную политическую выгоду из результатов венского третейского решения, оказалась в самом деле Германия. Она не только сумела предотвратить назревавший военный конфликт между своими сателлитами, но получила на более долгий срок дополнительные возможности играть в своих интересах на венгерско-румынских противоречиях.¹³⁹ Как отмечалось в одной из отечественных работ по теме нашего исследования, Гитлер, используя национально-территориальный спор между Венгрией и Румынией, венским диктатом прочно привязал обоих своих младших партнеров к колеснице германской военной машины, сократив до минимума свободу их самостоятельного маневра. В то же время он оставил у каждого из них «надежду на то, что берлинский хозяин когда-нибудь в будущем скорректирует в их пользу новые, им же установленные в венском Бельведере границы двух стран. В конечном счете, румыны и

¹³⁸ Там же, с. 114.

¹³⁹ Это хорошо осознавали и в НКВД СССР. В справке по трансильванскому вопросу, подготовленной в декабре 1942 г. референтом Б.Гейгером, отмечалось: «Германия при разделе Трансильвании получила дополнительные средства давления, как на Венгрию, так и на Румынию с тем, чтобы, используя их раздоры и противоречия, держать их постоянно в повиновении» (Там же, с. 190). По мнению Гейгера, новая граница была «преднамеренно и с явным умыслом» проведена таким образом, чтобы она «заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов» - разрыв дорог, раздел частных землевладений и невозможность их обработки в силу жесткого пограничного режима, и т.д. (Там же). С этим последним замечанием, впрочем, трудно согласиться. Германия и Италия, как уже отмечалось, не были заинтересованы в раздувании конфликтов в собственном тылу. Арбитры скорее всего просто не считали нужным вдаваться в детали при демаркации границы, преследуя своей первоочередной целью временное снятие напряженности в отношениях Венгрии и Румынии, чреватой непредсказуемыми и нежелательными для Берлина событиями. Не желая чрезмерного усиления ни одного из своих вассалов, вожди «третьего рейха» в то же время больше заботились о сохранении солидного промышленного потенциала за Румынией, так как в этой стране к осени 1940 г. экономика контролировалась Германией лучше, чем в Венгрии, где политическая и особенно финансовая элита даже после присоединения страны в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту сохраняла мощное проанглийское крыло.

¹³⁶ См. об этом в рабочем дневнике Н.Шаронова: там же, с. 110.

¹³⁷ Там же, с. 101.

венгры в равной мере надеялись получить из рук берлинского диктатора всю Трансильванию».¹⁴⁰ В условиях, когда уже вовсю велась подготовка плана «Барбаросса», это ставило их в еще большую политическую зависимость от Германии, заставляло подчиняться ее требованиям, в том числе относительно посылки войск на Восточный фронт. Таким образом, венгеро-румынские территориальные противоречия сыграли на руку осуществлению военных планов «третьего рейха», способствовали втягиванию обеих стран-антагонистов в войну с СССР. С другой стороны, сохранявшаяся в течение всей войны враждебность двух соседних государств (формально союзнических вплоть до 23 августа 1944 г.) порождала в Наркоминделе СССР в 1942-1943 гг. определенные иллюзии относительно того, что неразрешенный венгеро-румынский территориальный спор станет важным фактором подрыва стабильности внутри блока фашистских государств, приведет, в конце концов, к его развалу.¹⁴¹ Эти иллюзии, однако,

¹⁴⁰ Трансильванский вопрос. Введение Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой, с. 8. В справке 3-го Европейского отдела НКВД СССР «Планы восстановления «исторической Венгрии» в довоенных границах» (июнь 1942 г., автор Б.Я. Гейгер) суть политики Гитлера в регионе характеризовалась следующим образом: «Фашистская Германия держала и держит по сей день вопрос о ревизии договоров в качестве приманки для Венгрии и в качестве орудия вымогательства в отношении стран, против которых направлены территориальные притязания Венгрии. Не подлежит сомнению, что Германия при территориальном переустройстве преследовала цель обеспечить себя союзниками, дать временную добычу своим вассалам, но так, чтобы сохранить собственное господствующее положение и иметь в будущем предлог для пересмотра границ в своих интересах». (Там же, с. 173).

¹⁴¹ Как отмечалось в справке Б.Гейгера по трансильванской проблеме (декабрь 1942 г.), «гитлеровская Германия нагромодила такое столкновение интересов между обеими зависимыми от нее странами, что в будущем это может стать немаловажным фактором, подрывающим основы европейского фашистского блока и господство самой гитлеровской Германии». Страх перед Германией «удерживал до сих пор эти страны от нападения друг на друга и не давал им возможности рассчитаться между собой». Однако лишь до тех пор, пока Германия сумеет «держат в повиновении как Венгрию, так и Румынию, противоречия между этими партнерами по оси не приведут к такому столкновению между ними, которое

основывались на некоторой недооценке военно-политической мощи Германии, ее способности долгое время удерживать в узде обоих своих сателлитов. К тому же маршалу Антонеску удалось обратить взоры значительной части румын на Восток, не то, чтобы заставив забыть их боль утраты, но посулив солидную компенсацию за счет украинских земель (Ситуация стала другой только в августе 1944 г., после решающего изменения соотношения сил на Восточном фронте).

Официальные советско-венгерские отношения после второго венского арбитража не претерпели существенных изменений, продолжая оставаться достаточно безоблачными вплоть до антиюгославской кампании апреля 1941 г., когда советская сторона довольно жестко отреагировала на участие Венгрии в балканской операции вермахта в нарушение имевшегося (подписанного всего за несколько месяцев до этого, в декабре 1940 г.) венгеро-югославского договора о мире и дружбе.¹⁴² Полпредству СССР были известны высказывания графа Чаки в беседах с иностранными дипломатами о том, что «Россия является нашим обеспечением против Германии» (то есть защитой на случай планов аншлюса). При этом министр не забывал, что «немцы отдали нам не всю Трансильванию, тогда как русские признали справедливыми все наши требования».¹⁴³ С одной стороны, предвидя

обусловило бы прорыв европейского блока фашистских агрессоров и сепаратный выход этих стран из войны». (Там же, с. 191 - 192). Другой референт НКВД, Н.Т. Федоров, в справке по Румынии, относящейся к 1943 г., писал: «Обострение румыно-венгерских противоречий из-за Трансильвании имеет первостепенное политическое значение. Эти противоречия в ходе Второй мировой войны еще не раз проявят себя и при известных условиях смогут стать одним из факторов развала гитлеровского блока». (Там же, с. 219).

¹⁴² Первый зам. наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский имел по этому поводу беседу с венгерским посланником. Вследствие антиюгославской кампании в Будапеште, согласно донесениям посольства, широко распространились слухи о концентрации Красной Армии в Карпатах, вблизи венгерской границы, причем обеспокоенность состоянием советско-венгерских отношений проявлялась в те дни и в широких массах. (Там же, с. 148, 152).

¹⁴³ Там же, с. 108. С мнением прогермански настроенного министра иностранных дел,

возможность антисоветского поворота в политике «третьего рейха»,¹⁴⁴ венгерские внешнеполитические круги еще менее, чем ранее, были склонны делать длительную ставку на СССР, вопрос о каком-либо договоре с СССР со стороны Будапешта официально не поднимался. С другой стороны, даже после осложнения в начале апреля отношений с СССР у части хортистской элиты сохранялись некоторые надежды на поддержку Советским Союзом их территориальных притязаний и даже на совместную акцию по дальнейшему расчленению Румынии.¹⁴⁵

При том, что в силу объективной мощи «третьего рейха» все более доминирующей в Венгрии становилась прогерманская политическая ориентация, опиравшаяся на растущую экономическую зависимость Будапешта от Берлина, не сжигались и мосты к западным демократиям, что проявилось в

прозвучавшим в конце 1940 г., перекликалась еще более определенная, хотя, как показало будущее, вовсе не бесспорная позиция последовательного англофила графа Бетлена, выраженная в дни апрельской антиюгославской кампании: в случае разрыва с Москвой существование Венгрии может закончиться, страна будет неминуемо раздавлена между двумя колоссами - СССР и Германией. (Там же, с. 161).

¹⁴⁴ К весне 1941 г. такая перспектива обозначилась особенно явно. Словацкий посланник Спишьяк говорил Шаронову 29 апреля: «венгры считают совершенно неизбежным нападение Германии на СССР... в Словакии все в этом также уверены». (Там же, с. 149). Румынский посланник Кругческу 7 мая сказал ему примерно то же самое: «здесь все говорят о неминуемом выступлении Германии против Вас». (Там же, с. 154).

¹⁴⁵ Один из собеседников Шаронова, принадлежавший к крайне правому политическому лагерю, понимал эту совместную акцию следующим образом: «Советский Союз должен получить Молдавию с тем, чтобы после этого акта или одновременно с ним Венгрия могла бы получить и занять Банат». На вопрос полпреда, «действительно ли они думают иметь повторение того положения, когда Венгрия смогла поставить вопрос о Трансильвании только после возвращения Бессарабии к Советскому Союзу», его собеседники заявили, что «это как раз то, что они ожидают» (Запись беседы от 8 мая 1941 г. Там же, с. 156). Шаронов не поставил под сомнение возможность подобной акции, что вызвало негодование в Наркоминделе (Молотов на соответствующем донесении пометил карандашом: «сам подбивает»). См. там же, с. 159. См. также письмо генерального секретаря НКВД СССР А.Соболева Н.Шаронову от 21 июня 1941 г. Там же, с. 163 - 164).

сохранении сильных позиций группы И.Бетлена. Ведя двойную игру, хортистская элита во главе с графом П.Телеки пыталась на случай поражения Германии заручиться доказательствами вынужденности своих внешнеполитических шагов, сделанных под давлением «третьего рейха».¹⁴⁶ Однако несмотря на стремление сохранить нейтралитет, Венгрия, подчиняясь диктату держав «оси», все более втягивалась в войну, превращаясь в орудие осуществления планов Германии. В своем информационно-аналитическом письме, адресованном НКВД в декабре 1940 г., Шаронов, комментируя заключенный договор о дружбе между Венгрией и Югославией, отмечал, что этот договор явится весьма незначительным препятствием для осуществления Будапештом при поддержке Германии ревизионистских планов в отношении Югославии (в первую очередь, возвращения Воеводины) в случае, если «третий рейх» нападет на Югославию, используя венгерскую территорию для опорных пунктов вермахта.¹⁴⁷ Примерно так оно и произошло в апреле 1941 г.

Инициатива в Дунайском бассейне принадлежала Германии и следующим шагом в ее политике явилась агрессия против Югославии. Хортистская Венгрия, как несколько ранее соседняя легионерская Румыния, окончательно низводится до положения беспомощного сателлита «третьего рейха». Самоубийство премьер-министра графа П. Телеки в начале апреля 1941 г. явилось отчаянным жестом, совсем не воспрепятствовавшим проведению вермахтом балканской операции при непосредственном участии Венгрии в решении германских военных задач.¹⁴⁸ Надвигалась перспектива

¹⁴⁶ Предполагалась, в частности, широкая публикация заявлений о том, что Телеки был вынужден согласиться на германские требования, только подчинившись силе. (Там же, с.157).

¹⁴⁷ Там же, с. 115.

¹⁴⁸ С конца 1930-х годов Венгрия форсировала сближение с Югославией, чтобы парализовать возможность югославо-румынского союза и развязать себе руки для осуществления своих ревизионистских устремлений в отношении Румынии. Поэтому до поры до времени хортистские лидеры предпочитали «забыть» о своих притязаниях на часть югославской территории (в первую очередь, на Воеводину). Так, 5 июля 1940 г. заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил

войны Германии с СССР, и решать вопрос о конкретной функции хортистского режима в реализации планов вермахта на восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней.

Надеясь воспрепятствовать непосредственному участию Венгрии в войне против СССР, В.Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника Криштоффи, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании мировой войны Советский Союз будет поддерживать венгерские требования в отношении Трансильвании.¹⁴⁹ Этот довольно спонтанно возникший дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным - Венгрия твердо сделала выбор в пользу Германии, рассчитывая в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении прежних, дотрианонских границ. На следующий день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявляет войну СССР. Советско-венгерские отношения вступили, таким образом, в принципиально новую полосу своего развития.

Вопрос о дальнейших судьбах Трансильвании утратил актуальность для Москвы вплоть до начала 1944 г., когда явно обозначилась перспектива победы

антифашистской коалиции, что поставило в повестку дня советской политики и дипломатии задачу выработки установок относительно послевоенного переустройства Европы. Однако это уже тема другого исследования.¹⁵⁰

Библиография:

1. Венгры и Европа. Сборник эссе. Составители В.Середа и Й.Горетить. Предисловие и комментарии В.Середы. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 560 с.
2. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 - 1941 гг. М.: Индрик, 1999. 524 с.
3. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 - 1941 гг. Отв. редакторы В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. 524 с.
4. Дараган. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. Санкт-Петербург: Книга по требованию, 1859. 286 с.
5. Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940 - 1946. М.: Индрик, 2008. 240 с.
6. История Венгрии. Т.3. М.: «Наука», 1972.
7. Итоги империалистической войны. Вып. IV. Трианон. М.: Государственное военное изд-во 1926.
8. Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М.: «Наука», 1987. 536 с.
9. Ласло Контлер. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
10. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 - сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2003. 303 с.
11. Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 - июнь 1941 года. В: Война и политика. 1939 - 1941. М.: «Наука», 1999, с. 456 - 471.
12. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 - 1946 гг. Документы российских архивов. М.: РОССПЭН, 2000. 456 с.

Copyright© STICALIN Alexandr, 2012.

полпреду Шаронову о том, что «их возможные требования к Югославии, связанные с Трианонским договором, настолько незначительны, что о них вообще не вспоминается» (Там же, с. 41) 29 апреля 1941 г., после осуществленной операции по разгрому Югославии, тот же Ворнле на запрос Шаронова о мотивах венгерского участия в этой акции довольно резко заявил о том, что Венгрия никогда не отказалась от некоторых территорий, отнесенных решением Трианона к Югославии.

¹⁴⁹ Țălbăr Mihăily. A királyi Romania йs Erdőily, 1944-1947. В: Histryia. Вр., 1994, № 2, 29.old.

¹⁵⁰ См. недавно вышедшую фундаментальную монографию: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940 - 1946. М.: Индрик, 2008.

RUBRICA REVISTEI

**CONSILIUL REDACȚIONAL AL REVISTEI
„REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE”**

**EDITORIAL BOARD OF THE
“MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW
AND INTERNATIONAL RELATIONS”**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
„МОЛДАВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ”**

BURIAN Alexandru,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Președinte al Asociației de Drept Internațional din Republica Moldova (Republica Moldova) – *Redactor-șef*.

BURIAN Alexander,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), President of the Moldavian Association of International Law (The Republic of Moldova) – *Editor in chief*.

БУРИАН Александр Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Президент Молдавской Ассоциации международного права (Республика Молдова) – *Главный редактор*.

CHIRTOACĂ Natalia,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Secretar științific al Institutului de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Secretar științific*.

CHIRTOACA Natalia,

Doctor of Law, Associate Professor, Scientific secretary, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Scientific secretary*.

КИРТОАКЭ Наталия Михайловна,

Кандидат юридических наук, доцент, Ученый секретарь Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Ученый секретарь*.

CHINDÎBALIUC Oleana,

Magistru în relații internaționale, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Republica Moldova) – *Redactor*.

KINDIBALYK Olyana,

Master of international relations, Scientific Fellow, The Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (The Republic of Moldova) – *Editor*.

КИНДЫБАЛЮК Оляна Игоревна,

Магистр международных отношений, научный сотрудник Института истории, государства и права АН Молдовы (Республика Молдова) – *Редактор*.

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor în drept, profesor universitar, Vicerector al Universității Publice din Navarra (Spania) - *Membru al consiliului redacțional.*

ANGEL Jose Luis IRIARTE,
Doctor of Law, Full Professor, Vicerector of The Navarra Public University (Spain) – *Member of editorial board.*

АНХЕЛ Хосе Луис ИРИАРТИ,
Доктор права, профессор, проректор Наваррского публичного университета (Испания) - *Член редакционного совета.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor habilitat în drept, profesor cercetător, Universitatea din Parma (Italia) – *Membru al consiliului redacțional.*

ARHILIUC Victoria,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The University of Parma (Italy) – *Member of editorial board.*

АРХИЛИОК Виктория Нестеровна,
Доктор юридических наук, профессор, Пармский университет (Италия) - *Член редакционного совета.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Federația Rusă) - *Membru al consiliului redacțional.*

ABASHIDZE Aslan,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (Russian Federation) - *Member of editorial board.*

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович,
Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Россия) - *Член редакционного совета.*

BALAN Oleg,
Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Vicerector al Academiei de Administrare Publică pe lângă Președintele Republicii Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BALAN Oleg,
Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Vicerector of The Academy of Public Administration of the Office of The President of The Republic of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

БАЛАН Олег Иванович,
Доктор юридических наук, профессор, Проректор Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BENIUC Valentin,
Doctor habilitat în științe politice, Rector al Institutului de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

BENIUC Valentin,
Doctor Habilitat of Political Science, Rector of The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

БЕНИОК Валентин Анастасьевич,
Доктор политических наук, Ректор Молдавского государственного института международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

BOSHITSKY Iury,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The Kiev University of Law of The National Academy of Science of Ucraina (Ukraine) – *Member of editorial board.*

БОШИЦКИЙ Юрий Ладиславович,

Доктор права, профессор, Ректор Киевского университета права НАН Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

FUEREA Augustin,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

FUEREA Augustin,

Doctor of Law, Full Professor, The University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ФУЕРЕА Августин,

Доктор права, профессор, Бухарестский государственный университет (Румыния) – *Член редакционного совета.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea din Viena (Austria) – *Membru al consiliului redacțional.*

HEINRICH Hans-Georg,

Doctor of Law, Full Professor, The University of Viena (Austria) – *Member of editorial board.*

ХЕЙНДРИЧ Ханс-Георг,

Доктор права, профессор, Венский университет (Австрия) – *Член редакционного совета.*

KAPUSTIN Anatolii,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Președinte al Asociației de Drept Internațional din Federația Rusă (Federația Rusă) – *Membru al consiliului redacțional.*

KAPUSTIN Anatoly,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The Russian Friendship University, President of The Russian Association of International Law (Russian Federation) – *Member of editorial board.*

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич,

Доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Президент Российской ассоциации международного права (Российская Федерация) – *Член редакционного совета.*

MAZILU Dumitru,

Doctor în drept, profesor universitar, Ambasador Extraordinar și Plenipotențiar (ret.), Universitatea „Spiru Haret” din București (România) – *Membru al consiliului redacțional.*

MAZILU Dumitru,

Doctor of Law, Full Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador (ret.), The „Spiru Haret” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

МАЗИЛУ Думитру,

Доктор права, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Университет им. Спиру Харета, Бухарест (Румыния) – *Член редакционного совета.*

NAZARIA Sergiu,

Doctor habilitat în științe politice, conferențiar universitar, Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

NAZARIA Sergei,

Doctor Habilitat of Political Science, Associate professor, The Moldavian State Institute of Foreign Relations (The Republic of Moldova) - *Member of editorial board.*

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович,

Доктор политических наук, доцент, Молдавский государственный институт международных отношений (Республика Молдова) – *Член редакционного совета.*

POPESCU Dumitru,

Doctor în drept, profesor universitar, Universitatea „Titu Maiorescu” din București (România) - *Membru al consiliului redacțional.*

POPESCU Dumitru,

Doctor of Law, Full Professor, The „Titu Maiorescu” University of Bucharest (Romania) – *Member of editorial board.*

ПОПЕСКУ Думитра,

Доктор права, профессор, Бухарестский университет им. Титу Майореску (Румыния) – *Член редакционного совета.*

ROȘCA Alla,

Doctor habilitat în științe politice; profesor universitar, Universitatea din Tulan, New Orleans, Louisiana (SUA) - *Membru al consiliului redacțional.*

ROSCA Alla,

Doctor Habilitat of Political Science, Full Professor, The Tulane University of Louisiana, New Orleans, Louisiana (USA) – *Member of editorial board.*

РОШКА Алла,

Доктор политических наук, профессор, Туланский университет, Луизиана, Нью Орлеан (США) – *Член редакционного совета.*

SEDLEȚCHI Iurie,

Doctor în drept, profesor universitar, Rector al Universității de Studii Europene din Moldova (Republica Moldova) – *Membru al consiliului redacțional.*

SEDLITSCHI Yuri,

Doctor of Law, Full Professor, Rector of The European University of Moldova (The Republic of Moldova) – *Member of editorial board.*

СЕДЛЕЦКИЙ Юрий Николаевич,

Кандидат юрид. наук, профессор, Ректор Европейского университета Молдовы (Республика Молдова) - *Член редакционного совета.*

TIMCENCO Leonid,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Universitatea Națională a Serviciului Fiscal de Stat al Ucrainei (Ucraina) – *Membru al consiliului redacțional.*

TIMCHENKO Leonid,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, The National University of The State Tax Service of Ukraine (Ukraine) – *Member of editorial board.*

ТИМЧЕНКО Леонид Дмитриевич,

Доктор юридических наук, профессор, Национальный университет Государственной налоговой службы Украины (Украина) – *Член редакционного совета.*

DATE DESPRE AUTORI DATES OF AUTHORS СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABASHIDZE Aslan,

Doctor habilitat în drept, profesor universitar, Șef catedră Drept Internațional, Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor, Vice-Președinte al Comisiei ONU pentru drepturile economice, sociale și culturale (Moscova, Federația Rusă)

ABASHIDZE Aslan,

Doctor Habilitat of Law, Full Professor, Head of the Department of International Law, The Peoples' Friendship University of Russia, Deputy Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) - (Moscow, The Russian Federation).

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович,

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, Заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (Москва, Российская Федерация).

BURIAN Cristina,

Doctor în drept, conferențiar universitar interimar, Universitatea de Studii Europene din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

BURIAN Cristina,

Candidate of legal sciences, Acting Associate Professor, European University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

BURIAN Cristina,

Doctor en derecho, Profesor titular interino, Universidad de Estudios Europeos de Moldavia (Chisinau, La República de Moldavia).

БУРИАН Кристина Александровна,

Кандидат юридических наук, и.о. доцента, Европейский университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

BOSÎI Dmitrii,

Magistru în drept, doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al AȘM, judecător instanței judecătorești a or. Cahul (Chișinău, Republica Moldova).

ВОСИИ Дмитрий,

Master in law, PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, judge at the degree of jurisdiction of Cahul city (Kishinev, The Republic of Moldova).

БОСЫЙ Дмитрий Иванович,

Магистр права, аспирант Института истории, государства и права Академии наук Молдовы, судья Судебной инстанции г. Кагул (Кишинев, Республика Молдова).

CARA-RUSNAC Aliona,

Doctor în drept, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

CARA-RUSNAC Aliona,

Candidate of legal sciences, Scientific Fellow, Institute of History, State and Law, Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КАРА-РУСНАК Алена,

Кандидат юридических наук, научный сотрудник, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

CAZAC Octavian,

Magistru în drept, doctorand, Universitatea de Stat din Moldova (Chișinău, Republica Moldova).

CAZAC Octavian,

Master of law, PhD student, The State University of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КАЗАК Октавиан,

Магистр права, аспирант, Государственный университет Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

CIOBANU Ion,

Doctor în drept, lector superior, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți (Bălți, Republica Moldova).

CIOBANU Ion,

Candidate of legal science, university lecturer at Baltzy State University „Alec Russo” (Baltzy, The Republic of Moldova).

ЧОБАНУ Ион,

Кандидат юридических наук, старший преподаватель Бельцкого Государственного Университета им. «Алеку Руссо» (Бельцы, Республика Молдова).

CHIMERCIC Nicolae,

Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

CHIMERCIC Nicolae,

PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИМЕРЧУК Николай,

Аспирант, Институт Истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

SHIRTOACĂ Leonid,

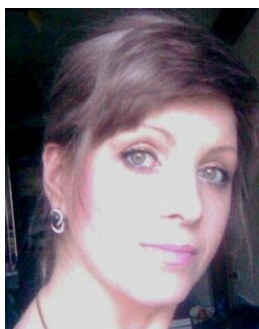
Doctor în drept, conferențiar universitar, cercetător științific, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

SHIRTOACA Leonid,

Candidate of legal sciences, Associate Professor, Institute of History, State and Law of The Academy of Science of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

КИРТОАКЭ Леонид,

Кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник, Институт истории, государства и права АН Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

EDGAROVA Ivanna,

Doctorand, Catedra administrare publică și management a AAP de pe lângă Președintele Ucrainei, Șef secție Relații internaționale a Universității de Drept din Kiev a Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev, Ucraina).

EDGAROVA Ivanna,

Phd student of The Academy of Public Administration of The Office of The President of Ukraine, Head of The Departament of International Relations of The University of Law of The National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine).

ЕДГАРОВА Иванна Владимировна,

Аспирант кафедры государственного управления и менеджмента НАДУ при Президенте Украины, Заведующая отделом международных связей и грантов Киевского университета права Национальной академии наук Украины (Киев, Украина).

SÂRCU Diana,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea de Drept, Postdoctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

SARCU Diana,

Candidate of legal sciences, Associate professor, Moldova State University, Law Faculty; Post-doctoral student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СЫРКУ Диана,

Кандидат юридических наук, доцент, Молдавский Государственный Университет, факультет права, слушатель пост-докторантуры, Институт Истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

PÎRLOG Vitalie,

Doctorand, Institutul de Istorie, Stat și Drept, Academia de Științe a Moldovei, Președintele Alianței pentru Justiție și Drepturile Omului (Chișinău, Republica Moldova).

PIRLOG Vitalie,

PhD student, Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova, the President of the Alliance for Justice and Human Rights (Kishinev, The Republic of Moldova).

ПЫРЛОГ Виталие,

Аспирант, Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, Президент Альянса за юстицию и права человека (Кишинев, Республика Молдова).

ROȘCA Valentin,

Magistru în drept, doctorand, Universitatea de Stat din Moldova, Lector (Chișinău, Republica Moldova).

ROSCA Valentin,

Master in law, PhD, the Moldova State University, lecture (Kishinev, The Republic of Moldova).

РОШКА Валентин – Магистр права, аспирант, Государственный университет Молдовы, преподаватель (Кишинев, Республика Молдова).

SOLNȚEV Alexandr,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Catedrei de Drept Internațional al Universității Ruse de Prietenie a Popoarelor (Moscova, Federația Rusă).

SOLNTSEV Alexandr,

Candidate of legal science, associate professor, Deputy Head of the department of International Law, PFUR, The Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович,

Кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

SOSNA Boris,

Doctor în drept, cercetător științific superior, Institutul de Istorie, Stat și Drept, Academia de Științe a Moldovei (Chișinău, Republica Moldova).

SOSNA Boris,

Candidate of legal sciences, senior research Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences of Moldova (Kishinev, The Republic of Moldova).

СОСНА Борис Ильич,

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института истории, государства и права Академии наук Молдовы (Кишинев, Республика Молдова).

STICALIN Alexandr,

Doctor în istorie, profesor cercetător, cercetător principal la Institutul de studii Slavone al Academiei Ruse de Științe, secretar executiv al revistei „Slavianovedenie” (Moscova, Federația Rusă).

STIKALIN Alexander,

Candidate of historical science, professor, a leading researcher at the Institute of Slavic Studies of The Russian Academy of Sciences, the responsible Secretary of the journal „Slavianovedenie” (Moscow, The Russian Federation).

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич,

Кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН, ответственный секретарь журнала «Славяноведение» (Москва, Российская Федерация).

TARASOVA Ludmila,

Doctor în drept, conferențiar universitar, Șef-adjunct al Departamentului juridic al Academiei Financiar-Juridice din Moscova, postdoctorand la Universitatea Rusă de Prietenie a Popoarelor (Moscova, Federația Rusă).

TARASOVA Liudmila,

Candidate of legal sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Legal Department of the Moscow Financial-Legal Academy, post-doctoral student, The Peoples Friendship University of Russia (Moscow, The Russian Federation).

ТАРАСОВА Людмила Николаевна,

Кандидат юридических наук, доцент, Заместитель начальника юридического отдела Московской финансово-юридической академии, слушатель докторантуры Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация).

CERINȚELE

privind condițiile de prezentare a manuscriselor pentru publicare în „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”

Revista teoretico-științifică „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale” acceptă pentru publicare articole în limbile moldovenească (română), rusă, engleză, spaniolă, franceză, germană (la discreția autorului), care conțin rezultate inedite ale cercetărilor efectuate și care sunt ajustate la „Cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor”.

Consiliul Redacțional acceptă manuscrisul articolului pentru publicare în corespundere cu profilurile ediției („drept” și „științe politice”), cu un volum nu mai mult de 20 de pagini, inclusiv figuri și tabele. Manuscrisul ar trebui să conțină doar materiale originale, efectuat la un înalt nivel științific, reflectând rezultatele cercetării efectuate de către autor, obținute cu cel mult un an înainte de publicare, și care conține un element clar privitor la inovația științifică a cercetării și propria contribuție a autorului. Sunt acceptate pentru publicare materialele care anterior nu au fost publicate în alte ediții și nu au fost destinate pentru publicarea simultană în diverse ediții. Articolele sunt expuse recenzării obligatorii. Pentru doctoranzi (competitori) este obligatorie recenzarea articolelor de către conducătorul științific. Pot fi publicate doar articolele care au primit recenzii pozitive. Pentru publicarea articolelor nu se plătește și nu se încasează taxe.

Cerințele menționate mai sus se aplică tuturor materialelor trimise pentru publicare în adresa revistei. Consiliul Redacțional are dreptul de a nu accepta publicarea materialelor în caz de: a) nerespectarea cerințele privind condițiile de prezentare a manuscriselor articolelor; b) plagiat; c) conținutul articolului este neadecvat cu profilurile revistei.

În cazurile când nu sunt respectate cerințele redacția are dreptul să nu examineze manuscrisul. Consiliul Redacțional își rezervă dreptul de a reduce volumul articolului prezentat (dacă este necesar), expunându-l în versiunea redacției (introducând modificări redacționale, care nu schimbă sensul general al articolului prezentat de autor). Formulările și prezentarea materialelor în articolele publicate nu reprezintă întotdeauna poziția revistei și nu angajează în nici un fel redacția. Aceste materiale se publică în ordine de discuție, în scopul asigurării posibilității de a expune diverse opinii. Responsabilitatea asupra conținutului articolelor, selecției și preciziei faptelor și informației citate revine în exclusivitate autorilor. În același număr al revistei poate fi publicat doar un singur articol al unui autor.

Numărul de autori al unui articol nu poate fi mai mare de două persoane. Autorul (ii) trimite redacției 2 exemplare originale a articolului (semnate de autor) în imprimare pe hârtie și trimite articolul în format electronic prin e-mail la adresa: alexandruburian@yahoo.com.

Volumul articolului nu trebuie să depășească 1,5 c.a. dactilografiate pe hârtie, format A4 (60 de mii de caractere, sau 16-20 de pagini de text), inclusiv figuri, tăblițe, referințe și scheme. Atunci când se plasează referințe bibliografice în limba engleză este necesar de indicat denumirea oficială a surselor (revistelor) în limba engleză.

Pentru a plasa un articol în Revistă este necesar de prezentat următoarele documente: cerere, informațiile despre autor (ia), articolul, fotografia autorului (autorilor) în format JPG, adnotare (abstract, rezumat) în trei limbi (română, rusă și engleză) într-un volum de 200 de cuvinte, cuvinte-cheie (5-7 cuvinte). Adnotarea nu trebuie să conțină referiri la literatura citată, tabele și figuri.

Informația despre autor (i) conține următoarele date: numele, prenumele, patronimicul autorului (autorilor), locul de muncă, funcția, titlul științific, gradul științific, adresa poștală, adresa electronică și numărul de telefon. Numele autorului (autorilor) ar trebui să fie listate sub titlul articolului, în dreapta.

Cerințele tehnice pentru perfectarea manuscrisul pentru publicare:

Titlul articolului nu trebuie să depășească trei linii. Titlul ar trebui să fi dat numai cu majuscule (Times New Roman 16) și centrat. Sursele literare utilizate în articol trebuie prezentate într-o singură listă la sfârșitul textului (bibliografie), în conformitate cu **Anexa 2**. Referirile la literatura de specialitate

menționate în text sunt obligatorii, trebuie să fie plasate în partea de jos a fiecărei pagini a textului și necesită să fie perfectate în conformitate cu **Anexa 1**. Referirile la sursele externe sunt prezentate într-o limbă străină și sunt urmate, în cazul traducerii în română și rusă, cu indicație privitor la traducere. Numerotarea referirilor la sursele literare este dată în ordinea menționată în text. Trimiteri la lucrări nepublicate nu sunt permise. Lista bibliografică (de la sfârșitul textului) este dată în ordine alfabetică în funcție de prima literă a prenumelui autorului (autorilor).

Acronimele și abrevierile trebuie să fie descifrate la prima mențiune în textul articolului. În textele în limba română, engleză, franceză, spaniolă și germană se utilizează ghilimele germane („ ”), în textele în limba rusă se utilizează ghilimelele franceze (« »).

Parametrii paginii:

Documentul trebuie salvat în MS Word, formatul de pagină A 4, marginile paginii: sus și jos - 2 cm, dreapta - 1,5 cm, stânga - 3 cm, Font - Times New Roman; Dimensiune font - 12, spațiere - 1,5. Aliniere pe lățime, un spațiu la stânga - 1,5. Numerotarea paginilor este consecutivă, secvențială, în partea de jos a paginii, pe centru.

Redactarea textului:

Despărțirea manuală în silabe a cuvintelor (transferul din rând în rând) este inacceptabilă. Figurile și tablele trebuie să fie numerotate, să aibă denumire, legendă și subiect. Titlurile lor și trebuie să fie prezentate în text după alineatul care conține un link de referință la ele.

Exemplarele autorului:

Fiecare autor al articolului obține doar un număr al revistei, indiferent de numărul de autori.

Colegiul Redacțional

Anexa 1

Exemple de referințe bibliografice:

Referințele (citatele) de la sfârșitul fiecărei pagini trebuie să conțină semnele de punctuație și să urmeze aceleași reguli ca și plasarea lor în descrierea bibliografică.

Dacă textul nu este citat de o sursa originală, dar de un alt document, atunci se utilizează următoarele cuvinte la început de referință: citat de: (citând sursele împrumutate):

Exemplu:	Citat de: Dumitru Mazilu. Drept diplomatic. București: Editura Lumina Lex, 2003, p. 115. Citat de: Alexandru Burian. Drept diplomatic și consular. Chișinău: Editura ARC, 2003, p. 154.
----------	--

La amenajarea secvențială a referințelor (citadelor) primare și repetate se utilizează termenul "Ibid." sau ("Ibidem"):

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Ibid., p. 47 sau Ibidem., p. 47.

La amenajarea nesecvențială a referințelor (citadelor) primare și repetate, când referințele urmează nu concomitent una după alta, se utilizează termenul *Op. cit.* (opus citato) și este prezentat folosind caractere cursive:

Referință primară	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea unei Mari Puteri în politică. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
Referință repetată	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Exemple de „Listă bibliografică” (bibliografie):

Lista bibliografică este plasată după textul articolului cu titulatura „Bibliografie”. Toate link-urile din listă sunt numerotate secvențial și sunt aranjate în ordine alfabetică.

Descrierea unei cărți cu un singur autor:

Exemplu	Jeffrey Mankoff. Politicii externe Ruse: întoarcerea de mare putere politica. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. XII + 359 p.
---------	---

Descrierea unei cărți cu trei sau mai mulți autori:

Exemplu	David G. Victor... [et al.]. Gaze naturale și geopolitică: din 1970 pînă în 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

Descrierea unui articol publicat într-o revistă:

Este necesar de a indica numele autorului articolului, denumirea articolului, denumirea revistei, anul, numărul ediției sau volumul, numărul paginei de la începutul și sfârșitul articolului.

Exemplu	Serghei Lavrov. Rusia și lumea în secolul XXI. În: Rusia în afacerile globale. Iulie-septembrie 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 - 18.
---------	---

Descrierea unei teze de doctorat:

Exemplu	Vladislav Boiko. Securitatea energetică în contextul globalizării. Teză de doctor în științe politice. Moscova, 2012. 250 p.
---------	--

Descrierea unui autoreferat a tezei de doctorat:

Exemplu	Yuri Jukov. Centrismul politic în Rusia. Autoreferatul tezei... candidat în științe politice. Sankt-Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Descrierea publicațiilor științifice electronice:

Pentru surse de electronice, trebuie să specificați practic aceleași informații ca pentru reviste: autorul, titlul, numele site-ului (sau secțiune a site-ului) și URL-ul. Articolul ar trebui să conțină noțiunea [On-line]; informații la data de partajare pe rețeaua electronică (după fraza „Vizitat la:” indica data, luna și anul): (Vizitat la: 03.02.2012).

Exemplu	Burian Alexandru, Gurin Corina. Procesul decizional în politica externă și influența lui asupra negocierilor. În: Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale. 2011, nr. 4, p. 39 - 55. [On-line]: http://www.rmdir.md/pdf/RMDIRI20114.p.df/ . (Vizitat la: 07.09.2012).
---------	---

REQUIREMENTS **to papers for publication in the** **„Moldavian Journal of International Law and International Relations”**

„Moldavian Journal of International Law and International Relations” being a scientific-theoretical journal admits for publication articles in Moldovan (Romanian), Russian, English, Spanish, French, German (optional author) languages, containing the results of original research, designed in accordance with the „Requirements for the articles”.

An Editorial Board of the „Moldavian Journal of International Law and International Relations”, accept manuscript for publication corresponding to the edition profiles, no more than 20 pages, including figures and tables. The manuscript should contain only original material, performed at a high academic level, reflecting the author's research results, completed no more than one year before publication, and containing a clear element of creation of a new knowledge. The materials which earlier were not published and have been not intended to the simultaneous publication in other editions for printing are accepted. Articles are exposed to obligatory reviewing. For post-graduate students (competitors) the review of the supervisor of studies is obligatory. We print only articles which have received only positive reviews. The fee for the publication is not paid.

The rules mentioned above apply to all the material sent to the journal for publication. The Editorial Board has the right not to accept materials to the publication in a case of: a) non-compliance of the paper with the requirements for its publication; b) plagiarism; c) inappropriate content of the presented paper to the journal profiles.

In cases when the requirements are not respected the editorial board has the right not to examine the manuscript. The editors reserve the right to reduce the volume of the article (if it is necessary), exposing it to editorial revision, make editorial (which do not change the general sense) changes in the author's original. Editors can publish materials without sharing author's opinion (in order of discussion). Authors are responsible for the selection and accuracy of the facts, quotes, and other information. Journal will only publish one article per author in each volume of the issue.

The number of authors should not be more than two people. Author (s) sent to the editor two copies of the article (signed by the author both in print and electronic form and send the article in electronic form by e-mail at: alexandruburian@yahoo.com.

The paper shouldn't exceed 1,5 printer's sheet of the typewritten text of format A4 (60 thousand characters, or 16-20 pages of text), including tables, list of references and drawings (schemes). At drafting of bibliographic references in English it is necessary to specify official English-speaking names of journals.

In order to place an article in the journal you should present following documents: an application, information about the author (s), an article, one author (s) photograph in JPG form, annotation provided in three languages (Romanian, Russian and English) in a volume of 200 words, key words (5 - 7 words). Abstract should not contain references to the quoted literature, tables and figures.

Information about the author (s) contains: author's name, affiliation, post a scientific degree, an academic status, mailing address, e-mail address and telephone number Author's name should be listed under the article's title on the right.

Technical requirements to registration of the manuscript for the publication:

Title of the article should not exceed three lines. The title should be given only in capital letters (Times New Roman 16) and centred. Literary sources used in the paper should be submitted in one list at the end (bibliography). Bibliographical list is presented after the text item in accordance with the *Appendix 2*. Footnotes to the literature mentioned in the text are mandatory and must be prepared in the bottom of the page in accordance with the *Appendix 1*. References to the foreign sources are given in a foreign language and are followed in the case of translation into Romanian and Russian indication of the

translation. The numbering of the sources is given in the order mentioned in the text. References to unpublished works are not permitted. The bibliography is given in alphabetic order according to the first letter of authors surnames. Acronyms and abbreviations should be deciphered in a place of the first mention in the text. In text presented in Romanian, English, French, German or Spanish language, German inverted commas („pads”) should be used; in text presented in Russian language the French inverted commas («fur-trees») are used.

Page Setup:

The document must be saved in MS Word, A 4 page format, page margins: top and bottom - 2 cm, right - 1.5 cm, left - 3 cm Font - Times New Roman; font size - 12, line spacing - 1,5. Alignment on width, a space at the left - 1,5. Numbering of pages is through, in the bottom of the page, on the centre.

Text drafting:

Using of manual transfer (manual hyphenation) is unacceptable. Figures and tables should have a caption and subject headings and should be presented in the text after the paragraph containing a link to them.

Author's copies:

Each author obtains only one issue of the journal, regardless of the number of authors.

The Editorial Board

Appendix 1

Example of bibliographic footnotes:

Punctuation and prescribed punctuation in citations should follow the same rules as their placement in the bibliographic description.

If the text is not cited by the original source, but by another document, then following words are used: in the beginning of the reference: *Quoted by*, with a reference to the citing sources of borrowed text:

Example:	Quoted by: Ernst Gabriel Frankel. Oil and Security A World Beyond Petroleum. The Netherlands: Springer, 2007, p. 115.
----------	---

«Ibid.» or (Ibidem) are used in the sequential arrangement of primary and repeated references.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 21.
<i>Repeated</i>	Ibid., p. 47.

Op. cit. (opus citato) is used in repeated footnotes containing item to the same document without following the primary reference and is presented using italics.

<i>Primary</i>	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009, p. 217.
<i>Repeated</i>	Jeffrey Mankoff. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Appendix 2

Examples of a bibliography:

Bibliographical list is placed after the text article and is supplied after the notion „Bibliography”. All links in the list are numbered sequentially and are arranged in alphabetical order.

Book with one author:

Example	Jeffrey Mankoff. Russian foreign policy: the return of great power politics. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2009. xii + 359 p.
---------	--

Book with three and more authors:

Example	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
---------	--

The paper from the journal:

Article from a journal should contain following description - author (s), article title, journal name, year, and page number of the beginning and of the end of the article.

Example	Sergei Lavrov. Russia and the World in the 21 st Century. In: Russia in global affairs. July-September 2008, Vol. 6, nr. 3, p. 8 – 18.
---------	--

Dissertation

Example	Vladislav Boiko. Energy security in the context of globalization. Political Science Dissertation. Moscow, 2012. 250 p.
---------	--

A dissertation synopsis:

Example	Yuri Jukov E.H. Political centrism in Russia. Dissertation synopsis ... candidate in political science. Saint Petersburg, 2012. 24 p.
---------	---

Description of the electronic scientific publications:

For electronic sources, you need to specify practically the same information as for journals: author, title, name of the site (or section of the website) and the URL. The item should contain the notion [On-line]; information on the date of the electronic network share (after „Visited on:” indicate the date, month and year): (Visited on: 03.02.2012) is used in referring to the e-resource e-mail address.

Example	Chietigi Bajpae. China’s Quest for Energy Security. In: Power and Interest News Report. February 25, 2005. [On-line]: http://www.pinr.com/ . (Visited on: 07.09.2011).
---------	---

ТРЕБОВАНИЯ

к оформлению статей для публикации в

«Молдавском журнале международного права и международных отношений»

Научно-теоретический журнал «Молдавский журнал Международного права и международных отношений» принимает к публикации статьи на молдавском (румынском), русском, английском, испанском, французском, немецком (по выбору автора) языках, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в соответствии с «Требованиями к оформлению статей».

Редакция «Молдавского журнала международного права и международных отношений» принимает к публикации рукописи, соответствующие профилям издания, не более 20 страниц, включая рисунки и таблицы. Рукопись должна содержать только оригинальный материал, выполненный на высоком научном уровне, отражая результаты исследований автора, завершённых не более чем за год до публикации и содержать очевидный элемент создания нового знания. К печати принимаются материалы, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Статьи подвергаются обязательному рецензированию. Для аспирантов (соискателей) обязательна рецензия научного руководителя. Печатаются только статьи, получившие положительные рецензии. Гонорар за публикации не выплачивается.

Настоящие правила распространяются на все материалы, направляемые в редакцию журнала для публикации. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае: а) несоблюдения автором правил оформления рукописи; б) выявления элементов плагиата; с) несоответствия материала тематике журнала.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись. Редакция оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергая их редакционной правке, вносить редакционные (не меняющие общего смысла) изменения в авторский оригинал. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения). Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и прочих сведений. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора.

Число авторов статьи не должно быть более двух человек. Автор (ы) присылают в редакцию 2 экземпляра статьи (подписанные автором) в печатном виде и направляют статью в электронном виде по электронной почте по адресу: alexandrurburian@yahoo.com.

Объем статьи не должен превышать 1,5 п. л. машинописного текста формата А4 (60 тыс. знаков, или 16-20 страниц текста), включая таблицы, список литературы и рисунки (схемы). При оформлении библиографических ссылок на английском языке необходимо указывать официальные англоязычные названия журналов.

Для размещения статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию заявку, информацию об авторе (ах), статью, фотографию автора (ов) в формате JPG, аннотацию, представленную на трех языках (румынском, русском, английском) объемом – 200 слов, ключевые слова (5-7 слов). Аннотация не должна содержать ссылок на цитируемую литературу, рисунки, таблицы.

Информация об авторе (ах) содержит: ФИО авторов, место работы, должность, ученую степень, ученое звание, почтовый адрес, электронный адрес и контактный телефон. ФИО автора должно быть указано под названием статьи справа.

Технические требования к оформлению рукописи для публикации:

Название статьи не должно превышать трех строк. Название должно даваться только заглавными буквами (Times New Roman 16) и располагаться по центру. Литературные

источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце (Библиография). Библиографический список приводится после текста статьи в соответствии с **Приложением 2**. Сноски на упомянутую литературу в тексте обязательны и должны быть оформлены внизу страницы в соответствии с **Приложением 1**. Ссылки на иностранные источники даются на иностранном языке и сопровождаются в случае перевода на румынский и русский язык указанием на перевод. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы (библиография) дается в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов. Сокращения и аббревиатуры должны расшифровываться по месту первого упоминания в тексте статьи. В тексте на румынском, английском, французском, испанском языке используется немецкие кавычки („лапки”), в тексте на русском языке используются французские кавычки («ёлочки»).

Параметры страницы:

Документ должен быть сохранён в формате MS Word. Формат страницы А 4; поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое - 1,5 см, левое - 3 см. Шрифт - Times New Roman; кегль - 12; межстрочный интервал - 1,5. Выравнивание по ширине, отступ слева - 1,5. Нумерация страниц – сквозная, внизу страницы, по центру.

Оформление текста:

Использование ручных переносов (manual hyphenation) неприемлемо. Рисунки и таблицы должны иметь нумерационный и тематический заголовки и должны быть представлены в тексте после абзацев, содержащих ссылку на них.

Авторские экземпляры:

Каждому автору полагается один авторский экземпляр номера журнала вне зависимости от количества авторов статьи.

Редакционный совет

Приложение 1

Пример оформления библиографических сносок:

В библиографических сносках расстановка знаков препинания и предписанной пунктуации должна подчиняться тем же правилам, что и расстановка их в библиографическом описании.

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: Цит. по: (цитируется по), Приводится по: , с указанием источника заимствования:

Пример оформления:	Цит. по: Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010, с. 325.
--------------------	---

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок используют слова «Там же» или «Ibid.» (ibidem) для документов на языках, применяющих латинскую графику:

<i>Первичная</i>	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012, с. 27.
<i>Повторная</i>	Там же, с. 47. или Ibid., p. 47.

В повторных сносках, содержащих запись на один и тот же документ, не следующих за первичной ссылкой, приводят заголовок, а основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы заменяют словами «Указ. соч.» (указанное сочинение), «Цит. соч.» (цитируемое сочинение), «Op. cit.» (opus citato):

<i>Первичная</i>	Жинкина Ю.В. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М.: Российский научный фонд, 1995, с. 87.
<i>Повторная</i>	Жинкина Ю.В. Указ. соч., с. 67. или Жинкина Ю.В. <i>Op. cit.</i> , p. 65.

Приложение 2

Примеры оформления списка библиографии:

Библиографический список приводится после текста статьи и следует после слова «Библиография». Все ссылки в списке последовательно нумеруются и располагаются в алфавитном порядке.

Описание книги одного автора:

Пример оформления	Гаджиев К.С. Геополитика. Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 479 с.
-------------------	--

Описание книги четырех и более авторов:

Пример оформления	David G. Victor ... [et al.]. Natural gas and geopolitics: from 1970 to 2040. Cambridge; New York: Cambridge University Press Cambridge University Press, 2006. xxv + 508 p.
-------------------	--

Описание статьи из журнала:

Для статьи из журнала нужно указать автора (ов) статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи.

Пример оформления	Конобеев В.Н. Геостратегия США в Евразии. В: Проблемы управления. 2008, №1 (26), с. 87 – 97.
-------------------	--

Описание диссертаций

Пример оформления	Ганюхина Т.Г. Модификация свойств ПВХ в процессе синтеза: дис. ... канд. хим. наук: 02.00.06. Н. Новгород, 1999. 109 с.
-------------------	---

Описание авторефератов диссертаций:

Пример оформления	Жуков Е.Н. Политический центризм в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 24 с.
-------------------	---

Описание электронных научных изданий:

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [On-line]:, при ссылке на электронный ресурс после электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу (после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год): (Дата посещения: 02.03.2012)

Пример оформления	Китай встает на «правильную сторону истории» в Персидском заливе. В: Мировая политика и ресурсы. [On-line]: http://www.wpr.ru/?p=2591 . (Дата посещения: 07.01.2012).
-------------------	---

REVISTA MOLDOVENEASCĂ DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE

„Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale,, a fost lansată în anul 2006 ca proiecție a unui forum ce promovează valorificarea diferitelor opinii, uneori diametral opuse, cu privire la starea actuală a dreptului internațional și a relațiilor internaționale. Într-o perioadă relativ scurtă, grație revistei, arta dezbaterilor axate pe diverse probleme științifico-practice, purtate pe paginile sale, a cunoscut o ascensiune substanțială. De asemenea, publicația a reușit să creeze și să dezvolte un profil propriu, să devină mai bogată și variată, abordând o arie tematică științifico-analitică complexă.

Aceste calificative reflectă un grad înalt de profesionalism și erudiție, diferite abordări inovaționale în elucidarea temelor dificile, prin care atrage atenția practicienilor cu experiență, precum și a tinerilor cercetători.

Actualmente, publicația este o revistă de concept despre diferite domenii ale dreptului internațional, ultimul devenind un centru de atracție pentru forțele de creație, care a obținut recunoașterea publicului și a creat un colectiv larg de autori. Unul din avantajele importante ale revistei îl constituie faptul că oferă tinerilor cercetători oportunitatea de a se manifesta. Doctoranzii și magiștrii, care abia acumulează experiență în domeniul cercetărilor științifice, dar care doresc să se afirme, își pot face publice opiniile cu privire la diferite probleme actuale din domeniul relațiilor internaționale contemporane și al dreptului internațional.

Publicația conține articole ale specialiștilor de vază din republică și de peste hotare, doctori habilitați și doctori – adepți ai diferitelor viziuni, care tratează și se expun activ pe marginea proceselor ce au loc în viața politică, economică și socială a țării. Spectrul problemelor examinate a devenit extrem de larg. O atenție sporită este acordată elucidării problemelor teoretico-practice din domeniul dreptului internațional și a relațiilor internaționale.

MOLDAVIAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The „Moldavian Journal of International Law and International Relations” was launched in 2006 as an open forum for different, sometimes diametrically opposite points of view on the current state of international law and international relations. In a relatively short period of his life the journal raised an art of scientific and practical discussions to a higher altitude developed its profile, become richer and more varied, designed scientific-analytical subject. In this connection, it differs from high professionalism, erudition, new approaches to disclosing the difficult themes. Consequently, journal attracts both skilled experts, and young researchers.

Today it is a conceptual journal about various fields of international law, which became the centre of attraction of creative forces and managed to find its readers, forming around a wide group of authors. One of the important advantages of the publication is that it provides an opportunity for young authors as – post-graduate students and master’s students, yet not possessing a wide experience of researching, but willing to assert themselves, express their views on topical issues about contemporary international relations and international law.

The journal contains articles of known Moldavian and foreign experts, doctors and candidates of sciences – advocates of different views, who actively illuminate the processes occurring in the political, economic and social life. Spectrum of the issues was as broad as possible. Particular attention is given to coverage of theoretical and practical issues of international law and international relations.

МОЛДАВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Издание «Молдавского журнала международного права и международных отношений» стартовало в 2006 г. как открывая трибуна для различных, подчас диаметрально противоположных точек зрения на современное состояние международного права и международных отношений. За относительно короткий срок своей жизни журнал поднял на большую высоту искусство научно-практических дискуссий, выработал свой профиль, стал более насыщенным и разнообразным, оформил научно-аналитическую тематику, в связи с чем и отличается высоким профессионализмом, эрудицией, инновационными подходами к раскрытию сложных тем, чем привлекает к себе как опытных практиков, так и молодых исследователей.

Сегодня это концептуальный журнал о самых различных сферах международного права, который стал центром притяжения творческих сил и сумел найти своего читателя, сформировав вокруг себя широкий авторский коллектив. Одним из важных достоинств издания является то, что он предоставляет возможность молодым авторам – аспирантам и магистрантам, пока не обладающим большим опытом исследовательской работы, но желающих заявить о себе, высказать свою точку зрения по актуальным вопросам современных международных отношений и международного права.

На страницах нашего журнала публикуются статьи известных молдавских и иностранных специалистов, докторов и кандидатов наук – сторонников разных взглядов, которые активно освещают процессы, происходящие в политической, экономической и социальной жизни страны. Спектр рассматриваемых проблем стал максимально широким. Особое внимание уделяется освещению теоретических и практических вопросов международного права и международных отношений.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

Publicație periodică științifico-teoretică și informațional-practică
fondată de Asociația de Drept Internațional din Republica Moldova

Asociați:

Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei,
Universitatea de Studii Europene din Moldova,
Institutul de Stat de Relații Internaționale din Moldova și
Asociația pentru Politică Externă și Cooperare Internațională din Republica Moldova

Acreditată prin Hotărârea CSȘDT al AȘM și C.N.A.A.
în calitate de publicație științifică de profil la specialitățile:
12.00.10 – drept internațional public (*profilul drept*)
și 23.00.04 – teoria și istoria relațiilor internaționale
și dezvoltării globale (*profilul științe politice*)

ISSN 1857-1999

Indexul: RM 32028

Apare de 4 ori pe an

Nr. 3 (25), 2012

© „Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale”, 2012.

**REVISTA MOLDOVENEASCĂ
DE DREPT INTERNAȚIONAL
ȘI RELAȚII INTERNAȚIONALE**

www.rmdir.md

Bun de tipar 25.09.2012.

Format A4

Coli de tipar 18,16. Coli editoriale 18,20.

Tipar *Riso*. Hârtie ofset. Garnitura *Times New Roman*

Comanda _____. Tirajul 200 ex.

ELAN POLIGRAF S.R.L., S.C.

str. Mesager, 7 MD-2069 mun. Chisinau
(+373-22) fax: 746500; tel: 746503; 745800

info@elan.md

www.elan.md